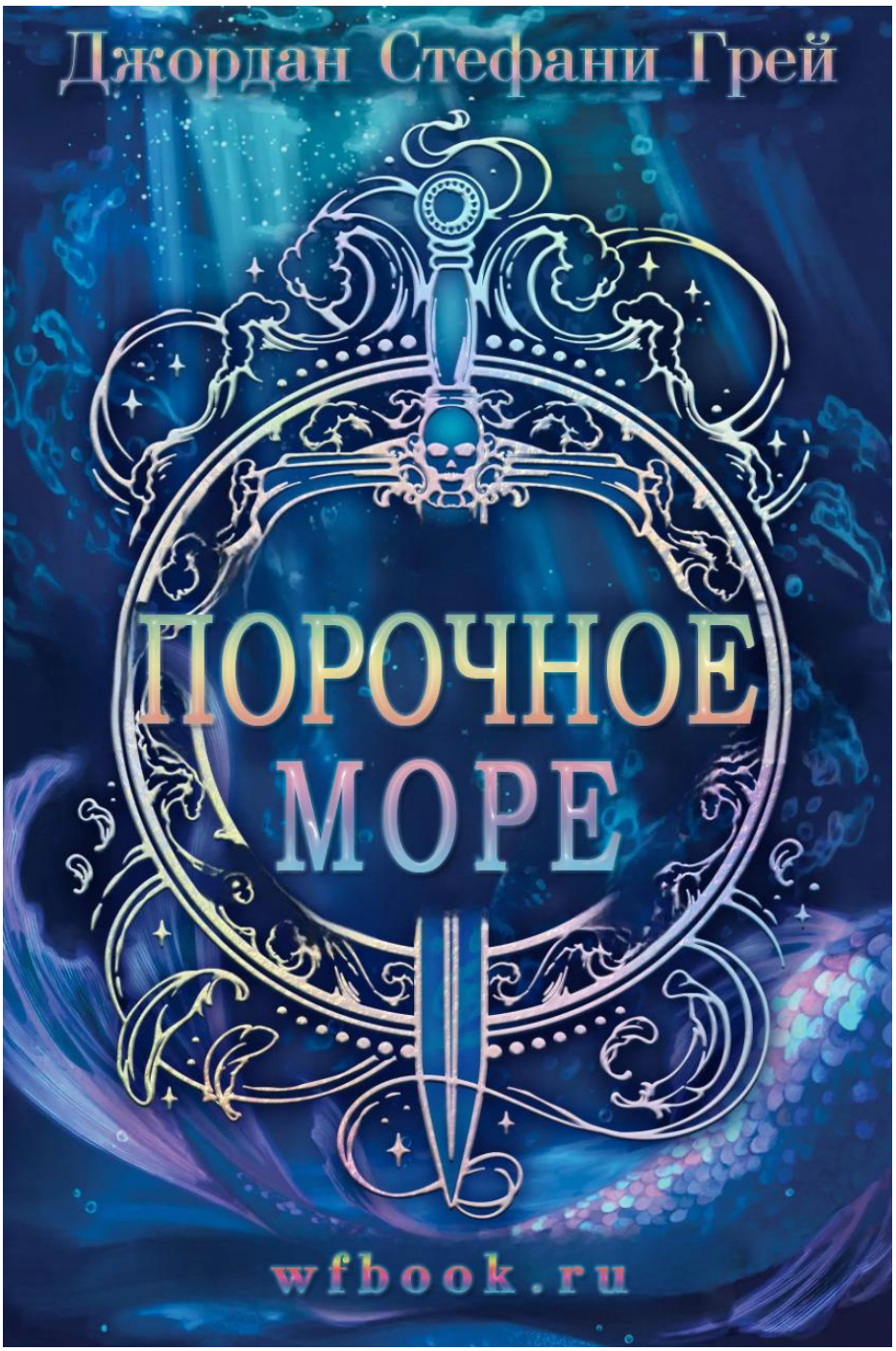
Джордан Стефани Грей - Порочное море

Переведено специально для группы
˜”*°•†Мир фэнтези†•°*”˜ http://Wfbooks.ru
Название: The Wicked Sea
Автор: Джордан Стефани Грей / Jordan Stephanie Gray
Перевод: maryiv1205
Редактор: LadyTiara

Джордан Стефани Грей - Порочное мореThe Jordan Stephanie Gray - Wicked Sea

Аннотация

В этом мрачном и страстном романтическом фэнтези русалке предстоит бороться с ненавистью - и вожделением - к презренному колдуну, который спас ей жизнь.

Русалка Зефира из клана Силь мечтает о свободе. Сбежав от опасного похитителя после долгих лет жестокого обращения, она сбросила хвост, обрела ноги и укрылась на суше - в королевстве Мортия, где ненавидят мерроу. Теперь её удел - воровать и выживать на грязных улицах. Однако свобода оказывается недолгой: девушку ловит и приговаривает к смерти жестокий колдун Арион Стоун.

Арион столь же прекрасен, сколь холоден и смертоносен. Его волнует лишь одно - карать мерроу, которых он считает воплощением зла. Он обрёл силу, недоступную обычному магу, но заплатил за это страшную личную цену... Исцелить его может только сердце Бога Смерти, затерянное в легендарном королевстве среди коварных океанских глубин.

Арион предлагает Зефире сделку, от которой она не в силах отказаться: помочь ему найти мифическое сердце в обмен на жизнь. Не имея другого выбора, Зефира соглашается. Магический контракт связывает их души и запретные желания, пока смерть не разлучит их. Но прошлое настигает Зефиру, и враг, от которого она сбежала, жаждет мести. Если Зефира и Арион не научатся сражаться плечом к плечу и доверять друг другу, их ждёт участь куда хуже смерти.

Конечно, в порочном море у каждого есть свои тайны, и никому нельзя доверять.

Джордан Стефани Грей - Порочное мореThe Jordan Stephanie Gray - Wicked Sea

Оглавление

Предисловие 5
ЧАСТЬ I 6
ПРОЛОГ 7
ГЛАВА 1 14
ГЛАВА 2 20
ГЛАВА 3 29
ГЛАВА 4 38
ГЛАВА 5 42
ГЛАВА 6 48
ГЛАВА 7 60
ГЛАВА 8 67
ЧАСТЬ II 73
ГЛАВА 9 74
ГЛАВА 10 79
ГЛАВА 11 88
ГЛАВА 12 96
ГЛАВА 13 102
ГЛАВА 14 108
ГЛАВА 15 118
ГЛАВА 16 128
ГЛАВА 17 136
ГЛАВА 18 142
ГЛАВА 19 153
ГЛАВА 20 163
ГЛАВА 21 169
ГЛАВА 22 173
ГЛАВА 23 181
ГЛАВА 24 186
ЧАСТЬ III 190
ГЛАВА 25 191
ГЛАВА 26 199
ГЛАВА 27 203
ГЛАВА 28 210
ГЛАВА 29 216
ГЛАВА 30 223
ГЛАВА 31 232
ГЛАВА 32 240
ЧАСТЬ IV 250

Джордан Стефани Грей - Порочное мореThe Jordan Stephanie Gray - Wicked Sea

ГЛАВА 33 251
ГЛАВА 34 257
ГЛАВА 35 267
ГЛАВА 36 279
ЧАСТЬ V 286
ГЛАВА 37 287
ГЛАВА 38 297
ГЛАВА 39 306
ГЛАВА 40 314
ГЛАВА 41 319
ЭПИЛОГ 326

Джордан Стефани Грей - Порочное мореThe Jordan Stephanie Gray - Wicked Sea

Предисловие

История, которую вы сейчас прочтёте, невероятно предвзята и объективно лжива. Имена не изменены из соображений мести. Действуйте осторожно и помните: не верьте ни единому слову. Не доверяйте ни единой живой душе.

ЧЕТЫРЕ МОРЯ И МАГИЯ ИХ ОБИТАТЕЛЕЙ (МЕРРОУ):

СИЛЬ

Экорианцы: мерроу, наделённые способностью управлять солёной водой, но только находясь в своём истинном обличье.

СЕЛЬ

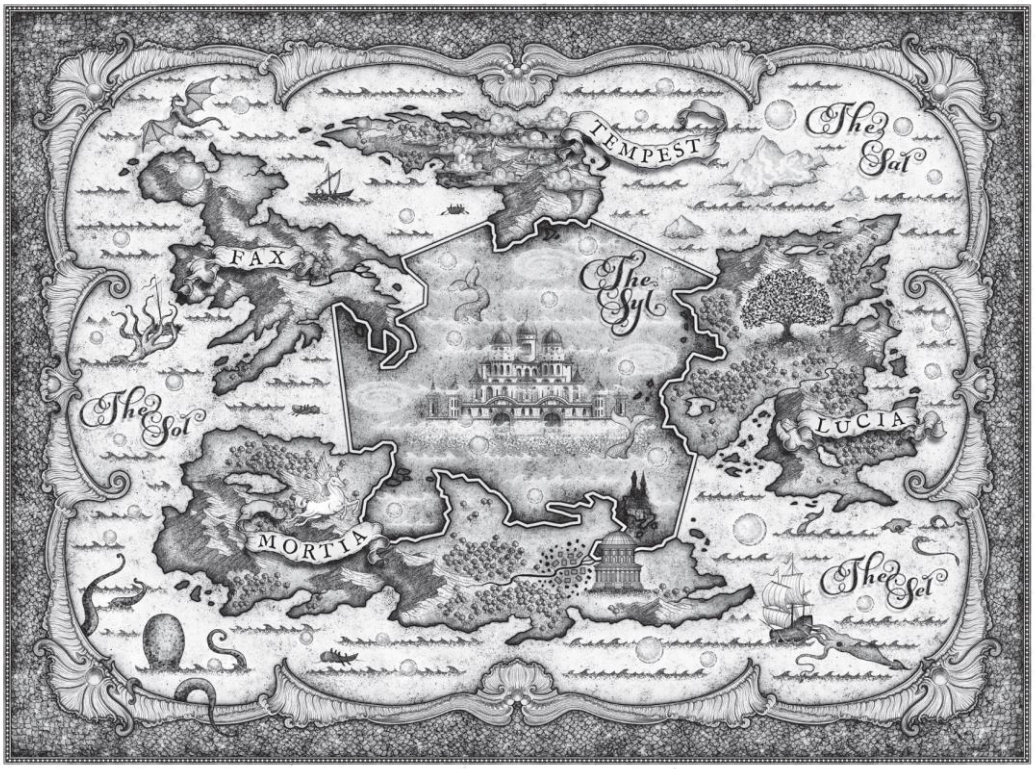
Сирены: мерроу, наделённые способностью очаровывать людей и сухопутных животных своим пением.

СОЛЬ

Ферворы: мерроу, наделённые способностью нагревать солёную воду прикосновением.

САЛЬ

Опаки: мерроу, наделённые способностью замораживать любую жидкость своим дыханием.

ЧАСТЬ I

МОРТИЯ

Джордан Стефани Грей - Порочное мореThe Jordan Stephanie Gray - Wicked Sea

ПРОЛОГ

АУРЕЛИЯ

Труп русалки гниёт высоко над кустами белоснежных гардений. Ее чешуя осыпается на залитый лунным светом сад подобно звездной пыли - усохшая, но всё ещё блестящая и переливчатая, пока сама она превращается в сгусток гнили. Однако никто не обращает внимания на этот кошмар. Гости слишком заняты: они купаются в этих искрах, размазывая их по груди и губам в каком-то садистском ритуале. Горько-сладкое спиртное бьёт фонтаном из их рук; они пьют взахлёб, визжат от смеха и пляшут вокруг своей жертвы, то и дело потягиваясь вверх, чтобы дёрнуть её за длинные лавандовые волосы. Мужчины. Женщины.

Люди.

Они не оплакивают убитое ими существо. Они празднуют её смерть и танцуют под её могилой.

Старая, яростная, обжигающая злость вонзает свои острые когти в моё сердце. Там, за витыми белыми воротами дворцового сада, под куполом из серебряного стекла и декоративных мраморных колонн, полная луна освещает сотню монархов и дворян, празднующих свой мстительный маскарад. Сотню людей, чьи семьи поколениями захватывали, истребляли и разрушали.

Сегодня они заплатят.

Пять веков люди истребляли народ мерроу. Из жадности. Из трусости. Они боятся того, чего не понимают… и чего понимать не желают. Вместо того чтобы искать нашего расположения, вместо того чтобы крепить мир, они режут нас при первой встрече. Для людей мерроу виновны в измене уже тем, что просто существуют, и наш приговор - скорая казнь. Меч в сердце, если человек проявит милосердие, или медленное, мучительное сдирание кожи, если нет.

А потом они вешают нас.

Они неизменно подвешивают нас на золотых канатах, словно гирлянды, ради насмешки, ради осквернения, чтобы запускать свои алчные пальцы в нашу смерть и красить кожу кровью нашей победы. Мой взгляд снова падает на мёртвую мерроу: её тело дёргается, когда один из гуляк срезает прядь её волос и вплетает в свою маску орла. В моём горле рождается шипение. Я запускаю пальцы в собственные короткие персиковые локоны, заправляя их за уши. Мои шаги по мраморному полу почти беззвучны. В тенях, где они так же крадутся вперёд, я не вижу и не слышу своих сестёр. Но они там. Они смотрят и ждут моего знака.

Мы - морские пучины и соль слёз. Мы - неистовое отбойное течение и оскал волн.

Мы - возмездие.

У каждых ворот замерли по двое стражников. В тяжёлых кожаных ножнах у них покоятся мечи, а позолоченные доспехи отражают колеблющееся пламя лазурных факелов. Их сердца спрятаны под плотью и металлом, но глотки обнажены. Жилы на их запястьях пульсируют. Я почти чувствую вкус их крови на своём языке.

Пожалуй, я выпью её прямо из вен.

Это меньшее, чего они заслуживают. Люди. Мужчины. Меня едва не тошнит от этой мысли; я затаилась за подстриженным кустом, увенчанным анютиными глазками и тюльпанами. Привозные. Роскошные. Я едва не задыхаюсь от аромата их сладких духов, который смешивается со зловонием гниющих тел моего народа. Смех во дворе становится всё громче, а выпивка продолжает литься рекой. Какая-то женщина - её голос, слабый, уродливый и тонкий, как перетёртая нить, - затягивает местный гимн, хватая состриженные волосы и разбрасывая их вокруг, словно конфетти, пока остальные жадно втягивают ноздрями небесно-голубой порошок и трахаются прямо в центре сада. Я ненавижу их. Ненавижу их всех.

Нет никого более ужасного, более звероподобного, чем обитатели этого королевства Мортия.

И мерроу с лавандовыми волосами - далеко не единственный труп, гниющий над их маскарадом.

Семь дней назад король Констан Адор перехватил других мерроу-беженцев с прибрежного острова. Мерроу, которые бежали из Селя, спасаясь от нападения гигантского кальмара. Они не причиняли вреда жителям маленького рыбацкого городка. Они не использовали свои магические способности, чтобы калечить или убивать. Они просто спрятались в развалинах здания у доков, выжидая, пока чудовище с щупальцами отступит. И когда несколько часов спустя оно, наконец, уплыло, они ушли… вернее, попытались. Но снаружи здания их уже ждала армия людей с ножами и мечами.

Люди выпотрошили их на месте.

И теперь они - мои братья, мои сёстры - оплакивают мёртвую плоть над человеческой роскошью и наглым весельем.

Мои костяшки трещат, когда пальцы сжимаются в кулаки. Пальцы ног впиваются в холодный пол. И хотя мой хвост превратился в две ноги в то самое мгновение, когда с кожи высохли последние остатки солёной воды, я всё ещё чувствую, как он бьётся, хлещет внутри меня. Фантомная конечность, умоляющая о движении. О действии. О том, чтобы нанести удар.

Это королевство искупит свои грехи.

Сейчас.

С горловым криком я вырываюсь из тени колоннады, и стражники на своих постах напрягаются. Выхватывая мечи из ножен, они готовятся к быстрому, но кровавому бою. Однако я не даю им шанса напасть. Не в этот раз. Никогда больше. Мой крик перерастает в яростную мелодию, и с моих губ срывается песня, греховная, как сами Морские Бездны.

Их глаза округляются. Карий и зелёный страх. Их рты открываются в крике.

Я очаровываю их прежде, чем они успевают издать хоть звук.

Их мечи с грохотом падают на пол, и сами они с неестественной силой рушатся на хрупкие колени. От удара лопается сухожилие. Смертная мука окрашивает их бледные щёки, когда они пытаются - и не могут - сопротивляться мне, сопротивляться моей песне. Мои губы кривятся в мстительной улыбке. В честном бою человеку никогда не победить мерроу. Нет, им приходится прибегать к низким методам, к численному превосходству и грубой силе, или же к уловкам и обману. Я продолжаю петь, приближаясь, наклоняюсь и подбираю один из их мечей. Я наставляю его на их шеи, наслаждаясь яростью на этих грубых лицах. И только тогда я колеблюсь.

- Сёстры? - спрашиваю я.

- Пора, Аурелия, - тут же отзывается Аргония, её голос разносится в темноте, пока она приближается к колоннаде. - Северный вход взят.

- Южный пал, Аурелия, - следом откликается Филла, её голос звучит слабо откуда-то из-за наших спин.

Мужчины передо мной обмениваются испуганными взглядами. Один из них тянется толстыми, неуклюжими пальцами к сиротливо лежащему на полу мечу. Прежде чем он успевает схватиться за рукоять, я с силой наступаю на его запястье и выворачиваю каблук так, как учила меня королева - так, чтобы перебить каждую косточку в его хрупком предплечье. Он вскрикивает от боли, и я упиваюсь этим звуком.

Опустившись на одно колено, я провожу украденным мечом по его металлической нагрудной пластине. Серебро по золоту. Оно издает самый пронзительный, режущий слух скрежет.

- С-сирена, - выдавливает он дрожащими губами. Его лицо побледнело до тошнотворного цвета морской пены, а лоб покрылся крупными каплями пота. Он знает, что его ждёт; он наверняка слышал истории об ужасных сиренах Селя, ещё будучи ребёнком на коленях у матери.

- Сирена, - соглашаюсь я, слегка наклонив голову. Короткие пряди цвета закатного персика падают мне на глаза, когда я скрещиваю руки поверх костяно-белых доспехов моего народа. - Я могла бы подчинить себе последние крупицы твоего разума одной единственной нотой. Тебе страшно, человек? - Он не отвечает, решительно стиснув зубы, поэтому я хватаю его за подбородок свободной рукой и дёргаю его голову в сторону его товарища. - Я могла бы заставить тебя впиться зубами в твоего друга. Как думаешь, каков он на вкус? - Когда он снова ничего не отвечает, я наклоняюсь ближе, вдыхая его страх. - Это ведь праздник, верно? Может, вам стоит сожрать друг друга?

Запах свежей мочи бьёт мне в нос. Не могу понять, от этого стражника или от другого. Оба дрожат, как хрупкие побеги водорослей в летний шторм. Трусы. Я отталкиваю его лицо, отвращение подступает к горлу, словно желчь. Эти люди не стоят всей полноты моего гнева. Нет, он прибережён для их короля.

Я поднимаюсь, вздернув подбородок, и с презрением смотрю на жалких стражников.

- П-п-пожалуйста, - бормочет второй, складывая руки в подобие молитвы. - Пощади меня. Я не сделал ничего плохого. Я… я никогда не причинял вреда мерроу. - Его глаза отчаянно расширяются от того, что он видит в моём лице. - Клянусь.

Если бы не ярость, полыхающая в моей груди, меня бы вырвало прямо на его сапоги.

Оскалив зубы, я пинком разворачиваю его лицо к мерроу с лавандовыми волосами, к десяткам других, что покачиваются рядом с ней. Униженных и осквернённых. Мёртвых.

- Возможно, и нет, - рычу я, - но ты охраняешь сад, где их развесили. Ты защищаешь тех, кто глумится над нашими покойниками. Кровь, испачкавшая их руки, перешла и на твои. Ты весь в ней. Всё это королевство ею пропитано.

- Пожалуйста…

- За павших, - говорю я и перерезаю ему горло прежде, чем он успевает закончить мольбу.

Слова вырываются из его уст вместе с бурлящей кровью. Второй стражник пытается зашевелиться, подняться на свое единственное здоровое колено, но я пронзаю ему череп прежде, чем он успевает сбежать. Я протыкаю его мозг так же легко, как можно проткнуть губку. Он заслуживает куда худшего. Все они.

- Восток в безопасности, - бросаю я сёстрам. - Пора устроить резню.

- Да пребудет с нами удача, - тихо напевает Филла, удаляясь.

- Да пребудет с нами удача, - эхом отзываемся мы с Аргонией.

В этом пожелании нет нужды. Богиня на нашей стороне. Королевству осталось недолго.

Мы распахиваем свои ворота одновременно, в идеальной синхронизации, и маршируем в королевский сад Мортии. Филла, с её ослепительно синими волосами и синими губами, направляется к самой большой толпе под самыми свежими трупами мерроу. Рыжеволосая Аргония движется к бару, окружённому масками. А я...

Я устремляю взгляд на короля.

Сидя на сверкающем троне в центре сада - троне, украшенном переливчатой чешуёй, - он запрокидывает голову в неистовом смехе, и его золотая корона едва не слетает с золотых волос, пока он не вскидывает руку, чтобы поймать её. От этого движения кубок в его другой руке опрокидывается, но он лишь смеётся громче, пока вино разливается по полу. Его глаза мерцают тёмно-карим восторгом за чёрными перьями вороньей маски.

Окружающие подхалимы следуют его примеру, похрюкивая и хихикая, словно идеальные маленькие марионетки, коими они и являются. Выступают перед своим кошмарным хозяином. Столь поглощенные близостью к монарху, они даже не замечают меня - ни костяно-белых доспехов Селя, сжимающих мою грудь и бёдра, ни персиковых волос, вьющихся у ушей.

Ни меча в моей руке, капающего алым на их блестящий мраморный пол.

Разумеется, крики они замечают.

У бьющего фонтана с кристальной водой пьяный придворный, держащий два кубка ягодного вина, натыкается на Аргонию. Моя сестра не ждёт извинений. Она просто хватает мужчину за голову обеими руками и сворачивает ему шею. Главным преимуществом Аргонии всегда была её... что ж, сила. Даже не будь она сиреной, рождённой в Селе, она оставалась бы одним из самых смертоносных оружий в океане. В мире. А когда из твоих пальцев свисает голова придворного... это, знаете ли, трудно не заметить.

В мгновение ока вокруг неё взрывается фонтан крови, за которым следуют вопли паники и ужаса. Человеческий труп валится на пол, и моя сестра поворачивается, вонзая ногти в щеку пышнотелой женщины, вырывая белую плоть почерневшими ногтями. Аргония бьёт женщину ногой в грудь, вытаскивая пальцы. С криком женщина отлетает назад, прямо в фонтан, разбивает череп о камень и тут же оседает. Ещё один труп, пока вода окрашивается в алый. Теперь моя очередь смеяться.

И я смеюсь... смеюсь и проклинаю эту женщину на одном дыхании, пинком сбивая с ног другую, что в ужасе проносится мимо. Ломаю ей колено, всё ещё смеясь, пока Аргония пикирует вниз, чтобы сломать всё остальное.

Они смеялись, когда убивали этих мерроу. Они смеялись, когда мазали себя чешуёй моих сородичей.

Внезапно посреди этого хаоса взгляд короля пересекается с моим. Я подношу меч к губам и слизываю кровь с клинка. Его глаза сужаются от неприкрытой ненависти.

Он протискивается вперёд, грубо расталкивая подхалимов, бегущих во всех направлениях.

- Мерроу, - цедит он сквозь зубы.

- Убийца, - шиплю я в ответ.

За моей спиной нарастают крики, но мои сестры не поют. Мои пальцы крепче сжимают украденный меч, пока Констан подходит ближе. Я тоже не пою - пока нет, - потому что мы хотим, чтобы они знали, хотим, чтобы они боялись так же, как боялись те, другие. Все те мерроу над нашими головами. Прежде чем лишить их воли, лишить их жизней, мы хотим, чтобы они поняли: они проиграли.

- Ты заплатишь за свои преступления, Констан. Ты будешь страдать. Моё имя - Аурелия из Селя, и мы с сёстрами наконец поставим тебя на колени.

- Я - король Констан. - Он выхватывает кинжал из заднего кармана, такой же расшитый камнями, как и его штаны, и выставляет перед собой в слабой попытке защититься. Слишком медленный, слишком неповоротливый от вина. - И я так не думаю, демон.

Он ждёт, что я нападу, как мои сёстры, что стану драться с ним на мечах. Из-за Аргонии он ещё не понимает, что нам не нужна грубая сила или человеческое оружие. Мы - сирены Селя, и наши голоса способны сокрушать королевства.

Для этого королевства пришло время. Для этого короля пришло время.

И я открываю рот и начинаю петь.

Мои голосовые связки извлекают ноты смерти, ужаса, мук и пыток. Они взмывают выше, полные скорби, утраты и ярости - боли от столь бессмысленной жестокости и зла. Я направляю всё это на людей - на людей, которые смеялись, которые танцевали, а теперь бегут, умоляют и рыдают на коленях, прося о милосердии. Однако они не проявили милосердия к мерроу. Женщина на другом конце сада всё ещё сжимает хрупкие лавандовые волосы между пальцами, заламывая руки и умоляя Филлу пощадить её. «Я не хотела. Пожалуйста, пожалуйста, прости меня».

Филла не прощает. И я пою, и пою, и пою.

Один за другим люди начинают умирать.

Теперь ко мне присоединяются сёстры; наша песня сокрушает стеклянный потолок. Кровь струится из ушей, из уголков накрашенных губ, из глазниц и ноздрей, капая на пышные маски. Пахнет тленом. Пахнет возмездием. И я глубоко вдыхаю, яростно глядя на короля передо мной, наблюдая, как сжимается его челюсть, как краснеют щеки от натуги - от попыток сохранить контроль. От попыток не поддаться. Моя мелодия льётся всё быстрее, пугающая, как шум разбивающихся волн глухой чёрной ночью.

Другие в саду падают замертво, как камни. Мои сёстры песней заставляют их выкалывать себе глаза или вырывать собственные зубы. Металлический запах внутренностей становится ещё гуще, заглушая даже анютины глазки и тюльпаны. Лилии и анемоны. Однако этого мало. Ничего из этого никогда не будет достаточно.

- Твой род сделал истребление нашего народа своим наследием, - зловеще пою я, подступая ближе к королю, кружа вокруг него, пока он спотыкается и качается. Я хочу видеть, как свет покидает его глаза. Я хочу, чтобы моё лицо стало последним, что он увидит. - Пусть Бездны наполнят твою вечность ужасом.

Король Констан наконец падает. И хотя он не кричит, его тело дрожит от давления, нарастающего в черепе, и рука начинает подниматься против его воли. Кинжал разворачивается в ладони. Острием к его собственному сердцу.

Я наклоняюсь ближе, почти хмелея от триумфа.

- Прощай, Констан.

Мой голос летит, выводя рулады всё громче и громче, пока кинжал приближается всё ближе и ближе к его плоти. И вдруг...

И вдруг песня Филлы резко обрывается. Прямо посреди мелодии она просто... умолкает, и моя собственная песня даёт петуха; желудок ухает вниз, словно я оступилась на лестнице. Нахмурившись, я бросаю взгляд влево, но больше не вижу её. Её синие волосы исчезли в толпе, а те, кто стоял рядом с ней, выпрямляются с выражением истерического облегчения - окровавленные и покалеченные, но больше не умирающие, - словно их чудесным образом спасли. Но это невозможно. Здесь некому их спасать. Никто не может игнорировать песню сирены. Никто не может нас победить.

Хмурясь ещё сильнее - и игнорируя это давящее чувство под ложечкой, - я резко поворачиваюсь обратно к королю, вновь фокусируя взгляд. С Филлой всё в порядке. Она просто пригнулась за фонтаном. Мой голос снова обретает твёрдость, и Констан прорезает ткань, обтягивающую его широкую грудь. Он режет кожу, пуская кровь, и...

И песня Аргонии обрывается мокрым, булькающим криком. Криком настолько знакомым, что он мог бы быть моим собственным.

Нет. Сердце уходит в пятки, но я не смею снова отвести взгляд от короля Констана. Не тогда, когда он усмехается - он усмехается! - и одинокая капля крови стекает из его рта к челюсти. Не тогда, когда он небрежно стирает её, а мой контроль над ним ускользает. Нет, нет, нет. Грудь сдавливает до боли, и мой разум кричит в отказе, не в силах постичь происходящее, потому что мои сёстры...

В ужасе я пячусь назад.

Этого не может быть. Это не может быть правдой.

Они не могут быть мертвы.

- Невозможно, - шиплю я, и даже для собственного уха мой голос звучит полубезумно. Голос загнанного в ловушку зверя.

Когда Констан в ответ снова разражается смехом, я оборачиваюсь, пытаясь отыскать Аргонию в толпе, заметить её рыжие волосы, её океанские синие глаза и эту ухмылку, от которой на щеке проступала ямочка, но она... она на полу. Почему она на полу? Глаза жжёт от подступающих слёз, пока кровь хлещет из её живота. Её глаза смотрят вверх, широко раскрытые и невидящие, в беззвездную ночь.

- Невозможно! - это слово срывается с моих губ криком. Я больше не пою. Лёгкие словно спадаются, будто эта рана в её животе - моя собственная.

- Нет, - спокойно, безразлично произносит незнакомый мужской голос. - Для колдуна нет ничего невозможного.

Он появляется за секунду до своего оружия. Белые крылья, высокие и широкие, как самый большой дверной проём, распахиваются за его спиной, покрытые на концах расплавленным золотом, а его странный, неземной золотисто-серебряный взгляд приковывает меня к месту. Похоже, наши песни на него не подействовали. Его руки багровые от крови. От крови моих сестер. Моё сердце разбивается вдребезги.

- Привет, Аурелия из Селя. Я - колдун Арион Стоун, и мой голос - последний, который ты когда-либо услышишь. - Он вонзает стеклянный меч мне в горло. - Да будут твои страдания столь же велики, как и у твоих сестёр.

Один удар. Это всё, что требуется.

Острая боль взрывается в моих костях, хотя, падая, я её почти не чувствую. Мне даже плевать, что я падаю. Всё, что я вижу - это кровь на его руках. Всё, что я чувствую - это скорбь.

Сёстры… мои сёстры… мои сёстры.

Мир темнеет, и… колдун ошибается.

Последний голос, который я слышу перед смертью - это голос короля, произносящий:

- Повесьте их вместе с остальными.

Джордан Стефани Грей - Порочное мореThe Jordan Stephanie Gray - Wicked Sea

ГЛАВА 1

ЗЕФИРА

- Какая гадость.

- Тогда тебе стоит пожевать имбирь или, что ещё лучше, проваливать отсюда.

- Я не говорила, что меня сейчас вырвет. Я сказала, что это гадость - так оно и есть. Там, внутри, лежат мертвецы. Свежевыпотрошенные. Всего пару дней назад. Сиренами. Помнишь? Ходят слухи, что эта кровь навсегда въелась в дворцовый мрамор.

- Напомни-ка ещё раз, почему ты так рвалась пойти с нами? - Веспер хмурится всё сильнее. Этот её взгляд тревожит почти так же сильно, как раскинувшееся за её спиной королевство - сплошь острые, как бритва, грани и сверкающий белый мрамор. Древнее, укреплённое и смертоносное место. Может, меня всё-таки вырвет. Мортия никогда не отличалась гостеприимством, особенно для таких, как я.

Если хоть что-то пойдёт не так - нам конец. Всем нам.

Веспер стоит на две ступени выше меня. Факелы на стенах храма раздувают её тень и делают её тёмную кожу ещё более глубокого, шоколадного оттенка. Она скрещивает руки под тёмно-синим плащом, отчего серебряные браслеты на её запястье негромко звенят. Синий плащ - под цвет глаз. Серебро - под цвет волос. Если уж на то пошло, для полуночного ограбления гробницы она выглядит чертовски красиво.

Я бы обязательно сказала ей об этом, если бы всю дорогу сюда она не искала предлог, чтобы спровадить меня обратно на улицы. Как бы сильно я ни нервничала, я не покажу виду. И я не уйду. Куш слишком велик. Он может изменить всю мою жизнь.

- Я же сказала тебе. Ключ у меня.

Её взгляд сужается, она облизывает губы. Очевидно, она ещё не закончила со мной.

- Покажи.

- Что? - Я хлопаю широкими бирюзовыми глазами и запускаю пятерню в свои густые медовые кудри.

- Покажи нам этот грёбаный ключ.

- Самое важное в командной работе - это доверие. После трёх совместных дел я думала, ты будешь доверять мне чуточку больше…

Веспер поднимается еще на одну ступень, теперь она уже на полпути к храму.

- Первое дело, - чеканит она, - ты спалила половину нашей карты, и нам пришлось вслепую пробираться через ювелирные хранилища, пока за нами гнались трое стражников. Второе дело - ты уснула, когда должна была стоять на шухере. Третье дело…

- На третьем деле ты взорвала моих деток, - угрюмо вставляет Ставрос, лаская бледной рукой мешки с порохом у себя в охапке. Я почти ожидаю, что он поцелует грубую ткань, но, к счастью, на этот раз он решает свести свои странности к минимуму. Его усы подёргиваются. Жилы на массивной шее начинают раздуваться. Я

пристраиваюсь рядом, чтобы похлопать его по плечу, но, когда он рычит, я решаю, что лучше не лезть с нежностями к этому полутораметровому стотридцатикилограммовому комку ярости, и быстро отскакиваю в сторону.

Выхватив кинжал из висящего на поясе ремня, я прислоняюсь к массивной колонне.

- Если я вам так отвратительна, не надо было меня приглашать.

- Ты сама напросилась, - шипит Веспер, - потому что утверждала, будто у тебя есть ключ.

- Доверие - это не просто слово из семи букв...

- Ребята! Хватит лаяться, - обрывает Эос. - У нас есть три минуты, прежде чем маршрут стражи вернёт их к фасаду храма.

Она единственная, кто не сверлит меня злобным взглядом, направляя свой гнев на старшую сестру. Веспер отвечает Эос, закатывая глаза.

- Зефира права, - говорит Эос. - Мы сможем провернуть это, только если будем действовать сообща.

Я лучезарно улыбаюсь, победно подмигивая Ставросу, но Эос ловко вырывает кинжал из моих пальцев и пихает его в свой пояс для инструментов.

- Прошу прощения? Я его украла. Он мой.

Эос заправляет за уши замысловатые серебряные косички. Решительно вздёрнув подбородок, она шагает вверх по грандиозной лестнице.

- Получишь обратно, когда откопаем наше сокровище. А теперь живо внутрь, пока нас не упекли в тюрьму.

Тюрьма.

Я содрогаюсь.

Чёрта с два меня сегодня кто-то закроет. Пальцы сжимаются в кулаки, бирюзовые ногти впиваются полумесяцами в мою слегка золотистую кожу. Боль отрезвляет. Она напоминает мне о том, что я оставила позади, от чего до сих пор бегу. Нет. Я никогда туда не вернусь.

Я спешу вслед за ней по ступеням, легонько шлепнув Эос по плечу.

- Не командуй взрослыми.

- Мне семнадцать.

- Ты ребёнок, - отрезаю я. - Но всё в порядке. Мы всё равно тебя любим.

Эос что-то ворчит под нос, и я понимаю, что задела её за живое. С её ростом в сто пятьдесят сантиметров, ангельскими щечками и хрупким, как у скелета, телосложением, Эос постоянно принимают за настоящего ребёнка. Довольно удобно, когда ей нужно стащить пару обедов для себя и сестры, хотя сама она в этом ни за что не признается. Люди не только обращают меньше внимания на детей, но и с меньшей вероятностью сдадут ребёнка властям, если поймают на краже. Конечно, Эос не ловится. Как и Веспер, и Ставрос.

Как и я.

Фыркнув, я влетаю внутрь храма за считанные секунды до возвращения стражи. Навес защищает нас от непогоды, но стен, за которыми можно было бы спрятаться, здесь нет. Вместо этого мы вчетвером прижимаемся к отдельным мраморным колоннам и замираем на целую минуту, прежде чем осторожно выглянуть.

И точно: четверо стражников стоят спиной к нам, неся караул. Ещё через восемнадцать минут они начнут обход, разделятся и направятся к южной стороне. Нам

нужно быстро спуститься в преддверие гробницы, если мы хотим обобрать это место и скрыться до того, как они заметят, что мы вообще здесь были.

- К статуе, - шепчет Ставрос, его голос едва слышен, как летний ветерок. Он крутит ус шесть раз на удачу. - На счёт три, два...

«Один» - мысленно добавляю я.

Мы бесшумно мчимся к массивной статуе в центре храма. Без носков. Без обуви. Тишина для таких дел необходима так же, как порох и кинжалы. Хотя Веспер и считает меня дилетанткой, мне удавалось красть достаточно, чтобы держаться подальше от моря уже больше полугода. Никто не относится к этому серьёзнее, чем я. Потому что если меня поймают...

Если меня поймают, это не будет означать быструю петлю на городской площади.

Если меня поймают, он придёт за мной. И весь мой прогресс, вся свобода, которую я отвоевала, пойдут прахом.

Веспер добирается до цели первой и дергает Эос за собой. Обе приседают за парой высеченных из тёмного камня крыльев. Я присоединяюсь к ним, прижавшись к довольно внушительному каменному бедру. Ладонь скользит от пота, и я обнаруживаю, что случайно лапаю каменные ягодицы самого почитаемого бога Мортии.

Мортема.

Бог Смерти; первый и самый худший предатель всего подводного народа.

Я уже подумываю вытащить свой кинжал из пояса Эос, чтобы вогнать лезвие прямо в его рельефную задницу, но Веспер перехватывает моё запястье на удивление хватко.

- Нет, Зефира, - шипит она так тихо, что я едва разбираю слова. - Я знаю этот взгляд. Не делай глупостей.

Глупостей.

Это слово бьёт по голове, как опасное течение, грозящее утянуть на дно. Однако я быстро моргаю, стирая горькое воспоминание, пока оно меня не утопило. Не здесь. Не сейчас. Не тогда, когда нас ждёт гора золота.

Если я смогу пережить эту ночь - если мы все сможем, - больше не придется беспокоиться о прошлых кошмарах и боли. У нас будет достаточно монет, чтобы разойтись своими дорогами и обеспечить себе безбедную жизнь в любых городах или королевствах, какие только выберем. Я уеду в горы, как можно дальше от моря, и куплю маленький домик с настоящей кроватью. С настоящими подушками и, может быть, даже с плитой. Больше никакого копания в мусоре в поисках объедков, никакой ночевки на жестком известняке тёмных грязных переулков. Я куплю дом, и мне больше не придётся бежать. Не придётся прятаться или притворяться. Я буду в безопасности.

Свободна.

Богиня. Всё это так близко, что я почти чувствую вкус победы. Словно сладкие спелые ягоды, сорванные в саду, куда больше никто не может войти. Вытерев ладони о льняные штаны, я возвращаюсь в реальность. К храму и трем моим подельникам, которые смотрят на меня, протянув руки.

Чёрт. Что я пропустила?

- Эм... привет, - говорю я глупо.

Веспер закатывает глаза к потолку.

- Ключ, Зефира.

Оу. Точно. Я натягиваю жизнерадостную улыбку, и Эос тут же стонет при виде этого.

- Видите ли, в чём дело... На самом деле я не смогла его достать.

- Чего? - переспрашивает Ставрос. Его бицепсы намертво сжимают драгоценные мешки, и из горловин просыпается немного пороха. - Где ключ?

Я отпихиваю руку Веспер.

- Я пыталась, ясно? Но нападение мерроу произошло всего четыре дня назад. В дворце полно стражи, солдат и палачей, а король Констан на взводе и ждёт любого подвоха. Солдатам приказано арестовывать любого подозрительного типа без суда и следствия. Я не могла просто взять и соблазнить Верховного Жреца прямо у них под носом.

Веспер буквально свирепеет, и Эос даже не пытается её остановить. Острая, как клинок, Веспер цедит:

- Ты не можешь соблазнить Верховного Жреца. Жрецы и жрицы Мортии дают обет вечного молчания и целибата в честь Мортема. Тебе следовало это знать.

Я хлопаю ресницами.

- Оу. Ну... хорошо, что я не попробовала.

Кажется, Веспер готова меня придушить.

- Я поверить в это не могу. Какого хрена ты здесь, если у тебя нет этого грёбаного ключа?

Аргумент весомый, но Бездны меня поглоти, если я упущу этот куш.

- Я предлагаю этой банде кое-что поважнее какого-то ключа.

- Что-то я не вижу доказательств.

Я прищуриваюсь.

- Кто три месяца назад сказал вам, что главный ювелир короля перевозит товар? Кто нашёл записи о кораблекрушении, которое вы разграбили?

Лицо Веспер заливает краска гнева.

- Ты не была и никогда не станешь настоящей частью этой команды. Ты нашла нас в таверне и прилипла как банный лист. Мы позволяем тебе помогать нам...

- Двести двадцать шесть, - шиплю я. - Вот сколько меди мы заработали за последние несколько месяцев. Я чертовски много помогала. Ставрос, может, и был мозгом конкретно этого плана, но только потому, что ему не терпелось взорвать свою новую партию пороха. А я здесь для того, чтобы всё прошло гладко, и мы реально вынесли драгоценности.

- Это правда, - искренне отзывается Ставрос. - Я хотеть делать бум.

Я ухмыляюсь ему, и на этот раз он подмигивает мне в ответ. Выглядит это жутковато, учитывая, что он продолжает наглаживать свой ненаглядный порошок. По крайней мере, он на моей стороне. Однако Веспер качает головой, её всё ещё не убедить.

- Это уже четвёртый раз, когда ты всё портишь. Если нас поймают...

- Нас не поймают.

- Ты - обуза, - бросает Веспер сквозь зубы.

Паника начинает сжимать мои легкие. Глупости. Обуза. Знакомая песня. Она ломала мне жизнь чаще, чем я могу сосчитать. Я откидываю за плечо непослушные светлые локоны и вскидываю подбородок, а по коже разливается горькая обида.

- У тебя такие интересные волосы, Веспер, - шепчу я. - Не думаю, что когда-либо видела такой оттенок блонда. Почти как... серебро на свету.

По её челюстям ходят желваки. Её неестественно серебряные брови сдвигаются к переносице.

- Может, потому что это натуральный цвет, а ты об этом ничего не знаешь? Так ведь, Зефира? - Она тянется к моим волосам, и я резко бью её по руке.

К счастью, Эос вмешивается прежде, чем я успеваю броситься на её сестру и тем самым сорвать всю нашу операцию.

- Вы обе, завязывайте.

Я перевожу на неё взгляд, прикидывая следующее оскорбление, как вдруг мои глаза опускаются к нашим ногам.

Ага. Вот оно.

Склонив голову набок, я выдавливаю безмятежную улыбку и хлопаю ресницами, глядя на Веспер.

- Какой вообще прок от твоей сестрицы-малька, если не для этого? - Я изящными пальцами указываю на свою новую находку.

Прямо между нами, рядом с замочной скважиной, которая обычно открывает потайную лестницу, располагается вентиляционная отдушина - на пару сантиметров уже, чем плечи Эос.

- Эос спускается вниз, - говорю я, - и сама открывает лестницу изнутри. Если она сделает это быстро, мы успеем провернуть дельце прямо за спинами стражников. - Я облизываю зубы, пока Веспер сверлит меня взглядом, не в силах придумать колкий ответ. - Ну как? Полезная я?

- Не знаю, гений ты или тебе просто чертовски везёт, - произносит Ставрос, наморщив сросшуюся бровь от концентрации.

Я пожимаю плечами.

- Всего понемногу.

Веспер вздыхает. Видимо, решив, что я больше не стою её нервов, она поворачивается к Эос:

- Пролезешь?

Эос изучает решётку. Поддев металлическую рамку моим кинжалом, она проводит пальцами по её гладким краям.

- Теоретически - да. Выглядит довольно просто.

В глазах Веспер вспыхивает гнев, который обычно приберегают для непослушных дочерей, а не для осторожных сестёр.

- Если ты снова вывихнешь плечо..

Эос фыркает.

- Всё будет в порядке, Вес.

Веспер хмурится, явно не веря.

- Никакие монеты не стоят твоей безопасности.

- Вес, я справлюсь. Я профессионал, помнишь? Во всей Мортии нет никого меньше и тощее меня. - Эос морщит носик и начинает опускать ноги в проём. Она концентрируется так же, как и всегда - высунув кончик языка между губ. Сначала проскальзывают ступни. Её бёдра даже не задевают края. - Легкотня, - бормочет она. - Без проблем.

Веспер задерживает дыхание, её костяшки белеют, когда она хватается за крыло Мортема для опоры. Однако камень крошится, и она испуганно смотрит на свою ладонь. Внезапное осознание того, что она мало того что трогает статую Бога Смерти, так ещё и ломает её, заставляет её резко отдернуть руку. Она рвано выдыхает, снова переводя взгляд на сестру.

Эос уверенно цепляется руками и предплечьями за мрамор, её бицепсы напрягаются, пока она опускается всё глубже в дыру. Следом исчезает торс. Затем грудь. На мгновение она торжествующе улыбается, но тут же её рот судорожно сжимается. С губ срывается болезненный стон. Дальше плеч она не двигается. Не может.

- Чёрт, - скулит она, извиваясь, чтобы ослабить давление на больное плечо.

- Стража через одиннадцать минут, - говорит Ставрос, отсчитывая время с точностью, которая кажется почти магической. Он перехватывает порох в руках и поднимается. - Либо мы идём сейчас, либо не идём вообще.

Веспер настороженно переводит взгляд с одного на другого, пока Эос снова жалобно стонет. Непонятно, продвигается она или застряла и ушиблась. Она должна была упасть в преддверие ещё несколько секунд назад. Если она застрянет... если эти стражники найдут нас здесь...

Посмотрев на их серебряные волосы, я тяжело сглатываю.

- Эос, - резко командует Веспер, - давай я вытащу тебя.

- Нет. - Эос извивается, давясь новыми проклятиями, пока её тело неестественно выкручивается. - Грёбаные широкие плечи.

Я смотрю на Эос. Во многом она действительно ещё ребёнок. Маленькая, с горящими глазами, полная надежд. Если стража поймает её, она умрёт.

- Попробуем в другой день, - говорю я, наклоняясь, чтобы помочь Веспер вытянуть Эос наружу.

Эос яростно смотрит на нас снизу вверх.

- Нет. Я смогу. - Она ловит взгляд сестры. - Мы заберем это золото и уберёмся из этой помойки. Ладно? Я справлюсь.

Она зажмуривает глаза, и ее язык снова высовывается наружу. С натужным «эргх» она втягивает одну руку внутрь вентиляции и заводит её за спину. Это дает ей те самые пару сантиметров свободного места, в которых она нуждалась, и её глаза распахиваются в новой победной усмешке.

- Увидимся внизу, - шепчет она и падает. Исчезает.

Следом доносится лёгкий глухой стук, и Веспер выдыхает с ощутимым облегчением. Я тоже. Тяжело дыша, мы с Веспер отступаем от статуи в ожидании, когда откроется потайная лестница. Она косится на меня краем своего синего глаза, и я прекрасно понимаю: на этот раз её раздражение - не моя вина. Ну, по крайней мере, не полностью.

- Если с моей сестрой что-то случится, - тихо произносит Веспер, - я убью тебя, Зефира. Ты меня поняла?

- Мы сделаем бум, - соглашается Ставрос.

Веспер кивает, ни на секунду не сводя взгляда с моего лица.

- Да. Мы сделаем бум.

Джордан Стефани Грей - Порочное мореThe Jordan Stephanie Gray - Wicked Sea

ГЛАВА 2

ЗЕФИРА

В Мортии покойников из простонародья сжигают на погребальных кострах вдоль стен, которые тянутся от континента к континенту, чтобы защитить человечество от плавания по кишащим мерроу морям. Знать же, напротив, хоронят под Храмом Мортема в специальном преддверии, благословленном как Верховным Жрецом, так и старейшиной колдунов во время пышных похорон. Когда пол содрогается и вход на лестницу открывается - спасибо Эос, - резкое зловоние спиртного и сладкий аромат божественных солей (наркотиков) подтверждают все слухи, что мы слышали об этих развратных празднествах. Кажется даже как-то негигиенично открывать эту дверь.

- Пахнет блудом, - говорит Ставрос, прикрывая нос мешками с порохом.

Я не спорю. Веспер тоже, хотя она всё равно ползет к защелке. Она занимает шесть больших мраморных плиток; Веспер просовывает два пальца под расселину, чтобы потянуть и открыть её до конца. Это действие высвобождает ещё один порыв тошнотворного воздуха, на этот раз с примесью гнили, и мне требуется всё моё мужество, чтобы меня не стошнило.

- Эос? - шепчет Веспер. - Ты в порядке?

Ответа нет.

- Эос? - отчаянно повторяет она.

Тишина.

Мой желудок скручивает от тревоги.

- Там глубоко. Она, наверное, просто не слышит нас оттуда. - Но даже говоря это, я понимаю, что это может быть неправдой. По правде говоря, никто из нас никогда не бывал на похоронах знати, никогда не спускался в эти склепы. Но мы слышали истории - кошмарные истории о веселье, граничащем с гедонизмом там, внизу. И хотя сегодня вечером мы наблюдали, как процессия пьяных аристократов шествовала вон из этой самой лестницы, мы не знаем, ушли ли они все до единого. Мы не знаем, что ждёт нас внизу.

Ставрос хватает Веспер за руку прежде, чем она успевает спуститься во тьму.

- Не волнуйся, Веспер. Если твоя сестра ранена, мы искупаемся в крови её обидчика.

Веспер прижимает ладонь к его щеке.

- Спасибо, Ставрос. - Она резко вдыхает, затем ступает вниз. Ставрос идет сразу за ней. По какой-то причине вид того, как они исчезают вместе - всегда в унисон, идеально в ногу, - наполняет меня необъяснимым беспокойством. Это поднимает волоски у меня на затылке и заставляет помедлить. Буквально на секунду.

«Ты не была и никогда не станешь настоящей частью этой команды».

Их отношения всегда казались странно напряжёнными, и не то чтобы в романтическом смысле. Эти двое делят палатку с Эос, разбитую между двумя полуразрушенными зданиями с использованием рваной одежды и кипарисовых веток

вместо навеса, и Ставрос не спит. Вместо этого он охраняет их. Три ночи назад, когда я попыталась проскользнуть внутрь и поделиться новостями о резне, устроенной сиренами на маскараде, Ставрос прижал меня к полу, засунув тряпку мне в рот, прежде чем я успела даже пикнуть. Он чуть не поджёг меня.

Я стряхиваю колебания и иду вперед, игнорируя это давящее, зудящее чувство на коже.

Я не могу представить, через что они прошли вместе, или что Ставрос сделает, если с Эос что-то случится. Не могу представить, что сделаю я. Я пробыла в их банде недолго - и явно не всегда была желанным гостем, - но Эос лучшая из нас. Её солнечная улыбка. Её звенящий смех. Она отдала свои последние три медяка пожилой женщине, просто чтобы та могла покормить свою собаку. Никто из нас никогда не сделает больше - не будет лучше, чем Эос.

Она единственная здесь, кто верит в меня.

Помолившись богине о безопасности Эос, я следую за Ставросом по бесшумным ступеням и плотно затворяю за собой защелку.

Ставрос чиркает спичкой о свою челюсть, и внезапная вспышка пламени отчетливо озаряет преддверие. Слава богине. Терпеть не могу темноту. Нет. Я ненавижу то, что прячется в темноте.

Тишина давит на нас, пока мы разворачиваемся, высматривая хоть какой-то след сестры Веспер в холодной сырости высеченного песчаника и отложений. Наконец, не выдержав, я шепчу:

- Эос?

- Я... я не вижу её. - Веспер разворачивается к лестнице, паника сдавливает её голос. – Может быть, она побежала обратно наверх. Может быть, мы разминулись.

- Невозможно. Она не владеет магией, - не соглашается Ставрос, решительно качая головой.

Веспер игнорирует его, вглядываясь в тени лестницы.

- Эос? Эос, пожалуйста...

- Бу! - Эос выпрыгивает из-за лестничного марша, на её ангельском лице сияет дразнящая улыбка, и я чуть не выпрыгиваю из собственной кожи. Её голубые глаза блестят от озорства. - Видели бы вы свои лица. Испугались, да?

Веспер подносит руку к сердцу, её взгляд влажнеет от облегчения, пока Ставрос отшатывается на шаг назад и едва не падает в кучу пороха. Я вскидываю руки в воздух с раздраженным шипением:

- Какого хрена, Эос?

- Это тебе за то, что назвала меня ребёнком, - сладко напевает она.

Прилив нервного напряжения воспламеняет мою грудь - от темноты, от миссии, от Ставроса, Веспер и Эос с её грёбаными уморительными шутками, - и желчь обжигает мне язык. Я заставляю себя сглотнуть её.

- Это не смешно. Мы думали, ты погибла.

В кои-то веки Веспер соглашается со мной. Она подходит к Эос и сильно дёргает младшую сестру за одну из косичек, причем выражение её лица становится холоднее, чем каменные стены вокруг нас.

- Выкинешь такое ещё раз - пожалеешь, что на свет родилась. Ты хоть понимаешь, как опасно здесь находиться? Если нас найдут... если они поймают тебя... - Голос Веспер срывается на подступающий всхлип, и её прикосновение смягчается, когда она гладит серебряные косы Эос.

Возможно, на улицах они могут выдавать свои волосы за блонд. Возможно, ни один простолюдин не посмотрит дважды под их капюшоны и плащи, пока девчонки не ищут неприятностей. Но король - его стража и солдаты - не будут так слепы. Они не будут так добры.

Я тянусь вверх, перебирая собственный светлый локон, моё горло всё ещё сжато от злости и... и чего-то ещё.

- Давайте просто найдём свежие трупы и уберёмся отсюда к чёртовой матери.

- Это место нехорошее, - ровно произносит Ставрос своим глубоким, хриплым голосом, после чего направляется к дальней стене.

Я держусь вплотную за ним, отчаянно стремясь идти на свет. Отчаянно стремясь избежать кромешной тьмы и ужасных воспоминаний, прячущихся в ней.

- Не могу не согласиться, здоровяк.

И всё же это место - оно совсем не похоже на тюрьму, из которой я сбежала. Ничего общего с зазубренным адамантом острых чёрных стен и остроконечных фронтонов. Этот зал гладкий. Плоский. Широкий, насколько хватает глаз, но открытый. Я заставляю своё дыхание оставаться лёгким и ровным. Спокойным. Потому что в этих тенистых нишах не прячется наказание. Там нет его.

Тем не менее, здесь всё ещё темно. Здесь всё ещё тихо. Сердце колотится под рёбрами, умоляя меня бежать. Спасаться бегством. Это место, может, и не тюрьма из моих кошмаров, но оно всё равно опасно.

Потолок нависает низко над головой, давя так, словно напоминает нам, что мы находимся под землёй - мы, - где нам не место, даже если бы простолюдинам не было запрещено законом приходить сюда. Да и архитекторы явно не облегчили нам проникновение. Здесь только один вход; следовательно, есть только один выход, а зал простирается так далеко, что нам приходится идти, идти и идти, прежде чем мы доберёмся до чего-то нового.

И мы идём. Мне удается наступить Ставросу на пятку всего дважды. На третий раз он поворачивается, чтобы зарычать на меня, и я заставляю себя улыбнуться, замедлиться, оставить между нами чуть больше пространства. Его спичка отбрасывает колеблющийся свет на западную стену, где фрески, выполненные в багровых тонах, изображают Мортема на каждом божественном этапе его небесного существования. Молодой бог с растущими крыльями, руки простерты к солнечному свету, он безмятежно, мирно улыбается, а рядом с ним три его божественных брата. Затем постарше: над ним высится великое королевство, пока он вытирает пот со своего волевого лба. Задумчивый. Мудрый. Могущественный.

И наконец, Мортем, преклонивший колени у подножия помоста, держащий своё сердце в руках, пока его второй отпечаток - теневая ипостась - плывёт по ледяной реке.

Я горько смеюсь про себя. Мортем воздвиг подземный мир - Бездны - только после того, как пал. После того как он истребил невинных и испепелил половину мира.

Теперь каждый, будь то человек или мерроу, должен держать ответ перед Мортемом, когда умирает. Вот почему это королевство славит Мортема так громко, так бурно. Вот почему они хоронят свою знать в его храме. Вот почему богачи облачаются

в свои самые дорогие драгоценности и регалии, прежде чем их замуруют в этих самых стенах. И всё в надежде произвести впечатление - подкупить - своего прославленного бога.

Люди - грёбаные идиоты.

- Где бы они ни замуровали тела, здесь их нет. - Я указываю на каждое из ненавистных лиц Мортема на фреске. - Они бы не стали осквернять этого ублюдка. - К тому же, нет никаких признаков того, что эту стену перестраивали в последние несколько часов.

- Довольно отвратительно. - Веспер разглядывает картины вместе со мной. - Думаешь, хоть кто-то в этом чёртовом королевстве понимает, что Мортем был диким козлом?

Я замираю. Кошусь на неё краем глаза. Это самый близкий к честному разговор, который у нас когда-либо был. И хотя мы никогда не выскажем свои самые сокровенные признания вслух, я не могу не добавить:

- Думаю, их головы засунуты так глубоко в задницу Мортема, что они вдыхают его дерьмо и называют это божественной солью. Им плевать на правду. Они слишком напуганы.

Они могут притворяться, что это уважение. Почтение. Но Королевство Мортия переименовало себя в его честь после того, как он создал Бездны - когда самые богатые начали беспокоиться о том, как будет выглядеть вечность в таком месте. Когда Мортем восседает на его троне, что ещё им оставалось делать, кроме как встать на колени и пресмыкаться у его ног? Нет, Мортия поклоняется Мортему не из почтения.

Они поклоняются ему из страха.

- Трусы, - говорит Ставрос, вторя моим мыслям. - Мортем - мудак.

Мы с Веспер поворачиваемся к нему, одинаково поражённые. Насколько я знаю, Ставрос вырос здесь, родился и вырос на улицах столицы королевства, Крестфолла. Он всего лишь человек - хотя и очень крупного, очень широкого, очень взрывного толка. Заметив наше потрясение, он ухмыляется и подмигивает нам.

Эта реакция настолько неожиданная, настолько восхитительная, что я не могу сдержать смешок. Веспер тоже. При этом звуке Эос покатывается со смеху, и вскоре все три наших голоса сливаются в общем хохоте, сталкиваясь с фреской и эхом разносясь по пустому залу. Только тогда я понимаю, насколько напряжены были наши тела, каким парализующим был наш собственный страх в тени Мортема. «Это место нехорошее», — сказал Ставрос, и он не мог быть более прав.

По крайней мере, они здесь со мной. Эта мысль вспыхивает невольно, и когда в следующее мгновение Эос тянется к нам - мы обе припадаем к боку её сестры, вытирая слёзы радости об обтрепанный край моего рукава, - внутри меня закипает тепло. Слегка неловкое и уж точно непривычное, но... приятное.

- Простите, - выпаливаю я. - Мне следовало сильнее постараться, чтобы добыть ключ. Я чуть всё нам не испортила.

Я не знаю, почему говорю это, но, может быть, потому что Веспер улыбалась мне. Или потому что мне вообще кто-то улыбнулся. Мне никто никогда не улыбается.

Веспер лишь пожимает плечами на моё признание, словно её это внезапно перестало волновать и беспокоить.

- Никто из нас не горел желанием внедряться во дворец. Ты вызвалась. Не вышло. Но мы всё равно пробрались сюда.

- Мы продолжаем идти, - соглашается Эос.

- Всегда идти, - вторит Ставрос.

- Ладно, - говорю я.

Ещё одна ухмылка. От нее, от Эос, от Ставроса. Почти так, словно в этот момент мы больше, чем банда. Мы - семья.

Пока это не прекращается.

Момент заканчивается быстрее, чем начался. Веспер прокашливается и отстраняется. Ставрос зажигает вторую и третью спички. Эос выпрямляется, отряхивая свой лёгкий синий плащ, после чего устремляется вперёд, чтобы продолжить наши поиски. Где-то в этом проклятом богиней склепе находится свежая гробница, заполненная телами гуляк, которые, вероятно, всё ещё в своих изысканных масках, и чем скорее мы её найдём, тем скорее сможем уйти.

Это, конечно, не мешает нам пользоваться возможностями по пути. Чем дальше мы продвигаемся вглубь зала, тем больше золота поблескивает в свете спички Ставроса. Мы обходим тумбы и пьедесталы во время поисков, прихватывая золотые монеты, благовония и драгоценные камни - всё это подношения Мортему от безвременно ушедших. Я высыпаю целое блюдо ирисок в карманы на поясе. Ставрос подбирает серебряную чашу и пихает её в карман. Неплохой улов, но он ни в какое сравнение не идёт с тем, что будет на самих телах. Мои руки сжимаются и разжимаются, костяшки трещат от нетерпеливого томления. Так близко. Так чертовски близко.

- Время? - спрашивает Веспер у Ставроса.

- Семь, - коротко бросает он. - Шесть, если нам не повезёт.

- А нам обычно не везёт, - бормочет Веспер.

Когда мы приближаемся к восточной стене, доносится землистый запах свежего строительного раствора.

- Нашла, - говорит Эос, проводя пальцем по густой жиже. Она поворачивается и улыбается нам, а за её спиной высится груда наспех уложенных известняковых кирпичей. Всё ещё мокрые. Всё ещё свежие.

- Мы сможем разобрать её. Никто не заметит, пока не умрёт следующий аристократ, а к тому времени мы будем далеко-далеко отсюда, - говорю я.

- В раю, - слетает с губ Веспер. - Ставрос, можешь начинать...

Ему не нужно, чтобы она заканчивала мысль. Направившись к стене, он наносит сильный удар тяжёлым кулаком по самому центральному кирпичу, и тот мгновенно вылетает с другой стороны. Затем он запускает массивную руку в образовавшуюся дыру и начинает выламывать оставшиеся кирпичи. За тридцать секунд он разрушает достаточно, чтобы Эос могла проскользнуть внутрь. Ещё через тридцать секунд он разносит добрую четверть стены.

- Дамы вперёд, - объявляет он, широко разведя руки. Он кланяется и шевелит бровями, подзывая нас с Веспер вперёд.

Как и всегда, когда я делаю движение, он заступает мне дорогу.

- Я сказал - дамы, - заявляет он, давая Веспер фору.

Я свирепо смотрю на него, игнорируя эту вспышку обиды в груди. Потому что это не обида. Это раздражение, и тот момент, который мы, возможно, разделили ранее, явно был плодом моего воображения.

- Шутки не смешные, если повторять их по двадцать раз.

Ставрос качает головой, пока его спички гаснут. Погружая нас обратно в зловонную тьму. Он посмеивается, роясь в сумке в поисках новой спички.

- Эта шутка вне времени. Спроси Веспер. Она всегда над ней смеётся.

Хотя моё дыхание перехватывает, я заставляю его снова выровняться. Я сжимаю руки в кулаки, чтобы не потянуться к кому-то, к кому угодно, лишь бы зацепиться в этой темноте.

- Она бы и над капустой посмеялась, если бы ты бросил её мне в голову.

- И почему бы это, - отзывается Веспер, проскальзывая в погребальную камеру. - Наверное, это никак не связано с теми двумя рубиновыми ожерельями, которые мы из-за тебя потеряли на прошлой неделе, или с тем днём, когда нам пришлось бежать в канализацию. Потребовались недели, чтобы смыть эту вонь - не то чтобы ты знала. Ты сверкнула пятками и бросила нас, как только запахло жареным.

Игнорируя это, я решительно ухмыляюсь и пробираюсь в гробницу вслед за ней. Здесь почему-то кажется ещё темнее. Абсолютная тишина. Чтобы не умолять Ставроса поторопиться с этой чёртовой спичкой, я весело говорю:

- Знаешь что? Я думаю, ты любишь меня, Веспер. Я так сильно тебе нравлюсь, что тебе проще меня ненавидеть. Ты как дочка фермера, которая боится дать имя поросёнку.

- В этом сценарии поросёнком будешь ты? - Её рука задевает мою, пока Ставрос бормочет ругательство, всё ещё сражаясь со своей сумкой. - В таком случае - конечно.

- Я тебе нравлюсь.

- Я тебя терплю.

- Ты будешь скучать по мне, когда всё закончится.

Её губы подёргиваются. Почти так, словно она собирается снова улыбнуться.

- Я о тебе даже не вспомню.

Я хмыкаю с лёгкой усмешкой.

- Я не удивлюсь, если ты возьмешь свою долю добычи и построишь домик прямо рядом с моим…

Холодная рука прижимается к моему рту, мгновенно заставляя меня замолчать. У меня всё обрывается внутри. Инстинкт берет верх, жестокий и пугающий: я хватаю человека за запястье, сильно выкручиваю его и швыряю на пол. Оскалив зубы, я с рычанием перехватываю его за глотку.

Конечно же, Ставрос именно сейчас находит свою спичку, чиркает ею о челюсть и озаряет…

- Зеф… Зефира, - хрипит Эос подо мной, её глаза расширены и полны испуга, пока она цепляется за мою руку. - Это я. Это всего лишь я.

Я тут же отпускаю её, словно обожглась о горячую плиту, пока Веспер бросается к нам и рычит:

- Какого хрена, Зефира?

Чёрт. Я перевожу взгляд с одной на другую, после чего поспешно помогаю Эос подняться на ноги.

- Прости. Я… я не разглядела тебя.

Однако теперь я её вижу. Так близко я могу различить белки её глаз в слабом золотистом свете спички Ставроса. Я вижу мимолетную вспышку её страха, когда она хмурится. Чёрт, чёрт, чёрт. Мой рот открывается и закрывается, пока я ищу, что ещё сказать, какое-нибудь разумное объяснение, которое не выдаст, насколько сильно я сломана. Это всё это место, — яростно твержу я себе. Это всё эта темнота. Каждый нерв в моём теле натянулся как струна, волоски на затылке встали дыбом, и даже сейчас я не могу не оглядываться по сторонам, подыскивая нужные слова.

К счастью, мне не приходится их искать.

К несчастью, потому что в тенях справа от нас что-то… шевелится.

Веспер тоже это видит. Молниеносно она выхватывает нож, пока Эос тянется за своим - моим - кинжалом. Я втягиваю воздух, выставив кулаки перед собой, отчаянно нуждаясь в собственном оружии, пока мои глаза медленно привыкают к силуэтам скелетов, устилающих пол. Кости. Черепа. Гниль. Пятна запёкшейся крови. Всё это кажется обычным для склепа, но что-то определенно двигалось.

Веспер шипит:

- Кто, блять, там…

Я следую за её взглядом, не понимая, что она видит, пока оно не шевелится снова. Оно выглядит почти как любое другое тело здесь, скелетообразное и окутанное чёрным саваном, за исключением того, что это… моё горло сжимается от отвращения, желудок выворачивает наизнанку. Это существо копошится и… чавкает. Ставрос поднимает спичку выше, свет пламени падает на…

Твою мать.

Призрак в тяжёлой робе пожирает плоть свежего трупа.

От неожиданности Ставрос роняет спичку. Она шипит и дымится, падая между рёбер древнего скелета, и угасает до раскаленного уголька на полу. Нет.

Хотя я часто моргаю, моё зрение не может проясниться достаточно быстро, чтобы уследить за движениями твари, а свет продолжает гаснуть. Моргнуть. Существо, кажется, поднимается. Моргнуть. Оно пересекает комнату. Моргнуть. Ледяное дыхание швыряет снежинки нам в лица, и наши ноги начинают прирастать к полу. Я резко отдёргиваю свои назад, врезаясь в ближайшую стену. Нет, нет, нет…

Эос кричит.

Тварь нацелилась на неё, подобравшись достаточно близко, чтобы лизнуть её лицо. Впрочем, под капюшоном лица нет. Только пустая маска из слоновой кости. Из прорези свисают органы, спутанные и окровавленные. Оно вскидывает руку. Тянется к ней.

- А ну пошла нахер от моей сестры! - Веспер бросается на неё с ножом, но тварь ловко уворачивается, и Веспер валится на пол.

Я действую не думая. В ужасе я пинком посылаю гаснущую спичку в сторону существа; оно с противоестественной скоростью уклоняется от неё и теперь бросается на меня. Чёрт. Задушив крик, я ныряю в сторону, пока его когтистая лапа скребет по каменной стене за моей спиной, но спичка - в следующее мгновение она рикошетит от робы полуобглоданного трупа. Мои глаза расширяются, когда этот саван вспыхивает, существо испуганно визжит, а лед на полу тает от внезапного порыва жара.

Жар.

Детали мозаики складываются воедино прежде, чем я до конца осознаю суть, и я ползу к Ставросу, пока тварь разворачивается, чтобы последовать за мной с ужасным, хриплым звуком. Словно она глубоко вдыхает. Словно она… она чует меня.

- Ставрос! - Мой крик разрывает зал - слишком громко, чересчур громко, - пока Веспер швыряет свой нож в эту штуку, и лезвие глубоко вонзается ей в грудь. Однако тварь даже не покачнулась. Она просто вытаскивает лезвие обратно - ни крови, вообще никакой реакции - после чего единым плавным движением швыряет его обратно в Веспер. Та не успевает уклониться. На самом деле, её собственные движения кажутся замедленными, будто она увязла в густой грязи, когда кинжал пронзает её

левую ступню. Её крик почти заглушает мой голос, когда я хватаю Ставроса за руку и трясу её, удерживая его от броска на существо.

- Бум! - неистовствую я.

Он отводит свой яростный взгляд от Веспер, от существа, крадущегося к ней с голодным, хриплым дыханием.

- Бум?

- Да, Ставрос. Если когда-либо и было время для этого - бум! - Я хватаю Эос за плащ, когда она тоже бросается вперёд, чтобы помочь сестре. Потому что единственный способ помочь ей сейчас - помочь всем нам - это убить эту грёбаную тварь и бежать. - Бум.

Быстро кивнув, Ставрос пытается зажечь ещё одну спичку, с трудом справляясь, пока я заталкиваю Эос себе за спину. Я наклоняюсь и подбираю череп, швыряя его в существо, чтобы привлечь его внимание. Череп попадает туда, где должна быть голова, и тварь снова шипит, поворачивая ко мне странную маску из слоновой кости. Она снова втягивает воздух. Долгий, глубокий вдох, от которого у меня по спине пробегает дрожь подлинной паники.

- Сейчас, Ставрос!

Ругаясь сквозь зубы, он возится, роняет спичку, и... и у нас кончается время. Не спрашивая разрешения, я хватаю его мешок с порохом и швыряю его за спину существу, целясь в горящий, полуобглоданный труп.

Гробница взрывается.

Ставрос прижимает нас с Эос к полу, пока на наши головы сыплются камни и обломки, после чего падает сверху на Веспер, защищая её как может. Жар от пламени опаляет мне щеку. Кончик одной из серебряных косичек Эос загорается, но я поспешно тушу его, всматриваясь в её лицо в поисках каких-либо признаков травм среди обломков. Порез на лбу сильно кровит, но в остальном она кажется целой. Лучше чем целой. Живой. Сморщившись от острой боли в боку, я с трудом сажусь, в ушах звенит, когда я зову:

- Все целы?

- Просто чудесно, - цедит Веспер сквозь зубы, яростно матерясь, когда Ставрос выдёргивает нож из её ступни. Она высвобождает руку из-под особенно тяжёлого камня. Затем: - Пожалуйста, скажите, что мы убили эту тварь.

Как один, мы все переводим взгляды на темный силуэт за её спиной, его роба покрыта пылью от взрыва. Оно не шевелится. Не поднимается. Несмотря на это, никто не горит желанием приближаться к нему, поэтому я шумно выдыхаю и заставляю себя подползти ближе, моля Вилу, чтобы оно было мертво. Пожалуйста, пусть эта хрень будет мертва. Эос и Ставрос подкрадываются сзади, и мы вместе смотрим на останки существа.

Вот только никаких останков нет.

Ничего, кроме его робы, которая пустой лежит рядом с маской из слоновой кости. Нет ни тела, ни крови, ни костей, и это чувство ужаса только усиливается, когда до меня доходит суть. Тварь не мертва. Она просто... исчезла. Как будто её никогда и не существовало.

Дрожащими пальцами я поднимаю маску и рассматриваю её ближе. Похоже, у неё нет тех звериных черт, что обычно присущи участникам маскарада в Мортии. На самом деле, у неё вообще нет никаких черт. Она полая. Простая в каком-то жутком, пустом смысле. Внезапный озноб передёргивает мои плечи.

- Каковы шансы, что этого никто не услышал?

- Обход стражи через две минуты, - говорит Ставрос, сильно дергая себя за уши. Наверное, чтобы избавиться от звона. - Шансы очень малы.

- Нам хана, - шепчет Веспер.

Эос дрожит позади меня, не в силах пошевелиться. Моргнуть. Она просто уставилась на пустую робу, будто представляя, как тварь снова восстаёт из неё, готовая пожрать нас. Насколько мы знаем, она вполне может.

Эта мысль комом застревает у меня в желудке, и я тут же бросаю маску, поворачиваясь вместо этого к ближайшему трупу - женщине с окровавленной волчьей маской, сдвинутой на макушку расколотого черепа. Развороченная дыра в раздувшейся щеке. Желчь снова подступает, но я игнорирую её, срывая изумрудное ожерелье с её шеи. Браслет с лунным камнем с её запястья. Мы спустились сюда ради цели, и будь я проклята, если какой-то скелет-людоед отберет её у меня. Не тогда, когда мы так близки к свободе.

- Всё в порядке, - говорю я, хотя всё кажется каким угодно, только не в порядке. Запихивая добычу в воровской пояс, я перехожу к мужчине, чьи глаза были вырваны из черепа. Богиня. За всю ту боль, что люди причинили мерроу, те отплатили им той же монетой. Но сейчас не время для философских диспутов. Сейчас время закончить работу и уйти.

- Мы и не из таких передряг выбирались. Помните канализацию? По уши в дерьме и моче, солдаты на хвосте, а мы умудрились вернуться домой невредимыми. - Я ищу взгляд Эос, умоляя её снова улыбнуться. Задышать. Или, может быть, я умоляю саму себя. Я не могу избавиться от этого зудящего ощущения на коже, и каждый инстинкт в моём теле вопит о необходимости бежать. - Всё у нас будет хорошо. Хватайте, что можете, а потом…

- А потом? - спрашивает Веспер, глядя на меня с ужасом, заполняющим её синие глаза. Я никогда не видела её такой. Я никого из них никогда не видела такими - по-настоящему напуганными и ищущими у кого-то руководства. Ищущими его у меня.

Не в силах встретиться с ними взглядом, я сдёргиваю серебряную диадему с головы другого трупа.

- Бегите, - произношу я наконец. - Хватайте, что можете, а потом бегите.

Джордан Стефани Грей - Порочное мореThe Jordan Stephanie Gray - Wicked Sea

ГЛАВА 3

ЗЕФИРА

К несчастью, бежать легко только на словах.

Во-первых, Эос до сих пор не сдвинулась с места. Теперь она дрожит рядом со своей сестрой, тихонько хныча на каждом выдохе, пока Веспер растирает её руки, чтобы вернуть им тепло, а Ставрос тупо разглядывает обугленные остатки своего пороха, въевшиеся в пол. Все они, кажется, в шоке - к тому же нога Веспер всё ещё кровоточит. Я вообще не знаю, может ли она стоять, не говоря уже о том, чтобы бежать.

Всё это время наверху раздаются близкие и тяжёлые шаги. Стражники окружают нас, и даже если они не услышали взрыв, то стук моего сердца они точно услышат. Он грохочет, отсчитывая каждую драгоценную секунду, что мы торчим здесь, беззащитные и уязвимые. Им не понадобится много времени, чтобы открыть защелку. Найти нас, загнать в угол и упечь в тюрьму - или казнить на месте.

Мягко говоря, нам действительно хана.

- У тебя случайно не припрятано ещё немного пороха в карманах? - отчаянно спрашиваю я Ставроса.

Хотя он не находит в себе сил даже покачать головой, ответ чётко написан на его хмуром лице. Мы лишились нашего самого смертоносного оружия, и всё, что у нас осталось - это мы сами.

Много толку нам от этого будет.

Глухие, приглушённые голоса отдаются эхом наверху, и мое сердце колотится ещё громче. Кажется, меня сейчас вывернет наизнанку.

- Там четыре стражника. И нас четверо. - Веспер косится на меня, её брови сдвигаются, а лицо искажается сомнениями, когда она смотрит на свою окровавленную ногу. - Мы можем принять бой.

- Тебе стоит попробовать сказать это так, чтобы оно не звучало как вопрос.

- Мы не можем сделать бум, - удручённо произносит Ставрос. Он протягивает молот со своего пояса. - Но мы можем размозжить им черепа.

Четыре стражника, у которых четыре меча, плети и бог весть что ещё. Даже если у Ставроса есть молот, у Веспер - нож, а мы с Эос делим один кинжал, у нас явная нехватка оружия. Но эти разговоры не помогут, не изменят ситуацию, поэтому я расправляю плечи и хрущу шеей, надеясь выглядеть так, будто мой желудок не бурлит, как бушующее море. Потому что я не могу просто стоять здесь и ждать, пока из меня делают отбивную.

Восемь лет. Я была заперта на восемь лет без единой грёбаной надежды. Ни проблеска, ни намека - ничего. Восемь лет боли, которая казалась бесконечной, которая крутилась и крутилась, как песочные часы, вынужденные переворачиваться в ту самую секунду, когда иссякал песок.

Я туда не вернусь.

Ни ради кого. Ни ради чего.

- Нам нужно уходить. Живо.

- Это должно было быть просто. - Веспер сжимает свой нож и с помощью Эос с трудом поднимается на ноги. Она ведет младшую сестру вон из разрушенной гробницы, к лестнице. Единственный вход. Единственный выход. Я пристраиваюсь в шаг за ними. - Проникнуть внутрь должно было быть сложной частью, а не выбраться наружу.

- Мы утащим стражников вниз, если они откроют защелку. - Ставрос изучает потолок, наблюдая, как от каждого шага стражников из песчаника сыплется пыль, похожая на блёстки. - Веспер, ты перережешь им глотки. Я размозжу их черепа о землю. После этого бежим. Мы можем направиться к восточной стене Мортии, обменять часть добычи на безопасный проход в Люцию. Остальные не поймут, что произошло, до самого утра, пока новые стражники не придут на смену этим.

Мой желудок скручивает ещё сильнее, когда голоса стражников становятся громче, но я молчу. Не могу говорить. В ушах шумит от прилива крови, паники и страха. Я прижимаю руку к груди, заставляя свой пульс успокоиться, но всё без толку.

«Ни ради кого», - напоминаю я себе. «Ни ради чего».

- А если мы окажемся недостаточно быстрыми? - Веспер гладит сестру по волосам, всё ещё ковыляя к выходу. Взгляд Эос мечется по сторонам в поисках места, где можно спрятаться. Однако прятаться здесь негде, кроме как среди обломков вскрытой гробницы позади нас - а это будет первое место, куда заглянут стражники. - Если мы окажемся недостаточно сильными?

Я пристально смотрю на неё, пока Ставрос обдумывает её слова, и сквозь панику в моей голове начинает вырисовываться идея. Серебряные волосы. Мерроу.

- Когда ты в последний раз касалась моря? - поспешно спрашиваю я её. - Когда ты в последний раз принимала обли...

- Только попробуй, блять, - шипит Веспер. Её рука соскальзывает с Эос, а хватка на ноже усиливается. - Не смей говорить этого, если не хочешь сдохнуть первой.

Мои глаза сужаются.

За все месяцы нашей совместной работы Веспер никогда не угрожала мне подобным образом - серьёзно и непреклонно. Я никогда не злила её настолько, чтобы вынудить на это. Но это не обычное дельце по грабежу витрин и лавок в грязных пределах кишащего бандами города. Это храм. Это владения короля. И это происходит, чёрт возьми, спустя всего несколько дней после того, как сирены умыли кровью его дворец.

- Когда? - требую я, подходя ближе. Она вполне может быть нашей единственной надеждой. - Если есть шанс, что ты могла бы одолеть их, могла бы оказаться достаточно сильной, чтобы использовать любые силы, какими обладаешь...

- У меня их нет! - огрызается она. Эос снова хнычет, и Веспер притягивает её ближе. Обняв сестру за плечи, Веспер понижает голос, даже когда стражники наверху переходят на крик. - Прошли годы, ясно? Годы. И у меня нет ни желания, ни нужды возвращаться в море. Так что у меня нет никаких сил или крепости, и у нас нет возможности исправить это прямо сейчас. Забудь об этом, Зефира.

Чёрт.

Чёрт, чёрт, чёрт.

- А... а как же ты? - спрашивает Эос, её губы дрожат. Она смотрит на меня снизу вверх широкими, полными страха глазами. Сейчас она выглядит моложе, чем когда-либо прежде. - Ты можешь... помочь?

Инстинкт вопит, требуя отобрать у неё мой кинжал, вонзить его ей в грудь и прикончить за это обвинение. Тот самый инстинкт, из-за которого Веспер едва не откусила мне голову. Однако это Эос - я бы никогда, ни за что не поступила так с ней.

- Нет, Эос. Я не могу.

- Тогда мы покойники, - произносит Веспер.

- Нет, нет, - возражает Ставрос, которому совершенно плевать на запретное откровение, происходящее прямо под его носом. - Мы сокрушим их. Мы сотрём их кости в порошок.

- Да что с тобой не так, Ставрос? Почему ты, мать твою, такой жестокий? - Раздражение скребётся в моём горле, пока стены, кажется, сжимаются вокруг нас. Ощущение такое, будто комната уменьшается, а воздух становится разреженным. Я делаю вдох, но он едва наполняет мои лёгкие.

Ставрос моргает, глядя на меня. Выражение его лица остаётся странно безмятежным, карие глаза по-прежнему мягкие, а кожа вокруг них изрезана мелкими морщинками.

- Моя мать забила отца до смерти совком для пыли за то, что он угрожал причинить вред её детям. Она заставила нас вытирать его мозги, когда они разлетелись по кухне. Это был первый раз, когда я увидел внутренности человеческого тела. - Он пожимает плечами. - Это было не так уж страшно.

- Святая богиня, - шёпотом произносит Веспер.

Эос прижимает руку к губам, словно ее сейчас вырвет, или она рассмеется, или закричит — я не могу разобрать. Я вообще ничего не могу разобрать, кроме бешеного стука своего сердца.

- Она купила мне мой первый мешок пороха. - Его взгляд увлажняется от нежности. - Научила меня делать бум.

- А. - Я всматриваюсь в него какое-то мгновение, видя его в совершенно новом свете - и вовсе не потому, что он зажёг свою последнюю спичку. А потому что это грустная история. Акварель травмирующего прошлого. И всё это сейчас не имеет значения, ни моё прошлое, ни его, ни Веспер, когда нас всех вполне могут вздёрнуть на виселице.

Защелка медленно поддаётся, и струйка огненного света проливается сквозь потолок на лестницу. Мы переглядываемся друг с другом, все до единого, но именно Веспер задерживает на мне свой взор. Она один раз кивает, поудобнее перехватывая нож и игнорируя раненую ногу.

И в эту долю секунды я вижу, как всё это разыгрывается в моей голове: Веспер бросается на стражников, Ставрос следует за ней. Эос колеблется позади них. Веспер теряет опору, падает, её крик резко обрывается на копьях стражи. Ставрос со своим молотом падает следующим, оставляя меня защищать беспомощную Эос. Я вижу её кровь на своих руках. Я вижу и свою собственную кровь - вижу, как она проливается в той тюрьме абсолютной тьмы, слышу его восторженный смех в своих ушах.

Нет.

Я отчаянно качаю головой, выискивая другой выход.

Однако уже слишком поздно; Веспер разворачивается, чтобы ринуться на стражников прежде, чем защелка окончательно поддастся, помедлив лишь для того,

чтобы оттолкнуть Эос обратно в темноту. Эос не спорит. Она больше не пытается что-то доказать. Она не умеет сражаться, а Веспер... Веспер на взводе. Она боится. Если не за себя, то за свою семью, а Ставрос... ну, он парень хоть куда, но я не уверена, что он сможет одолеть четырёх стражников в одиночку без своих взрывчатых веществ.

И тогда...

Я часто моргаю, пытаясь прояснить зрение, пытаясь искоренить темноту, пытаясь задуть свечу ужаса, горящую в моём разуме, но не могу. Не могу, и мы сейчас сдохнем. Сжав свой воровской пояс с сокровищами, я пячусь на шаг назад.

Ни ради кого. Ни ради чего.

- ...заебало это ночное дежурство. Каждый раз, когда мы спускаемся сюда, это вечно крысы, - ворчит один из стражников. Он звучит старше, его голос истощен от усталости.

- Ага, так что мы просто проткнём их нашими копьями и свалим, - отвечает другой.

- Назад к скучной, грёбаной рутине, - произносит третий.

Мы уже одолели одно отвратительное чудовище, но каковы шансы одолеть ещё четырёх? Стены перестали сжиматься. Они исчезли полностью. Мы стоим на открытом пространстве, пойманные в этой грёбаной гробнице без намёка на выход. Мы просто стоим здесь, пока четверо свирепых королевских гвардейцев зажимают нас в угол. Мы не кошки, преследующие свою добычу по улицам; мы - грёбаные мыши.

«Беги в свою спальню, Зефира. Беги быстрее. Я так люблю погоню».

Что-то горячее, острое вонзается мне в поясницу. Выступает кровь.

Воспоминание восстаёт во мне, такое же болезненное, как тот грёбаный нож, когда Веспер бросается вперёд. Прежде чем я успеваю всё обдумать, я двигаюсь вместе с ней. За ней. Защелка открывается. Стражники громыхают вниз по ступеням. И я толкаю Веспер со всей силой, какую только могу наскрести, отправляя её кубарем на пол.

Она падает неудачно. Она падает прямо на собственный нож.

Мучительное проклятие срывается с её губ, и она испуганно смотрит на свою руку. На кровь, лужицей растекающуюся вокруг лезвия, пронзившего её запястье. Эос пронзительно кричит. Она бросается к сестре и падает на колени. Слёзы наворачиваются на её глаза.

- Не надо, - приказывает Веспер. - Не плачь обо мне. Не вздумай менять облик.

Если Эос заплачет, если солёные слёзы мерроу потекут по её щекам, она обречена.

Но мы и так обречены. Это не похоже на историю с рубиновыми ожерельями, и на канализацию это тоже не похоже. Это вопрос жизни или смерти, а я... я всё равно никогда не была частью этой команды. Ставрос подхватывает раненую руку Веспер, уставившись на меня с внезапной яростью. Молот дрожит в его кулаке.

- Что это за хрень была? - спрашивает старший стражник с лестницы. Он близко; он доберётся до нас первым. - Вы слышали кого-то?

Я отворачиваюсь от Веспер, прочь от Эос и Ставроса, и бегу вверх по лестнице.

И действительно, четверо массивных стражников спускаются по лестнице гуськом, их тяжёлые сапоги грохают по песчанику, а эфесы копий звенят о золото их доспехов. Они ахают, кричат, когда видят, что я несусь прямо на них. Но я не могу остановиться. Мне нужно бежать.

- Стой! - командует старший, его серые глаза видны сквозь прорезь громоздкого шлема.

- Это что... - начинает другой.

- Грёбаная девка? - заканчивает тот, что идёт сзади.

Почти обезумев от страха, я нападаю на старшего первым. Развернувшись, я бью ногой в его нагрудную пластину и отправляю его кубарем вниз по ступеням. Ещё двое тянутся, чтобы схватить меня, сталкиваясь со мной одновременно, но я уклоняюсь прежде, чем они успевают меня коснуться. Их шлемы врезаются друг в друга. Ужасный, оглушительный звук. Это ошеломляет их настолько, что я успеваю выхватить меч у одного и впечатать эфес в спину другого. Он валится с ног, увлекая за собой своего приятеля.

Моя грудь вздымается от адреналина, кожа покрылась пунцовыми пятнами. Я не останавливаюсь, чтобы подумать или вздохнуть. Я могу только двигаться. Последний хватает меня за волосы, но это не больно. Не тогда, когда его кулак путается в моих светлых локонах. Не тогда, когда он тянет со всей силы.

И не тогда, когда парик падает на пол, и мои настоящие розовые волосы волнами рассыпаются по плечам, спускаясь к пояснице.

Я закипаю, вскидывая украденный меч в руке. Он бросает короткий взгляд на волосы в своей руке, на дешевые искусственные пряди, прежде чем выпустить их. Его взгляд сужается, фиксируясь на моём лице.

- Мерроу, - цедит он сквозь зубы. - Русалка. - Он обнажает свой меч с новой решимостью. - Ты заплатишь за то, что натворили эти демоны. Ты будешь страдать...

Я взмахиваю мечом. Он вонзается куда-то между его шлемом и наплечником. Кость хрустит. Сухожилия рвутся. Однако серебро не прорубает его шею до конца; оно застревает в позвоночнике.

Никто больше не заставит меня страдать.

Я не утруждаю себя тем, чтобы столкнуть его тело через край. Я позволяю физике сделать работу за меня. Он спотыкается, и в следующий миг меня уже след простыл. У Веспер и Ставроса есть шанс против остальных. Я ранила стражников, говорю я себе. Дала своей команде фору. Рана Веспер будет болеть, но она справится. Надеюсь, они выберутся. Надеюсь, они выживут. Но я не останавливаюсь, чтобы убедиться в этом. Не могу.

«Беги быстрее».

И я бегу. Ноги ноют. Лытки горят. Кожа словно пылает. Ветер хлещет меня по лицу, обволакивает тело, когда я пулей вылетаю наружу, в храм. Затем вниз по ступеням. Лечу, парю.

Свободна.

Полночные переулки бурлят худшими отбросами Крестфолла: торговцы солью, контрабандисты рома, гильдии воров, соперничающие банды. Преступники всех мастей кучкуются небольшими группками - паразиты, присосавшиеся к обветшалым зданиям старой аристократии, высасывая их роскошь досуха в темноте, когда королевских солдат меньше всего, а продажная стража присматривает за этими улицами. Хотя дворец Адор сверкает, словно тиара у самой береговой стены, большая часть его некогда украшенного драгоценностями окружения пришла в упадок. Всё облупилось и потускнело, если не сказать - разрушилось окончательно. Пока знать

трахается и пропивает свои жизни, простолюдины либо выживают в лачугах, часто голодая и умирая от чумы, либо режут друг друга на улицах. Здесь нет почти ничего, чего люди не сделали бы ради денег.

Шесть месяцев в столице Мортии научили меня замечать несмываемые татуировки, вытатуированные на руках и шеях убийц, научили замечать разницу между поверхностным кашлем и кровавым хрипом. Шесть месяцев - и я точно знаю, кого следует избегать в этом проклятом богиней месте. Почти все они здесь. Сейчас.

Я заправляю розовые волосы за воротник туники с длинными рукавами и пробиваюсь сквозь толпу, собравшуюся вокруг игры в кости. Игроки сидят на грязной земле, алая струйка стекает с их губ - Клеймо Мортема заявляет о своих правах. Они бросают двенадцатигранные кости, пока остальные передают туда-сюда ставки и жалкие медяки. Никто не беспокоится о том, чтобы не подхватить чуму. Здесь это просто ещё один факт жизни. Как пропуск завтрака, хождение босиком по битому стеклу и нападение королевской стражи - простолюдины здесь долго не живут. И это, наверное, к лучшему.

Для меня это уж точно оборачивается выгодой. Мерроу невосприимчивы к чуме. И каждого здесь можно купить.

Выскользнув из зоны тщетной игры, я перешагиваю через два тела - спящие? мёртвые? - и продолжаю путь к концу переулка, где гнилое четырехэтажное здание начало погружаться в землю. Двое мужчин стоят перед большой железной дверью. Их толстые кулаки сжимают одинаковые копья, эфесы которых выгравированы так же, как и дверной молоток: с корявой мордой льва и шрамом, перечеркивающим его левый глаз.

- Мне нужен Магнус, - говорю я без всяких предисловий. На это, блять, нет времени. Мне нужно убраться с этого континента, пока он не поглотил меня.

Однако мужчины даже не удостаивают меня взглядом. Они также не утруждают себя ответом. Гребаные громилы. Паника все еще колет мне грудь, словно в меня ударила молния и остаточные разряды заставляют моё сердце биться всё быстрее и быстрее. У меня нет времени. С рычанием я лезу в свой воровской пояс и вытаскиваю браслет с лунным камнем. Он ослепительно сверкает в ночном воздухе, отражая свет звезд над головой. Это определённо привлечёт их внимание. Жадные взгляды цепляются за украшение, и я готова поклясться, что у одного из них потекла слюна.

- Магнус. - Мне до боли хочется выхватить одно из их копий, украсть хоть какое-то оружие. Нахождение здесь не то чтобы безопаснее, чем в гробнице; просто хищники тут замаскированы. Они всё ещё могут наброситься в любой момент. - Сейчас.

- Зефира, - раздаётся протяжный голос у меня за спиной. - У тебя новый цвет волос.

Я резко оборачиваюсь, и вижу главаря банды «Леонес», который небрежно подпирает стену на противоположной стороне улицы. Магнус отталкивается от неё, направляясь ко мне с полуухмылкой, навсегда застывшей на его волевом лице. Его левый глаз искрится зелёным, но правый полностью чёрный - и прочерчен от брови до щеки сморщенным, неровным шрамом. Я раньше уже доставляла товар Магнусу. Он платит лучше всех и не задаёт вопросов.

- Ну да, в общем... - Я заправляю непослушную прядь за ухо. - Мне захотелось перемен, а я слышала, что розовый - хит этого лета.

- Ты бы обвинила нас в измене, если бы не тот стражник нашёл тебя здесь. Констан каждое утро устраивает массовые казни на городской площади для всех, кто

хотя бы столкнулся плечами с мерроу. Не думаю, что такая хорошенькая штучка, как ты, дожила бы до рассвета.

Я сглатываю подступившую желчь при мысли о том, что Веспер, Эос и Ставрос сейчас борются за свои жизни в той гробнице. Я не могла их спасти. Я сама едва сумела сбежать. А эта проклятая вина, которую я чувствую - она только погубит меня.

- Хорошо, что я не мерроу, - шиплю я, вызывая его сузившимися глазами сдать меня страже, арестовать. Магнус такой же голодный, как и все остальные; он ни за что не откажется от такой дорогой добычи. Моя кровь кипит, но я не могу напасть на него в открытую. Магнус контролирует половину города. Ходят слухи, что банда «Леонес» утроилась под его руководством и искоренила три другие группировки в течение первой же недели. Магнус получает хорошую цену, потому что он вселяет ужас. Тем не менее, я сохраняю нейтральное выражение лица. Если я покажу хотя бы намёк на страх, он поймет, что власть в его руках. А если власть у него, я не получу больше пары серебряных монет.

- Тебе нужно это или нет? У меня мало времени.

Магнус переводит взгляд с моих волос на браслет, его рука тянется к кинжалу в кармане. Я слежу за этим движением как коршун. Если понадобится, я снова побегу. Я меньше и быстрее, чем банда Магнуса. Я потратила месяцы на изучение этого города, его потайных уголков, секретных проходов и канализационной системы. Я смогу уйти, если придётся.

Смогу.

Спустя секунду он вынимает руку из кармана и тянется ко мне, словно собирается схватить меня за плечо и утащить дальше в темноту. Я уклоняюсь прежде, чем он успевает меня сцапать, оскалив зубы с рычанием.

- Не смей.

Он матерится, тихо и мрачно, но вместо того чтобы попытаться коснуться меня снова, проводит рукой по своим зализанным назад каштановым волосам.

- Какого хрена ты размахиваешь благородными побрякушками посреди Крестфолла, Зефира? Любой из этих негодяев разрежет тебя от головы до хвоста, чтобы наложить на это лапу. Ты ставишь под удар наши головы. Я бы вообще не стал тебе помогать, если бы знал, что ты…

Я не даю ему закончить.

- Ты мне не помогал. Это я помогаю тебе.

Он свирепо смотрит на меня. Я смотрю на него в ответ, приподняв брови в ожидании.

- У тебя есть пара секунд, прежде чем я пройдусь по улице и предложу это «Шрамам».

При упоминании его самого яростного соперника он рычит. Его глаз темнеет ещё сильнее, превращаясь в бесконечный колодец обсидиановой ночи.

- Ты играешь не с той бандой, блять. - Он пододвигается ближе. Я делаю шаг назад, врезаясь в стену мышц. Один из его людей дышит мне в затылок. - Ты хоть знаешь, сколько моих людей прячется в тенях?

Чёрт. Я заставляю своё дыхание оставаться ровным. Заставляю лицо оставаться бесстрастным.

- А ты знаешь, сколько людей я убила? - Я делаю шаг вперёд, ускользая от парней, что скалятся за моей спиной. - Я увеличу это число, если придётся, но мне бы не

хотелось. Я пришла к тебе по делу, Магнус. У меня такая добыча, в которую ты не поверишь.

- Ты хочешь, чтобы я заплатил тебе, а я мог сбыть драгоценности мёртвых аристократов? - Магнус слишком легко докапывается до истины, и мой желудок снова начинает бунтовать. - Не похоже на выгодную сделку. Как я уже сказал, король не шутит. Если кто-то не тот почует неладное, мы все трупы.

Я крепко сжимаю челюсти, перебарывая панику. Каждая клеточка тела умоляет меня развернуться, сбежать, но это единственный выход.

- Переплавь металл и расколи камни. - Я достаю рубиновый браслет на ногу, пару бриллиантовых серег и изумрудное ожерелье, добавляя их на раскрытую ладонь, где продолжает сиять браслет. Зелёный глаз Магнуса цепляется за них. Вены на его бледной шее пульсируют. - Я знаю, у тебя есть связи как внутри дворца, так и за его пределами. Никто больше не сможет это сбыть.

Он сглатывает. Его кадык дёргается. Я сжимаю кулак, пряча драгоценности, и он хмурится.

Когда он поднимает взгляд и встречается со мной глазами, я понимаю, что совершила ошибку. Я пришла в логово льва, обмазала себя маслом и прыгнула прямо в его разинутую пасть. Он знает, что у меня есть. Он также знает, что он единственный, кто в курсе этого. Я мерроу; никто не хватится меня, если я сдохну.

Его рука напрягается, и он ухмыляется.

Дерьмо.

Он собирается потянуться за кинжалом - но ему незачем убивать меня самому. У него повсюду люди. Люди покрупнее, люди пострашнее. Чёрт, чёрт, чёрт. Быстро, как только могу, я делаю выпад, и моя нога врезается в нижнюю часть его кармана, выбивая кинжал наружу. Он взлетает вверх. Магнус тянется к нему, но я быстрее. Оттолкнув его плечом в сторону, я умудряюсь перехватить кинжал за лезвие. Кровь выступает на моей ладони, но я перекручиваю его и выставляю оружие перед собой.

Магнус со свирепым видом убирает упавшую прядь каштановых волос с лица.

- Ты же не думаешь, что один крошечный клинок защитит тебя от «Львов»?

Медленно его люди просачиваются из теней. Я дико оглядываюсь по сторонам, но они окружают меня со всех сторон. Мне придётся не просто обогнать их; мне придётся прорываться сквозь них. Сражаться с ними. Один клинок против пятнадцати мужчин.

И снова - мне хана.

Я встряхиваю своими розовыми волнами, позволяя каждому из моих новых противников разглядеть цвет мерроу. Несколько человек тут же отступают назад, другие опускают свои копья, пусть даже на дюйм или два. Я сладко улыбаюсь, хотя ужас сжимает мои внутренности дикой хваткой.

- Магнус, дорогой, ты правда думаешь, что клинок – моё единственное оружие? Ты забыл, что произошло всего несколько ночей назад?

Он оценивающе вскидывает бровь.

- Ты намекаешь, что ты - одна из тех сирен, что вырезали королевский двор?

- Я ни на что не намекаю. Я говорю тебе, что не побоюсь заставить тебя выдрать собственную щеку собственными ногтями.

Его взгляд расширяется. Что бы он ни знал, что бы ни донесли ему его шпионы, это должно совпадать с теми кровавыми уликами, что я нашла в гробнице. Та женщина в маске волка, которая умерла в ужасных муках.

- Их… их было всего трое, - произносит Магнус, отступая на шаг назад. Остальные его люди повторяют это едва заметное отступление.

- Неужели? И ты готов поставить на кон свою жизнь? - Я раскрываю другую руку, чтобы снова блеснуть драгоценностями, и он вздрагивает. Я содрогаюсь от восторга. От чувства контроля. Проклятые люди. - Как ещё, по-твоему, я это достала? - спрашиваю я, продвигаясь вперёд и заставляя его пятиться. Он спотыкается о собственные ноги, едва не падая на задницу, неуклюжий, как рыба, бьющаяся на пристани. Великий Магнус из «Львов», превратившийся в дрожащего мальчишку перед лицом одной-единственной мерроу.

Я смеюсь над этим, и прежде чем он успевает заговорить, прежде чем я случайно споткнусь на лжи и выдам правду, я понижаю голос и требую:

- Мне нужна одна из ваших карет, и мне нужен безопасный проход в Люцию через береговую стену. Мне нужен кучер, достаточно еды на дорогу, и клянусь, если будет хоть намек на глупости, я завою всех до смерти, прямо как сделала это с королевским двором. Считай эти драгоценности оплатой после того, как я доберусь в целости и сохранности.

Он пристально смотрит на меня. Остальные люди смотрят на меня. Шок, ужас и алчность сменяют друг друга, как мелодия, на их лицах, и каждая нота извлечена из их самых примитивных страхов. Им нужно кормить себя и где-то жить. Им нужна монета. Даже если это означает работу с русалкой.

Магнус встречается со мной взглядом и кивает, и победное чувство покалывает мою кожу. Тёплый воздух раздувает пряди моих волос.

У меня получилось. Я, блять, наконец-то…

Ветер поднимается в постоянном ритме, зловещем и сверхъестественном, и мужчины поднимают взгляды вверх. Их рты раскрываются. Они бросаются наутек прежде, чем успевают издать хоть один крик. Даже Магнус, который ныряет внутрь штаб-квартиры «Львов», ни разу не оборачивается.

- Интересная история, русалка, - произносит странный, хриплый голос сверху. Моё сердце замирает. Я смотрю вверх - и оно проваливается сквозь грудную клетку. Это почему-то хуже. Намного хуже всего остального, что произошло за этот вечер.

Массивные белые крылья с золотыми кончиками распахнуты за спиной крупного, мускулистого мужчины, магия искрится на кончиках его пальцев опасным синим пламенем. Я заставляю себя продолжать стоять, направить нож в его сторону и свирепо смотреть. Это всё, что я могу сделать, чтобы сдержать крик, потому что я…

Я практически труп.

Джордан Стефани Грей - Порочное мореThe Jordan Stephanie Gray - Wicked Sea

ГЛАВА 4

ЗЕФИРА

- Чернокнижник.

- Русалка.

Я кручу и кручу кинжал Магнуса между пальцев, буравя взглядом любимую породу ручных псов короля. Грёбаные чернокнижники. Я изучила этот город вдоль и поперёк. Я жила среди простолюдинов и подслушивала богачей, но даже спустя шесть месяцев знаю о них лишь то, что доносится из слухов, сорвавшихся с дрожащих губ за закрытыми дверями и в полупустых тавернах. Чернокнижники - это проклятие Мортии.

Их боятся, а не почитают.

Совсем как их ненаглядного Мортема.

В Войнах Мерроу чернокнижники были виновны более чем в 70 процентах истребления нашего народа. Их магия кажется единственным противоядием против нашей собственной, и она… необузданна. Тёмная магия, невиданная ни на море, ни на суше, непохожая ни на что, когда-либо существовавшее в естественном мире. Они порочны. Они неправильны.

И теперь этот придурок стоит передо мной, разминая горящие костяшки пальцев, словно готовый срубить меня так же легко, как лесоруб валит дерево. Так же легко, как его предшественники уничтожили остальных моих сородичей. В горле поднимается шипение, а кровь закипает от первобытной ярости.

Только через мой труп он одержит надо мной верх.

И судя по его враждебному выражению лица, именно этого он и хочет - мой труп, подвешенный высоко над городом на потеху чайкам. Мои глаза слегка сужаются. Не бывать этому.

Мне нужно сваливать отсюда к чёртовой матери; однако у меня нет магии, чтобы драться с ним. Я на суше. Здесь я бесполезна. Единственный способ одолеть его - спровоцировать на честный поединок, на оружии или кулаках. Он кажется достаточно высокомерным, чтобы клюнуть на это. А затем, когда я уложу его на лопатки, я смогу рвануть к стене. Если «Львы» мне не помогут, придется защищать себя самой, но это не невыполнимая задача. Я смогу добраться до Люции.

Мне просто нужно сначала выбить всю дурь из этого чернокнижника.

Запихнув драгоценности обратно в воровской пояс и игнорируя бешеный пульс, я натягиваю на губы приторно-сладкую ухмылку и произношу:

- Как мило со стороны короля выпустить тебя из башни на ночь, принцесса.

Пламя в его руке разгорается сильнее, и он начинает обходить меня по кругу, намертво впившись в меня своим золотисто-серебряным взглядом. Он молчит, его волевая челюсть сжата, а внушительные мускулы напряжены. Типичная тактика запугивания. К несчастью для него, мне не привыкать разговаривать самой с собой.

Я перебрасываю кинжал в левую руку, ловко ловлю его и швыряю обратно в правую - снова, и снова, и снова - подстраиваясь под его шаги.

- Конечно, этот поводок ведь не бесконечный, правда? Лучше молись, чтобы он тебя не задушил.

Он не произносит ни единого слова.

Я облизываю губы.

- Уверена, всей империи тяжело думать о тебе как о королевской сучке.

И снова ничего. Он не говорит, не моргает и, кажется, даже не дышит. Чёрт. Я думала, у него токсичная маскулинность - как у большинства козлов в Крестфолле - но, возможно, я ещё не нащупала нужный триггер. Мне нужно разозлить его так, чтобы он захотел сжать руки на моём горле. Разозлить настолько, чтобы магия показалась ему слишком быстрым, слишком милосердным способом моего убийства. К чёрту всё.

- Язык проглотил? Или королевский член застрял в горле? - Ухмыляясь ещё шире, я подлетаю к нему ближе, неуловимо, как вдох, и полосую его предплечье, отскакивая назад прежде, чем он успевает даже подумать о том, чтобы сцапать меня. - Давай. Подавись им, чернокнижник.

Он смотрит вниз, наклонив голову, и наблюдает, как кровь выступает на его загорелой коже. Это пустяковый порез.

Это предупреждение.

Пламя на его руке гаснет. Следом поднимается дым, закручиваясь в ночном воздухе, когда он прикасается пальцем к ране. Его брови слегка сдвигаются, почти в недоумении, и он поднимает глаза. Встречается со мной взглядом. Золотые кольца вокруг его серых радужек словно горят чистым, нефильтрованным солнечным светом.

- Ты пытаешься спровоцировать меня, - произносит он, и в его глубоком голосе нет ни единой нотки интонации. - Чернокнижника невозможно спровоцировать.

Под его пальцем рана затягивается сама собой. По-видимому, без особых усилий или концентрации с его стороны.

Грёбаные Бездны.

Моя улыбка сменяется хмурым взглядом. Я убираю розовую прядь за ухо. Адреналин разливается по венам, пульсируя во мне в бешеном, пьянящем ритме. Сегодня я была в ловушке, в опасности, меня едва не схватили и не убили десятком изощрённых, ужасных способов - не говоря уже о том, что я снова бросила Веспер и остальных. Если они выживут, они придут за мной; в этом я уверена. Но теперь ещё и чернокнижник? Что-то тёмное и дикое сжимает моё сердце в своих порочных тисках. Что-то с зубами, когтями и жаждой крови. Я не умру здесь. Чего бы мне это ни стоило, я сбегу из этого города, от этого чернокнижника, иначе - что ж, я могу просто убить его.

- Я вырезал их. - Словно читая мои мысли, он наблюдает за мной этим невыносимо проницательным взглядом. - Других мерроу. Это я вонзал мечи в их глотки. Они были монстрами. И ты тоже.

Лёд проникает в мой позвоночник. Я свирепо смотрю на него, грудь тяжело вздымается от ярости. Я видела ту бойню, которую устроили те мерроу, но так ли они были неправы? Нас преследовали пять веков. Нас травили, истребляли. Наши морские королевства были разорваны на части, разделены их стенами, их армиями и их войнами.

- Я собираюсь выколоть твои глазные яблоки, - медленно произношу я, - и заставить тебя подавиться ими.

Он кивает.

- Да, те демоны пытались провернуть что-то похожее. Для них это закончилось не очень хорошо. - Он делает шаг вперёд, один размашистый шаг, который покрывает слишком большое расстояние. К счастью, магия не зажглась вновь в его кулаках, но если он исцелил себя так быстро, то сможет достать другое оружие ещё быстрее. Я задираю подбородок, удерживая его взгляд и отказываясь пасовать перед его магией.

Я и раньше имела дело с парнями пострашнее.

Я пережила такие кошмары, в которые он бы не поверил.

Этот чернокнижник не станет причиной моей смерти. Мои собственные силы могут спать, но у мерроу есть и другие преимущества. Во мне течет жизненная сила соли и моря. Я грациозна, быстра и смертоносна, как штормовая волна.

Расправив плечи, я спрашиваю:

- Тебя когда-нибудь надирала задницу девка вдвое меньше тебя?

На это он усмехается. Тёмный, коварный звук. Звук, полный скептицизма. В его взгляде вспыхивает что-то похожее на гордость, словно сам вопрос слишком нелепый, чтобы требовать настоящего ответа, и он протягивает руку - молниеносно - чтобы схватить меня за горло.

Попался.

Пока он движется, прежде чем он успевает коснуться меня, я вцепляюсь в его запястье и выворачиваю его. Используя весь свой вес, я лишаю массивного чернокнижника равновесия и подбиваю левым бедром его ноги. В мгновение ока из положения полного контроля он перелетает через моё плечо и валится на землю.

Я разворачиваюсь и прыгаю на него сверху, прижимая лезвие к его горлу. С маниакальным блеском в глазах и жестокой улыбкой на губах я упираюсь коленом в его руку, чтобы удерживать его в заложниках.

- Не весело, а? К твоему счастью, у меня нет меча, чтобы вонзить его в твою глотку. - Я полосую его кожу, оставляя прямую линию, которая кровоточит ярким багрянцем на его шее. - Но у меня есть этот кинжал. Извини. Хотя погоди - вообще-то мне не жаль. - Слегка надавив, я режу глубже и…

В этот момент мои руки сводит судорогой. Руки деревенеют. Кинжал выпадает из моей хватки, и я… я не могу пошевелиться. Я, блять, не могу пошевелиться. Магический лазурный шнур обвивает моё тело, связывая конечности и фактически стреноживая меня, как скотину. Даже мои лёгкие не сокращаются. Слова застревают в горле, лишая меня возможности кричать, драться или делать хоть что-то. Я в абсолютном ужасе смотрю вниз на этот шнур, на чернокнижника.

Чернокнижник ухмыляется мне снизу вверх, прядь шоколадно-каштановых волос падает ему на лоб.

- Король предпочитает, чтобы казни мерроу оставались публичными, - коротко объясняет он. - Иначе я бы с радостью убил тебя прямо здесь.

Сдавленный стон зарождается между моих рёбер - вой ярости, отчаяния, потому что я была так близко, так, блять, близко, - но я стискиваю челюсти, чтобы удержать его внутри. Вместо этого я скалю зубы, чтобы он не услышал моего страха.

У меня нет контроля. У меня нет ничего.

Чернокнижник приподнимается, и его голос звучит мрачным шёпотом:

- Лучший способ победить противника - это дать ему поверить, что он уже выиграл.

Внезапно, в один миг, мир погружается в бездонную тьму, и я понимаю, что проиграла.

Джордан Стефани Грей - Порочное мореThe Jordan Stephanie Gray - Wicked Sea

ГЛАВА 5

АРИОН

Самый могущественный чернокнижник за последние пять веков не должен торчать в карауле, но, когда среди нас находится предполагаемая сирена, король отказывается рисковать. Так что я здесь. И это при том, что у меня есть проблемы куда серьёзнее, о которых стоит беспокоиться.

Стены из лазурита светятся самым тёмным синим цветом в тюрьме под Башней Аркана - и это не просто элемент декора: старейшины зачаровали кирпичи из самоцветов так, чтобы они задерживали любые запахи и звуки. Это как находиться под водой, только без разъедающей соли и вечной тревоги из-за мерроу. Никто за дверью не услышит меня. Никто за дверью не услышит вообще ничего из того, что здесь происходит.

Я бросаю взгляд на архаичные орудия пыток, аккуратно разложенные в ряд на каменном столе передо мной. Клещи. Зазубренные ножи. Ржавая металлическая трубка для пускания крови. Традиционно. Излишне, когда у тебя есть магия, но самые древние формы истязаний часто оказываются самыми болезненными. Впрочем, я здесь не ради них. Хотя я бы с большим удовольствием занялся ими, чем альтернативой.

Ёрзая на табурете, я ленивым щелчком пальцев подхватываю очередной фолиант из затхлой стопки и открываю его. Страницы взрываются неистовым вихрем, вздымая тучи пыли, пока они ищут нужные мне слова - слова, которые я безуспешно ищу уже несколько дней: Сердце. Мортем.

Смерть.

Взмахом крыльев я разгоняю облака грязи, перья топорщатся от отвращения. Я ощущаю их движение так, словно между лопаток проворачивают кинжал. Правое крыло яростно поджимается на изгибе и трясется, будто грозит мне кулаком. Я хлопаю по нему, но оно не успокаивается, пока я не делаю раздражённый вдох и не очищаю воздух разрядом магии.

Крылья - та ещё заноза в заднице.

Их хирургическая имплантация происходит перед Восхождением чернокнижника. Вырванные у пегаса и вживлённые в наши кости, крылья призваны испытать нашу стойкость, нашу способность выдерживать пытки в самых ужасающих условиях, а также даровать нам способность летать. Но эта боль никогда не утихает. Крылья никогда не приживаются до конца. Мы вынуждены жить, борясь друг с другом и существуя в вечном рассинхроне на протяжении всего нашего совместного бытия.

Это испытание. И большинство послушников его проваливают.

Большинство, но не я.

Старейшины говорили, что я мог бы расколоть этот мир и перекроить его заново, если бы только пожелал. Говорили, что однажды сам король склонится передо мной.

Говорили, что мне нужно просто выжить. Грёбаный смех, да и только. Никто и никогда передо мной не склонялся. И ни у кого никогда не будет такого шанса.

Я самый могущественный чернокнижник за полтысячелетия, и я вынужден торчать над этими проклятыми книгами. Я невероятно быстро сканирую фолиант взглядом и натыкаюсь на единственную интересную страницу ближе к концу.

Считается, что до создания Бездн Мортем основал Абисс - утопическое общество для человечества. Хотя предполагается, что оно было возведено где-то за пределами четырёх континентов, никаких доказательств его истинного местонахождения или истории не существует. В 335 году от С.Б. (с момента создания Бездн) обломки странных руин, покрытых водорослями, вынесло на чёрные пляжи восточного побережья Королевства Факс. На них было выбито грубое изображение человека и мерроу, сплетённых в кощунственном союзе.

Разумные историки считают эти фрагменты мистификацией и попыткой Факса посеять раздор в Королевстве Мортия. В то время как непризнанные исследователи видят в этом доказательство того, что Абисс был не только реален, но и связывают Падение Мортема с этой мифической утопией. В 337 году от С.Б. новый историк, Дима Васильев, выдвинул теорию: «На основании найденных артефактов я пришел к выводу, что определенные люди и мерроу жили вместе в мире и гармонии. Хотя Падение Мортема не было истинной смертью, мы знаем, благодаря некоторым из самых ранних произведений искусства Мортии, что именно русалка была ответственна за кражу его сердца и, следовательно, за начало эпохи Бездн. Абисс, похоже, тесно переплетен как с нашим родом, так и с родом мерроу».

Могло ли это самое Падение произойти в фантастическом королевстве из легенд и мифов? Могли ли мерроу и люди когда-то сосуществовать в мире и гармонии? Это интересная гипотеза, но, к несчастью, Дима Васильев скончался всего через несколько недель после того, как поделился ею. Заговорщики считают это делом рук Культа Смерти, глубоко законспирированной группы самых коварных последователей Мортема, хотя историки сходятся во мнении, что безвременная кончина скорее связана с пристрастием Васильева к божественным солям.

Ни одно из утверждений Димы Васильева так и не было обосновано. Никаких других свидетельств существования Абисса или Сердца Смерти с тех пор обнаружено не было.

Магия скручивает внутренности, сворачиваясь змеями вокруг моих органов, пока я не высвобождаю это полыхающее глубоко внутри давление. Поток воздуха с силой захлопывает книгу, и я швыряю фолиант на стопку других, прочитанных со вчерашней ночи. Эта гора книг настолько высока, что почти достает до стола. Бесполезно.

Я не нашёл ни одного ответа, а моё время на исходе.

- Ты не можешь вечно меня игнорировать, - жалуется мерроу из своей камеры. - Я хочу выйти.

Мои крылья топорщатся от звука её мягкого, мелодичного голоса за спиной; они одновременно тянутся к ней и дёргаются назад, словно не могут решить, хотят ли они пойти на конфликт или полностью сбежать от её присутствия. Я их не виню. Хотя она пыталась играть в молчанку с тех пор, как впервые очнулась - амбициозная цель для такой сквернословящей мерроу, - её пульс не замедлялся ни на секунду. Я отсюда чувствую запах её отчаяния, дикого и всепоглощающего.

Отвратительно.

- Тебя выпустят, когда придёт время умирать. - Я беру ещё одну книгу из непрочитанной стопки и принимаюсь прочёсывать страницы в поисках спасения.

Сердце. Мортем. Смерть.

Сердце. Мортем. Смерть.

Четыреста страниц пролетают перед глазами, и ничего. Вообще ничего. Рычание зарождается в моей груди, я сбрасываю фолиант на пол и спешно хватаю следующий.

- Ну же. Что скажешь, если ты меня отпустишь? - В голосе русалки прибавляется сладких ноток. Я жду, что за этим последует губительная мелодия, песня, призванная подчинить меня её воле. Но её нет. В её голосе слышится дрожащий сбой. Её дыхание поверхностное и неровное. Прямо сейчас она не звучит как сирена. Она звучит просто как напуганная девка. - Тебе больше никогда не придётся меня видеть, - предлагает она ещё более жалко. Я представляю, как она хлопает своими огромными бирюзовыми глазами и надувает нижнюю губу. Умоляет, как грязная трусиха, коей она и является.

Вместо ответа я продолжаю впиваться взглядом в страницы. Я читаю, читаю и читаю. Безрезультатно. Тем временем она начала отрывать куски от своего тюфяка, чтобы швырять ими в меня. Мои крылья отбивают большую часть безобидных снарядов, но пара штук все же прилетает мне в шею. На ощупь они мокрые.

- Это моя слюна, - объявляет она, когда я тянусь рукой, чтобы смахнуть их.

Я закрываю глаза на ровном выдохе, изо всех сил стараясь вспомнить медитативные практики, которым нас учили старейшины. Однако моя кровь уже закипает от подавленной магии. От жгучего желания выплеснуть её и проклясть себя ещё сильнее. Её слюна у меня на шее, и, если бы кто-то другой осмелился на такое, он бы уже превратился в кровавое месиво на этом грязном полу камеры.

Когда мои руки крепче сжимают книгу перед собой, она с рычанием добавляет:

- Ты пропустил кусочек за ухом.

Сердце. Мортем. Смерть.

Я скорее слышу, чем вижу, как она сжимает кулаки, прежде чем запустить мне в затылок очередным куском матраса.

- Как хочешь. Я могу заниматься этим всю ночь.

Сердце. Мортем. Смерть.

Но я не могу выкинуть её голос из головы. Не могу игнорировать этот зуд в груди.

Во время Испытаний чернокнижник подвергается мучениям не ради пустой дисциплины. Мы становимся магией. Магия становится нами. Она вплетается в саму ткань наших тел, наших костей, нашей крови. Она становится неотменяемой, непреодолимой и необходимой для нашего выживания; мне нужно расходовать её так же сильно, как нужно сделать следующий вдох. Если я этого не сделаю, магия поглотит всё вокруг.

Таков пакт чернокнижника.

Когда она шипит из своей камеры - и очередной кусок мокрого матраса задевает мою щеку, - я разрываю напополам последнюю книгу и швыряю её позади себя. Вырванные страницы взмывают в воздух, словно ощипанные перья.

- Король разрешил мне пытать тебя так, как я сочту нужным. Если ты не умеешь молчать, у меня не возникнет проблем с тем, чтобы заткнуть тебя самому.

Наступает резкая пауза, а затем она снова огрызается:

- Если бы король велел тебе слизать сливовый джем у него между пальцев ног, ты бы сразу упал на колени?

Мускул дёргается на моей челюсти. Дыши. Сосредоточься на источнике магии внутри. Черпай энергию из него. Черпай силу из своего центра.

- Я предпочитаю клубничный.

Она снова рычит, и решетка её камеры содрогается, словно она трясёт её. Пытается выломать. Но она слишком слаба, чтобы сбежать. Слишком жалка.

- Я отказываюсь проводить свои последние минуты на этой земле, разговаривая с грёбаным чернокнижником.

- Никто не заставляет тебя говорить, демон.

Она судорожно вздыхает. Кажется, её отчаяние растёт с каждой секундой.

- Разве Мортия не должна быть справедливым и праведным королевством? Я… я требую суда. Я требую суда, блять, с вашим грёбаным королем, ты, кусок придурка! Я… я даже не русалка!

Дамба внутри моей груди прорывается от её лжи. Разочарование и магия взрываются наружу с такой силой, что кажется, будто я закипаю в собственной коже. Между одним вздохом и следующим я оказываюсь в дюймах от камеры мерроу. В дюймах от её лица. Она испуганно вскрикивает, оступается и падает назад на свой только что разорванный тюфяк.

Я стою там, мускулы напряжены под чёрной туникой, крылья широко распахнуты, и свирепо смотрю на неё сверху вниз. Розовые волосы беспорядочными волнами падают до её талии, а океанские синие глаза искрятся яростной смесью страха и гнева. Её аккуратный носик дёргается. Полные губы кривятся в гримасе. Каждая эмоция, которую она испытывает, разыгрывается на её лице, как песня. Гнев, отчаяние, ужас. Она не может их скрыть; я даже не уверен, что она пытается. Я наклоняю голову, разглядывая её так, как изучают инородную грязь на своём сапоге.

Пожалуй, это не совсем справедливое сравнение.

Возможно, она красива под этой завесой эмоций. Возможно, если бы она не была демоном глубин, я бы восхитился мягким изгибом её бёдер и поцелованным солнцем блеском её золотистой кожи. Однако в нынешнем положении она - монстр.

И она будет мертва в течение часа.

Я опускаюсь на корточки до уровня её глаз, обхватывая пальцами прутья решетки. И выгибаю их с помощью магии. Её взгляд тут же перемещается на новый проём, и она облизывает губы - нервный жест.

- Твои попытки сбежать бессмысленны. Ты поймана. Ты умрёшь, - рычу я, отрывая взгляд от её губ. - И ты умрёшь, потому что ты - вероломная мерроу, которую выбросило на вражеский берег. Твой народ устроил резню несколько дней назад, и я нашёл тебя хвастающейся в переулках Крестфолла, заявляющей, что ты участвовала в их кровавом обмане. Если бы ты предстала перед судом, тебя бы признали виновной и вздернули на виселице. Как ты того и заслуживаешь.

- Я не пытаюсь сбежать, - заявляет она на очередном прерывистом выдохе, хотя не может оторвать взгляда от дыры в решётке.

- Сколько выходов в этой комнате?

- Четыре, - говорит она инстинктивно. Её взгляд переводится на меня, и глаза сужаются. - Включая окно над моей камерой.

Я смотрю через её голову, на двадцать футов вверх, на мутное синее стекло. Совершенно дурацкое наблюдение.

- Тебе понадобятся крылья, чтобы добраться туда.

- К счастью для тебя, у тебя они есть.

- И ты думаешь, что сможешь прокатиться на мне?

- Зависит от обстоятельств. - Она двусмысленно хлопает ресницами, поднимаясь с тюфяка. - Хочешь прокатиться, чернокнижник?

Шутка. Или, возможно, издевка. В любом случае, она уходит от ответа.

- Я бы скорее отрезал себе крылья и разбился насмерть.

- Поверь мне, мы бы все этого предпочли. - Она изучает меня, приподнимаясь на цыпочки, пока я возвращаю прутья решетки на место. Её взгляд падает на разорванную книгу на столе позади меня, хотя открытая страница не показывает ничего, кроме набросков чертежей береговой стены Мортии. Она подталкивает носком сапога одну из вырванных страниц через решётку, едва не коснувшись моего сапога. Я отступаю. - Знаешь, на улицах о вашем брате шепчутся. - Её плечи расправляются, и она вызывающе вздёргивает подбородок. - Говорят, чернокнижники - это марионеточные подхалимы короля.

Я по меньшей мере на фут выше и на фут шире её, но она всё равно пытается смотреть на меня свысока. Как будто это она здесь хищник. Как будто она - большая белая акула, кружащая вокруг своей добычи. Подняв руку, я позволяю морской воде пузыриться переливающимися овалами на кончиках моих пальцев. Моя собственная издёвка. Моя угроза. Если она коснется морской воды, она рухнет на этот грязный пол, наполовину превратившись в рыбу. И поскольку её силы мерроу никак не смогут превзойти мои собственные, она останется там до тех пор, пока я не сочту нужным её отпустить.

Тем не менее, она не отстраняется от меня, даже когда эти пузыри кружат вокруг неё.

- Говорят, вы не чувствуете ничего, кроме желания угодить и жажды крови.

- И что? - мрачно спрашиваю я.

Она удерживает мой взгляд, её бирюзовые радужки отражают это проклятие морской воды.

- А я ещё хуже.

Прежде чем я успеваю ответить или предугадать её следующее действие, она ухитряется извернуться между пузырями и кусает меня за палец. Её зубы смыкаются, и она отрывает мою плоть, словно бешеная гончая. Весь кончик моего указательного пальца - начисто, блять, оторван. Новое рычание зарождается в моём горле, и я высвобождаю его вместе с порывом магии, который отбрасывает её к стене. Сильно. Её голова рикошетит от лазурита. Раздается треск. Она жалобно стонет.

Я не издаю ни грёбаного звука. Вместо этого я придвигаюсь ближе к решётке - прохожу сквозь решётку, плавя прутья вокруг своего тела по мере продвижения, - и вырываю кончик своего пальца из её рта. Я возвращаю его на кость тёплым, исцеляющим прикосновением. Магия стягивает рану. Всё выглядит так, будто ничего и не было.

Русалка в ужасе пялится на меня. Её лицо бледнеет. Она косится на окно над нами, но даже она понимает, что это бессмысленно. Ей ни за что не выжить.

Я хватаю её за лицо, заставляя эти бирюзовые глаза снова посмотреть на меня, и она одаривает меня взглядом, полным необузданной ярости. Возможно, если бы мы были в океане, на её территории, у неё был бы хоть намёк на силу для борьбы. Но здесь - главный я. Я самый могущественный чернокнижник в мире, и я не боюсь розоволосой русалки.

- Ты умрёшь, демон, и я буду наслаждаться твоими криками.

- Пошёл ты, выплёвывает она, её щеки всё ещё пылают от ярости, а губы теперь испачканы моей кровью.

Я отпускаю её без лишних слов, вновь оказываясь возле своего стола. Вне поля её зрения - за своей спиной - я цепляюсь за край резного камня в поисках опоры. Боль разливается между рёбер, и это только начало лесного пожара. Разгораясь всё ярче и ярче, мои внутренности кажутся погребальным костром. Хотя я никак не реагирую на это, хотя меня учили игнорировать подобное, цена магии всегда неизменна, и наконец настало моё время её платить.

Мы становимся магией, да, и магия становится нами. Она неотменяема, непреодолима и необходима; мне нужно расходовать её так же сильно, как нужно сделать следующий вдох. Если я этого не сделаю, магия поглотит всё вокруг.

Однако чем больше я беру, тем больше она забирает у меня - медленная болезнь, пожалуй, но столь же неизлечимая. Чернокнижники не бессмертны. И в конце концов, неважно, насколько я могущественен.

Я умираю.

Так или иначе, моя магия меня убивает.

Джордан Стефани Грей - Порочное мореThe Jordan Stephanie Gray - Wicked Sea

ГЛАВА 6

АРИОН

- Почему это не работает? - на лбу мальчишки пролегла отчётливая морщина разочарования, пока он гипнотизировал взглядом миску с бьющимся в панике, трепещущим лососем. - Я же всё делаю правильно.

- Неправильно, - старейшина Бранш взмахнул иссохшей ладонью над рыбой. - Ты должен сосредоточиться на молнии в своих венах, на этой искре силы, и выпустить её на волю.

Мальчик закрыл глаза. Давление внутри него нарастало, нарастало и...

Мальчик зашипел. Боль обожгла кости. Она вонзила острые крючья в его разум. Он инстинктивно замер, и магия отступила вместе с агонией.

- Это... это больно.

Он знал, что проявляет слабость. Другие послушники шпыняли его за это каждый день. Они говорили, что он не переживёт даже первое Испытание.

Однако старейшина Бранш был добрее. Он не обзывал мальчика. Он положил руку ему на плечо и с силой вдавил пальцы в ключицу. Это тоже причинило боль. Но к такой боли мальчик уже привык.

- Боль - это сила. Это доказательство выносливости. Это свидетельство того, что ты сможешь преодолеть с помощью магии. Ты не должен испытывать тревогу или страх, точно так же как не должен познавать гнев или радость. Эмоциям нет места в жизни чернокнижника. Магия контролирует всё - ты, твоя низшая человеческая суть, ничто. Магия подвластна воле Мортема, и только ей.

Мальчик всё ещё колебался. Его воспитывали хорошим. Он хотел быть хорошим.

- А как же рыба?

- Они не могут помешать судьбе. А для этого континента, дитя, для королевства Мортема ты и станешь самой судьбой. Ты поможешь очистить эти улицы. Очистить этот мир. Магия свяжет твою кровь и душу, и к твоим губам прикоснется сила, которую вкушали только боги. Но сначала ты должен найти мощь внутри себя. Почувствуй боль, никогда не прячься от неё. Дыши, - хватка старейшины Бранша стала ещё жёстче, - и выпусти величие на волю.

Мальчик слушал. Возможно, он не был самым храбрым или самым сильным, но он был самым послушным. Он не хотел облажаться.

Магия закипела в его венах. Он почувствовал боль, похожую на когти, разрывающие плоть. И... он продышал её. Он позволил ей вдребезги разбить хрусталь своих костей, позволил ей вырваться наружу. Воля Мортема. Магия полоснула по лососям. Сняв чешую с доброй половины из них ещё до того, как мальчик успел открыть глаза. Кровь заполнила остаток миски. Чешуя и потроха.

- Очень хорошо, Арион, - старейшина Бранш похлопал мальчика по голове холодным, бесстрастным прикосновением. - Очень, очень хорошо.

Мальчик ухмыльнулся. Он не мог сдержаться. Ведь он всего лишь хотел быть хорошим.

Тюрьма превратилась в мавзолей книг.

Разорванный пергамент и сломанные корешки усеивали пол. Чернила запятнали каменный стол. Чем больше русалка трещала без умолку - и чем больше мои поиски оказывались тщетными, - тем сильнее магия бурлила внутри меня. Боль вспыхивала в груди, как кремень о камень. Я сглатывал её. Я отказывался признавать её. Но усталость всё равно дымилась между рёбер, обвивая позвоночник. Пройдёт совсем немного времени, прежде чем она поглотит меня полностью.

ЧЕРНОКНИЖНИК КАСЕАН ТИТУС

Восхождение: 106 г. от С.Б.

Падение: 199 г. от С.Б.

ЧЕРНОКНИЖНИК АДРИАН СЕВЕРИ

Восхождение: 243 г. от С.Б.

Падение: 367 г. от С.Б.

ЧЕРНОКНИЖНИК МАРКУС ЦИЦЕРОН

Восхождение: 389 г. от С.Б.

Падение: 498 г. от С.Б.

Ни один чернокнижник не пал - не умер - менее чем через десять лет после своего Восхождения. За всю историю самым молодым из всех павших был мужчина, проживший сорок три года после Восхождения. Нет ни противоядия, ни лекарства, ни единого доказательства того, что кто-то смог исцелить дегенерацию своего тела. И это заставляет меня охотиться за проклятыми сказками. Историями на ночь, легендами и чушью; ничем, что могло бы когда-либо оказаться реальным. Но я не могу просто позволить себе умереть. Не так скоро. Не после всего, чем я пожертвовал.

- Что твоё начальство подумает о том беспорядке, который ты тут устроил? - русалка висела вверх тормашками на краю своего тюфяка. Её розовые волосы касались грязного пола, но она, похоже, этого не замечала. Или, возможно, ей было плевать. Её взгляд оставался прикованным к выходам, сменяясь между ними каждые три секунды, точно хронометр. - Я думала, вы, чернокнижники, должны хотя бы притворяться высшими существами.

- Мы и есть высшие существа.

- Ты испортил по меньшей мере тридцать книг за последний час. Для библиотекаря ты - чудовище. - Она провела языком по зубам, явно демонстрируя очередную угрозу и полностью игнорируя свои краснеющие щеки и кровь, приливающую прямо к голове. Может, она упадёт. Разобьёт себе лоб и избавит меня от мук своего отвратительного общества. - Что ты вообще ищешь? Красивые картинки с милыми пони?

- Ты слишком болтлива для покойницы, - я с силой пролистывал «Официальные хроники и истории чернокнижников», том XVII.

- Я уже давно покойница, - пробормотала она, и её голос стал холодным как лёд. - И мне вполне уютно в этом статусе.

Могу себе представить. Она была сущим кошмаром с тех пор, как я впервые наткнулся на неё на улице, когда она угрожала главарю самой отбитой банды в Крестфолле. Если бы я не вырубил её и не запер здесь, Магнус рано или поздно сделал бы это сам. Он бы ударил её, когда она меньше всего ожидает, и его банда не стала бы церемониться. Я уже развернулся, чтобы высказать ей всё это - хотя бы для того, чтобы отвлечься от собственных проблем, - когда дверь в тюрьму открылась со зловещим скрипом.

Грёбаный конец настал.

Быстрым выдохом я привёл в порядок книги в комнате: пол мгновенно очистился, а разбросанные пергаменты испарились. Мерроу теперь наблюдала за мной, а не за дверью, и в её океанских синих глазах сквозило презрение. Я выпрямился, ожидая появления короля, его стражников или, возможно, старейшины, который возвестит о казни демона. Однако вместо этого в комнату вошел худощавый историк.

Гавриал Пресепультус, новейший историк Башни Истории и, весьма спорно, исправившийся преступник, балансировал фарфоровой тарелкой со свежими фруктами на стопке на редкость древних текстов. Кожаные обложки осыпались шелухой на его обнажённые руки; чёрная форменная мантия была коротко обрезана на рукавах, обнажая жилистые мускулы и гладкую смуглую кожу под ними. Он безуспешно пытался сдуть эти чешуйки слабым, поверхностным дыханием.

- Тебе не положено быть здесь, - произнёс я вместо должного приветствия.

Гавриал закатил глаза, смахивая прямые пряди иссиня-чёрных волос со своего лица.

- Ты отправил чайку в Башню Истории с запросом на новые книги. Я здесь с указанными книгами. По-моему, всё в рамках закона, Арион.

- В рамках закона всё кажется даже заядлому игроку.

Он снова закатил глаза. Затем в третий раз для верности.

- Теперь я - историк. - Когда я свирепо зыркнул на него, он бросил книги на стол, подхватив тарелку повыше, прежде чем я успел стащить хотя бы виноградину. - Возможно, мне стоит воспользоваться своим новым положением, чтобы напомнить тебе, что говорят в подобных ситуациях: «спасибо» - вежливое выражение, используемое при признании подарка, услуги или комплимента. «Премного благодарен» - выражение, используемое для обозначения признания ценности человека или ситуации. «Я дорожу тобой»…

- Ты можешь заявлять о своей должности сколько угодно; я всегда буду помнить тебя избитым и истекающим кровью в том переулке, когда ты тёр свои последние два серебряника в надежде, что они спасут твою никчёмную жизнь.

Морщина глубоко врезалась в худые черты Гавриала. На мгновение показалось, что он собирается поспорить, но вместо этого он резко повернулся на пятках и зашагал к камере русалки.

- Доставка завтрака.

Рычание отозвалось в моей груди, сопровождаемое горько-сладким жаром магии, когда я двинулся за ним.

- Мы не кормим монстров.

- Я не монстр. Я Зефира. - Русалка зловеще ухмыльнулась и перехватила тарелку до того, как я успел помешать Гавриалу пропихнуть её через узкую щель под дверью. Она швырнула её в стену, разбив фарфор вдребезги и окатив камеру соком клубники, апельсина и ананаса. Фрукты она полностью проигнорировала. Как я и знал. Подобрав

зазубренный осколок, она выставила фарфоровое оружие в нашу сторону. - А теперь немедленно выпустите меня отсюда, блять, или я убью вас. Обоих.

Я встретился с ней взглядом и щёлкнул пальцами. В то же мгновение каждый кусочек фарфора исчез. Включая самодельный нож между её пальцев.

- Игнорируй демона, - бросил я Гавриалу, даже когда она закричала и снова бросилась на решётку. Снова. Она безрезультатно скребла сталь ногтями. Я отвернулся от неё, и через несколько секунд Гавриал сделал то же самое. - Она не представляет для нас опасности, - коротко пояснил я. - До тех пор, пока не использует свою песню.

Гавриал выгнул ухоженную бровь.

- Она... пыталась?

- Нет.

- Тогда бьюсь об заклад, она вообще не умеет петь. - Он оглянулся на неё. - Значит, не такая уж она и угроза, верно?

Я не ответил. Потому что он был прав: если русалка до сих пор не попыталась завлечь меня в кровавое небытие своим голосом, она, скорее всего, не способна на это. Но я отказался признавать это вслух. Гавриал олицетворял собой всё худшее, что было в Крестфолле. В Мортии. Он - и все ему подобные - и были причиной существования чернокнижников.

Гавриал обошёл меня, чтобы примоститься на моём табурете и полистать мои книги, словно его больше не волновала неопасная русалка, теряющая рассудок позади нас. Закинув блестящие кожаные сапоги на мой стол, он завёл руки за голову и откинулся назад так далеко, как только возможно, не рискуя перевернуться. Затем он ухмыльнулся мне. Наглой, самодовольной улыбкой преступника.

- Есть успехи в исследованиях?

- Нет.

- Я бы так и подумал, раз уж ты всё ещё шлёшь запросы. - Гавриал многозначительно посмотрел на корешки. - «Официальные хроники и истории чернокнижников», том XVII - скучно. «Призраки минувшей вселенной» - умеренно интересно, если не считать того, что автор скончался от чумы третьего века за несколько страниц до завершения романа. - Он сделал паузу, и улыбка глубже прорезала его лицо. В его карих глазах блеснул огонёк. - А это что? «Детские сказки второго века: Бабочка, Змея и Птица».

Я взмахнул рукой, и металлический колпак опустился сверху. С глухим стуком о камень он скрыл остальные тома от его взора.

- Проваливай.

- Но мне так весело. Неужели ты наконец-то достучался до своего детского сердца? Залечиваешь подавленные травмы и избавляешься от токсичного шовинизма, который в тебя вбили старейшины? - Он картинно прижал руку к сердцу, прежде чем с восторгом развернуться. - Погоди, вот другие историки узнают о...

Я вздёрнул его за шиворот и оторвал от пола. Он поперхнулся от неожиданности, дёргаясь и брыкаясь в попытках освободиться, но Гавриал был слаб. Он никогда не умел постоять за себя в драке.

- Хватит, Пресепультус. Тот факт, что ты теперь работаешь на Мортию, не освобождает тебя от последствий твоих поступков. Распустишь язык перед кем угодно - и меньше всего перед чернокнижником - и окажешься зарыт позади Башни Истории вместе с остальными твоими новообретёнными друзьями.

Ужас пискнул внутри него, но я притянул его ближе. Моя магия обвилась вокруг его горла, туго сжимаясь.

- Возможно, тебе и удалось одурачить королевский двор, чтобы получить помилование, но я знаю, кто ты такой. Я знаю, на что ты способен. В один прекрасный день - завтра, через месяц или через годы - ты оступишься. Ты совершишь ошибку, из которой не сможешь выкрутиться своими разговорами, и увидишь меня краем глаза, и тогда ты поймёшь. Поймёшь, что проиграл, и я наконец пришёл за долгом.

Гавриал впился ногтями в мои руки, затем забил по ним ладонями. Он мучительно захрипел, его глаза заслезились. И только когда слёзы покатились по его щекам, я отпустил его. Лишившись моей поддержки, он рухнул на пол. Сжался в комок, подтянув колени к груди.

- Ты… ты, - выдавил он, хотя его голос дрожал и срывался. - …пытался помочь.

Я смотрел на него сверху вниз, не дрогнув.

- Нет. Ты не пытался мне помочь. Ты пытался меня унизить.

Возможно, кто-то другой искал бы мелкой мести Гавриалу. Он выставил меня дураком перед двором. Сыграл на мне, как на скрипке. Использовал меня. Тогда я был моложе, неопытнее, всё ещё оставался послушником, который верил, что этот город можно спасти с помощью толики твёрдости и решимости. Я не хотел просто зачищать Крестфолл от преступников; я хотел помочь им. Гавриал сам доказал, что это невозможно.

Я нашёл его избитым и истекающим кровью, и он убедил меня, что банда жестоких мерроу нападает на невинных горожан. Грабит их и оставляет умирать. На самом же деле Гавриал был обычным торчком. Он задолжал Шрамам с первых же недель своего пребывания в Крестфолле и не мог расплатиться. К тому времени, как я нашёл его, он проиграл в общей сложности шесть квартир на их деньги.

И всё же Гавриал никогда не был глуп. По крайней мере, не до конца. Одним лишь (лживым) словом о мародёрствующих мерроу он обеспечил себе именно то, чего хотел - аудиенцию перед двором и королём. А дальше всё было просто: выпросить помилование, притвориться раскаявшимся в игорных долгах, обернуть их жажду крови в свою пользу. В конце концов, у него были уши на улицах города и уникальный набор навыков. Потребовалось совсем немного убеждений, чтобы выбить себе должность в Башне Истории. Должность, которая защитила бы его от всех тех опасных людей, которых он кинул.

Кроме меня.

Однако мне не нужна мелкая месть. Гавриал никогда не был глуп, но и умным он тоже не был. Не с такими липкими пальцами. В конце концов, он сам пожнет свой болезненный финал. Ему просто нужно усвоить, что в процессе нельзя переходить мне дорогу.

Возможно, он уже не тот мальчик, каким был двенадцать лет назад, но и я изменился.

Сумев подняться с пола, Гавриал потёр шею и свирепо посмотрел на меня. Я ухмыльнулся в ответ.

- Если ты, блять, выпустишь меня, я убью этого чернокнижника ради тебя, - прорычала Зефира.

- Заткнись, - бросил я ей. Им обоим. - Я пытаюсь работать.

Она не послушалась. Просто продолжила свою тираду, бросаясь на решётку, на стены, ища и царапая любой выход. Я сотворил иссиня-чёрную завесу вокруг прутьев

её камеры, фактически скрыв её из виду и погрузив в полную темноту. Полную тишину. Её голос оборвался прямо посреди крика, и я бы улыбнулся, наслаждаясь внезапным покоем, если бы не был так чертовски обречён.

Вернувшись к столу, к новой стопке книг, я принялся перебирать их, но страницы расплывались. Блёклый текст сливался воедино в реку чернил, пока перед глазами всё не поплыло. Сколько книг я уже прочитал? Сколько времени потратил впустую? Я безжалостно потёр глаза, заставляя их сфокусироваться. Потому что это не имело значения. Я не остановлюсь, пока не найду ответ. Я не могу.

- Я мог бы помочь тебе, - тихо предложил Гавриал.

Я одарил его скептическим взглядом, который, должно быть, выглядел суровее, чем я намеревался, поскольку он вздрогнул.

- Нет, нет. Серьёзно. Если помнишь, у меня идеальная память на образы. Нет ни единой вещи, которую я бы не запомнил, стоит мне её прочесть, увидеть или услышать. И подготовка, которая требуется, чтобы стать историком, примерно столь же обширна, как и для чернокнижника. Хотя чуть менее жестокая, я полагаю. Я прочитал девяносто процентов книг в Башне Истории во время своего обучения. Остальные десять процентов - это книги, которые я заучил ещё в детстве. Если ты ищешь что-то конкретное, я смогу это вспомнить. - Он заколебался, затем снова опустился на свой стул. - Я не хочу быть твоим врагом, Арион. Я хочу быть другом. Скажи мне, что тебе нужно, и клянусь, я помогу.

Я буравил его взглядом, но на этот раз он не отпрянул.

И правда заключалась в том, что за последние несколько дней я прочесал десятки книг. Я не мог вспомнить ничего, кроме нескольких предложений то тут, то там. Способности чернокнижника позволяли мне читать быстро, но моё понимание и близко не стояло с восприятием Гавриала. А главное - я потерял слишком много гребаного времени. Моя магия пожирала меня. Я пожирал её. Не знаю, сколько недель мне осталось, и если я не найду что-то в ближайшее время…

С неохотой я перевел взгляд на Гавриала. На книги. На завесу позади нас, скрывающую демона от глаз. Действительно ли я хочу закончить так же, как она? Быстрая смерть. Спешные похороны. Всё будет так, словно её - словно меня - никогда и не существовало.

Очистив горло и подозвав Гавриала ближе, я понизил голос до резкого шёпота.

- То, что я тебе скажу, останется в этих стенах. Ты понимаешь?

- Да. Конечно. Определённо, - поспешно согласился он. - Клянусь своей памятью, и чтоб мне провалиться на этом месте.

— Я серьезно, Гавриал. Не давай мне еще один повод наказать тебя.

Он неловко вскинул дрожащую руку в подобии воинского приветствия.

- Обещаю, чернокнижник Стоун.

Я тяжело выдохнул, колеблясь последнюю секунду. Гавриал - наркоман, преступник, и мне не следовало ему доверять - но всё это меркло перед лицом моей скорой смерти.

- Меня интересует Падение Мортема.

Глаза Гавриала тут же округлились от замешательства, и его стул с глухим стуком опустился на все четыре ножки.

- О-кей? На эту тему существует множество текстов. Наставники учат этому маленьких детей…

- Я знаю. - Я нетерпеливо и резко взмахнул рукой. - Я слышал эти истории. Детали меняются в зависимости от того, кто учит и где, но суть легенды остается прежней: Бог Жизни был обманут русалкой, жаждущей его силы. Она вырезала его сердце, чтобы съесть его. Однако он не умер, как она рассчитывала, и бог убил её прежде, чем она успела поглотить его. Хотя и сам он не остался невредимым. Без сердца он лишился сил жизни, но вместо того, чтобы раствориться в небытии, обрёл новые - силы смерти. Он стал первым богом, покорившим загробный мир, где воздвиг Бездны по своему образу и подобию, создав безопасное место для приюта всех человеческих душ, покидающих этот мир. Именно тогда Мортем стал Богом Смерти.

- Похоже на правду. - Гавриал наклонился вперёд, склонив голову и скрестив руки на столе. - Так что именно тебя интересует?

- Некоторые мифологические интерпретации гласят, что сердце похоронено где-то. Говорят, Мортем спрятал его там, где ни один смертный никогда не сможет его найти, опасаясь, что они злоупотребят божественной силой, которую он оставил после себя.

Однако я не обычный смертный, и у меня нет планов злоупотреблять его силой. Нет. Если я прав - а я обычно прав, - его сердце может оказаться единственным, что способно меня спасти. Такая первозданная, нефильтрованная мощь, мощь бога, стабилизировала бы мою магию так, как ничто другое. Моё сердце забилось чаще от открывающихся возможностей; магия хлынула по венам, пока грудь не заныла, а конечности не задрожали. Я напряг каждый мускул, чтобы удержать их в неподвижности.

Сердце не просто стабилизирует мою магию, оно обновит её. Укрепит. Бессмертие бога гарантирует, что я никогда не умру - стану единственным чернокнижником, который будет жить вечно. Нет никаких известных лекарств от нашей магии, никаких противоядий в тысячах историй, что я прочёл.

Есть только это. Есть только мифическое сердце Мортема.

Мои руки сжались в кулаки под столом.

Если оно вообще реально.

Гавриал согласно кивал, всё ещё потирая подбородок спустя долгое время после того, как я закончил говорить.

- «Благочестиво сотканное Ирис Габрис», - неожиданно объявил он, словно ответ только что вынырнул из его глубин памяти. - Страница двести девяносто четыре.

Я покачал головой.

- Габрис? Она пишет стихи. Рифмованную бессмыслицу.

Гавриал придвинулся ещё ближе, его горячее дыхание коснулось моего лица. Я подавил желание оттолкнуть его стул ногой.

- Читай внимательнее, - произнёс он.

Затем он развернулся, вытащил книгу из самого низа моей стопки отбракованного и с размаху опустил её передо мной. Магия сорвалась с моих пальцев - обжигая рёбра, - когда тонкая книжица сама собой открылась на странице 294. Мой взгляд зацепился за вторую строфу.

Глубоко в чертогах
Сердце почивает,
Вырванное у бога
В зимний день стужи.

Жизнь настигает Смерть,
Смерть настигает Жизнь,
Ибо истинный баланс
Не требует жертв.
Любовь, любовь, любовь расцвела здесь
В руинах белых, где взоры чисты и ясны.
Падение свершилось, и битвы зажглись,
Смертные пали, земли в ярости содроглись.
Идеальная утопия рассыпалась в прах,
Где Мортем пал, и сердце легло,
Любовь, любовь, любовь была убита.
Цена оказалась слишком велика,
Расплата - непомерно тяжела,
Обмен Вечности требовал лишь одного:
Жизнь требует Смерти,
Смерть требует Жизни,
Ибо истинный баланс
Не требует жертв.

Я уставился на эти строки, не веря своим глазам, пока что-то голодное зашевелилось на задворках моего разума. Оно вонзило острые зубы в моё подсознание, уничтожая всякую рациональную мысль. Неужели всё может быть так просто? Неужели ответ, который я ищу, всё это время прятался среди стихотворных метров и рифм? И всё же волоски на затылке встали дыбом, когда я перечитал эти первые простые слова: Глубоко в чертогах / Сердце почивает.

Ни один другой текст не раскрывал местонахождение. Помимо воли мои глаза пробежали по остальным строкам, и на этот раз чернила не расплывались. На этот раз они прыгали со страницы с кристальной ясностью.

В руинах белых, где взоры чисты и ясны.

Падение свершилось.

Чёрт. Падение Мортема. Падение Абисса. Они... они связаны. Конечно, они, блять, связаны, а это значит, что существует только одно место, где может лежать сердце. Моя магия запнулась, когда шок накрыл меня с головой.

Я прочитал это снова. Снова.

И ещё раз для верности.

Я едва мог поверить собственным глазам, моё сердце билось всё быстрее, громче, готовое разорвать грудную клетку.

- Что тебе известно об Абиссе, Гавриал?

Он нахмурился и хотя открыл рот, чтобы ответить, русалка опередила его.

- Абисс? - эхом отозвалась Зефира сквозь внезапную слабость моей магии, и её голос - немощный и запыхавшийся - прозвучал прямо за завесой. Словно она подкралась ближе, чтобы подслушать. - Какого хрена тебе понадобился Абисс?

- С тобой никто не разговаривал, демон. Почему бы тебе молча не подождать, пока смерть не заберёт тебя?

В ответ на это она полоснула ногтями по шторам, разрывая их в клочья. Я не стал утруждать себя тем, чтобы удерживать их магией. Они того не стоили. Она того не стоила.

- Гавриал? - воззвал я. - Абисс?

Он прикусил губу, покачивая головой из стороны в сторону в раздумьях.

- Никто не находил конкретных доказательств его существования. В древних текстах историки едва упоминали о нем, кроме случайных предложений то тут, то там. Большинство считает, что это королевство было не более чем символической метафорой Мортема. Падшая утопия, прямо как сам бог.

- Чушь собачья, - огрызнулась Зефира.

- То есть ни у кого нет ни малейшего представления, где оно могло находиться? Кто-нибудь искал? - спросил я. Что-то похожее на отчаяние подступило к горлу, перехватывая голос, но я силой загнал его обратно. Я заставил себя успокоиться. Заставил себя вернуть самообладание, даже апатию, пока упрек старейшины Бранша звучал в моей голове.

Эмоциям нет места в жизни чернокнижника.

- Можно прочитать тысячу текстов и узнать тысячу разных теорий заговора. Некоторые верят, что сама Мортия - это и есть Абисс. Некоторые считают, что эту землю поглотило море. Другие - что это был остров в небесах. Разумеется, люди искали его сотни лет, но все экспедиции оказались бесплодными. Моря и небеса коварны. Большинство исследователей не возвращаются.

Зефира дико расхохоталась. Она обвила пальцами прутья, когда втиснула лицо в щель решётки.

- Абисс не был этой сточной канавой, и он не был в грёбаном небе. Это была утопия, которую делили между собой мерроу и люди. Он был сердцем цивилизации на протяжении веков, пока ваш бог не уничтожил его. - Её бирюзовый взгляд вспыхнул ещё большей яростью. - Абисс находился под водой.

Я уставился на неё, и она ответила мне тем же, не дрогнув. Не отступая. Хотя я потянулся своей магией, чтобы распознать ложь, её пульс ровно бился в венах. Интересно.

- Откуда ты знаешь об Абиссе? - медленно спросил я. - Что тебе о нём известно?

- Ну, если бы я была русалкой, меня бы учили этому в школе. Я бы слышала истории, передаваемые из поколения в поколение, от родителей к детям. Я бы знала правду, стоящую за Падением.

Я выругался, и моя сила вздыбилась волной в груди. Если она права и Абисс действительно лежит на морском дне, то я покойник. С той магией, что осталась во мне, я мог бы сокрушить гору, разорвать пропасть в земле, но я не могу отрастить жабры насовсем. Я не могу в одиночку преодолевать коварные глубины моря на протяжении дней или недель. Это убьёт меня.

Это убьёт любого, кроме мерроу.

Мортия и четыре моря находятся в состоянии войны со времен Падения Мортема. Даже если бы я мог трансформировать дыхание до бесконечности, мерроу убили бы меня - чернокнижника Мортии – ещё до того, как я добрался бы до Абисса. Не говоря уже о том, что я понятия не имею, что за правда кроется под океаном: мерроу, возможно, но не чудовища, не действующая там магия. И где именно это «под водой»? В каком море? Я бы даже не знал, с чего начать поиски или как туда добраться.

Блять.

Я провёл ладонью по лицу, качая головой в несвойственный мне момент слабости. Если бы я позволял себе эмоции, это сосущее чувство в желудке могло бы оказаться отчаянием. Мерроу стали редкостью после той бойни на маскараде. Ещё большей

редкостью теперь, когда солдаты выбивают каждую дверь в поисках неестественного цвета волос или блеска чешуи. Я никогда не найду мерроу, которая согласится помочь мне - да и будь возможность, они же мерзкий, порочный вид. В Войнах Мерроу они затопили наши берега. Осквернили наш континент. Они топили детей солдат, а затем хладнокровно пожирали их.

Они порочны, и они неправильны. Я не смогу им доверять.

Я могу доверять только себе. Если только…

Мой взгляд переместился на розоволосую мерроу, чьё лицо всё ещё было зажато между прутьями клетки, и я оценил её холодно. Объективно. Она здесь. Она в моём распоряжении. При желании я мог бы посадить её на поводок за считанные секунды.

Её бирюзовые глаза сузились, встретившись с моими.

- На что уставился? - зашипела она.

- На тебя, - просто ответил я.

Это был глупый план. Ужасный. Король никогда не выпустит её - особенно из пасти своей петли, - и всё же я не мог остановить вращение шестерёнок в своей голове. Эта русалка может оказаться единственным выходом. Я не могу продолжать ждать. Ждать, пока другая мерроу сама упадёт мне в руки. Ждать, пока случайно наткнусь на мифическую утопию.

Ждать смерти.

Прежде чем я успел передумать, я резко поднялся, мои крылья затрепетали в знак протеста, и схватил книгу стихов.

- Зефира, - тихо произнёс я, пробуя имя на вкус.

Она поморщилась.

Гавриал захлопал глазами.

И в этот момент дверь снова распахнулась, прерывая самую безрассудную - самую идиотскую - идею в моей жизни.

На этот раз в тюрьму шагнул старейшина Бранш. Длинные серые одежды ниспадали с его тела, расшитые белыми нитями, которые подходили под блеск его волос. Его проницательный серебряный взгляд устремился на меня, и он один раз кивнул.

- Чернокнижник Стоун. - Затем он повернулся к Гавриалу, и его лицо ожесточилось. - Историк Пресепультус, кто прислал тебя сюда?

Гавриал поспешно поднялся.

- Начальство. Чернокнижник Стоун запросил материалы для изучения. - Хотя он повернулся, чтобы указать на книги, я уже заставил исчезнуть всё, кроме отчётов чернокнижников; сердце громко колотилось под рёбрами. Старейшине Браншу ни к чему знать об Абиссе, о Падении Мортема и его скрытом сердце, и это - больше, чем что-либо другое - должно было подсказать мне всё, что нужно знать об этом плане. Чувство вины сжало кулак на моём горле, угрожая задушить. Я никогда прежде не скрывал секретов от старейшины.

- Ему нужны были хроники, - быстро поправился Гавриал, склоняясь в низком поклоне. - Для меня было честью доставить их.

- Понятно. - Серебряные глаза старейшины Бранша сузились, перемещаясь между Гавриалом и мной. - В таком случае, ступай.

Тяжело сглотнув, Гавриал посмотрел на меня, затем на русалку, затем на старейшину Бранша, и я начинал понимать, почему он проигрывал каждую ставку.

И всё же у него не было выбора, кроме как подчиниться. Он не мог оспорить прямой приказ старейшины. Хотя они уже давно иссушили себя, лишившись магии - мучительный процесс, который предшествует падению, - большинство старейшин-чернокнижников жили веками, избранные самим Мортемом для руководства. Старейшина Бранш пережил триста лет в Мортии. Если бы Гавриал ослушался его, моим долгом было бы снести Гавриалу голову с плеч.

Гавриал, похоже, знал это, и без лишних слов, опустив голову, покинул подземелье. Зефира тоже оставалась необычно тихой. Заботясь о том, чтобы лицо оставалось бесстрастным, я мимоходом взглянул туда, где она стояла, притихшая и бдительная, прижавшись к решётке своей камеры.

Если бы я не знал её, то подумал бы, что она нервничает.

Удовлетворение развернулось в моей груди. Хорошо.

Старейшина Бранш тоже почувствовал её настороженность. Он скользнул к её камере с убийственной грацией, его иссохшие губы растянулись в улыбке, обнажая мелкие, острые зубы. Я подавил желание вылупиться на них или поморщиться, потому что никогда раньше не видел его зубов. Это зрелище было... жутковатым. Даже мои крылья напряглись и всколыхнулись, когда он обхватил длинными пальцами прутья камеры, придвинулся ближе и глубоко вдохнул. Втягивая запах розовых волос мерроу.

- Такая хорошенькая, - выдохнул он. - Какая потеря.

Хотя её хмурый взгляд стал ещё тяжелее, она не отступила ни на шаг. Даже когда он просунул руку сквозь щель и по-хозяйски обхватил её за подбородок, поворачивая его то в одну, то в другую сторону. Я ждал, что она плюнет ему в лицо. Я ждал, что она откусит ему палец. Если она сделает хоть то, хоть другое, её жизнь оборвётся гораздо раньше, чем планировалось, и... возможно, это к лучшему.

Я склонил голову, когда старейшина Бранш повернулся, чтобы посмотреть на меня; нерешительность раскалывала мои мысли надвое. Мне нужна мерроу. Мне нужна мерроу, и всё же я не могу контролировать её или получить законным путём. Мускул дёрнулся на моей челюсти, когда я выпрямился, а старейшина Бранш прошёл мимо меня к двери. К казни. Откуда мне знать, что эта русалка вообще сказала правду? Откуда мне знать, что она не пытается просто манипулировать мной ради побега?

- Король готов принять её, чернокнижник Стоун, - произнёс старейшина Бранш. - Веди её на Казненную площадь.

Я свирепо посмотрел на неё в следующую долю секунды, но она, казалось, не заметила этого; её глаза провожали старейшину Бранша через комнату с неподдельной ненавистью. С жестокостью. Со страхом.

Старейшина Бранш, который обучал меня и доверял мне.

Старейшина Бранш, который, по сути, вырастил меня.

Помимо воли мой взгляд снова метнулся к хроникам на столе, и сомнение закралось в щель моей совести. Неужели я подошёл к этому совершенно неправильно? Неужели я действительно ставлю какую-то мерроу выше старейшины? Мне нужно быть осторожным, конечно. Я не могу рассказать ему о своём плане насчёт сердца Мортема - но этот человек прожил сотни лет; он может знать то, чего нет в книгах.

- Погодите, - окликнул я, и, к моему облегчению, голос прозвучал твёрдо. - Старейшина Бранш, вы... вы знаете что-нибудь об Абиссе?

Старейшина Бранш нахмурился.

- Боюсь, это всего лишь детская сказка. Идём, чернокнижник Стоун. Нам нужно повесить русалку.

Джордан Стефани Грей - Порочное мореThe Jordan Stephanie Gray - Wicked Sea

ГЛАВА 7

АРИОН

Мраморный помост Казненной площади сияет костяной белизной, пока рассвет огибает пологие холмы Мортии, проливая мягкий золотистый свет на покачивающиеся пальмы, бронированных стражников и неспокойный, голодающий город. Знать и простолюдины смешались в одну кучу: роскошный шёлк и изысканные наряды трутся об окровавленную шерсть и засаленный лён. Это не имеет значения. Не здесь. Не сейчас. Впервые в новейшей истории появился общий враг, способный объединить народ.

Все они пришли посмотреть, как умрёт русалка.

Я передаю Зефиру королю Констану, который ведёт розоволосого демона вверх по ступеням помоста. Двое моих собратьев уже сопровождают его с обеих сторон - их крылья чернокнижников меньше и тоньше моих, с коричневатым отливом, - но король всё же медлит и одаривает меня острой ухмылкой:

- Ты уверен, что не хочешь взять эту честь на себя, чернокнижник Стоун? Ты её определённо заслужил.

Вообще-то, я бы хотел.

Я бы больше всего на свете хотел лично зачаровать люк под её ногами. Медленно. Так медленно, чтобы её шея не сломалась при падении. Чтобы она была вынуждена задыхаться, хватать ртом воздух и мучиться. Я бы хотел услышать последний вздох этой мерроу вблизи, зная, что именно я его оборвал, но я не могу. Истощение выжало меня почти досуха, и я не имею права демонстрировать слабость перед лицом короны и королевства. Они выбросят меня за ненадобностью. Они начнут готовиться к моему падению. Всё, что у меня есть - всё, чем я являюсь, - это моя сила.

Я склоняю голову с такой же волчьей улыбкой, скрывающей подступившую панику. Панику, которую я не должен - не имею права - чувствовать. Все они пришли посмотреть, как умрёт русалка. Русалка, которая мне нужна. Единственная выжившая русалка во всём этом проклятом богами городе. Вокруг нас на дальних столбах покачиваются трупы мерроу. Яркие волосы, кровь и пустые глазницы. Эта русалка скоро присоединится к ним. Её повесят, а затем вздёрнут на всеобщее обозрение, а я...

Я буду мёртв.

«Детская сказка», - сказал старейшина Бранш об Абиссе.

«Это было сердце цивилизации», - огрызнулась русалка, но... нет. Разумеется, если бы Абисс существовал, кто-нибудь уже нашёл бы его к этому времени. Они бы нашли сердце Мортема. Магия бога стала бы главным призом, абсолютной властью для любого. До меня были тысячи чернокнижников. И умерли до меня. Они бы его нашли.

И всё же прямо сейчас голос мерроу эхом отдаётся в моей голове, чеканя ответ: «Под водой».

По какой-то причине это кажется логичным. Слишком логичным. Если каждая экспедиция провалилась, если ни один чернокнижник так и не вернул сердце, значит,

его либо не существует… либо оно находится там, где мы не могли его найти. В каком-то опасном, непроходимом месте, посреди диких мерроу и их отвратительных королевств.

Под водой.

Мой желудок сжимается, когда я перевожу взгляд на виновницу этих мыслей. Она ведь может лгать. Скорее всего, она лжёт, и если я сейчас поступлю безрассудно - если доверюсь русалке, - я свяжу свою судьбу с её судьбой.

Мысли кружатся вереницей, путаясь в узел из того, что мне известно, и того, чего я не знаю. У меня совсем не осталось, чёрт возьми, времени.

Слишком поздно я замечаю, что король всё ещё ждёт моего ответа.

- Я буду здесь, - выдавливаю я сквозь зубы; теперь это больше похоже на гримасу, чем на улыбку. Ближайшие стражники обмениваются настороженными взглядами. - На случай непредвиденных обстоятельств.

Пока что всё шло гладко. Впрочем, это неудивительно. По приказу старейшины Бранша я притащил Зефиру на площадь со связанными руками и кляпом во рту. Её обмотали таким количеством верёвок, что она больше походила на тушу кабана, готовую для запекания на открытом огне. Растрёпанные пряди розовых волос переплелись с путами, а бирюзовые глаза искрились яростью. И страхом. Ей оставалось лишь беззвучно биться, дёргаться и содрогаться в своих оковах, пока король тащил её вперёд. Ей пришлось сглотнуть крик, когда он толкнул её на первую ступень.

- Вот и славно, Стоун. - Король Констан наклоняется ближе, и его инкрустированная чёрными бриллиантами корона едва не вонзается мне в щеку от этого резкого движения. - Ты оказался великим союзником в эти смутные времена. Мы со старейшиной Браншем совещались и пришли к выводу, что среди чернокнижников пора учредить более высокий чин.

- Более высокий чин? - Мои крылья против воли подаются вперёд, и на этот раз корона всё же царапает мне щеку. Я почти не чувствую этого, всё моё внимание приковывается к его елейному, самодовольному лицу. Он не может иначе. В представлении Констана, он благословляет всё королевство одним лишь своим существованием.

- Только за последнюю неделю ты в одиночку одолел четырёх мерроу. Ты крушил целые корабли во время битвы при Темпесте; ты пронзал мерроу прямо в небесах. Ты даже наполнил мою казну заколдованной монетой. Тебе нет равных. Таких, как ты, никогда не было. Ты, без сомнения, мой фаворит, и все об этом знают. - Он облизывает палец, а затем приглаживает им прядь светлых волос, пока Зефира продолжает отчаянно бороться рядом с ним. Я мысленно умоляю его затянуть верёвку туже. - Как тебе звучит: «Командор Стоун»?

Весь мир словно замирает, когда мои глаза сужаются, встречаясь с его тёмно-карими глазами, и наши взгляды сцепляются. Стоит отдать ему должное, он не отпрянул, как это делают другие. С другой стороны, он король Мортии, его власть огромна и абсолютна; ему незачем меня бояться.

- Повторите, Ваше Величество?

Он подмигивает, удерживая бьющуюся Зефиру с самым беспечным видом. Демонстрируя каждый зуб в своём рту.

- Жди приглашения в дворец Адор - я скоро вызову тебя. Мы обсудим это, как только демоны будут должным образом изгнаны из моего королевства.

- Да. - Я прокручиваю в голове последствия подобного соглашения, и нить предчувствия вплетается в силки моих мыслей. Такая власть никогда не дается даром.
- Конечно, - тихо добавляю я, склоняя голову.

- Ты спас мне жизнь. Я спасу твою. - Король поворачивается как раз вовремя, чтобы перехватить свирепый взгляд Зефиры, устремлённый на самого низкого и молодого стражника из оцепления. С рычанием Констан толкает её вперёд, и она неуклюже преодолевает оставшуюся часть подъёма. Однако я уже перестал слушать. Перестал обращать внимание.

Как тебе звучит: Командор Стоун?

Звучит чертовски могущественно. Словно величие, легенда и всё то, к чему я стремился в юности. И всё же эта нить в моём желудке завязывается узлом. Скручивается, угрожая задушить реальность.

«Ты спас мне жизнь. Я спасу твою».

Если бы всё могло быть так просто. Я бросаю взгляд на воротник своей туники. Я застегнул его выше, чем обычно, чтобы скрыть от посторонних глаз завихрения рока. Вены чёрной смерти расходятся спиралями от моего сердца. Они уже начали пересекать гребень левой грудной мышцы, подбираясь всё ближе и ближе к шее. Ещё один симптом - ещё одно улика, от которой мне не сбежать.

«Глубоко в чертогах / Сердце почивает». Я тяжело сглатываю при этой непрошеной мысли, но не могу выкинуть строки из головы. «Вырванное у бога / В зимний день стужи». Я не могу игнорировать этот зуд в груди. Старейшина Бранш назвал это детской сказкой, но что, если это не так? От звания Командора Стоуна будет мало толку, когда оно будет высечено на надгробии кладбища Башни Аркана.

Вынуждая себя поднять взгляд обратно на это макабрическое зрелище, я пытаюсь сосредоточиться на происходящем. Я пытаюсь забыть о собственных нуждах и думать о королевстве, пока король Констан набрасывает петлю на шею Зефиры, затягивая её без малейшего сожаления. Чем сильнее она бьётся, тем шире его улыбка. Наконец, когда её зафиксировали на виселице по центру сцены, он отступает на шаг с грандиозным монаршим размахом. Он хлопает в ладоши, и неспокойный, голодающий город затихает. Толпа дружно подаётся вперёд, плотнее обступая помост, пока Зефира свирепо смотрит на них. Мерроу. Убийца.

Лгунья.

- Слишком долго мы терпели гнев этих ужасных тварей! - Крик короля встречается мгновенными, оглушительными аплодисментами. - Слишком долго мы позволяли им убивать наших близких и заливать наши города кровью! Довольно! Их бесчинствам пришёл конец. Я - король Констан Адор, защитник Мортии, и я уничтожу каждого паршивого ублюдка, оскверняющего наши земли. Я найду их семьи, их близких и разорву их всех на части!

Толпа взрывается рёвом одобрения, их жаждой крови, и я хрущу костяшками пальцев в предвкушении, в ненависти, в сомнении, а мои крылья отзываются на это лёгким взмахом. Мерроу - демоны. Они - ошибка природы. Я не могу использовать одну из них ради собственной выгоды. Это никогда не сработает.

Не сработает.

На секунду мой взгляд перемещается на другие трупы мерроу, пока Зефира продолжает бороться, сражаясь со своими путами с приглушёнными криками и неуклюжими движениями. Король резко поворачивается к ней, но, когда он тянется,

чтобы погладить её по щеке, она дёргается. Это зрелище наводняет меня мстительным удовлетворением.

- Мне жаль, демон. Ты хочешь что-то сказать? - Он заводит палец ей под подбородок, заставляя поднять голову. А затем замахивается и бьёт её по лицу. Сильно. Очередной крик зарождается в её горле, но не может вырваться наружу. Улыбаясь ещё шире, Констан кивает чернокнижнику Пемброку, который нарочито медленно, с помощью магии, снимает с неё кляп. Как только узел ослабевает, король рывком стягивает его до конца. - Давай. Мы слушаем. - Он снова заносит руку для удара, но она - даже будучи привязанной к виселице - умудряется уклониться от его прикосновения.

- Вы даже не знаете, русалка ли я! - Её крик раскалывается над толпой, пока она крутится вокруг него и падает на колени; её голос звучит наполовину в бреду, наполовину в безумии. - Это королевство должно быть справедливым! Мне полагается честный суд!

Всё та же глупая попытка освободиться. Я уставляюсь на безоблачное сапфировое небо. Она идиотка. Она ничем не сможет мне помочь.

Король скептически выгибает бровь:

- И ты станешь спорить против собственного цвета волос?

- Окрашены! - торопливо выкрикивает она. - Ягодами!

Король нависает над ней, и в наступившей тишине, при полном внимании затаивших дыхание людей, каждое его движение кажется гротескным. Угроза. Предупреждение. Его пальцы обвивают прядь её волос. Он резко дёргает, с корнем вырывая её из головы, но она сдерживает крик. Однако её губа всё равно дрожит.

Он растирает прядь между пальцами, прежде чем пустить её по ветру:

- По-моему, выглядят вполне настоящими, вам не кажется? - Зрители гогочут. Один из них ловит розовый локон, точно свадебный букет, хвастаясь им перед друзьями.

Хотя глаза Зефиры наливаются слезами, она не позволяет им пролиться, силой поднимаясь на ноги:

- Вы варвары.

Король Констан снова хватает её за волосы, притягивая ближе за затылок:

- Я - король. Мерзкая, паршивая тварь. За то, что ты и твой род сотворили с этим королевством, с этими людьми, ты заслуживаешь боли. Ты заслуживаешь смерти! - Чем громче он проклинает её, тем неистовствее становится толпа, скандируя слова согласия. В неё летят сапоги и медные монеты. Чернокнижники щелчками пальцев отбивают летящий мусор, пока тот не задел короля, но этого мало, чтобы защитить её саму от нападения.

Она всё равно не плачет. Ни из-за чего.

- Впрочем, если ты так хочешь суда, - неожиданно бормочет король, - давай устроим его.

Он отпускает её, и она едва не оседает на пол снова, но петля удерживает её прежде, чем она успевает рухнуть. Её грудь тяжело вздымается от муки. Что-то похожее на боль - на настоящую, висцеральную скорбь - проскальзывает на её лице. Моя собственная грудь сжимается при этом зрелище. Не потому, что демону грустно, а потому, что мой единственный путь к спасению сейчас будет уничтожен.

«Сказка», - яростно напоминаю я себе, - и к тому же мерроу.

Джордан Стефани Грей - Порочное мореThe Jordan Stephanie Gray - Wicked Sea

Король Констан достаёт свиток пергамента из внутреннего кармана своего чёрного парчового сюртука и разворачивает его на краю платформы:

- Эта розоволосая тварь отныне обвиняется в следующих преступлениях: осквернение священного храма Мортема, нападение на четырёх стражников Крестфолла, взлом и проникновение в несколько приличных городских заведений, бросание кирпича в окно ювелира, вторжение в городскую канализацию, поджог куста, танцы на останках упомянутого куста...

- С кустом вышло случайно! - резко возражает она. - И я не танцевала на останках. Я пыталась его потушить!

Толпа освистывает её, что вызывает очередную ухмылку короля. Он продолжает с ещё большим энтузиазмом:

- Шествие по городу с деревянным глазом стражника, кража парика у лорда Духовны и... - он делает драматическую паузу, упиваясь азартом толпы, - ...уклонение от уплаты налогов.

Она часто моргает:

- Уклонение от налогов? Вы что, блин, издеваетесь?

Король игнорирует её, предпочитая обращаться к своей разъярённой аудитории:

- Хуже всего то, что она стоит здесь, притворяясь человеком, притворяясь одной из нас, в то время как живёт и дышит как проклятая мерроу. - Развернувшись на пятках, он отбрасывает пергамент в сторону и снова надвигается на неё. - Одного этого достаточно, чтобы осудить тебя. - Король дважды хлопает в ладоши, и чернокнижник Пемброк двигается, чтобы вывести кого-то из первых рядов толпы. - Ведите нашего особого гостя.

Даже я не знал, чего ожидать на данном этапе, но уж точно не трёхсот фунтов живого веса, которые тяжело топают по ступеням помоста рядом со мной. Зализанные назад волосы, густая борода, растущая на массивном подбородке, и мускулы, перекатывающиеся на каждом дюйме его массивного тела - он казался скорее ходячим землетрясением, чем человеком. Зефира спотыкается, едва завидев его. Что-то похожее на всхлип вырывается из её горла.

- Поздоровайся со своим другом, - воркует король.

Зрители жадно впитывают драму, притираясь к самому помосту так близко, что некоторые тянут руки в попытке взобраться на него. Чернокнижник Матис отбивает их эфесом меча, пока чернокнижник Пемброк прижигает им пальцы при контакте. Если это вообще возможно, король улыбается ещё шире. Теперь он буквально светится изнутри.

- Он рассказал нам всё, что нам нужно знать о тебе, Зефира из Сил.

Она вздрагивает при звуке своего имени - Зефира из Сил, что означало «из Срединного моря», - и от яростного выражения на лице этого огромного мужчины.

- Ставрос? - выдыхает она.

Мужчина каменеет. Он скрещивает руки на груди, и оба чернокнижника опасливо косятся на зрелище его агрессивно огромных бицепсов.

- Ты понятия не имеешь, что натворила, - произносит Ставрос, обращаясь к Зефире; его акцент неразборчивый и густой. Северный - если не по рождению, то по происхождению. - Ты бросила нас. Мы верили тебе.

Русалка не отвечает. Да и разве она может? Её смерть предрешена. Ей остались считанные секунды жизни. Моё дыхание застревает в горле, и на этот раз - я не могу

продышать его. Я не могу заставить себя наслаждаться этим моментом или хотя бы отвести глаза. Русалка сейчас умрёт. Прямо сейчас.

«Абисс находился под водой».

Она лжёт. Она обязана лгать. Что бы она ни утверждала, она никак не может знать об Абиссе, и это стихотворение никак не могло быть правдой, и не существует никакого способа...

Моя грудь отзывается особенно болезненным толчком.

Не существует никакого способа остановить мою собственную смерть.

Чернокнижники жертвуют всем ради магии. Мы принимаем боль в обмен на силу. Мы избавляемся от всего остального, от любых других эмоций - гнева, радости, печали и любви - ради мощи. Но прямо сейчас я ничего не могу поделать с этой вспышкой острой, как нож, обречённости, полоснувшей по моему желудку. Я ничего не могу поделать с диким страхом, выползающим из этой раны. Я чернокнижник. Я силён и могущественен. Но я смертен.

Я умру. Скоро.

«Глубоко в чертогах / Сердце почивает».

- Ты заслужила всё, что тебя ждёт, - произносит Ставрос.

Зефира удерживает его взгляд, сильно прикусив нижнюю губу. Внезапный порыв ветра откидывает розовые волосы от её лица - и только в этот момент я осознаю, что мои крылья движутся, тянутся, трепещут. Этот ветер - моя вина. Её глаза сужаются, когда она тоже это понимает, и она оглядывается через плечо, чтобы найти меня взглядом. Я смотрю на неё в ответ, стараясь сохранить спокойное и нечитаемое выражение лица.

- Да, Зефира, заслужила. - Гладкий, покровительственный голос короля привлекает наше внимание, когда он тянется, чтобы положить ладонь на плечо Ставроса. - И ты, к сожалению, тоже. - Видя замешательство на лице этого великана, Констан качает головой и сочувственно цыкает: - Преступление есть преступление, боюсь, и за то, что совершил ты, пощады нет. За укрывательство и пособничество мерроу, Ставрос Патридис, я вынужден приговорить тебя к смерти.

После этого всё происходит стремительно.

Зефира выкрикивает предупреждение, когда король отступает на шаг, и меч резко пронзает грудь мужчины. Никто больше не слышал, как стражник подошёл сзади. Никто больше не видел, как обнажилось оружие - до тех пор, пока Ставрос не посмотрел вниз на серебряное лезвие и багровые капли, пачкающие его грязную белую тунику; его рот открылся в глухом стоне. Затем он рушится на колени, заваливаясь набок.

Бездыханный.

Толпа взрывается таким яростным рёвом, что земля содрогается.

Вступая в борьбу с новой силой, буйствуя как бык, Зефира брыкается, бьёт ногами и визжит. Король лишь продолжает улыбаться. Меня выворачивает наизнанку. Не потому, что он не прав - потому что не прав я.

Командор Стоун. Это всё, чего я когда-либо желал, и все то, чего у меня никогда не будет. Потому что я умираю. Умираю. Умираю. Это слово нарастает рёвом в моей голове, заглушая даже крики мерроу. Но что, если я могу это остановить? Что, если существует другой выбор? Нерушимая привязь связывает меня с этим городом, с моими божественными обязанностями, но пока я смотрю на русалку, я перестаю

видеть её - я начинаю видеть себя. И эта нерушимая привязь... она лопается. Разом, болезненно и страшно, она просто... исчезает.

Может, это делает меня круглым, чёрт побери, идиотом, но я хочу жить.

- Повесить её, - требует король.

С холодной точностью чернокнижники начинают прорубать мрамор под ней, чтобы создать проём, который должен сломать шею русалки. Моя челюсть каменеет. Отчаяние варит мощную магию в моих венах, и без особых усилий - словно моё подсознание только этого и ждало всё это время - мне удаётся проникнуть в её разум.

«Зефира из Сил», - обращаюсь я к ней изнутри.

Она вздрагивает от этого вторжения. Её голова дёргается.

«Зефира», - повторяю я. - «У нас нет времени. Тебе известно об Абиссе?»

Она поворачивается в этот самый момент, когда пол под ней вот-вот разверзнется. Её взгляд приковывается к моему, полный первобытного ужаса, гнева и пронзительного отчаяния. Она один раз кивает.

«Ты клянёшься, что знаешь, где он находится?»

Ещё один судорожный кивок.

Я делаю медленный вдох. Смотрю на другие трупы мерроу вокруг ещё раз. Чувствую боль, истощение и смерть, гниющие в моей крови. Другого пути нет. Она - мой лучший вариант. Она - мой единственный вариант. И я спрашиваю:

«Если я освобожу тебя, ты приведёшь меня туда?»

Последний, финальный кивок. Как раз в тот миг, когда пол уходит из-под ног, и она падает вниз, как мешок с кирпичами. Больше нет времени для размышлений, для догадок, гипотез и надежд. Мне нужно действовать. Сейчас. Выстреливая своей магией, я перерубаю её верёвку, и она с глухим стуком ударяется о землю под помостом, издавая тяжёлый вздох облегчения.

Слава богам.

Брови короля сходятся на переносице, когда он заглядывает в дыру в мраморе:

- Что это значит? - Он поднимает верёвку, изучая разлохмаченный конец, а затем переводит взгляд на чернокнижников, стоящих перед ним. Он больше не улыбается. Его лицо приняло самое уродливое выражение, какое я когда-либо видел. - Объяснитесь! - Его лицо багровеет, а светлые локоны в беспорядке падают на лоб, когда он кричит: - Я сказал, убить эту русалку! Убить её!

Я срываюсь с места. Даже если это проклянёт меня, даже если этот мой последний поступок на земле навсегда заклеймит меня предателем, я обязан попытаться. Волна грома - чистой звуковой мощи - взрывается из моих рук и проносится сквозь толпу, стражников, чернокнижников и короля. Она сбивает с ног абсолютно каждого из них с оглушительным, сокрушительным грохотом. Русалка высовывает голову из дыры, пока мои крылья начинают волнообразно двигаться, уже стремясь к ней. Её ногти впиваются в мрамор, и слабое шипение выползает из её горла:

- Забери меня отсюда к чёртовой матери, чернокнижник.

Быстрый как молния, я подхватываю её на руки и уношу прочь от толпы. К докам. К Абиссу.

Джордан Стефани Грей - Порочное мореThe Jordan Stephanie Gray - Wicked Sea

ГЛАВА 8

ЗЕФИРА

Мужчины тупые. Особенно мужчины с крыльями.

После нескольких ужасающих секунд полёта в его сильных руках чернокнижник - Арион Стоун - наконец опускает меня на ноги. Мои кости всё ещё дрожат, и мне требуется вся моя выдержка, чтобы не развернуться и не влепить ему пощёчину. Точно так же, как его король влепил мне.

«Если я освобожу тебя, ты приведёшь меня туда?»

Во-первых, этот козёл - именно тот, кто вообще запер мою беспамятную задницу в тюрьме. Это его вина, что мы сейчас крадёмся по краю доков, оглядываясь в поисках стражников, которые уже через пару минут начнут охоту. К чёрту суд или очередную прогулку к виселице. Нас убьют на месте.

Во-вторых, Абисс нереален.

Ну, то есть, он был реален лет пятьсот назад, пока Мортем не превратил его в пепел и уголья. Нет ни единого шанса, что мы сможем найти эти руины сейчас. Никто - ни человек, ни мерроу - так и не преуспел в этом. И даже если бы я могла его найти, я бы не стала помогать Ариону Стоуну, даже если бы он упал на колени, целовал мои ноги и называл богиней.

Они чуть не убили меня. Я только что едва не погибла. После всего, через что я прошла, жадный король и его мерзкая марионетка чуть не украли мою, блять, жизнь.

- Шевелись, - цедит Арион своим холодным, контролируемым голосом. И этот ублюдок действительно хватает меня за локоть, чтобы тащить быстрее. С меня хватит. Хватит того, что больные садисты лапают меня. Контролируют меня.

Эмоции закипают в груди. Гнев, унижение, ужас и скорбь - так много, сука, скорби. Они взрываются во мне первобытным криком. Я замахиваюсь и со всей дури бью Ариона кулаком в грудь, наплевав на последствия. Он смотрит на меня сверху вниз, нахмурив брови, и отпускает мой локоть, пока его крылья продолжают плавно колыхаться. В его серебристо-золотом взгляде вспыхивает смертоносная жестокость, но мне плевать.

Мне абсолютно, чёрт возьми, плевать.

Предательские слёзы наворачиваются на глаза, но я не могу позволить им пролиться. Я не могу трансформироваться. Не перед Арионом Стоуном. Не перед этой грёбаной Мортией и всеми больными ублюдками, которых она укрывает.

Ставрос... он мёртв. Они убили его. Я часто моргаю, заставляя себя продержаться ещё немного, но дышать тяжело. Каждый вдох рваный, острый. Потому что Ставрос - он предал меня, и... и они всё равно его убили. Я недоверчиво качаю головой, спотыкаясь вслед за Арионом, который снова шагает вперёд.

Они убили его, они убили его, они убили его.

Воспоминание о клинке, пронзившем его огромную грудь, поднимает свою уродливую голову, и я едва не сгибаюсь пополам, словно этот меч пронзил меня саму.

Джордан Стефани Грей - Порочное мореThe Jordan Stephanie Gray - Wicked Sea

Я никогда не хотела, чтобы Ставрос умер. Я никогда не желала ему смерти, но они убили его просто за то, что он меня знал. Они почти…

Они почти убили меня.

Я резко втягиваю воздух, глядя на прибрежную стену, чтобы прийти в себя. Она возвышается неподалёку, обсидианово-чёрная, как ночь, и отбрасывает на нас тень, похожую на гроб. Я вжимаюсь в сторону, возвращаясь на солнечный свет, пока Арион свирепо смотрит на меня через плечо.

- Если ты закончила задыхаться, - бросает он сухо, - можешь вести нас в своё логово, гнездо или в какую там ещё помойку ты называешь домом. Нам нужно место, чтобы перегруппироваться. За нами уже идут стражники, а также другие чернокнижники…

- Я знаю. - Богиня, как бы я хотела врезать ему ещё раз. Как бы я хотела взять его за голову и приложить лицом о булыжники.

Однако одного взгляда на него достаточно, чтобы понять: у меня нет шансов одолеть его физически. Магически тоже. Не с этими крыльями. Его сила слишком велика, а я слишком слаба. Я была слабой так долго. Я скрежещу зубами от этого признания, от осознания того, что на этот раз я влипла в глубокое дерьмо. Возможно, даже более глубокое, чем виселица.

Я оглядываюсь на прибрежную стену, на порт рядом с ней, кишащий повозками, кораблями и пегасами на позолоченных поводьях, а затем смотрю на свои руки. Всё ещё связанные, как и всё моё тело. Я малёк в водах, кишащих акулами.

- Развяжи меня, птицелов.

Арион наклоняет голову, и его крылья угрожающе раскрываются, словно он готов размазать меня по земле.

- Птицелов? - Его голос темнеет. Это выдает его стремительно тающее терпение. - Я спас твою жизнь, русалка. Ты моя должница. - А затем, словно уловив что-то в моём голосе или выражении лица, он делает шаг ближе. Его глаза горят, как расплавленная лава. - Говори дорогу к Абиссу.

- Сначала развяжи меня.

- Нет.

Я прищуриваюсь. Подступаю ближе, чувствуя себя более грациозной - и более опасной - теперь, когда я больше не болтаюсь на крючке у короля. Я протягиваю запястья, стянутые потрёпанной веревкой так сильно, что кожа пошла багровыми пятнами. Старые серебристые шрамы начинают пульсировать от боли. Их вид напоминает мне о том, что мне осталось терять. Ни хрена.

- Развяжи меня, - шиплю я, - и тогда я скажу.

Его челюсти сжимаются ещё сильнее.

- Я не дурак…

Но он дурак. Он самый настоящий, круглый дурак.

Я усмехаюсь, прерывая его холодным покачиванием головы:

- Ты ведь спас меня, верно?

В ответ на его испепеляющий взгляд я меняю тактику со скоростью свирепого течения. Наигранно скорбно вздохнув и захлопав ресницами, я снизу вверх смотрю на него и поднимаю руки:

- Я не смогу вести тебя к мифическим руинам на дне океана, если буду связана, как клешня лобстера.

Он изучает меня, переводя взгляд с моих глаз на верёвку, затем на шею, после чего снова оглядывается назад. Ветер усиливается, бросая мне в лицо столько волос, что из-за этой розовой пелены я едва вижу его замешательство. Крылья чернокнижников, готов заложить душу. Остальные уже близко.

- Если я освобожу тебя, - произносит Арион низким, натянутым голосом, и его контроль наконец даёт трещину, - мы летим прямо к Абиссу. Я без колебаний поджарю тебя, если ты хотя бы помыслишь о предательстве.

- Я? Предам тебя? - Я смеюсь так, будто это самая глупая шутка, которую я слышала. – Всё королевство мечтает поймать нас и привязать к одному костру. Развяжи меня, чтобы мы могли свалить.

Всё ещё хмурясь, он хватает меня за запястья и притягивает к себе; наши тела оказываются слишком близко, и его кожа внезапно кажется горячей. Слишком горячей. Слишком странной. Слишком неправильной. От этого прикосновения у меня перехватывает дыхание, а его руки буквально прожигают мою грязную тунику. Тоже странно. Тоже неправильно. Пытаясь не отпрянуть, я свирепо смотрю на него снизу вверх. Он огромный - гора из плоти, мускулов, мощи и силы, - но в его взгляде внезапно вспыхивает огонёк, который... отличается от всего остального. Он кажется неуверенным. Нервным.

Моим спасением он только что проклял сам себя.

- Я вытащил тебя, - повторяет он, и теперь его голос звучит жёстче, твёрже. - Я - чернокнижник Арион Стоун, и ты поможешь мне или умрёшь. - Он наклоняется, заглядывая прямо мне в глаза - слишком близко, нарушая все границы. И хотя меня выворачивает от этого, хотя мне хочется щелкнуть его по носу, я не могу не податься ещё ближе. Когда я облизываю губы, он следит за этим движением, и его зрачки расширяются. Он выглядит так, словно хочет сожрать меня. Эта мысль возникает сама собой, и всё же - так оно и есть. Мой желудок делает кульбит от этого осознания. Он смотрит так, будто хочет проглотить меня целиком и выплюнуть кости. Его глаза снова вспыхивают. - Ты понимаешь меня, Зефира из Сил?

И, возможно, дело в том, как он это говорит - почти с рычанием, - или в этом смертоносном блеске его глаз, но моё имя на его языке заставляет мурашки пробежать по спине. Я киваю и поднимаю запястья выше, случайно задевая локтями его крылья. От этого движения он каменеет, словно его ударило током, и рычит. Сотворив стеклянный клинок, он быстрым движением перерубает мои путы и толкает меня назад.

Подальше от себя.

Отлично.

Слишком знакомая боль в запястьях отступает, когда верёвки падают на булыжную мостовую. И действительно, взгляд Ариона натыкается на коричневые крылья в отдалении, и его собственный ветер становится сильнее. Взъерошивая наши волосы и одежду, понукая двигаться. Потому что, если чернокнижники ещё не заметили крылья Ариона или мои волосы, они сделают это через секунду, и...

Их крики разрывают улицу. Мой желудок падает ещё ниже. Они нашли нас. С неба уже начинают лететь стрелы, но ветер Ариона превращается в шквал, сбивая снаряды с курса. Однако они продолжают наступать. Они не остановятся, пока не распластают нас на своих мечах, и... у меня есть всего секунды. Секунды, чтобы сбежать. Чёрт, чёрт, чёрт.

Арион напрягается:

- Нам нужно взлетать…

Прежде чем он успевает договорить, я наклоняюсь и хватаю горсть грязи с земли. Когда он оглядывается на меня, я швыряю её прямо ему в глаза. Он рычит от удара, от внезапного обмана, но я исчезаю прежде, чем он успевает нанести ответный удар.

Как я и говорила - мужчины с крыльями чертовски тупые.

Я мчусь вверх по улице, переставляя слабые ноги, используя любые препятствия, чтобы ускориться - мусорные баки, фруктовые лавки, людей. Арион ревёт моё имя на всю улицу. Быстрее. Кем он вообще себя возомнил? Он вырубил меня. Он запер меня. А теперь я должна, что - служить ему? Только потому, что он спас меня от петли, которую сам же помог натянуть на мою шею? Ага, разбежался. Я перебираю ногами ещё быстрее, помогая себе руками, уворачиваясь от развалившихся на мостовой тел - грязных простолюдинов, прокисших от вони дешёвого пойла. Ему повезло, что я не нашла осколок стекла, чтобы перерезать ему глотку. Нет, Арион Стоун не получит меня. Никогда.

Я уже принадлежу кое-кому другому. Кому-то гораздо более магическому, более могущественному, чем это крылатое чудовище когда-либо сможет стать. А одного хозяина мне более чем достаточно. Даже сейчас мысль о нём сковывает мои колени, и я едва не лечу кувырком на булыжники. Едва не лечу.

Я сбежала от колдуна.

Я смогу сбежать и от этого чернокнижника.

И всё же, мне больше некуда податься. Либо обратно в море, где меня будет поджидать колдун, либо обратно к Ариону, чьё крыло уже рассекает воздух возле моих волос, чей разум впивается в мой собственный, раскалённый от ярости. Но с меня хватит сделок и мужчин, которые их заключают. И вопреки убеждениям чернокнижника, я не тупая. Я знаю, чем закончится эта сделка, даже если мне удастся найти его чёртовы руины - тем, что он свернёт мне шею так же надежно, как виселица.

Пульс стучит в ушах. Нет.

Я больше никому не буду принадлежать. Ни ради кого. Ни ради чего.

Я… я могу сбежать на свою родину. Крылья чернокнижника не справятся с бурным течением моря, и пока я не использую свои силы, я не оставлю следа на воде. Колдун не сможет меня найти. Богиня, пусть он меня не найдёт. Моя решимость крепнет с каждым шагом. У меня нет другого выбора: мне нужно доплыть до другого человеческого королевства и на этот раз спрятаться получше - никакой кражи, никакой дружбы, никаких глупых рисков. Я спрячусь по-настоящему. Спрячусь навсегда.

По крайней мере, сбегать у меня получается отлично.

Я несусь к окраине города, к прибрежной стене, где ждут доки с этими пегасами и капитанами кораблей. Люди больше не плавают по морям. Теперь они парят над ними. Так или иначе, порт - моё спасение. Мои босые ноги скользят по внезапно появившейся грязи. Сердце подпрыгивает к самому горлу. Я смотрю вниз, назад, и - конечно же - чернокнижник летит за мной, а за ним ещё полдюжины других.

Крылья несут Ариона с убийственной точностью; он швыряет сгустки магии направо и налево - в меня, в чернокнижников, в любого, кто не так на него посмотрит. У меня пересыхает во рту от его намертво сжатых челюстей, от чистой ярости, исказившей его лицо. Он в бешенстве.

Джордан Стефани Грей - Порочное мореThe Jordan Stephanie Gray - Wicked Sea

К несчастью для него, я выживала и в худших переделках. К несчастью для него, мне не привыкать к погоням. Я огибаю кратеры, оставленные магией Ариона, проскакиваю мимо грязи, матросов и их внезапно оживших сетей. Чёрт. Я резко сворачиваю за ближайший угол - мимо простолюдинов, мимо угловатых зданий и бурлящих прилавков. Стражники с виселицы ещё не догнали нас, а эти люди слишком отвлечены, чтобы беспокоиться о том, что среди них бежит враг. Слишком отвлечены летящим чернокнижником и его молниями. Его крылья бьют в зловещем ритме ветра и грома.

- Стой, мерроу! - Глубокий голос Ариона грохочет над Крестфоллом, сотрясая колонны и обрывая листья с лимонных деревьев. - Зефира, Зефира, Зефира. - Его голос скользит по моему позвоночнику, закручиваясь между позвонками так, что я боюсь, что буду слышать его во сне, прямо как того, другого. - Мы заключили сделку, Зефира.

Я не слушаю. Я никогда не слушаю. Это полностью его вина - нечего было думать, что мне можно доверять. И к чёрту его за то, что поставил меня в такое положение. Я не убивала. Я не грабила. Я пряталась. Воровала, чтобы выжить. Я никогда не причиняла вреда тем, кто этого не заслуживал. Кроме одного раза. Только одного раза.

Я посылаю воздушный поцелуй в его сторону и - подмигнув на прощание - бросаюсь за угол пропускного пункта порта. Высокое здание с колоннами и нефритово-зелёными пальмами, покачивающимися на фоне белых текстурных стен. А рядом с ним, на тысячи футов ниже, бушует море.

Я тяжело сглатываю.

Прыжок... это напоминает мне о верёвках, виселицах и удушье. Мой желудок скручивается. Желчь подступает к горлу. Я смотрю вниз на глубокие синие воды, колеблясь долю секунды. Я не чувствовала прикосновения моря уже шесть месяцев. С тех пор как сбежала от колдуна.

Что, если он найдёт меня?

Но в бешеном чернокнижнике позади меня нет ничего гипотетического. Арион настигнет меня в любую секунду. Потерев горло, я глубоко вздыхаю. Мои колени сгибаются.

Ты сможешь, - думаю я. Ты сможешь снова сбежать. Ты сделала это в первый раз.

- Ты моя должница! - Яростный крик Ариона прорезает штормовой ветер. Он бьёт по мне раньше, чем его магия успевает дотянуться. - Тебе некуда бежать, я везде тебя найду!

Я высоко поднимаю средний палец в воздух, даже не утруждая себя тем, чтобы обернуться или подумать ещё секунду, и прыгаю.

И падаю.

В то же мгновение, как я погружаюсь в море, я чувствую истинную, мимолётную свободу. Вспышка холода, укол соли, даже вода, заполняющая мои лёгкие и конечности - всё это имеет вкус дома. Вкус силы.

Наконец-то.

Лунный свет взрывается мелкими трещинами под моей кожей, ярко сияя на фоне бескрайней синевы вокруг. Мои ноги срастаются, и чешуйка за чешуйкой - сверкающий бирюзовый перламутр - покрывают моё тело от торса и ниже. Вот так просто появляется мой хвост. Три тонких разреза прорезают мою шею. Жабры. Я снова могу дышать. Соль наполняет мой рот. Я дико смеюсь и кружусь в воде, мои волосы невесомо вьются от этого движения. Это правильно. Такое чувство, будто я победила.

Но кошмар ещё не закончен.

Джордан Стефани Грей - Порочное мореThe Jordan Stephanie Gray - Wicked Sea

Я думала, чернокнижник не прыгнет за мной. Я думала, он понимает, что его крылья беспомощно увязнут в море, а падение с такой огромной высоты может переломать ему кости. В прошлом я много о чём думала - и большинство моих мыслей оказывались ошибочными.

Чернокнижник Арион Стоун летит следом за мной, прямо через край, и врезается в воду, как валун, едва не потеряв сознание от удара. Пока я трансформировалась, крылатый человек стремительно идёт ко дну.

Он начинает тонуть.

Я взмахиваю хвостом, руками поспешно раздвигая кристально прохладную воду перед собой, и плыву за ним. Хотя его крылья всё ещё бьются, пытаясь зацепиться за бездну, они не находят опоры. Арион тонет, опускается всё ниже и... качая головой, я устремляюсь к нему. Хватаю его за воротник и притягиваю к себе.

Паника вспыхивает в его взгляде, ужас от его внезапного положения. Он под волнами, окружённый сокрушительной толщей воды со всех сторон, на моей территории. Если я захочу, он умрёт. Его жизнь в моих руках, и он это знает. Его широко раскрытые глаза встречаются с моими в безмолвной мольбе, но с меня хватит мужчин - крылатых или любых других, - и я никому не принадлежу. Проходит секунда. Две.

Мои пальцы сжимаются на его горле.

Сегодня день, когда чернокнижник Арион Стоун умрёт.

ЧАСТЬ II

МОРЕ

Джордан Стефани Грей - Порочное мореThe Jordan Stephanie Gray - Wicked Sea

ГЛАВА 9

ЗЕФИРА

Арион не дохнет так просто.

К моему раздражению, он борется. Сильно. Руки чернокнижника мертвой хваткой сжимают мои запястья; его раскалённые пальцы впиваются в кожу, пока крылья отчаянно - и тщетно - бьются, пытаясь вырвать его из моего захвата. Однако это не небо. Это море.

Здесь у него нет власти.

Я обвиваю хвостом его широкий торс, чтобы лишить его возможности двигаться. Он не может шевельнуться, как бы сильно ни дёргался.

- Это за то, что вырубил меня. - Я полосую ногтями по его плоти, и вода окрашивается багровой струйкой его крови. - Это за то, что запер меня. - Я рву его распахнутую чёрную тунику, рассекая правую грудную мышцу. - А это за то, что притащил меня к петле. - Адреналин стучит в моих венах. У него вкус мести.

Я почти не чувствую воды вокруг нас, почти не чувствую соли, жгущей кожу, и холодного прикосновения волн к лицу. Есть только я. Только Арион.

Только его смерть.

Годы страданий обрушиваются на меня разом, и я вымещаю всё это на тупом, высокомерном чернокнижнике передо мной.

«Теперь ты принадлежишь мне, Зефира из Силь».

Нет.

Никто мной не владеет. Ни этот мужчина. Ни колдун. Моя жизнь принадлежит мне. Он не может отнять её у меня. Никто и никогда больше не отнимет её у меня. Я душу чернокнижника, обезумев от ярости.

- Я никому не принадлежу! Я ничего тебе не должна!

Он скребёт собственными ногтями по моим рукам, всё ещё пытаясь брыкаться, ударить меня, сделать хоть что-то, что могло бы купить ему лишнюю минуту на этой земле. Его рот открывается в яростном рыке - из тех, что могли бы заставить мои волосы встать дыбом, не будь я хозяйкой положения, - но вместо того чтобы выдохнуть свой гнев, он резко втягивает воздух. Море начинает заполнять его лёгкие. И это жжёт. Это должно чертовски жечь. Он должен понимать, что умирает. Я широко улыбаюсь.

Я хочу, чтобы он мучился.

- Увидимся в следующей жизни, - шепчу я, прежде чем разжать пальцы и позволить этим грубым крыльям утянуть его на дно, вниз, вниз, - хотя, скорее всего, даже там не пересечёмся.

Если бы я могла сделать это, не привлекая лишнего внимания, я бы использовала свою магию и отправила его через водоворот прямиком на дно Села. Этот восхитительный трепет адреналина, эхом отдающийся в венах, умоляет меня шевельнуть пальцем, потянуть за нить связи, которую мерроу разделяют с богиней, и заставить его тонуть быстрее. Но он и так уже захлёбывается. Уже давится. Его крылья

скособочились, согнулись и обмякли. Чернокнижник без пяти минут труп, а значит, мне пора бежать. Или, точнее, плыть. Виселица и чернокнижник - ничто по сравнению с Верховным Колдуном Четырёх Морей.

Мой желудок скручивается при мысли о нём, и слишком знакомая паника обжигает позвоночник, когда я оглядываюсь назад, проверяя, не блеснёт ли в глубине его бронзовая магия. Но вода тёмно-синяя, рыбы мелкие - сардины, а не шпионы, - а свет с поверхности настолько тусклый, что кажется, будто Сель абсолютно пуст. Колдуна здесь нет. У меня есть шанс уплыть, сделать так, чтобы меня никогда не нашли…

Багровая полоса привлекает моё внимание.

Я смотрю вниз. Кровь стекает с моей груди и шеи знакомыми тонкими струйками. Я касаюсь её пальцем и морщусь от изумления. Потому что это… это моя кровь. Моя кровь окрашивает эти проклятые воды.

Мой желудок падает куда-то вниз.

Паника сдавливает горло, и я резко подаюсь назад, прочь от этого места, но багровая полоса следует за мной. Странные порезы на моей груди продолжают кровоточить. Я в отчаянии уставляюсь на них, и моя паника перерастает в чистый, первобытный ужас. Как… почему… богиня, как мне сбежать до того, как он пошлет за мной свои армии? Он почувствует вкус моей крови. Он узнает, что я здесь.

- «Теперь ты принадлежишь мне, Зефира из Силь». - Он нависает надо мной, его бронзовые глаза вспыхивают ещё жарче, когда он грубо прижимает палец к моим губам. Его магия разгорается между нами, как тайное пламя. Бронзовые оковы с щелчком закрываются на моих запястьях. Страх ревёт в ушах, когда он прижимается ещё ближе, а его вторая рука скользит по моей чешуе, вверх по талии. Мои ладони продолжают кровоточить из-за нашей сделки. Я не уверена, что они вообще когда-нибудь перестанут. - «Твоё сердце, твоя магия и твоя душа принадлежат мне. А теперь», - он облизывает зубы, после чего кривится в злобной ухмылке и заставляет меня поднять подбородок, ловя мой взгляд, - «на колени».

О богиня, о богиня, о богиня.

Мне нужно двигаться. Мне нужно плыть. Мне нужно… Мысль обрывается, когда волна морской воды взрывается в моём горле и вырывается наружу.

Чёрт.

Моё нутро горит, когда меня выворачивает океанской водой; я не могу дышать. Не могу думать или даже пошевелиться, пока она насильно исторгается из меня. Чёрт, чёрт, чёрт. Я царапаю свою шею, свои жабры, кружась волчком в бурном течении. Пытаясь найти какие-то препятствия или причины, по которым я, русалка, тону. Но - мой хвост бьётся из стороны в сторону в полубредовом исступлении - ничего нет.

И я… Истекаю кровью. Тону.

Он найдёт меня.

Я вскидываю руки вверх, отчаянно пытаясь пробить поверхность воды, но моё тело больше не слушается. Я больше ничего не контролирую. Я часто моргаю, мои лёгкие ноют от непрерывного потока соли, выжигающего пищевод. Нет, нет, нет, нет - я начинаю погружаться на дно, не в силах вытолкнуть себя наверх, пока моё тело, мои лёгкие заполняются водой.

Я открываю рот, чтобы закричать. Вырываются только пузыри.

Точно так же…

Точно так же, как тот чернокнижник.

Джордан Стефани Грей - Порочное мореThe Jordan Stephanie Gray - Wicked Sea

Молния пронзает мой разум. Оглушительный щелчок осознания выжигает страх и боль. Чернокнижник. Я смотрю вниз, и - конечно же - он всё ещё истекает кровью подо мной. Далеко подо мной, почти скрывшись из виду. Он всё ещё тонет.

- «Проснись!» - Острый песок режет мои ступни, мои щиколотки, пока я прижимаю Джасина к груди. Его губы в крови. Его тело в крови. Его зелёные глаза открыты, но они ничего не видят. - «Проснись, проснись, проснись! Пожалуйста. Пожалуйста». - Рыдания сотрясают моё тело, но я целую эти посиневшие губы всеми каплями магии, что во мне остались. Снова. Снова. Однако Джасин не просыпается. И я могу только плакать ещё сильнее.

- «Долги жизни у мерроу работают не так, моя дорогая русалка», - произносит незнакомый тритон из моря. Он наблюдает за мной с мелководья, его бронзовые волосы похожи на языки пламени над лазурной гладью. Я никогда не видела его раньше, но прямо сейчас мне плевать, кто он и зачем здесь. Тритон наклоняет голову и добавляет: - «Нельзя вернуть жизнь тому, на кого уже предъявили права. Можно лишь спасти жизнь до этого момента. Конечно, я мог бы вернуть его, если хочешь - за определённую плату».

Воспоминание бьёт по мне жестоким, безжалостным шквалом, выжимая слёзы из глаз, когда я с пугающей ясностью воскрешаю в памяти худший день в своей жизни. Долги жизни мерроу. Сделки.

Колдун, который нарушил каждое обещание, которое когда-либо давал.

Дерьмо.

У меня нет причин верить этому паршивому ублюдку теперь. За исключением того, что я тону. Я тону, и то же самое происходит с грёбаным чернокнижником, который только что освободил меня от петли. Он спас мне жизнь. Он спас жизнь мерроу за секунды до того, как Мортем успел забрать её. А это значит...

Если Арион умрёт, я умру тоже.

Мой хвост бьёт по воде с изнуряющим усилием. Я устремляюсь за чернокнижником - за его тонущим телом и обмякшими крыльями, - пока солёная вода заливает мой рот, обжигая уши и нос, а сердцебиение замедляется до смертельного ритма. Удар. Я протягиваю руку. Удар. Мои пальцы едва касаются его пальцев. Удар. Я пускаю в ход ногти, обвивая их вокруг его указательного пальца, прежде чем притянуть себя ближе, ближе, даже когда я раню его кожу и кровь сочится между нами. И внезапно - как подтверждение и как проклятие - мой собственный указательный палец обжигает. Острая боль прорезает тонкую линию на коже. Моя кровь проливается точно так же, как его.

Точно так же, как когда я исполосовала его грудь.

Я перехватываю его руку и тащу его вверх. Тупой чернокнижник. Если я смогу вытащить нас отсюда, если смогу дотащить нас до поверхности, я смогу всё исправить. Я смогу вернуть ему долг жизни и вот тогда уже убить его. Но его крылья слишком тяжёлые, его тело слишком мускулистое, да и я сейчас далеко не на пике своей формы. Зрение чернеет уже слишком часто за сегодня, а пульс становится ещё слабее.

К чёрту последствия.

Крепко обхватив правой рукой запястье Ариона, левой я начинаю подчинять воду. Подчинять, а не просто плыть сквозь неё. Мерроу состоят из миллиона частиц воды - из миллиона частиц самой богини. И хотя время и война истощили наши моря и разделили наши силы на четыре части, я всё ещё могу использовать то, что осталось

внутри меня от моего дома, от Сил. Я не сирена. Я не фервор и не опак. Я экориан. Я могу заставить воду выполнять мои приказы.

Мою кожу покалывает от упоительного электричества, а кости подчиняются магии, зреющей внутри. Я вращаю запястьем, и ленты воды переплетаются с моими пальцами, когда Сель начинает бурлить.

Я улыбаюсь вопреки самой себе. Вопреки тому, что, к сожалению, всё ещё умираю.

Тело Ариона взмывает к поверхности на гребне новорождённых волн, увлекая за собой его массивные пернатые крылья. Если мы выберемся из этого - и я смогу разорвать долг жизни - возможно, я задушу его ими.

«Быстрее», - приказываю я водам, - «быстрее».

Моя магия поднимает его ещё сильнее, платформа из воды толкает его тело вверх, вверх, вверх. Я быстро следую за ним, мой хвост с яростной силой толкает меня следом. Но прежде чем я успеваю пробить поверхность, прежде чем я успеваю спасти нас, водоросли вырываются откуда-то снизу и опутывают мои запястья.

Моллюски поднимаются с песчаного дна и щелкают створками возле моего хвоста. Плавник режет воду всего в какой-то миле отсюда. Острый, серый, несущий погибель - и направляющийся прямиком ко мне.

Моё сердце падает. Тьма делает больше, чем просто застилает взор.

Колдун нашёл меня.

Слёзы наворачиваются на глаза, и этот ужасный страх возвращается, когда акула устремляется ближе. Этого не может происходить. Какая-то далекая часть моего разума отказывается в это верить - та самая часть, что согласилась на паршивую сделку с чернокнижником. Ошибка. Всегда одна и та же ошибка, а у меня... У меня должно было быть больше времени. Я должна была сбежать, свить себе гнездо, быть счастливой. Ну хоть разок. Хоть на один год, на один месяц, да хотя бы на один день. Я всего лишь хотела быть свободной. Водоросли затягиваются, как кандалы, и меня выворачивает, когда они утягивают меня глубже на дно.

Надеюсь, мы с Арионом утонем первыми.

Смерть предпочтительнее того, что грядёт за мной теперь.

- «Зефира», - сильный, содрогающийся голос пульсирует сквозь Сель. - «Зефира, дорогая моя, пора возвращаться домой». Ледяное фантомное прикосновение ласкает моё лицо, и я открываю рот в беззвучном крике.

Его голос. Его прикосновение.

- «Я люблю тебя, Зефира».

Нет, нет, нет.

Акула несется вперёд. Моллюски щиплют и кусают, и острая боль пронзает меня до самого нутра с каждым укусом. Водоросли держат меня в плену. Я не могу использовать магию. Не могу сосредоточиться. Не могу... Не могу...

Арион просыпается с рёвом, внезапным, как удар грома, и он стреляет рукой вниз - ко мне - и намертво хватает мои опутанные водорослями запястья. Его крылья больше не обмякли; они начинают совершать мощные волнообразные движения, пока его магия электризует течение вокруг нас. Резким рывком он тащит меня вверх, в свои руки.

- «Пора возвращаться домой», - этот зловещий голос эхом разносится по воде.

Но Арион либо не слышит его, либо ему плевать на надвигающуюся угрозу. На величайшую угрозу. Ему точно так же плевать на моллюсков, водоросли и акулу. Что-то

опасное зреет внутри него, мощно толкаясь в мой бок. Его взгляд вспыхивает жаждой убийства, когда он разрывает водоросли, когда он заставляет моллюсков закипеть изнутри, испепеляя их вместе с раковинами.

Этого мало. Колдун всё ещё приближается. Я почти чувствую его сейчас: он крадётся всё ближе, скользя по воде подобно призраку.

- «Беги быстрее, Зефира», - напевает он. - «Я так люблю погони».

Прежде чем я успеваю сделать именно это, прежде чем я успеваю собрать мысли в кучу и броситься наутёк, поток жуткой силы высвобождается из груди чернокнижника. Он выстреливает нами вверх на реактивной струе бурлящей воды и отправляет нас падать по небу, словно падающие звёзды.

- Всегда, мать твою, пожалуйста, - рычит он, пока мы несёмся к известняковым руинам. Я кричу у него на руках, намертво обхватив пальцами его за шею, и он, кажется, получает истинное удовольствие, вбивая нас прямо в землю.

Джордан Стефани Грей - Порочное мореThe Jordan Stephanie Gray - Wicked Sea

ГЛАВА 10

АРИОН

До Русалочьих войн прибрежные дворцы служили местами убежища и мира.

Высеченные из известняка, украшенные раковинами и моллюсками, эти огромные башни гнездились на небольших островках и мелководьях между четырьмя королевствами и четырьмя морями. Раньше здесь, у самой кромки воды, человечество заключало договоры и обменивалось товарами со всего света. Однако после войн эти места превратились в уродливые руины. Башни позора и сожаления, оставленные гнить под ударами буйного, окровавленного моря.

Сегодня прибрежный дворец Мортии - это место, где я задушу русалку голыми руками.

В ту же секунду, как мои сапоги касаются камня, я швыряю демона на землю. Прижав ладонь к груди, я силой магии исцеляю свои лёгкие и желудок изнутри, испаряя каждую каплю оставшейся соленой воды и желчи. Она едва не утопила меня. Я стискиваю зубы, чтобы не зарычать, мысленно благодаря богов за то, что мой резерв магии успел почти полностью восстановиться за те мгновения, пока я был без сознания.

Я собираюсь её прикончить.

Зефира прижимается к земле; её бирюзовый хвост обвился вокруг острого валуна, обнаженная грудь тяжело вздымается, а розовые волосы облепили лицо, шею и позвоночник. Дикие волны бьются о скалистый остров, осыпая её яростными брызгами. Однако она не шевелится, продолжая держаться за валун дрожащими руками.

- Если… ты… ещё… хоть раз, - выплёвывает она с шипящей яростью, - подхватишь меня… и потащишь по воздуху, я скормлю твои глазные яблоки чайкам.

Я шагаю вперёд, не в силах скрыть безудержный гнев в своих тяжёлых, твёрдых шагах. Мои крылья уклоняются от яростной волны - я держу их сухими, предварительно испарив влагу с каждого отдельного пёрышка, - а затем распахиваются во всю ширь, отбрасывая на неё огромную тень. Она косится на меня, отрывая подбородок от камня; в её ярком сине-зелёном взгляде застыло отрешённое выражение. Остатки паники.

Я видел её лицо перед тем, как вытащил её из моря. Оно было искажено таким ужасом, какого я не встречал со времён… со времён своей юности.

- Птицелов, сожранный чайками, - бормочет она на рваном выдохе. - Прекрасная ирония, тебе не кажется?

Мои крылья топорщатся - правое едва не сбивает её с ног, но в последний момент она откатывается в сторону. Прижавшись спиной к валуну и больно впиваясь ногтями в камень, она свирепо смотрит на меня:

- Я знаю, что ты умеешь говорить, птицелов. У тебя не было проблем с тем, чтобы командовать мной минуту назад.

Я изучаю её прищуренным взглядом. Её сердце бешено колотится под рёбрами. Чешуя - сотни, если не тысячи чешуек - искрится ниже пупка, а кончик хвоста бьёт по прибою, пока вода каскадом стекает по её покрытому шрамами телу. Змея, выползшая прямо из Бездны, чтобы преследовать меня. Её тонкая талия переходит в соблазнительные изгибы, но она не стыдится своего обнажённого тела, не пытается поправить клочья туники, запутавшиеся в чешуе. Волосы прикрывают большую часть груди, и она кладет изящную ладонь на живот, когда очередной сухой позыв к рвоте сотрясает её.

Она уязвима.

- Ну? - выплёвывает она, проводя той же ладонью по сочным губам.

Мой взгляд снова возвращается к её глазам.

- Я выбираю, каким способом лучше убить тебя. - Пусть я и не блюю, как неотёсанный зверь, мой голос стал грубее и глубже после последних десяти минут пыток. Горло всё ещё жжёт от соли. Это придаёт угрозе особенно зловещее звучание. - Возможно, я вскрою тебя по позвоночнику. Или пронжу твоё горло, как сделал с остальными. А может, я буду медленно выдавливать из тебя жизнь, точь-в-точь как ты собиралась сделать со мной.

Она бросается вперёд без предупреждения, щёлкая зубами, словно пытаясь укусить меня за ногу, но мои крылья реагируют ещё быстрее. Они приподнимают меня в воздух, унося из зоны досягаемости, и опускают с другой стороны от неё. Рычание зарождается глубоко в моей груди от её глупости, её безрассудства. Она, похоже, ещё не осознала своего нового положения - она может быть чудовищем, но я гораздо хуже.

Прежде чем она успевает поднять голову, я опускаюсь на корточки позади неё, смыкаю пальцы на её горле и рывком закидываю её голову назад, заставляя встретиться со мной взглядом. Её глаза вспыхивают ярче от моей властной хватки, в них горит абсолютное возмущение вместо страха.

- Тебе следовало бы молить о пощаде, - шепчу я ей на ухо. Ведь она точно так же держала меня под водой, пока море заполняло мои лёгкие. Она обвила меня своим хвостом в извращенных объятиях. Теперь этот хвост бьёт меня по боку, тяжело, как молот, но я не сдаюсь, продолжая смотреть на неё с явной угрозой насилия. Она ещё не понимает, но скоро поймёт. Я спас ей жизнь. Я вытащил её из лап того дерьма, что только что напало на нас, и принёс сюда, в безопасность. Она принадлежит мне.

Вместо страха она лишь смеётся - мелодичный звон разносится по прохладному ветру, и моя челюсть каменеет.

- Ты думаешь, ты первый мужчина, который мне угрожает?

Нет, так не думаю.

- Я думаю, что прямо сейчас я держу твою жизнь в своих руках.

- Насколько я помню, за нами обоими охотится всё королевство Мортия. И я нужна тебе, забыл? Ты только что спас меня. Снова, - выплёвывает она, словно это оскорбление. - Сомневаюсь, что ты убьёшь меня теперь.

Она действительно была мне нужна. Когда она падала в петлю на конце этой верёвки, мне нужно было спасение.

Но это было до того, как грёбаная русалка попыталась меня утопить. Кто знает, когда она попробует снова? Именно когда, а не если. Всё, что Зефира из Силь доказала за последние два часа - это своя изменчивая, лживая натура. И, возможно, я сам был глупцом - глупцом, раз вообще подумал, будто мерроу может мне помочь.

Я отпускаю её так резко, что она падает вперёд, со стоном ударяясь о валун. Фантомный клинок срывается с моих пальцев - лезвие из тонкого, как бритва, дыма - и прижимается к нежной коже на её шее. Пытаясь говорить ровно, я произношу:

- Говори, где Абисс. На этот раз точные координаты, или я перережу тебе глотку прямо здесь и сейчас.

Она усмехается, её глаза блестят злобой, но она благоразумно не двигается.

- Как будто ты не убьёшь меня в ту же секунду, как я всё расскажу.

- Риск, на который тебе придётся пойти.

Фантомный клинок сильнее вдавливается в кожу для убедительности, оставляя тонкую красную линию крови.

На этот раз она всё же отстраняется от валуна с резким вздохом, её хвост подворачивается под неё, чтобы удержаться в вертикальном положении, а лезвие неохотно следует за ней. Прищурив глаза, она касается маленького алого следа.

Проходит несколько секунд, пока она смотрит на кровь на своём пальце, - а затем она снова смеётся. Мои зубы сжимаются так сильно, что едва не трещат.

- Ты действительно тупой, - говорит она.

Я тянусь вперёд, чтобы схватить её - сломать ей шею и заткнуть навсегда, к чёрту сердце Мортема, - как вдруг мои крылья топорщатся. Они улавливают укол боли раньше меня, оборачиваясь вокруг моего тела с каким-то странным рвением, словно пытаясь... словно призывая меня на что-то посмотреть. Мои брови хмурятся от этой жалящей боли. От ощущения струйки тёплой жидкости, которая следует за ней. Всё ещё глядя на Зефиру, я поднимаю руку к шее в зеркальном жесте, и мой палец оказывается в крови.

Я смотрю на него.

Она смотрит на меня.

Что. За. Чертовщина. Исказив рот, я пытаюсь стереть это наваждение - точнее, пытаюсь стереть кровь, но порез на моём горле остаётся. Я всё ещё чувствую его там, тупое жжение, и когда ещё одна капля крови срывается у Зефиры, то же самое происходит и у меня.

Мой взгляд мгновенно переносится на её лицо, ища ответы. Думая. Но... нет. Мои челюсти каменеют. Какую бы магию она ни использовала, я не позволю этой проклятой русалке взять надо мной верх.

- Ты действительно думаешь, что капли крови достаточно, чтобы остановить чернокнижника?

- Я думаю, тебе стоит обратить внимание на то, почему ты истекаешь кровью. - Она переводит взгляд с её горла на моё, на наши одинаковые раны. - Если убьёшь меня, то лишь погубишь самого себя.

- Лгунья. - Магия закипает в моих венах - буйство молний под кожей, - и я высвобождаю её с коротким выдохом, нанося ей ещё один порез, на этот раз на правой руке. Она шипит от боли. И я тоже.

Потому что моя правая рука... она начинает кровоточить одновременно с её рукой.

Чёрт.

- Ты вообще знаешь, что значит спасти жизнь мерроу? - Она наклоняет голову, и влажные волны волос каскадом спадают на её плечи, грудь и вниз, к тонкой талии, пока её взгляд горит безудержным снисхождением. - Ты знаешь, что значит украсть добычу у твоего любимого Мортема?

Я не отвечаю. Не могу - потому что я не имею ни малейшего, чёрт побери, представления, о чём она говорит, а не знать... это неприемлемо. Это лишь разжигает во мне желание убить её ещё сильнее.

- Конечно же, ты не знаешь. Человечество уничтожило большую часть знаний, которыми мы с вами делились. - Она машет рукой в сторону прибрежного дворца. От башни теперь осталась лишь полуразрушенная известняковая лестница и открытые обломки разбитого здания, похожие на расколотую и растоптанную яичную скорлупу. Но это не имеет никакого отношения к Зефире или её народу.

- Мерроу связаны с волнами, морями, лунными отливами и приливами, с движением воды в каждом живом существе. Жизнь. Наша магия связана с жизнью. Спасение русалки дарует тебе частицу магии, текущей в её венах. Совсем немного, и лишь до тех пор, пока долг не будет погашен, но этого достаточно, чтобы связать тебя. Чтобы... связать нас. - Она глубоко вздыхает, и остатки веселья исчезают, когда она хмурится. - Ты спас мне жизнь, Арион, и теперь... - Она тяжело сглатывает, её пальцы впиваются в камень. - Теперь у тебя в долгу. Твоя кровь - моя кровь. Мы как одно целое, пока долг не будет возвращён, и я не спасу твою жизнь.

Я уже качаю головой:

- Бред собачий. - Потому что она лжёт. Она обязана лгать. - Я никогда ничего подобного не читал, никогда не слышал...

- Часто ли ты спасал мерроу от внезапной смерти в последнее время? Или, может, кто-то из твоих собратьев спасал? - Она выплёвывает это слово, затем подбирает камень и швыряет его в меня. Моё крыло с лёгкостью отбивает его, после чего возмущённо взъерошивается. - Если бы ты просто позволил мне спасти тебя, когда ты тонул, этого бы не случилось...

- Если бы я доверился тебе, мы бы сейчас переваривались в кишечнике какой-нибудь акулы. Ты была беспомощной, бесполезной, и тебе повезло, что у меня хватило магии, чтобы вытащить нас.

Она скалит зубы в очередном рычании, но я игнорирую это. Я игнорирую её, отворачиваясь, чтобы обдумать эту новую информацию. Как бы мне ни хотелось отмахнуться от её объяснений как от очередного обмана, я не могу игнорировать то, что моё горло и рука всё ещё горят. Я не могу игнорировать собственную кровь.

Паршивая русалка. Мои колени сводит от напряжения, когда я разворачиваюсь; в груди ноет от дикого желания швырнуть её обратно акулам. Мне не следовало вытаскивать её из петли. Мне следовало смотреть, как её вешают. Я мог бы найти другой путь к Абиссу - мог бы провести больше исследований, провести следующую неделю за чтением чего угодно, прочесать все карты и поэзию. Загадки. Ответ всё ещё мог крыться в одной из них. Я мог бы найти его и без Зефиры. Я мог бы дождаться, пока мне попадётся другая русалка, ещё не убитая королём или его людьми, русалка, готовая - нет, вынужденная - работать на меня.

Дрожь проносится по моему позвоночнику, и я заглядываю под тунику, где паутина чёрных вен расходится во все стороны от сердца. Смертоносное прикосновение уже добралось до брюшного пресса. У меня нет ещё одной недели.

У меня нет другого выбора. Мне нужно найти сердце Мортема.

Она нужна мне.

Я предал своё королевство, нарушил клятвы, сбежал из дома. У меня больше нет времени искать другой путь, другую мерроу, что-либо другое. Я умираю. Я умираю, и есть только один путь вперёд.

Мне придётся положиться на русалку, которая меня уже однажды предала.

Она всё ещё свирепо смотрит на меня, переводя взгляд с моих ран на мои крылья, словно сама что-то взвешивает. Мне абсолютно насрать, что именно и что она чувствует - горит ли её горло так же, как моё, или костная усталость тоже навалилась на неё.

Нет. Если это сработает, мне нужно, чтобы она поняла. Мне нужно, чтобы она знала - без тени сомнения, - что ей больше не удастся меня обмануть.

Я здесь главный. Я всё контролирую.

И я растрачу все остатки своей силы, чтобы доказать это, даже если это убьёт меня раньше, чем она успеет сделать это сама.

Мои крылья, должно быть, согласны со мной, потому что левое резко вытягивается вперёд и вздёргивает её подбородок вверх с большей силой, чем необходимо. Оно дрожит, как кулак перед её лицом, словно предупреждая, напоминая о том, что произойдёт, если она попытается предать нас снова. Я чувствую этот удар по подбородку так, словно он пришёлся по мне самому. К счастью, я привык к боли. Игнорировать этот свежий укол раны для меня так же просто, как дышать.

Зефира, однако, отпрянула с отвращением, отбивая крыло в сторону. Мерзкая дрожь пробегает по моему позвоночнику от этого прикосновения.

- Как ты мог заметить, - огрызается она, - на моём теле нет этих дурацких перьев. Так что если я вырву их из твоих крыльев, мне может быть совсем не больно. Кровоточить будешь только ты.

Я не уверен, что верю в это. Я скалю зубы в улыбке, представляя её сломленной и окровавленной:

- Это тот риск, на который ты готова пойти?

- Ударь меня ещё раз и узнаешь. - Её ногти скребут по камню, выбивая гальку и ракушки, пока она готовится к новому броску. К атаке. Я вижу это в её глазах - жажду крови. Ярость. Она ненавидит всё это так же сильно, как и я, и - как и в камере - она не умеет скрывать свои эмоции. Они тлеют в её взгляде, каждая из них.

Что, гипотетически, должно облегчить контроль над ней. И раз уж она у меня в долгу… возможно, я смогу обернуть это в свою пользу.

Я скрещиваю руки на груди:

- У моих крыльев своя голова на плечах. Не думаю, что им понравилось тонуть.

- Своя голова на плечах? Что за херь это значит?

Мои крылья содрогаются, раскрываясь во всю ширь под её критическим взглядом, и это движение отзывается глубокой болью между лопатками. Я чувствую её всем своим нутром, хотя эта боль более привычна, чем любая другая. Мои крылья на данном этапе ничем не отличаются от остального тела, за исключением того, что они гораздо более своенравны, чем любая обычная конечность.

- То есть это не ты… двигаешь ими?

Я пожимая плечами, и перья топорщатся:

- Нет.

- Как…

Маховые перья вытягиваются вперёд, прижимаясь к её губам, заставляя её замолчать под слоем золота и слоновой кости. Она яростно отмахивается, отползая назад на своём хвосте, словно её собственная чешуя была чем-то менее оскорбительным. Менее отвратительным.

- Мы не любим говорить об этом, - произношу я, пока она убирает белую пушинку со своих губ.

Она вытирает рот тыльной стороной ладони, выглядя так, будто её сейчас снова вывернет:

- Вы оба сумасшедшие.

- Сказала мерроу.

Она усмехается:

- Я бы вырвала твои ногти из ногтевого ложа прямо в эту секунду, если бы это не причинило боль и мне тоже.

- Да, - произношу я монотонно, - ведь я спас твою жизнь. - Она продолжает свирепо смотреть на меня, но мне абсолютно плевать. - Почему - если ты должна мне долг жизни - я истекаю кровью, когда ранят тебя?

- Мы что, пытаемся сейчас научно проанализировать дар божества? - Она закатывает глаза к небесам с ещё более преувеличенным снисхождением, и, боги, я бы с удовольствием сомкнул руки на её горле. - Возможно, потому, что долг жизни невозможно вернуть, если должник будет мёртв. Мы связаны, придурок. Конечно, если хочешь перерезать мне глотку, чтобы доказать обратное - милости прошу.

Она вытягивает шею, натягивая свежий порез и обнажая воспалённый розовый след от петли. Он уродует её кожу наряду с дюжиной - сотней - мелких серебристых шрамов. Они мерцают на её золотистой коже, на руках, спине, животе.

Интересно.

Но эти шрамы - не то, что я могу использовать сейчас. Мне нужно разобраться в тонкостях этого долга и понять, действительно ли он так глубок, как она утверждает. Мы оба истекаем кровью в унисон. Её боль стала моей болью, но единственный способ узнать наверняка -убедиться, что всё это реально, а не просто манипуляция мерроу - это магия. Моя магия.

Я прижимаю кулак к сердцу, закрываю глаза и делаю вдох. Моя магия откликается мгновенно, словно только и ждала этого момента, почти с охотой проносясь сквозь рёбра. Но я не морщусь от этой сногсшибательной боли. Я не стону и не сгибаюсь пополам, как умоляет моё тело. Вместо этого я открываю глаза и раскрываю ладонь. Зефира ругается, её глаза округляются, и она отползает назад, прочь от меня. Прочь от этого.

Однако она не может сбежать. Никто из нас не может.

Мы действительно связаны.

Светящаяся серебряная нить - миллион сверкающих капель морской воды и алмазов - соединяет моё сердце с её. Доказательство долга жизни. Доказательство связи.

Чёрт.

- Нет, - хнычет она. Её пальцы обхватывают серебряную нить, и она дёргает за неё. Моё сердце замирает, и воздух с шумом вырывается из лёгких. Инстинктивно я тяну нить обратно к себе, и она с выдохом хватается за грудь: - Нет, нет, нет. - По какой-то причине - хотя это лишь физическое воплощение истины, которую она и так знала, - сейчас она выглядит полностью паникующей. Вопреки здравому смыслу, я подхожу ближе к ней. Серебряная связь укорачивается с уменьшением расстояния.

Она в ужасе смотрит на неё.

- Я прикована к тебе. - Её голос срывается на шёпот, прерываясь на этом слове. Прикована. Она лихорадочно качает головой, впиваясь ногтями в нить, и я морщусь от

этого ощущения. Каждое колебание чуждое, неестественное. Она, похоже, согласна со мной, натягивая её ещё сильнее. Притягивая меня ближе. - Заставь... заставь это исчезнуть. - Когда я не отвечаю на её выпад мгновенно, она шипит: - Я сказала, убери это! Живо!

Свирепо глядя на неё, я зажимаю нить в кулаке и приказываю ей исчезнуть. Но магия в моей крови... на этот раз она мне не подчиняется. Растерявшись, я пробую снова. Теперь магия обжигает меня, проходя сквозь связь, но вместо того чтобы исчезнуть, нить лишь затвердевает на ощупь. Серебро сияет между нами. Яркое и непреодолимое.

Зефира смотрит на него с явной враждебностью:

- Почему это не работает? Почему оно всё ещё здесь?

- Это не имеет никакого отношения к моей магии, - говорю я сквозь стиснутые зубы. - Это полностью твоя вина. Я лишь вызвал физическое доказательство связи, а теперь...

- А теперь?

Я заставляю себя произнести это, ненавидя каждое слово:

- А теперь я, похоже, не могу убрать его обратно.

Её челюсть сжимается, и решимость вспыхивает в её взгляде за долю секунды до того, как она бросается вперёд. Я не успеваю приготовиться - мне это и не нужно. Она бросается на меня и сбивает на землю; её руки смыкаются на моём горле, а ногти впиваются в кожу. Её тело прижимается к моему. Серебряная нить пульсирует светом, связывая нас узлами, пока она пытается выдавить из меня жизнь. Пока она вместо этого выдавливает жизнь из нас обоих.

Она кашляет - хрипит - там, где я держусь. Я не издаю ни единого, мать его, звука. Вместо этого я перемещаю руки на её покрытые чешуей бёдра; их солоноватая влага впитывается в мои пальцы, пока она замирает надо мной, её взгляд дикий и отчаянный. Её хватка не ослабевает до тех пор, пока в моих глазах не темнеет, а лёгкие едва не лопаются. Тогда, и только тогда, она наконец отваливается от меня в сторону.

Приходя в себя с болезненными вдохами, она смотрит на меня. На непоколебимую нить.

- Ну вот, - заявляет она слабо. - Я могла бы убить тебя прямо сейчас, но не сделала этого. Я спасла тебя. Долг возвращён.

Я провожу тёплой ладонью по горлу, успокаивая лёгкие короткими вспышками магии, пока снова не получаю возможность глубоко вдохнуть. Затем, настолько спокойно, насколько могу, я произношу:

- Похоже, это не считается, если ты сама и была той, кто пытался меня убить. - Мои зубы ноют, когда челюсть снова каменеет. - Это уже второй раз, русалка. Будь я менее великодушен, я бы наказал тебя за это.

Она едва не смеётся в ответ:

- Наказал бы сам себя?

- Да. - Без колебаний. Если бы на кону не стояло сердце Мортема - если бы на кону не стояла моя жизнь, - я бы не торопился. Она бы умоляла, кричала днями, может, даже неделями, и я бы упивался этой болью.

Зефира, должно быть, понимает это, потому что она отползает на дюйм назад и переводит взгляд с моря на серебряную нить. Между дикими волнами и мной.

Я наматываю нить на пальцы один раз, другой и подтягиваю её ближе к себе:

- Если ты сбежишь, я тебя найду.

Она нерешительно касается нити, её тело дрожит, когда очередной всплеск воды осыпает её холодной, влажной солью.

- Я в курсе. - Она изучает свои пальцы, то, как они светятся в серебряном сиянии связи, прежде чем отпустить её, чтобы оттереть кровь из-под ногтей. - Я пытаюсь решить, стоит ли убийство тебя потери моей собственной жизни.

Хотя я переставляю ноги, готовясь к драке - обычно она предупреждает гораздо реже, - она громко вздыхает и произносит:

- Не переживай, чернокнижник, я слишком ценю этот мир, чтобы разбрасываться собой. Это будет мрачный день для всех, когда Зефира из Силь перестанет существовать. - Она отбрасывает волосы назад уверенным движением, выдавливая ухмылку. - К тому же у меня полно врагов. Я бы предпочла сначала посмотреть, как мучаются они, прежде чем откинусь сама.

- Я потрясён.

Она свирепо смотрит на меня:

- Ты в этом списке, чтоб ты знал.

- Я так и думал.

- Хммф.

- Тебе обязательно всегда оставлять последнее слово за собой?

- Тебе обязательно всегда оставлять последнее слово за собой? - передразнивает она меня, оставаясь такой же невыносимой, как и всегда.

Возможно, вместо того чтобы душить её в конце всего этого, я начну с того, что вырву ей язык. Я сдерживаюсь, чтобы не сказать ей об этом вслух, вместо этого наблюдая, как её хвост бьёт по выбоине в камне. По воде внутри неё. Это движение кажется отстранённым, почти ленивым, словно у её хвоста тоже своя голова на плечах - пока рука Зефиры медленно не опускается, чтобы присоединиться к нему. Хотя её взгляд остается далёким, затуманенным, она впитывает соль и море с придыханием. Тихий вздох удовлетворения, который она, скорее всего, даже сама не заметила.

Однако я его услышал.

Этот вид, этот звук заставляют моё тело напрячься. Мои руки сжимаются в кулаки. Даже крылья сжимаются, отодвигаясь от неё. Свежая волна отвращения проносится во мне, сменяясь отголоском чего-то другого. Чего-то худшего. Чего-то, что я не смею назвать по имени, когда её бирюзовые глаза заостряются и переносятся на меня, а серебряная нить пульсирует внезапным расплавленным теплом. Чёрт. Это... неожиданно. Я открыто встречаю её взгляд, отказываясь признавать это. Отказываясь подчиняться тошнотворному уколу стыда, который следует за этим.

Зефира из Силь красива, да. Было бы глупо отрицать то, что видит каждый. Но она также демон. Воровка. Лгунья.

И - несмотря на её тихий вздох - она не имеет надо мной никакой власти.

Магия всё ещё бурлит под моей кожей, неудовлетворённая. Не в силах выносить вид этого хвоста больше ни секунды, я иссушаю солёную воду с её чешуек одну за другой - отдельными, концентрированными вспышками тепла, жара, а затем холода, - пока они не исчезают. Пока она снова не становится похожа на человека. Если бы у людей росли густые, блестящие розовые волосы до самого греховного изгиба талии.

Я хмурюсь от этой незваной мысли.

Глаза Зефиры округляются, когда появляются её ноги. Хотя она напряглась, когда процесс только начался, словно ожидая, что я начну сдирать с неё кожу, теперь она

расслабляется, пусть и медленно. Шевеля пальцами ног, затем щиколотками, она произносит потрясённым голосом:

- Это было не больно.

Я отвожу взгляд:

- А ты ждала, что будет больно?

- Я ожидала, что ты будешь пытать меня, да.

Слишком раздражённый, чтобы отвечать, я заканчиваю иссушать соль из луж на островке, за считанные секунды превращая океанскую воду в пресную. Мой желудок скручивается от напряжения, а на языке появляется лёгкий привкус пепла. Я игнорирую это. Нет времени для отдыха, нет времени обдумывать это отвратительное партнёрство ни секунды. Мне нужно это грёбаное сердце.

- Мне не придётся пытать тебя, если ты меня не предашь. - Не зная, что ещё сделать - и скрежеща зубами при этом, - я протягиваю руку, чтобы помочь ей подняться с земли. Она смотрит на неё так, словно она заразна. Подавляя рычание, я говорю: - Вставай. Мы и так потеряли здесь слишком много времени.

- А если я не хочу?

- Мне плевать, чего ты хочешь.

Её глаза сужаются, словно принимая вызов, и я молю Мортема о грёбаном терпении. Как раз в тот момент, когда я собираюсь убрать руку, она хватает её, и нить... она сначала обвивается вокруг моей руки, а затем выстреливает из моих пальцев к её пальцам. Она охает, когда нить опутывает её тело. Пламя охватывает меня от одного лишь прикосновения её пальцев, заставляя мой пульс биться быстрее, сильнее. Без моего разрешения моё тело подаётся к ней, как мачта, попавшая в ураган, словно я вообще не контролирую это желание, и... и это неправильно. Это неестественно. Однако даже когда эта мысль формируется, она кажется очень далёкой. Очень неважной. Связь пульсирует, пока кровь ревёт в моих ушах, когда я опускаюсь на колени перед ней, чтобы прикоснуться к ней ещё сильнее...

Нет.

Я резко отдёргиваю руку в последний момент, и вид её широко раскрытых глаз, её покрасневших щёк действует как ведро ледяной воды на голову. Отпрянув от меня, она сама вскакивает на ноги, отряхивая руки о свою испорченную тунику. Затем - наконец - она кивает один, два раза. Три раза. Больше себе, чем мне. Её щеки всё ещё розовые.

- Ладно. Всё нормально, это нормально, я буду вести себя прилично. Пока что. - Затем она ухмыляется, беря себя в руки с пугающей скоростью, и это похоже на то, как если бы я смотрел в разверстую пасть большой белой акулы. - До тех пор, пока я не разорву эту грёбаную связь, разумеется. А вот после этого ты сам по себе.

Джордан Стефани Грей - Порочное мореThe Jordan Stephanie Gray - Wicked Sea

ГЛАВА 11

ЗЕФИРА

- Какого хера ты творишь? - спрашиваю я, хотя прекрасно вижу, чем занят чернокнижник.

Он раздевается.

- Расслабься, русалка. - Арион ловко поддевает пальцами подол своей туники и медленно стягивает ткань через голову, обнажая шесть четко очерченных кубиков пресса, идеальные грудные мышцы и убийственно широкие плечи, после чего каким-то магическим пассом перебрасывает одежду через крылья. Сомневаюсь, что он вообще осознаёт, насколько сокрушительно выглядит это зрелище. Мой желудок сжимается, а в самом низу живота вспыхивает редкое, тягучее пламя. Я не могу дышать. Я не могу на это смотреть.

Резко развернувшись на пятках, я спешу отвернуться, пока не поймала взглядом ещё какой-нибудь кусочек его светло-бронзовой кожи. Или чернильные татуировки на груди. Или мощное напряжение в его мышцах. Богиня, помоги мне. Серебряная нить обвивает мою щиколотку, искрясь с какой-то омерзительной чёткостью, и сам вид этой связи вызывает у меня тошноту. Он может быть тысячу раз красавцем, но он всё равно грёбаное чудовище.

- Ты часто разоблачаешься ради забавы, или за этим кроется что-то более коварное, о чем мне следует знать?

Что-то мягкое прилетает мне точно в спину. Я смотрю вниз: у моих ног лежит его скомканная туника. В горле встает комок лёгкой паники.

- Я подумал, что тебе не мешало бы прикрыться, - произносит он осуждающим, хотя по-прежнему бесстрастным тоном. – Но, если ты предпочитаешь оставаться полуголой, я заберу её обратно.

Я поворачиваюсь, скрестив руки на груди. Конечно, моя собственная одежда превратилась в клочья колючего льна из-за заточения и двух трансформаций подряд, и только волосы отделяют взгляд чернокнижника от моей груди - если бы он вообще соизволил опустить глаза ниже моего подбородка. Но мне не хочется доставлять ему удовольствие чувствовать себя правым. Или благородным. И вообще, одна из главных проблем мерроу - это постоянная потеря штанов, юбок или платьев. Стоит появиться хвосту, как одежда вокруг него тут же рвется в бесполезные лоскуты.

- Моя нагота смущает тебя, чернокнижник?

Он холодно выгибает бровь, не отводя взгляда от моего лица:

- Ты едва в обморок не упала, когда увидела меня без рубашки.

- Ничего подобного.

Он просто молча смотрит на меня; в его холодных серебристо-золотых глазах вспыхивает понимающий огонёк.

- Нет ничего постыдного в том, чтобы признать, что я нахожу тебя привлекательной, русалка. Большинство находит.

От такого заявления я могу только фыркнуть. Наше партнёрство обречено. Он невыносим. Ограниченный, высокомерный и серьёзно сдвинутый по фазе.

- Ты прекрасен ровно настолько же, насколько скромен. - Я поднимаю рубашку с земли и натягиваю вместо своего тряпья, стараясь игнорировать тот факт, что она - он - пахнет мёдом, лимоном и солью. Чёрная туника доходит мне до верхней части бёдер; ткань куда мягче всего, что я могла себе позволить за последние полгода. Это напоминает мне о других временах.

О более скверных временах.

Сбросив остатки своего испорченного платья на камни, я расправляю плечи:

- Теперь ты доволен?

- Нет. - Он разворачивается, перешагивает через обломки разрушенного дворца и шагает к противоположному концу острова. Мне приходится тащиться за ним на трясущихся ногах. Теперь, когда солёная вода снова коснулась меня, магия бурлит в моём желудке - водоворот экорианской силы, дремавшей полгода, умоляет меня швырнуть чернокнижника в море. Обрушить на него подвластные мне волны и управляемые течения, пока он наконец не поймёт, кто здесь главный.

Но я не могу.

В ту же секунду, как я воспользуюсь своей экорианской магией, колдун найдёт меня. Он придёт.

Мы и так здесь как на ладони. Пройдет совсем немного времени, и он отправит на этот остров целую армию. Воинов мерроу и морских чудовищ. Любых смертоносных тварей, лишь бы утащить меня обратно в тюрьму.

У нас с Арионом нет ни единого шанса против Верховного Колдуна Четырёх Морей. Ни у кого нет.

Словно прочитав мои мысли, Арион произносит:

- Нам нужно двигаться к Абиссу. Чем быстрее, тем лучше. У тебя есть точные координаты или только приблизительное направление?

Я спотыкаюсь на ровном месте и едва не лечу носом в камни:

- Что?

- Абисс. - Он бросает на меня мрачный взгляд. - Руины утопии Мортема. - Когда я не отвечаю сразу, он рычит: - То самое место, куда ты обещала меня отвести, если я спасу тебя от петли.

Оу. Точно.

То самое место, которого на самом деле не существует.

Я обхожу полуразрушенные остатки башни, проводя ладонью по зазубренным камням:

- Тебе не кажется, что лучше отсидеться в какой-нибудь хижине далеко-далеко отсюда, пока Мортия не прекратит охоту? В королевстве будет полно стражи. Я уверена, что чернокнижник, с позором бежавший как предатель, станет главной темой для сплетен во всём мире на ближайшие пару месяцев...

Он резко разворачивается, преграждая мне путь. Я пытаюсь уклониться в сторону - одновременно настороженная и раздражённая, - но он перехватывает мой локоть. Его пальцы безжалостно впиваются в кожу. Жестко. Непреклонно. Чёрт. Игнорируя волну жара, пробежавшую по телу, я пытаюсь вырвать руку, но он не отпускает. Вместо этого он шагает вперёд, заставляя меня пятиться назад. Я спотыкаюсь как идиотка и непременно упала бы, если бы не его железная хватка. Пячусь до тех пор, пока моя спина не упирается в руины башни. Пока его грудь не касается моей, отчего

у меня перехватывает дыхание. Чёрт, чёрт, чёрт. Это плохо. Осколок ракушки режет мне локоть, когда я пытаюсь ещё сильнее вжаться в камень, отчаянно нуждаясь в пространстве между нами, но он не отступает ни на дюйм.

Наклонившись низко к моему лицу, он спрашивает опасно тихим голосом:

- Где Абисс, Зефира?

В моей голове набатом бьет тревога от блеска в его глазах. Это первый проблеск настоящих эмоций, который я вижу у этого чернокнижника, и - опять же - ничего хорошего он не сулит. Когда я сглатываю, его взгляд опускается к моей шее, и я буквально вижу фантазию, прокручивающуюся в его голове: как его руки смыкаются на моём горле почти нежно, поглаживая мягкую плоть, сжимая всё сильнее, пока мои глаза не полезут на лоб. Пока я не задохнусь.

Я делаю осторожный вдох. Всего один. На всякий случай.

- Может, нам стоит сначала подумать о выживании? - спрашиваю я тихо, умоляя его прислушаться к голосу разума, прежде чем я растопчу его надежды и мечты. - Лично я бы предпочла сейчас держаться подальше от острых клинков.

- Ты сказала: «Под водой». - В его груди нарастает туго закрученная ярость, а его рука - та, что не сжимает мой локоть, - превращается в кулак и врезается в стену прямо у моей головы. - Ты сказала, что знаешь, где это.

- Я вообще-то болталась в петле. Ты же не думал, что у меня с собой…

- Где? - требует он, и громоподобный раскат его голоса эхом разносится над островом. Земля вздрагивает. Башня за моей спиной содрогается. Я испуганно сжимаюсь и пытаюсь выскользнуть из-под его руки, но он с молниеносной скоростью перехватывает этим кулаком серебряную нить, привязывая меня к себе. Запирая в ловушке.

Не в силах сделать что-то ещё, я вскидываю подбородок, встречаясь с его чёрным взглядом. Я отказываюсь съёживаться. Отказываюсь умолять. Потому что, если он до сих пор не понял, что я лгунья, он заслужил шок от очередного откровения.

- Его не существует, ясно? Абисс - это несбыточная мечта, Арион. Мортем уничтожил его, и с тех пор его никто не видел. Мерроу передают легенды из поколения в поколение. Мы знаем истории, но его… его там больше нет. Мы не сможем его найти.

Магия взрывается в его кулаке обжигающим синим пламенем, и усилие, которое он к этому прикладывает - чистая, первобытная сила, - выбивает воздух из моих лёгких.

- Зефира, - цедит он сквозь зубы, - ты хочешь сказать, что я спас тебе жизнь и обрек себя на смерть ради пустого места?

Его контроль стремительно иссякает. Это пламя обжигает башню, превращая в пепел осколки ракушек и моллюсков. Он этого не замечает. Он не смотрит никуда, кроме как мне в глаза.

Чёрт.

Он ведь может убить меня за это. Он может убить нас обоих.

Я смотрю на него в ответ, мои мысли лихорадочно крутятся, пока нить искрится между нами. Вечное напоминание о том, что я не смогу от него сбежать. Твоя кровь - моя кровь. Единственный способ обрести настоящую свободу - спасенная мной его жизнь, чтобы погасить долг. Вот тогда я смогу сбежать. Или убить его.

Но до тех пор у нас нет другого выбора.

Мы как одно целое.

- Я не знаю, где он находится, - я спешу перебросить волосы через плечо, чтобы он их случайно не спалил. - Но это не значит, что мы не можем найти его вместе. Мы можем обыскать все четыре моря. До тех пор, пока мы не привлекаем лишнего внимания, - я выразительно смотрю на его руку, - и пока я не истекаю кровью и не использую свою магию, мы должны быть в безопасности.

Даже когда я произносила это, безысходность тугим узлом скручивала внутренности.

Должно быть, то же самое происходило и у него, потому что он смотрит на меня волком:

- У меня нет времени шататься по миру с проклятой русалкой. Мне нужно найти Абисс, и нужно найти его прямо сейчас.

- Зачем? - Разочарование пульсирует в моей груди от его твердолобого упрямства. Как проклятая собака с костью. - Почему ты так отчаянно рвёшься в место, которого нет? - И на этой ноте зерно тревоги прорастает сквозь моё раздражение. Зачем ради этого спасать русалку от виселицы? Люди ненавидят мерроу, и Арион ясно дал понять, что, пусть даже с крыльями, он ничем от них не отличается. Что такого ценного скрывается в этой легендарной утопии, раз ему это так чертовски необходимо?

Он сверлит меня взглядом, смотрит на сияющую между нами связь, пока пламя в его руке наконец медленно не гаснет. Затем он издает тяжёлый, горький вздох и произносит:

- Я ищу сердце Мортема, Бога Смерти и Великого Правителя Бездны. Оно погребено где-то в Абиссе, там, где русалка вырвала его из его груди.

Я смотрю на него, ожидая развязки этой шутки.

Но меня пугает то, что Арион произнёс это с абсолютно серьёзным лицом. Он не улыбается, не усмехается и даже бровью не ведёт. Что само по себе звучит как издевка. Верить в существование Абисса - это одно, но искать сердце Мортема? Я не могу сдержаться: пузырь смеха срывается с моих губ. Он абсурден. Он резко отстраняется от меня, а я сгибаюсь пополам, не в силах сдержать хохот, пока он огрызается:

- Я абсолютно серьёзно.

Пробираясь за ним через обломки, я начинаю смеяться ещё громче. Ну конечно же, он серьёзно. Конечно, ему нужно сердце бога. И не какого-то там абстрактного божества, а самого Мортема. Самого первого врага всех мерроу. Той самой причины, по которой на русалок охотятся и вырезают их в ту же секунду, как мы ступаем на землю. Это настолько грёбаный абсурд, что у меня просто не хватает сил. И в мгновение ока мне становится совсем не смешно.

- Хочешь знать правду о своем драгоценном Абиссе? Хочешь узнать, как всё было на самом деле? - Когда он не отвечает, продолжая шагать вперёд, я с трудом подавляю желание схватить кусок скалы и запустить ему в затылок. - Абисс не был создан человеческим богом, и уж точно не Мортемом. Его создала наша богиня. Вила. Матерь жизни, любви и моря. А та русалка-предательница, которую ты так упоенно ненавидишь? Это фарс, - шиплю я. - Мортем не был обманут ни одной мерроу. Он был одержим Вилой, безумно влюблён в неё, и когда она не ответила взаимностью, он стал карать её за каждого любовника, которого она выбирала. Он был высокомерным, жадным и порочным. У неё просто не оставалось выбора, кроме как…

- Ты ошибаешься. - Арион снова резко оборачивается; кожа на его шее покраснела от гнева. Челюсти сжаты. Даже его крылья напрягаются и подаются

вперёд, когда я подхожу слишком близко. Я свирепо смотрю на топорщащиеся перья, бросая им вызов попросту попробовать ударить меня снова. - Мортем был Богом Жизни до того, как его обманула паршивая русалочья тварь. В нашем пантеоне никогда не было никакой богини.

Он выплёвывает это слово, словно проклятие.

Я выдавливаю ещё один смешок, только на этот раз в нём нет ни капли веселья:

- Четыре моря, четыре королевства, четыре бога - люди разделили этот мир на идеальный квадрат. Вот только мир не идеален. Он никогда не был идеальным. Существовало одно единое море до того, как человечество перегородило его своими грёбаными стенами, и было пять богов до того, как один из них погиб. Вила была Богиней Жизни. А затем твой ненаглядный Мортем убил её.

- Бред собачий, - рычит он.

Я вскидываю подбородок, отказываясь отступать:

- Нет, это правда. Мортем пытался захватить власть над Абиссом. Он пытался отобрать всё, что любила Вила, чтобы подчинить это себе - чтобы уничтожить это. Он развязал войну. Он истреблял мерроу. Он превратил Абисс в залитую кровью реликвию прошлого, и у Вилы не оставалось иного пути. Когда она призвала его на встречу у края своей рушащейся утопии, она действительно обманула его. Она вырезала источник его силы - источник его скверны, - потому что думала, что это спасёт всех остальных. Мортем любил её до такой степени, что это причиняло ей боль, чернокнижник, и эта любовь уничтожила весь мир вокруг них. Ты… ты способен это понять? - Мой голос срывается от подавленной боли, от растревоженных воспоминаний. Жуткая тьма непреклонного замка застилает периферию моего зрения, пока я говорю, и мои руки начинают дрожать.

Я тяжело сглатываю, заставляя себя не сломаться:

- Мерроу рассказывают истории о том, как Вила заперла его сердце в проклятом сундуке, чтобы он больше никогда не смог получить доступ к своей силе в полной мере. Чтобы ему осталась только Бездна и ничего, кроме Бездны. Но, перед тем как пасть, он обрушил на мир весь ужас, на какой ещё был способен. Он убил Богиню Жизни и утянул её за собой на дно.

Арион коротко качает головой:

- Этому нет никаких доказательств…

- Какой прок человечеству признавать существование божественной русалки? Какой прок вам знать, что ваш бог - это чистое, грёбаное зло? Вила никогда не вписывалась в человеческую историю, а потому вы просто зарываете головы в песок и притворяетесь, будто все вы произошли от семени святого.

Его рот захлопывается, хотя мышцы напрягаются ещё сильнее - теперь уже не от ярости, а от бессилия. Его глаза почти отчаянно изучают моё лицо, и я знаю это выражение так же хорошо, как саму себя. Он ищет выход.

Вот только пока я не спасу его жалкую задницу от внезапной кончины, выхода у нас нет.

- Твоя версия истории - это вымысел демонов, - наконец произносит он низким, хриплым голосом. - Вы просто выставляете себя героями в этой сказке, как всегда делают злодеи.

- Злодеи?

- Ты прекрасно знаешь, что эти мерроу натворили во дворце.

- Я знаю, что это, скорее всего, было возмездием за то, что вы натворили первыми.

Моя кожа горит, грудь тяжело вздымается. Я свирепо смотрю на него. Он свирепо смотрит на меня. Здесь нет места компромиссам, нет понимания, к которому можно прийти. Его народ - убийцы, а мой народ - мы смогли подняться выше роли жертв, которыми они нас сделали.

Он качает головой, с раздражённым рыком запускает руку в волосы, и его крылья снова напрягаются:

- Ты невыносима, и твои сомнительные теории заговора ничем не помогают.

- Мои теории заговора - это всё, что у тебя есть, чернокнижник.

Эта мысль, кажется, выбивает его из колеи сильнее всего остального. Он прислоняется к треснувшим перилам. Проведя рукой по лицу, он зажимает переносицу и выдыхает.

- Да, - наконец произносит он, чем немало меня удивляет. - Это так. Что бы из этого ни было правдой, я не могу вернуться в Мортию, а у тебя нет ни единого шанса пробраться через любое из королевств с этими грёбаными волосами.

Я упираю руку в бок:

- Что не так с моими волосами?

Он косится на меня краем глаза:

- Они розовые.

- И красивые.

- Они розовые, - повторяет он это слово так, словно оно одно способно утянуть его прямиком в Бездну. - Тебя заметят за милю. Наши жизни связаны. И... - Он снова вздыхает, на этот раз ещё тяжелее. Его взгляд возвращается к моему лицу. - Мне нужно это сердце, Зефира. Нам оно нужно. С его помощью я смогу получить доступ к магии бога. Я смогу разорвать эту проклятую связь и аннулировать долг между нами. Мы оба станем свободны.

Мои глаза сужаются. Удобное решение. Для него. А когда что-то звучит слишком хорошо, чтобы быть правдой, обычно это ложь.

- Откуда ты знаешь, что это сработает?

- Старейшины, которые нас обучали. Это было частью наших уроков - изучать Мортема до того, как мы создали себя по его образу и подобию. Наши крылья. Наши глаза. Наше телосложение. - Он указывает на каждую соответствующую часть себя, и совсем не удивительно, почему я так сильно его презираю. Он - эхо божественного убийцы. - Мы учили, откуда берётся магия. Считается, что учения чернокнижников были переданы самим Мортемом. Мы получаем к ней доступ через бьющееся воплощение наших душ. Через наши сердца. Сердце Мортема - это не просто сказка, Зефира. Если твой народ тоже слышал о нём - несмотря на разницу в наших историях, - это значит, что какая-то часть этого должна быть реальной.

Я пристально смотрю на него.

«Я смогу разорвать эту проклятую связь и аннулировать долг между нами. Мы оба станем свободны».

Разумеется, нам нужно разорвать эту связь, но это слово - свободны - заставляет меня замолчать. Оно разносится по моим венам подобно соли, илу и крови. Свобода означает не просто избавление от Ариона. Свобода означает ещё и избавление от колдуна. И возможно... возможно, с этим сердцем и магией чернокнижника у нас появится шанс. Шанс оставить его позади. Навсегда. Шанс двигаться дальше.

Я тяжело сглатываю, и перед моими глазами проносится будущее, о котором я раньше и подумать не смела. Не прятаться в глухих лесах какого-нибудь человеческого королевства, а я сама, мой хвост, моя чешуя. Снова в океане. Сил. Плавать, греться на солнце и снова увидеть свою семью.

Я качаю головой, хотя надежда сжимает моё сердце отчаянными пальцами:

- Мы гонимся за призраком.

- У тебя есть идея получше?

Я моргаю от неожиданности, снова выбитая из колеи. Главным образом потому, что никто никогда не спрашивал моего мнения. Я высказывала его, конечно, но никогда потому, что кто-то действительно этого хотел. Вместо того чтобы признать это, я произношу:

- Я не могу плыть, Арион.

На этот раз удивляется он, тоже моргая:

- Ты - русалка.

- Я имею в виду, что физически я могу плыть. Просто для меня это не самое разумное решение. Возможно, ты не заметил мстительных моллюсков и водоросли, - я машу рукой в сторону моря, - но у меня предостаточно врагов. И одного из них в особенности... нам нужно избегать всеми силами. Если только мы не хотим, чтобы нас пытали до полусмерти.

Он закатывает глаза, ничуть не обеспокоенный:

- Я самый могущественный чернокнижник в мире...

- Да, и к тому же скромный. Мы это уже проходили. - Мой взгляд скользит к чёрным узорам на его груди, и с очередным испугом я понимаю, что это вовсе не узоры. Его вены почему-то почернели под кожей. Странно. Я качаю головой: - Поверь мне, чернокнижник. Это тот самый человек, с которым даже ты не захочешь связываться.

Он смотрит на меня с непоколебимым упрямством:

- Мне нужно это сердце.

- А я бы с удовольствием аннулировала наш долг, но нам не стоит задерживаться в океане без чёткого направления... - Мой голос затихает, и я прикусываю губу; ещё одно воспоминание парит на краю моего подсознания, ожидая, пока я на него посмотрю. На этот раз не воспоминание о нём. Не о колдуне. О ком-то другом. О ком-то, кого я очень старалась забыть.

Глаза Ариона сужаются:

- Что такое? О чём ты думаешь?

- Ни о ком, - быстро, слишком быстро выпаливаю я, прежде чем сделать шаг назад. - То есть ни о чём. Я ни о чём не думаю. - Но воспоминание, словно сорвав с петель штормовые двери, проносится сквозь меня со всей яростной силой циклона. Я делаю ещё один шаг назад. Спотыкаюсь и падаю спиной на перила. Шрамы на моём теле взрываются новой волной агонии, и Арион, должно быть, чувствует это, потому что он шагает ко мне, всё ещё пытаясь прочесть моё лицо.

- Что это? - требует он ответа.

- «Если мы сможем найти доказательства, мы сможем отнести их в Совет Мерроу», - говорит Джасин, и надежда ярко горит в его изумрудных глазах. - «Мы сможем перестать прятаться. Мы сможем быть вместе».

- «Как мы собираемся раскопать доказательства древнего романтического союза? Это невозможно». - Я провожу ладонью по его щеке, осыпая поцелуями его шею,

живот, руку. Он поднимает руку и проводит большим пальцем по моим губам. Он уверен в себе как никогда, и, богиня, это делает его прекрасным. Я прикусываю его палец, он ухмыляется, а затем переворачивает нас так, что оказывается сверху. Его ноги прижимают меня к постели. От него пахнет кожей и вином, и он кажется самим раем.

- «Ты когда-нибудь слышала об Иллюминированной библиотеке, Зефира?»

Я силой вырываю себя из подавленного воспоминания, намертво вцепившись руками в перила. Камень трескается в моей ладони. Ломается. Я снова едва не теряю равновесие, но Арион подхватывает меня, крепко обхватив за талию. Я вырываюсь из его рук прежде, чем его прикосновение успеет оставить на мне клеймо.

С меня хватит красивых мужчин.

- Иллюминированная библиотека. - Я смотрю на отражение солнца, танцующее на поверхности океана, пытаясь выжечь ошибки из своего разума. - Там есть записи. Древние хроники.

- В Люции, да. - Арион наклоняет голову, не совсем понимая, к чему я клоню. - Люциус, Бог Земли, содержал хранителей записей ещё до Падения Мортема. Когда разразилась война между сушей и морем, хранители заперлись внутри библиотеки и погибли вместе с ключом, лишь бы не позволить врагам похитить нашу историю. - Он прерывает своё лекционное объяснение. - Сейчас это, по сути, гробница. Неприступная и охраняемая дриадами Люции.

Гробница. Я усмехаюсь сквозь роящиеся во мне горькие эмоции, сквозь жестокие воспоминания. Каждое из них ощущается как пощёчина.

- Абисс процветал до Падения. Если и существуют какие-то подлинные записи о его местонахождении, они будут именно там.

Он на некоторое время задумывается, всё ещё выглядя скорее подозрительным, чем убеждённым:

- Как мы можем быть уверены?

- У тебя есть идеи получше?

- Нет, - неохотно произносит он, хмурясь от использования моих же собственных слов. - Однако ты забываешь ту часть, где хранители записей погибли, и с тех пор никто не проникал в их библиотеку - особенно с дриадами у дверей. Мы не можем просто прийти и попросить их впустить внутрь русалку и чернокнижника.

- Мы не собираемся просить, - фыркаю я, несмотря на знакомые тиски паники, сжимающие лёгкие, несмотря на голос Джасина, который обвивает мою грудь и давит на неё. Потому что чернокнижник снова неправ; библиотека вовсе не неприступна. И хотя я заставляю себя дышать сквозь эти воспоминания - дышать, дышать и снова дышать, - это не имеет значения. Некоторые двери, будучи однажды открытыми, уже невозможно закрыть обратно.

- О? - холодно переспрашивает Арион. - И что же ты предлагаешь?

Он уже знает ответ. Я - лгунья и воровка, и я собираюсь сделать всё возможное, чтобы избавиться от этого чернокнижника, этой связи, этой клетки.

- Мы собираемся пойти на взлом, разумеется.

- Это невозможно.

- Возможно, - тихо признаю я. - Я уже делала это раньше.

Джордан Стефани Грей - Порочное мореThe Jordan Stephanie Gray - Wicked Sea

ГЛАВА 12

АРИОН

- Что значит «ты уже делала это раньше»? За последние пятьсот лет ни один смертный не переступал порог Иллюминированной библиотеки. Об этом трубил бы весь мир. Я бы об этом точно знал.

- Я не говорила, что то ограбление увенчалось успехом, - Зефира упрямо смотрит на горизонт, скрестив руки на груди, словно удерживая себя от того, чтобы не развалиться на части исключительно усилием воли. Серебряная нить, теперь обмотанная вокруг моих запястий, жжётся. Я не понимаю, на что она намекает.

И я понятия не имею, что на неё нашло. Впрочем, мне плевать.

Она не просто осквернила каждый постулат, на котором строилась моя жизнь, она еще и нагло солгала мне. Она не знает, где находится Абисс. Она не способна найти сердце.

Я продал душу этой твари ради пустого места, и теперь мы оба сдохнем из-за этого. Я силой подавляю волнение в груди - вспышку ярости, шлейф гнева, искру предательства.

Если бы я не был таким трусом, я бы сам утащил её в Бездну. Прямо сейчас, к чёртовой матери.

- Давай проясним, - произношу я вместо этого, удовлетворённый тем, что мой голос звучит как всегда отрешённо и холодно. - Ты предлагаешь нам ворваться в единственное место, где это сделать априори невозможно. И где ты лично, на собственном опыте, доказала, что это невозможно.

Она резко оборачивается, метая гром и молнии:

- Я была чертовски близко! Пробраться в библиотеку - пара пустяков. Вот выбраться оттуда - задача не из лёгких. Но с твоей магией и... – её нос смешно морщится, словно ей физически больно это признавать, - ...твоими крыльями мы со всем справимся.

Мои крылья при этих словах самодовольно расправляются, поднимая лёгкий ветерок, который бросает розовые пряди на тонкую шею русалки. Предатели. Я тут же осаживаю их резким движением, лихорадочно соображая. Иллюминированная библиотека. Я никогда не бывал в Люции; король запрещает чернокнижникам покидать берега Мортии, за исключением военных походов - это акт тотального контроля, абсолютной власти над нами. Но я могу представить эту библиотеку так чётко, будто держу в руках карту. В самом центре материка замок Люсии врастает прямо в сердце исполинского Векового Дуба. Толстые ветви, пробивающие крону, служат пристанищем для всей местной знати в их помпезных древесных резиденциях, в то время как заросли шиповника, птицы-убийцы и рои плотоядных пчёл выступают в роли естественной защиты от врагов. Осада замка Векового Дуба практически невозможна, и король Констан всегда это знал. Именно поэтому он неизменно поддерживал тесную дружбу с императрицей Люции.

Однако Иллюминированная библиотека - совсем другое дело. Она не является частью материка. Напротив, она расположена на одном из островков прямо у побережья. И этот клочок земли ревностно охраняется дриадами и божественной мощью самого Люциуса. Ходят слухи, что бог земли бежал в эти леса после Падения Мортема и теперь тайно живёт среди лесных тварей. Тем не менее его сила остаётся неизменной и колоссальной. Особенно вокруг его сакральных мест - таких как эта библиотека с его драгоценными хрониками.

Я не знаю никого, кто рискнул бы отправиться на Изумрудные острова. Я не знаю никого настолько тупого, чтобы так рисковать.

- Это место должно быть необитаемым, - вспоминаю я. - Отвоеванным природой. Поглощённым флорой. Единственный путь туда и обратно - по морю или по воздуху.

- Мы туда не полетим, - её передёргивает. - И не поплывём. А кража лодки - это такой же неоправданный риск, как если бы мы сразу прыгнули в воду сами.

Очередной намёк на то, что напало на нас в Силь. Я жду, что она наконец прояснит эту мнимую угрозу, но, как обычно, именно в этот момент она решает замолчать.

Я хрущу шеей, пытаясь вернуть внутреннее спокойствие. Кажется, эта девчонка испарила его без остатка. Когда она топает к противоположному краю острова, у меня не остаётся выбора, кроме как последовать за ней. Нить натягивается между нами, жёсткая как струна, да и без неё крылья сами влекут меня следом. Всего одно упоминание - даже не комплимент, - и они уже выказывают неприкрытое любопытство к этой розоволосой мерроу. Паршивцы.

- Острова не необитаемы, - бросает она через плечо. - Это просто ложь, которую Люция использует, чтобы отвадить мелких воришек и чужеземцев. Разумеется, крупные преступники знают правду об этом месте, но они ни за что не осмелятся ступить на этот берег. Во всяком случае, не ради старых исторических книг. Даже если они безумно ценные. - Она пинает камешек на своём пути. Он взлетает высоко вверх, падает в воду и пускает круги по воде. Маленький скат резко выпрыгивает из центра воронки, угрожающе щёлкая удивительно острыми зубами в сторону Зефиры. Она не обращает внимания. - Ты ведь изучал дриад, чернокнижник?

- Очевидно.

- Тогда ты должен знать, что они не злы по своей природе. Они могут быть жестокими, да, и способны прикончить любое существо на этой земле одним-единственным… ударом. Но они не ищут драки.

Вообще-то я этого не знал.

- Чернокнижников не учат размышлять о социальной этике монстров. Нас учат расчленять их. Быстро и эффективно.

- Как предсказуемо, - она закатывает глаза. - Дриады - пацифистки, пока не почувствуют врага в своём окружении. Если кто-то в присутствии дриады замыслит хотя бы одну несправедливую мысль - или если кто-то захочет причинить вред острову или его жителям… вот тогда они атакуют.

- И что?

Она смотрит на меня так, словно я самый первостатейный дурак на свете, и мне требуется колоссальное усилие, чтобы не полоснуть по собственной коже просто ради того, чтобы увидеть, как она истекает кровью.

- А то, что пока наши намерения чисты, мы доберёмся до библиотеки без каких-либо проблем. На острове полно процветающих лавок и обычных людей. Это

гармоничное место. Любовь, смех, радость - всё то, чего такое чудовище, как ты, никогда не узнает. Ах, я и забыла: тебя ведь не учили «размышлять о социальной этике».

- Я не чудовище, Зефира. Я - чернокнижник.

- Вот именно.

- Ты…

- Невыносима? Демон? Ты уже говорил. - Она царственным жестом отбрасывает волосы назад, презрительно фыркая, и мои крылья влекут меня за ней ещё быстрее. Ближе.

Если я продолжу стискивать зубы с такой силой, то к завтрашнему дню лишусь половины из них. Вместо этого я сжимаю и разжимаю кулаки. Борюсь за самообладание. За контроль и силу, которые приходят лишь с полным эмоциональным отстранением.

- Изумрудные острова могут быть трижды гармоничными, но они всё равно без колебаний расчленят мерроу при первой же встрече.

Она хмурится, и её взгляд стекленеет, словно она видит уже не меня, а что-то другое. Что-то очень далёкое.

- Да. Я знаю. - Тряхнув головой, она снова фокусирует взгляд на мне. - Тебе придётся использовать часть своей магии, чтобы замаскировать нас. Мы должны выглядеть как можно более безобидно, и нам нужно держать свои разум и чувства в узде. Никакого гнева, раздражения или… угрюмости, - последнее слово она буквально впечатывает мне в грудь.

- Это никогда не сработает.

- Раньше работало.

- Ты сама сказала, что то ограбление провалилось…

- Я сказала, что оно не увенчалось успехом. Это разные вещи. Я проникла в Иллюминированную библиотеку, я видела эти бесконечные ряды позолоченных фолиантов - я даже успела пролистать с полдюжины занудных трактатов о засухах и человеческих жертвоприношениях. И скелеты смотрителей я тоже видела. Как я уже говорила, проблема возникла на выходе, и… то, что случилось тогда, больше не повторится. - Её взгляд падает на землю. Через нить связи проносится резкий, болезненный укол тоски. Она резко мотает головой, снова расправляя плечи. - Дриады нас не заметят, если мы сможем контролировать себя. А как только мы найдём то, что ты ищешь, ты перенесешь нас по воздуху в Абисс, мы отыщем твоё дурацкое сердце, и ты попытаешься разорвать эту связь.

Попытаешься.

Это слово болезненно подтачивает остатки моей выдержки, и я не могу удержаться от вопроса:

- Ты не веришь, что это сработает.

Она скалится в ответ. Снова чистая акула.

- Я верю, что это путешествие будет полно моментов, когда я смогу спасти твою задницу и тем самым избавить себя от перспективы провести остаток дней в компании садиста-придурка. - Она дёргает за нить, и та отзывается тяжёлым, чисто мерроуским презрением. Боги, как же я её ненавижу. Настолько, что какая-то часть меня почти предвкушает нашу скорую гибель - куда более скорую, чем она думает. На долю секунды я отчётливо представляю момент, когда до неё дойдёт, что мы обречены. Представляю ужас в этих огромных бирюзовых глазах. Истинный, первобытный ужас.

Представляю, как угасает в них жизнь, а её безжизненное тело качается на волнах, прежде чем Мортем окончательно заберет её душу. Заберёт нас обоих.

Если это легендарное сердце не обладает никакой силой, расплачиваться за это придётся ей.

И всё же я не собираюсь рисковать собой ради пустой грызни с паршивой русалкой. Впереди слишком много всего. Потенциал. Власть. Величие. Я не могу сдохнуть прямо сейчас, а потому протягиваю ей руку. Старейшина Бранч никогда не учил нас, как сотрудничать с монстрами. Только тому, как уничтожать их. Но я полагаю, это мало чем отличается от работы с любым другим союзником. Держи их близко, никогда не ослабляй бдительность, не доверяй никому и всегда, абсолютно всегда сохраняй преимущество.

Чем меньше Зефира будет меня бояться, тем меньше подозрений у неё возникнет, что позволит мне оставаться на два шага впереди.

Она удивлённо моргает, глядя на мою протянутую ладонь:

- Это ещё что? Дай пять?

Целая батарея ругательств разражается войной в моей голове. Расслабься. Дыши. Веди себя с ней так же, как с любым другим объектом. Я разминаю пальцы и делаю шаг к ней:

- Это уступка. Если мы собираемся работать вместе - потому что, нравится нам это или нет, мы связаны, - нам нужно прийти к соглашению. Иначе мы не переживём эту неделю.

- Ладно, - она пожимает плечами с абсолютно безразличным видом. Очередная ложь. - Я согласна на то, чтобы ты заткнулся на хер и позволил мне вести. Ты явно без понятия, что делаешь.

- Поосторожнее, Зефира. - Магия глухо гремит в моей грудной клетке, умоляя выпустить её наружу. Требуя наказать девчонку за вопиющее неуважение, показать ей, кого именно она так самозабвенно оскорбляет. Любой другой на её месте уже превратился бы в пыль под моими сапогами. - Я тебе не мелкий воришка, не криминальный авторитет и даже не дворцовый стражник. Я - чернокнижник Арион Стоун. Самое смертоносное оружие Мортии. Я в одиночку выкашивал армии Темпеста, Факса и Силь. Моя сила превосходит мощь любого чернокнижника, живого или мёртвого, и...

- ...и вот ты здесь, просишь помощи у русалки, - заканчивает она за меня, приторно-сладко хлопая ресницами. - Унизительно, правда? Думаю, будет ещё веселее, когда все эти мелкие воришки, криминальные авторитеты, дворцовые стражники и слабаки-чернокнижники настигнут тебя по приказу Констана. Ты ведь был его послушной игрушкой, верно? Его ручным пёсиком? - Она разочарованно цыкает и качает головой: - О, как низко пали великие.

Расслабься. Дыши. Расслабься. Дыши.

Эмоции, бурлящие в моем желудке, не принадлежат мне. Это её вина. Вина этой нити. Я не могу позволить себе очередной взрыв; я не могу потерять контроль, как это случилось ранее. Это как раз то, чего она хочет - спровоцировать меня, манипулировать мной. И всё же я не могу остановить гнев, который просачивается сквозь трещины в моей груди, стоит ей оказаться рядом. Хотя старейшина Бранч жестоко - невероятно жестоко - наказал бы меня за эту потерю самообладания, я не могу помешать искрам энергии срываться с моих пальцев. Мне хочется встряхнуть её. Схватить за горло, если это единственный способ заставить её понять.

Это не игра.

Мы сдохнем, если она откажется работать сообща.

Она выгибает бровь, потому что прекрасно всё понимает; её чувственные губы кривятся в ухмылке, когда между нами повисает тяжёлая тишина.

- Хочешь компромисса, Арион Стоун? - Её язык медленно скользит по нижней губе, и я напрягаюсь от этого зрелища. От звука моего полного имени на этом порочном языке.

- Да.

- Прекрасно. Вот мои условия. - Она делает шаг ближе, оставаясь ровно на таком расстоянии, чтобы я не мог до неё дотянуться. Я подавляю желание дёрнуть за нить связи и сократить эту дистанцию. - Я хочу быть свободной от тебя. Навсегда. Я хочу выплатить этот долг и больше никогда не видеть твою рожу. Если для этого нужно сердце - замечательно. Если для этого мне придётся спасать твою шкуру - отлично. Но я не останусь привязанной к тебе, когда всё закончится. Я... - Она делает резкий, рваный вдох, и когда заговаривает снова, это, возможно, становится первой истиной, которую она произнесла с момента нашей встречи: - Я больше ни за что не буду в оковах. Ни у кого.

С этим трудно спорить. На самом деле это...

- Звучит как рай земной.

- Да. - Её взгляд опускается на мою раскрытую ладонь, находящуюся теперь в считаных дюймах от неё. Она колеблется, прежде чем снова посмотреть мне в глаза. - Значит, мы договорились? Мы терпим друг друга до тех пор, пока долг не будет выплачен?

- Никакой лжи, предательства или причинения вреда друг другу, - предупреждаю я. - Мы в одной лодке.

- Идёт, чернокнижник. - Она кивает, и я изо всех сил пытаюсь подавить проклятое чувство облегчения, разливающееся по венам. Она всё ещё смотрит на меня с опаской, словно я могу внезапно наброситься на неё. Будто у нас вообще есть иной выбор, кроме того, который был навязан моей глупой ошибкой.

- Идёт, русалка, - отвечаю я.

Она протягивает свои изящные пальцы к моей руке.

И нить связи между нами… начинает тлеть.

Ощущение такое, словно нас подожгли, словно мы заживо горим на костре. Она даже не коснулась меня, а дикое, необъяснимое вожделение уже покалывает кожу, оборачиваясь изощрённой пыткой. Мгновенное. Всепоглощающее. Мне не просто хочется её прикосновения - оно мне жизненно необходимо. Я жажду его так, словно она - моя последняя трапеза, и я обязан смаковать каждый кусочек. Её пальцы вздрагивают, слегка сжимаясь, будто она чувствует то же самое; её рука колеблется в воздухе в опасной близости от моей. И на одну безумную, мимолётную секунду я представляю, как перехватываю её руку, прижимаю девчонку к себе. Смакую вкус её кожи, покрывая поцелуями каждый дюйм, изучая изгиб шеи, мочку уха и восхитительную впадину между ключицами. И ещё ниже. Непроизвольно мой взгляд падает на очертания её груди под тканью моей туники, и этот вид - её, этой розоволосой бестии в моей одежде - заставляет всё моё тело натянуться до боли. Магия бунтует. Кровь приливает к паху.

В эту безумную, мимолётную секунду я нуждаюсь в Зефире из Силь так, как никогда ни в чём не нуждался.

Но я чернокнижник. Я не поддаюсь желаниям. Я вообще ни перед чем не склоняюсь.

Поэтому я медленно, дюйм за дюймом, беру её за руку, заставляя себя контролировать дыхание. И свои собственные безрассудные мысли. Это всё связь. Должно быть, это она. Мой желудок скручивается ещё сильнее при мимолётной мысли о розоволосой русалке, распластанной подо мной. Открытой. Податливой.

Прекрати.

Я силой прогоняю этот образ, сосредотачиваясь на реальности, пока наши пальцы переплетаются. Потому что, если я чувствую эту странную тягу, она чувствует её тоже. И это то, что я могу использовать в своих интересах.

В конце концов, Зефира импульсивна. Эмоциональна.

Связь между нами сияет ярче прежнего, пока её грудь тяжело вздымается под мягкой тканью моей рубашки. Я заставляю себя не следить за каждым её вдохом, вообще не смотреть на неё, вместо этого уставившись на наши сцепленные руки. Невинное прикосновение, но от него исходит такой жар, словно мы держим открытый огонь. На несколько долгих секунд весь мир сужается до этой точки - её рука в моей руке, и каждый ждёт, пока другой отстранится первым. Я ожидал, что её ладонь окажется влажной и холодной, как у всей её родни, но кожа Зефиры тёплая и сухая. И мягкая.

Почему её рука такая мягкая?

Я резко выдёргиваю свою ладонь, не в силах выносить это больше ни секунды, и её щеки тут же вспыхивают восхитительным розовым румянцем. От чего? От гнева? От стыда? Стук её сердца продолжает пульсировать через серебряную нить, в точности пробивая бешеный ритм моего собственного пульса, и я проклинаю себя за то, что вообще задаюсь этими вопросами.

Она далеко не единственная, кто чувствует отвращение к происходящему.

- Идём, - приказываю я и резко разворачиваюсь на пятках, не удостоив её даже мимолётным взглядом. Я направляюсь к противоположной стороне острова, где над тёмно-синей бездной Сила высится мост. - Мы сможем перехватить экипаж до Изумрудных островов. Поскольку мне придётся маскировать нас на протяжении всего пути, мне нужно время, чтобы восстановить силы перед этим.

Да. Я трясу головой, чтобы прояснить мысли и составить план. Я могу наложить на экипаж чары скорости, возможно, привязать её к лошади или пегасу, и просыпаться время от времени, чтобы обновлять заклинание. И заодно проверять, не нарушила ли Зефира наш уговор, попытавшись сбежать. С помощью магии мы доберёмся до Изумрудных островов за день или два. Может, быстрее.

Заметив, что она не идёт следом, я оборачиваюсь.

Она настороженно наблюдает за мной; её огромные глаза мечутся между моим лицом и моей рукой.

- Последнее правило? - предлагает она. Я делаю нетерпеливый жест, призывая её покончить с этим. У нас нет, мать твою, времени на пустую болтовню.

- Никаких прикосновений, - отрезает она. - Что бы это сейчас ни было… это не должно повториться.

Джордан Стефани Грей - Порочное мореThe Jordan Stephanie Gray - Wicked Sea

ГЛАВА 13

ЗЕФИРА

В карете Арион устроился как можно дальше от меня. Он прислонился к дверце, укутавшись в крылья, словно в перьевое одеяло, а его голова безвольно покачивалась в такт движению на фоне роскошного синего бархата обивки. Он проспал почти целый день, лишь изредка просыпаясь, чтобы щёлкнуть пальцами в окно и заставить лошадей бежать ещё быстрее. Всёэто могло бы быть даже приятным и умиротворяющим - пока карета бешено мчалась по гладким дорогам обсидиановой береговой стены Мортии, - если бы не громкий, сотрясающий крышу храп, который то и дело вырывался из открытого рта чернокнижника. Эти звуки, казалось, рикошетили от стенок кареты, после чего забирались мне прямо в уши, подобно невыносимым песчаным крабам.

Я не могу его задушить. Я не могу выбросить его из кареты.

Поскольку умирать мне самой не хочется (да и торчать здесь с ним, когда он бодрствует, тоже удовольствие ниже среднего), мне остаётся только сидеть и пялиться на него, позволяя этому храпу медленно выжигать мои нервные клетки. Мой желудок раздражённо урчит, но я игнорирую это. За эти годы я научилась отлично справляться с голодом.

Выглянув в окно, я наблюдаю, как шестнадцать лошадиных копыт галопом несутся по тёмным дорогам, прорубленным людьми много веков назад. Через несколько недель после Падения Мортема, когда человечество решило, что мерроу - источник всего зла в мире, три оставшихся бога (Люциус, Темпестас и Хифакс) объединились с людьми, чтобы воздвигнуть колоссальные магические стены, которые до сих пор тянутся от континента к континенту. Поверху этих стен были проложены дороги - способ для людей торговать товарами, не рискуя выходить под парусами в воды мерроу. Эти стены разделили океан. Превратили одно море в четыре.

Я ахаю, когда вид дороги под нами внезапно меняется. Без какого-либо перехода обсидиан уступает место дереву.

- Она… она сделана из бруса. - Я наклоняюсь, чтобы потрогать настил, ожидая, что посажу в палец занозу. Но древесина под моими пальцами необъяснимым образом оказывается мягкой, точно хлопок. Вдох изумления застревает у меня в горле: - Как это возможно?

- «Боги». - Джасин крепко обнимает меня за талию, и я счастливо откидываюсь на его грудь. Он заправляет розовую прядь волос мне за ухо. - «Человеческий мир не так уж отвратителен. Кое-что у них получилось на славу».

- «Например, домашний водопровод».

Он ухмыляется и целует меня в шею.

- «Мы близко, Зефира. Помни, что я тебе говорил. Не делай ничего с дурными намерениями. Не допускай ни одной злой мысли».

Я смеюсь в ответ:

- «Да у меня в жизни не было ни одной злой мысли».

Оторвав голову от окна, я сползаю на сиденье, скрещиваю руки на груди и хмурюсь. Храп Ариона, кажется, становится громче с каждой секундой. Пожалуй, первое, что я сделаю, когда верну долг, - это отрублю ему нос. Потом крылья. А потом и голову.

Густые каштановые пряди скрывают его нахмуренный лоб; его челюсть почему-то сжата, даже несмотря на то, что губы приоткрываются при очередном раскате храпа. Даже во сне он не выглядит умиротворённым - словно тяжесть всего мира давит на него, и я понятия не имею, как мне пережить чары этого острова и при этом не фантазировать о том, как я обезглавливаю этого чернокнижника. Как не мечтать о том, чтобы перерезать нашу связь и столкнуть его в море.

И как... как не думать о Джасине.

Его имя с корнем вырывает запёкшуюся корку с моей раны в груди, и из неё едва не вырывается рыдание. Боль кажется такой же острой, как и восемь лет назад.

- «Я могу помочь тебе, дорогая». - Странный водяной наблюдает за мной со своей бушующей волны, пока грозовые тучи сгущаются над головой. Гремит гром. Дождь крупными, резкими каплями бьёт меня по щекам. Совсем как слёзы. - «Я могу вернуть его. Ты ведь этого хочешь, не так ли?»

Я смотрю вниз на Джасина. На его прекрасное лицо. На его искалеченное тело. На кровь на моих руках. Этого не должно было случиться. Это была нелепая случайность - всего одна грёбаная глупая ошибка. Это моя вина, и теперь он... его больше нет.

- «Да». - Моё сердце разлетается вдребезги, и меня бьёт дрожь. Я не могу перестать дрожать. - «Я хочу именно этого».

- «Тогда иди ко мне».

Слёзы обжигают глаза. Упомянуть библиотеку при Арионе было верхом глупости. Я не хочу видеть эти деревья, лесистый берег, болотные рогозы и лилии, не хочу видеть лавки, к которым Джасин тащил меня за руку по пути. Я не хочу помнить его смех или то, как быстро всё это рухнуло.

Подтянув ноги к груди, я снова бросаю взгляд наружу. Деревянная стена манит изумрудными пихтами, выстроившимися вдоль дороги, а серебряная нить покачивается под порывами нового, прохладного зимнего ветра. Всё осталось точно таким же. И всё стало так мучительно другим. Я закрываю глаза, чтобы больше ничего не видеть. Мне нужно сосредоточиться. Изгнать воспоминания, страхи и сожаления. Если хоть одна дурная мысль закрадётся мне в голову, когда мы ступим на остров, я гарантирую нам обоим смерть в том самом месте, где когда-то обрекла Джасина на вечное проклятие.

Колдун уже однажды разрушил мою жизнь.

Я не могу позволить ему сделать это снова.

Когда мы выходим из кареты и ступаем на влажную почву Изумрудных островов, я натягиваю на лицо преувеличенно восторженную улыбку, заставляя свои глаза казаться широко раскрытыми и жизнерадостными. К несчастью, остров выглядит в точности так же, как и восемь лет назад, словно я откопала капсулу времени и теперь живу внутри обломков прошлого, которое так отчаянно пыталась забыть. Слева от меня - рыбацкая хижина, в которую Джасин затащил меня, чтобы сорвать мой

короткий чёрный парик и зацеловать до беспамятства. Прямо по курсу - рынок, вырезанный в дуплах дюжины раскидистых ив, где мы с Джасином выменивали фрукты на оторванные пуговицы и мусор из карманов. А позади меня, в стороне от порта, на самом скалистом краю острова, всего в паре дюймов от моря - место, где дриада вырвала корни из земли и убила его. Тёмные, извилистые мысли шныряют по закоулкам моего разума, но я прогоняю их, каждую до единой, и улыбаюсь ещё шире. Сильнее.

Арион косится на меня, испустив ошарашенное проклятие:

- Во имя Мортема, что ты делаешь? У тебя нелепый вид.

Я медленно поворачиваюсь, обнажая зубы в самой дружелюбной улыбке, на которую только способна:

- Думай о хорошем, чернокнижник. - Мне до безумия хочется добавить: «если у тебя вообще есть хоть одна приличная мысль», - но неважно, что я сдерживаюсь. Чары острова всё равно всё слышат. Изумрудный навес над нашими головами шевелится - едва заметно, но этого достаточно, чтобы острые ветки нацелились мне прямо в макушку. Предупреждение. Угроза.

Я сглатываю.

Думай о хорошем, думай о хорошем, думай о хорошем.

Ариону удаётся выдавить подобие улыбки, хотя это действие, кажется, причиняет ему физическую боль:

- Какой чудесный сегодня день, - лжёт он сквозь зубы.

Я киваю:

- Просто прелестный.

Я подавляю боль в груди, делая вдох сквозь удушливые призраки прошлого. Восемь лет назад. Тогда я была совсем другим человеком. Ребёнком. А теперь - даже когда я улыбаюсь, смеюсь и притворяюсь ради безопасности на этом острове - я всего лишь призрак. Джасин возненавидел бы ту, кем я стала.

Я сама ненавижу ту, кем стала.

Эта мысль выбивает почву у меня из-под ног сильнее любой другой, и мои колени едва не подкашиваются прямо там, на усыпанной листьями улочке рынка. Арион тянется, чтобы подхватить меня, с ходу нарушая моё главное правило, но я отскакиваю от него и врезаюсь спиной в грубую кору дерева.

- Что случилось? - Его взгляд резко устремляется вверх, а крылья раскрываются шире, закрывая нас от глаз многочисленных прохожих. - Что происходит?

- Я не... мои мысли... - выдавливаю я сквозь участившееся дыхание.

Я не могу перестать видеть окровавленное тело Джасина. Не могу перестать думать о том, что случилось бы, если бы я напала на ту дриаду первой. Если бы я вцепилась в это место своими когтями и разнесла его в щепки.

И стоило мне об этом подумать, как дерево за моей спиной приходит в движение. Тонкие ивовые ветви обвивают мои запястья и резко выворачивают их. Я шиплю от внезапной вспышки боли, пытаясь вырваться. Арион делает шаг ближе, и ветви принимаются опутывать и его лодыжки тоже. Его взгляд темнеет:

- Думай о хорошем, Зефира, - приказывает он.

Но я не могу. Я н-не могу...

Ветка обвивается вокруг моей шеи, словно петля.

Чёрт, чёрт, чёрт.

- О, клянусь петуниями, прекрати это, Чешир!

Странный, певучий акцент раздается из-за крыльев Ариона. Тот едва успевает уклониться в сторону, как к дереву подковыривает бледный, приземистый человечек и с ходу огревает ствол лавандовым зонтиком.

- Плохое дерево. Плохое. - Он вздыхает и бьёт его ещё трижды, после чего выуживает из своего клетчатого кармана опасную бритву и направляет её на... на меня.

Твою мать.

Я дёргаюсь, сражаясь с ветвями, которые уже врезаются в мою кожу, судорожно призывая на помощь любую счастливую мысль, которая когда-либо приходила мне в голову. Морские коньки в румянах. Тромбоны из рыб-ежей. Колдун, у которого выпустили кишки и сняли кожу.

Ветви тут же ослабляют хватку, но это уже не имеет значения. Человечек ловко поддевает бритвой древесные путы и с легкостью перерезает их.

Он ухмыляется, глядя на моё ошарашенное лицо:

- Чешир - совсем ещё молодая дриада. Она более чувствительна к негативным мыслям, чем остальные. Простите её, она ещё только учится. - Он хлопает ладонью по стволу, и дерево издает шуршащий, шелестящий смешок. Я перевожу взгляд с одного на другое, не зная, что сказать, но он избавляет меня от необходимости отвечать, спрашивая: - Вы ведь не из здешних мест, верно?

Арион счищает остатки вялых веток с моей шеи и запястий, пока мужчина лучезарно улыбается нам. Он убирает бритву, достает монокль, прижимает его к левому глазу и издает абсурдно-театральный возглас:

- О боги! Неужели вы... неужели вы потерпели кораблекрушение? Вы выглядите так, словно вас целиком проглотил кит, а затем выплюнул на наш берег! - Он подкручивает свои густые белые усы и кривится, заметив вызывающе голую грудь Ариона. - Без рубашки! Без рубашки на островах? Так не пойдёт. Это решительно никуда не годится. Вы должны пойти со мной. Живо. Живо, живо!

Я медленно качаю головой:

- Всё в порядке, нам не...

- Я настаиваю! - требует мужчина, и его голос звучит на порядок резче, чем секундой ранее. И эти его усы... они закручиваются над улыбкой, в которой сквозит что-то почти зловещее. Моя тень встает дыбом от этого тона и этого вида, сердце уже пускается вскачь. Дело плохо.

Но...

- Моя прелесть, ты слишком красива, чтобы разгуливать по острову в этих лохмотьях, - говорит мужчина. - Среди этого зелёного леса ты будешь торчать как нарыв на пальце. - Он ухмыляется, и его выражение лица больше не кажется зловещим.

Возможно, оно никогда таким и не было.

Возможно, я просто окончательно теряю рассудок.

Арион настороженно переводит взгляд с меня на незнакомца, изучая моё лицо так, словно главной проблемой здесь являюсь именно я. А вовсе не этот человек. Этот милый человек, который, судя по всему, всего лишь хочет нас одеть. Я снова трясу едва соображающей головой, пытаясь остановить поток негативных мыслей, и вместо этого заставляю себя сосредоточиться на стоящем перед нами мужчине. Просто человек. Он кажется знакомым - в той же мере, в какой знакомым здесь кажется абсолютно всё. Его лысая голова отражает солнечный свет, пробивающийся сквозь

тысячи ивовых ветвей; яркий зелёно-пурпурный клетчатый плащ свисает с его худощавой фигуры, а ступни - босые, широкие и покрытые жуткими мозолями. Я заставляю себя не думать о том, как отвратительно это выглядит. Я думаю о том, как я рада, что он спас меня.

- Спасибо, - выдавливаю я сквозь натянутую улыбку. - За то, что не дали дереву убить...

Он прижимает кончик своего зонтика к моим губам:

- Ни слова больше! Мысли о... сама знаешь о чём, очень сильно ранят Чешир.

Я знаю. Я знаю это слишком хорошо. Смерть. Я улыбаюсь ещё сильнее, упираясь губами в его зонтик, и он наконец расслабляется, издавая преувеличенный вздох облегчения:

- Вам и вашему благородному кавалеру негоже разгуливать здесь, сверкая голыми конечностями. На острове довольно прохладно...

Арион делает шаг вперёд:

- Всё в порядке. Нам не привыкать...

- Глупости! Встречают по одёжке! - Усач подхватывает меня под руку и тащит за собой, увлекая нас по тропинке с поразительной, почти эльфийской скоростью, прежде чем я успеваю сообразить, что происходит. И прежде чем я успеваю оказать сопротивление. — Вам крупно повезло, знаете ли. Я - Джеральд. Да-да, тот самый Джеральд из лавки «Изысканные наряды Гарольда и Джеральда». Для меня будет величайшим удовольствием подобрать для вашего визита что-нибудь подобающее. Я одеваю здесь абсолютно всех. Нравится им это или нет.

По крайней мере, маскировка Ариона, судя по всему, работает безупречно. Этот человек - Джеральд - кажется, совершенно не шокирован моими русалочьими волосами или крыльями чернокнижника Ариона, что означает лишь одно: он их попросту не видит. Впрочем, это не отменяет того факта, что ситуация превращается в сплошную головную боль. У нас нет времени на Джеральда, и уж тем более на Гарольда с их изысканными нарядами. Чем меньше времени мы проведём здесь, тем лучше, ведь нам ещё нужно ограбить библиотеку...

Ближайшее к нам дерево издает глухой стон, приподнимая корни, словно собираясь раздавить меня подошвой. Джеральд хмурится и тоже награждает его ударом своего зонтика, увлекая меня за собой еще быстрее:

- Эти занудные дриады. Клянусь, иногда они не могут отличить верх от низа, а право от лева, не говоря уже о том, что большинство сторон - это одна и та же сторона, если только вы не находитесь на противоположной стороне. Как ваши имена, мои прелести?

За потоком бессмыслицы, которая со скоростью горного ручья изливается из его уст, уследить чрезвычайно трудно. Почти так же трудно, как поспевать за его шагом.

- Э-э, прошу прощения? - Арион следует за нами, легко перешагивая через опавшие листья, ветки и жёлуди.

- Ваши имена, - настаивает Джеральд. - Я не могу называть вас «моими прелестями» в присутствии моей самой главной и истинной прелести.

Не успев вовремя прикусить язык, я выпаливаю:

- Я Зефира.

В ту же секунду Джеральд бесцеремонно проталкивает меня сквозь дупло огромной ивы, и я кубарем влетаю в лавку, до потолка заваленную дорогими тканями и ярким текстилем. Внутри нас дожидается ещё один мужчина, смахивающий пыль

сначала с невесомых занавесок, а затем с висящего на карнизе гудящего шмелиного улья. Его тёмно-каштановая голова блестит точно так же, как у Джеральда, хотя на его лице нет ни единого волоска, а одет он в разные чулки и пушистый халат. Услышав шаги Ариона, он резко оборачивается, приветливо машет рукой, после чего его взгляд останавливается на мне.

- Ну надо же, надо же, - произносит он с плутовским выражением лица. - Поглядите только, что принесло приливом из камышей.

Я молчу.

Я просто физически не могу ничего сказать.

Потому что Джеральд в этот же самый момент поворачивается ко мне, тычет кончиком зонтика мне в живот и выдаёт:

- Зефира! Ха! Так и знал, что я тебя помню!

Джордан Стефани Грей - Порочное мореThe Jordan Stephanie Gray - Wicked Sea

ГЛАВА 14

ЗЕФИРА

- Ты… ты помнишь меня? - спрашиваю я пересохшими губами. Страх ледяной коркой сковывает вены. В голове стучит, кровь с ревом бьёт в барабанные перепонки. Сколько именно помнит Джеральд?

Кражу? Пролитую кровь? Рыдания, которые разрывали меня на части на том пустом берегу?

Когда дриада свершила своё правосудие, всем вокруг, казалось, было глубоко плевать на то, что с нами сталось. Местные жители просто вернулись к своей привычной жизни, будто ничего не произошло. Будто Джасин не… не был…

Чёрт. Чёрт бы побрал эти Изумрудные острова. Чёрт бы побрал этот клочок земли, его обитателей и его проклятые чары. Я задыхаюсь от подступившей боли. Это была катастрофически паршивая идея. Такая же безрассудная, как и все остальные мои поступки. Мне не следовало возвращаться сюда. Мне не следовало тащить за собой Ариона.

Джеральд приподнимает мой подбородок кончиком зонтика, бесцеремонно вертя мою голову из стороны в сторону, пока я испуганно уставлюсь на него широко распахнутыми глазами. Он молчит. А пчёлы… они уже покинули свой улей. Теперь они с жужжанием кружат надо мной, осуждая. Проклиная. Цветы, проросшие из расщелин в полу, тянутся вверх, словно силясь утащить меня на самое дно. Я оглядываюсь назад в отчаянной надежде найти поддержку, но Арион застыл в дверном проёме. Он мёртвой хваткой вцепился в косяк, так что его костяшки побелели до цвета мела. Магия волнами исходит от него. Она буквально уплотняет воздух, пульсируя электрическим током, который мгновенно привлекает внимание шмелей. Его взгляд намертво прикован к моему лицу, а наша серебряная нить… она бешено вибрирует от ярости. От его ярости. Однако я в упор не понимаю причины. Если не считать того факта, что при первой же подвернувшейся возможности я - по всей видимости, каким-то образом - умудрилась испортить абсолютно всё.

И если нас не прикончат мои воспоминания, то гнев Ариона сделает это с гарантией. Разве чернокнижники не должны полностью отрекаться от эмоций? Сейчас он ведёт себя далеко не скрытно. Особенно когда рой разозлённых пчёл переключается на него, готовый искусать до смерти, а его пальцы едва не раскалывают дверную раму надвое. Я отскакиваю назад, оказываясь прямо на пути насекомых, и начинаю отмахиваться от них, пока этот парень не разнёс к чертям ещё один остров. Его крылья, кажется, улавливают намёк: они совершают плавное, волнообразное движение, разгоняя пчёл лёгким дуновением ветра. Впрочем, судя по всему, эти крылья вижу только я.

- Хм, - Джеральд хмурит брови. - Гарольд, радость моя, ты что, прорубил ещё одно окно в лавке? Сквозняк стал заметно сильнее.

Гарольд на секунду прерывает процесс смахивания пыли с одинокой стеклянной туфельки:

- Нет, нет, голубчик. Никаких новых окон. Это крайне вредно для инвентаря. - Он небрежно бросает туфельку через плечо, и та каким-то немыслимым образом приземляется точно на ледяно-синюю бархатную подушку.

При этих словах крылья Ариона замирают. Ветерок стихает, пчёлы возвращаются к опылению цветов на ветвях под потолком, но сам чернокнижник… он не перестает сверлить меня яростным взглядом. Очевидно, я не прощена за то, что Гарольд и Джеральд узнали меня и тем самым поставили под удар весь наш план. И, судя по всему, спасение от армии разъярённых насекомых не засчитывается как спасение его жизни - серебряная нить между нами продолжает гореть всё так же ярко. Типичный чернокнижник.

- Идём, Зефира. Эти… обноски совершенно не подходят такой очаровательной молодой особе. - Джеральд легонько шлёпает меня по бедру своим зонтиком. - Твоё лицо слишком изысканно, чтобы его можно было забыть. Хотя цвет волос теперь другой. - Он морщит нос и снова легонько тычет меня зонтом; чувствую, у меня останутся синяки. Челюсть Ариона сжимается с такой силой, что едва не трещит. - Мне не нравится этот оттенок. Тебе определённо не идет быть рыжей. Возможно, стоит вернуться к чёрному цвету. Он так чудесно подчеркивал эту океанскую синеву твоих глаз.

Я тяжело сглатываю, изо всех сил стараясь не думать о своём прошлом визите. Стараясь не вспоминать. Сейчас важно лишь то, что маскировка работает. Ну и ещё то, что Арион, без сомнения, наградил меня просто ужасной шевелюрой. Последнее должно было бы меня разозлить, но сейчас это служит отличным отвлекающим манёвром - если только Джеральд в итоге не проткнёт меня своим зонтом.

- А ты, - рявкает Джеральд, наставляя упомянутый зонтик прямо на Ариона. - А ну-ка марш сюда. Тебе нельзя разгуливать по острову, выставляя напоказ этот безупречный, словно смазанный маслом пресс, и искушать всех замужних женщин на рынке. Опасаюсь, мой собственный муж уйдёт от меня, если мы не поспешим.

Арион колеблется на пороге. Мужчины, похоже, действительно не замечают ни этих исполинских крыльев, ни чёрных вен, оплетающих его грудь. Должно быть, сокрытие этой мощи требует от него колоссальной концентрации, потому что он упорно хранит молчание. Словно боится произнести хоть слово, вступить в диалог и окончательно потерять контроль.

Тоже мне, «истребитель армий». Смех да и только.

Гарольд упирает руки в бока:

- Ну и? - обращается он к Ариону. - Ты всегда берёшь за правило игнорировать чужих мужей?

- Похоже, он в принципе не является поклонником института брака, - замечает Джеральд.

Гарольд быстро кивает в знак согласия:

- О да, судя по виду, он обожает сеять романтический раздор.

- Какая жалость, - вздыхает Джеральд.

- Кошмарная жалость, - вторит Гарольд. - Может, выставим их вон?

Я напрягаюсь, но Джеральд тут же заливисто хохочет:

- И натравить его на остальную часть острова? Ну уж нет. - Он бросает зонтик на пол и хватает меня за руку. - К тому же наша дорогая Зефира заслуживает платье, которое будет под стать её красоте, а не эти старые, изодранные тряпки.

При этих словах Арион кривится. Или, возможно, его передёрнуло от того, что Джеральд назвал меня красавицей.

Если бы это было любое другое время и место, сегодняшний день мог бы показаться по-настоящему чудесным. Я позволяю Джеральду подвести меня к высокому деревянному зеркалу, оплетенному острыми шипами и нежными розовыми розами, пока Гарольд, вытянувшись по-лебединому и встав на цыпочки, принимается выуживать водоросли и ракушки из волос Ариона. При этом он непрестанно бормочет что-то о шампунях и жизненной необходимости путешествовать с мылом.

- Как бы ты ни была прекрасна, Зефира, - Джеральд начинает обходить меня кругом, - должна признать, туника - не единственное, что выглядит поношенным. Когда мы виделись в прошлый раз, ты буквально лучилась жизненной силой, а сейчас… - Он неодобрительно цыкает языком, подправляя мои волосы, трогая за плечо и за руку. - Что ж, ты завяла, как цветок.

- Прекрасный цветок! - кричит Гарольд от двери. - Как яркий красный мак или, возможно, георгин…

Мой взгляд скользит мимо него и останавливается на Арионе. Тот по-прежнему наблюдает за мной прищуренными глазами, а его губы искажены суровой гримасой. Однако, когда Гарольд слюнявит палец, чтобы пригладить непослушную прядь на его макушке, чернокнижник резко отстраняется и ворчит, словно капризный мальчишка.

И, вопреки всему, вопреки ноющей боли в груди, я едва не улыбаюсь. За все те дни, что я провела с ним, этот парень впервые показался мне… почти человеком.

Его гораздо легче терпеть, когда он не ведёт себя как высокомерный кусок дерьма.

А эта лавка… я перевожу взгляд на тихо жужжащих пчёл, на розовые цветы, свисающие над головой. Здесь я наконец могу перевести дух. Могу хотя бы на миг сбежать от кошмара, в который превратилась моя жизнь, и отвлечься на неземные наряды и суетливых, очаровательных лавочников. В конце концов, Джеральд, похоже, не помнит ничего важного о моём прошлом визите на остров. Только моё лицо. Моё имя. Возможно, прямо сейчас мы действительно в… безопасности. Думать так кажется глупостью, но внутри этого дерева Мортия ощущается бесконечно далёкой.

Как и сам колдун.

Даже Арион, кажется, немного расслабляется, когда Гарольд облачает его в тонкие белые льняные одежды, которые, впрочем, почти не скрывают его торс. Я тихо фыркаю, глядя на этих похотливых стариков.

Джеральд набрасывает мне на голову воздушную розовую ткань и принимается закалывать её вокруг моей груди и талии. Пока он работает, вплетая золото, переливчатый жемчуг и раковины морского ушка в полупрозрачный лиф, я решаю обернуть эту задержку в нашу пользу.

Чем больше я буду говорить, тем меньше у меня будет соблазна вспоминать.

- Вы двое что-нибудь знаете об Абиссе? - выпаливаю я и тут же мысленно сжимаюсь. Ладно, похоже, проблемы со скрытностью и деликатностью здесь не только у Ариона. За спиной Джеральда чернокнижник бросает на меня испепеляющий взгляд.

- Абиссе? - Джеральд смотрит на меня снизу вверх. Из его рта торчат три булавки, отчего слова выходят невнятными и смазанными: - Никданбл.

- «Ни разу там не был», - переводит Гарольд. Он подворачивает рукава рубашки Ариона выше его раздражающе внушительных бицепсов. Нет, серьёзно, этот парень ведь даже не тренируется! - И, честно говоря, не привели боги. Местное гостеприимство, должно быть, ниже всякой критики. - Он переводит взгляд с Ариона на меня и секундой позже разражается смехом от собственного каламбура: - Юмор - это пустой звук для молодёжи.

- Пустой звук, - соглашается Джеральд. - С другой стороны, красота… - Он протягивает нити жемчуга от лифа к моим предплечьям, формируя подобие рукавов, оставляя плечи полностью открытыми. Как, впрочем, и изрядную часть груди.

Как и в случае с нарядом Ариона, этот вариант нельзя назвать тёплым, но, бросив взгляд на своё отражение, я решаю не привередничать.

Хотя я не вижу того убогого оттенка, который Арион использовал, чтобы замаскировать мои настоящие волосы мерроу, розовый цвет, выбранный Джеральдом, идеально гармонирует с моим истинным обликом. Мягкая ткань плавно струится по бёдрам, ниспадая изящным шлейфом, а жемчужный лиф приподнимает декольте до небес. Если не считать свежего шрама на шее, который Джеральд искусно прячет за золотым ожерельем в виде переплетённых ветвей шиповника, я выгляжу… красиво. Возможно, я и не лучусь жизненной силой, но это определённо лучше, чем когда я спала на улицах, деля палатку с Веспер, Эос и…

Ставросом.

Это имя вихрем проносится во мне, и до меня внезапно доходит, что всё это началось всего несколько дней назад. Всего несколько дней прошло с тех пор, как погиб человек, которого я знала месяцами. Из-за меня. Я всматриваюсь в своё отражение, пока оно не расплывается, превращаясь во что-то монструозное.

Может, Арион прав. Может, я действительно чудовище.

Я прижимаю ладонь к животу от внезапно подступившей тошноты. Джеральд прерывает процесс шнуровки розовых лент на корсаже и пристально смотрит на меня.

Успокойся, успокойся, успокойся.

- Так вот ради чего ты вернулась? - спрашивает Джеральд. - Вы ищете Абиссу?

- Мы путешествовали в рамках нашего медового месяца, - быстро вклинивается Арион - судя по всему, чтобы я снова не сболтнула лишнего. - Это была тема, которую мы часто обсуждали в море. Моя… жена услышала глупейшую сказку о том, что Абисса может находиться где-то под водой. Разумеется, это чушь, но наша дорогая Зефира склонна верить во всякие нелепости.

- Так ты муж! Что же ты молчал? - Гарольд прочищает горло. - Немногие осмеливаются пускаться в плавание по волнам. Даже мы, островитяне, стараемся не приближаться к побережью без крайней необходимости. В этих водах слишком много мерроу, с которыми стоит держать ухо востро.

- Я люблю приключения, - я демонстрирую очаровательную улыбку, безбожно обманывая. - К тому же я слышала, что мерроу не такие уж и плохие.

Все трое мужчин уставляются на меня так, словно у меня выросло пять голов.

- Как я и сказал, глупейшие фантазии, - плавно перехватывает инициативу Арион. - Нам вообще не следовало рисковать, выходя в океан. Наша лодка перевернулась во время шторма как раз у побережья, и я чуть не утонул. - Он пронзает меня тяжёлым, многозначительным взглядом. - Это был худший день в моей жизни.

Мудро кивнув, Гарольд произносит:

- Что вполне объясняет ваш первоначальный внешний вид.

Джеральд нетактично фыркает:

- Это же был их медовый месяц, дорогой.

- О да, именно так, - моя ухмылка становится чисто кошачьей, и я сознательно игнорирую волну тепла, разлившуюся внизу живота. Я игнорирую и нашу связь, которая пульсирует между нами с такой силой, будто Арион чувствует то же самое. - Наша собственная вина, если честно. Моему дорогому супругу потребовалось чуть больше… руководства и наставлений в «нижних отсеках», чем я ожидала, - я многозначительно поигрываю бровями, - и шторм застал нас врасплох.

И Джеральд, и Гарольд дружно покатываются со смеху от этой лжи.

- Серьёзно? - мгновенно загорается первый. Он оценивающе смотрит на Ариона, удивлённо приподняв обе брови: - Никогда не угадаешь по внешности, верно? Какая неожиданная прелесть.

Если судить по выражению лица Ариона, прелестью происходящее он не считает. Вообще ни разу. Напротив, по его виду можно сказать, что он готов совершить тяжкое преступление против личности. Заметив, как на его щеке заходил желвак, я не выдерживаю и тоже заливаюсь смехом.

- Вообще-то я помню это несколько иначе, - цедит он сквозь зубы, пока лозы над головой начинают медленно ползти в его сторону. В ответ он выдавливает улыбку, которая выглядит как физическая пытка. - Жо-нуш-ка.

- Арион, брось, здесь совершенно ни к чему эти твои мелочные комплексы. - Я указываю на Джеральда и Гарольда, которые кивают с чуть более ярым энтузиазмом, чем следовало бы, после чего широко развожу руками, охватывая всю лавку: - Это безопасное пространство…

- Думаю, ты хотела сказать, Зефира, что мы просто отвлеклись…

- О, ладно тебе, не нужно этой официальности. Как ты назвал меня вчера вечером? - Я стучу пальцем по подбородку, делая вид, что пытаюсь вспомнить, и получая от этого процесса колоссальное удовольствие. Я не думаю о том, что произошло здесь все эти годы назад, и о том, что произойдёт снова, когда мы покинем эту лавку. Вместо этого я целиком растворяюсь в настоящем. В этом единственном, упоительном моменте, где я могу притвориться кем-то другим, кем-то лучшим - и заодно выбесить Ариона до белого каления. - О, вспомнила! «Божественная богиня моего сердца».

Гарольд всплескивает руками:

- О, богохульствовать во имя любви! Как это романтично!

- «Богиня»? - глаза Ариона вспыхивают подобно расплавленной лаве.

Я приторно-сладко хлопаю ресницами, посылая ему воздушный поцелуй, после чего спешно отворачиваюсь обратно к зеркалу, когда с пальцев Ариона срывается самая настоящая искра. Точно. Есть разница между тем, чтобы тыкать в акулу пальцем, и тем, чтобы огреть её дубиной. И всё же я не могу удержаться от того, чтобы не подмигнуть Джеральду, добавив:

- Простите моего мужа. Он у меня не самый сообразительный.

- Красивые мужчины редко бывают умными, - сокрушается Джеральд, и Гарольд с пониманием кивает.

Когда я рискую взглянуть на Ариона через зеркало, он всё ещё буравит меня бешеным взглядом. Пчела устремляется прямо к нему, выставив жало, но он отмахивается от неё, даже не глядя.

«Думай о хорошем», - одними губами шепчу я ему.

- Знаешь, - произносит Джеральд, отвлекая моё внимание от чернокнижника. - Мне кажется, я слышал парочку легенд о том, что Абисса был поглощён морем. Возможно, именно об этом ты и слышала.

Мой взгляд мгновенно фокусируется на его лице. Быть не может.

- Возможно.

- И где это случилось? - спрашивает Арион, оказавшись таким же доверчивым, как и всё человечество. - В тех легендах упоминалось конкретное место?

- Нет, нет, - Гарольд макает пальцы в баночку с пчелиным воском и запускает их в волосы Ариона, укладывая их в небрежном стиле, который по задумке должен был придать ему растрёпанный вид. Затея терпит крах: чернокнижник всё равно выглядит чертовски хорошо. Я позволяю себе разглядывать жесткие линии его челюсти, шеи и плеч ровно секунду - ладно, три, - прежде чем заставить себя отвернуться.

Отражение показывает, что глаза Ариона полуприкрыты. Нить связи снова пульсирует, а мышца на его щеке судорожно дёргается.

- Сказания Изумрудных островов обычно более метафоричны, чем любые другие, но я готов поклясться… - Гарольд поджимает губы. Он задумывается на секунду, после чего декламирует с преувеличенным театральным пафосом: - «В самом пылу моря океан поглотил свою жертву с диким неистовством, прежде чем солнце выжгло трупы дотла. И так Абисса исчез, потерян для нашего мира и для следующего. Мы скорбим! Мы скорбим! Мы… умираем!» - Он разыгрывает сцену падения на пол.

- О, блистательное исполнение, радость моя! - Джеральд восторженно аплодирует.

Гарольд вспыхивает румянцем, но тем не менее поднимается и отвешивает церемонный поклон:

- Спасибо, голубчик. - Повернувшись к Ариону, он добавляет: - Раньше я играл в театральной труппе. Был ведущим актером семь лет подряд.

Арион снова пытается изобразить улыбку, но это больше походит на гримасу, когда его грубый голос внезапно раздаётся прямо в моей голове, царапая череп изнутри:

«"В самом пылу моря". Солнце. Похоже, речь идёт либо о климате Солб, либо о самой центральной точке нашего мира. Что думаешь? Или ты твёрдо вознамерилась быть абсолютно бесполезной на протяжении всего этого путешествия?»

Я свирепо смотрю на него через зеркало.

«Ты можешь направить мысли мне в ответ. Я услышу. Просто найди серебряную нить в своём сознании и следуй по ней ко мне».

«Вот… так?» - неуверенно думаю я, пока Джеральд помогает мне обуть шёлковые туфельки.

«Да», - отзывается Арион.

«Отлично. Пошёл ты». - Я обнажаю зубы в убийственной улыбке. - «Он определённо говорит о Соль. Там мелководье. В Силь тоже бывает тепло на определённых глубинах, но большая часть тамошних вод слишком глубока, чтобы как следует удерживать солнечное тепло». - И я не вернусь в этот грёбаный Силь, даже если от этого будет зависеть моя жизнь. - «Конечно, это всего лишь случайная сказка, которую нам только что случайно разыграл случайный человек в случайной лавке, так что вряд ли это то, на чем стоит строить наше будущее».

На этот раз настает его очередь метать в меня гром и молнии.

«Мы сможем перепроверить эту информацию с тем, что найдём в Иллюминированной библиотеке». - Он делает шаг в сторону от Гарольда, который

наконец закончил приводить его в порядок. - «Ты знаешь, сколько времени займёт у нас путь…»

Я обрываю его мысль до того, как он успевает закончить вопрос:

- «Она находится за яблоневым садом. Минут десять пешком от рынка».

- «И нам всего лишь нужно сохранять чистоту намерений?»

- «Ага. Пустые головы и счастливые мысли, чернокнижник. Или мне отныне звать тебя «мальком»?»

- «Думаешь, ты очень смешная, да?»

- «О, пернатый, так и есть».

Его губа неохотно дёргается, и это выглядит… почти как улыбка. Настоящая, искренняя улыбка - всего на долю секунды. И это зрелище настолько шокирует, что я едва не падаю. А вот Гарольд падает взаправду. Его рука взлетает к сердцу, и он с диким воплем валится на пол. Отползая назад, он отрывисто сучит ногами, пытаясь отпихнуться от Ариона, словно тот внезапно выхватил нож. Я лихорадочно моргаю и перевожу взгляд на руки чернокнижника, чтобы убедиться, что это не так. Но нет. В его руках нет никакого оружия, магического или обычного - если, конечно, не считать этой самой улыбки.

Джеральд бросается к своему мужу, опускаясь рядом с ним на корточки:

- Голубчик? Голубчик, что с тобой?

- Я… мне жаль, - Гарольд часто моргает, глядя на Ариона. - Мне показалось… на мгновение показалось, будто у тебя за спиной - будто там что-то выросло.

Чёрт. Наша маскировка.

Арион каменеет. Его челюсти сжимаются. Я задерживаю дыхание.

Джеральд в замешательстве моргает и переводит взгляд на чернокнижника. Но в отличие от своего партнёра, он не падает и не кричит. Вместо этого его брови сдвигаются к переносице, пока он внимательно изучает Ариона - и это, хочется верить, хороший знак. А затем:

- Радость моя, мне начинает казаться, что ты перекурил полыни. Я ровным счётом ничего не вижу.

Нить связи вибрирует от облегчения, и я самую масть расслабляю плечи. Чего нельзя сказать об Арионе. Он продолжает стоять на месте, словно изваяние, все его тело натянуто как струна. Дисциплина. Но вместе с облегчением по нити связи ко мне доносится кое-что еще, едва до него доходит суть произошедшего. Он, должно быть… на долю секунды потерял контроль над заклинанием иллюзии. И пусть он восстановил его практически мгновенно, пусть его лицо остается жестким и бесстрастным, связь отчетливо окрашивается чувством стыда.

Я хмурюсь, но, прежде чем успеваю издать хоть звук, Арион уже приходит в движение. Он помогает Гарольду пересесть на зеленовато-жёлтую кушетку, чтобы загладить свою оплошность. Чтобы защитить нас от разоблачения.

И Джеральд действительно ценит это усилие. Он расплывается в улыбке, когда Арион следом протягивает руку ему, помогая лавочнику подняться на ноги.

- Спасибо, - сухо произносит Арион. - За одежду и за вашу помощь.

Джеральд сияет ещё ярче, и любые сомнения, которые могли закрасться в его голову относительно Ариона, испаряются без остатка:

- Вежливый и красивый. Потрясающее сочетание. - Он поворачивается ко мне: - Мне казалось, что прошлый мальчик, которого ты приводила сюда, был само очарование, но твой дорогой муж, пожалуй, ещё лучше.

Я застываю, чувствуя, как моя улыбка становится резиновой.

Прошлый мальчик.

Прошлый…

…мальчик.

И в то же мгновение реальность обрушивается на меня с утроенной яростью. Этот неожиданный удар заставляет меня пошатнуться; я теряю равновесие и лечу вперёд, врезаясь в зеркало, прежде чем мне удаётся выпрямиться. Я натягиваю на лицо отрешённую улыбку. Притворяюсь, будто просто запуталась в подоле. Острые шипы до крови царапают мои ладони, но я почти не чувствую боли. Я вообще едва ли что-то чувствую, пока невидимые когти впиваются в моё сердце, сжимая его всё сильнее, сильнее и…

Прошлый мальчик.

Горло перехватывает, эмоции рвутся наружу, но я силой заталкиваю их обратно. Не здесь. Не сейчас. Я заставляю свои руки отпустить раму зеркала. Заставляю себя повернуться и… и снова улыбнуться. Просто продолжать улыбаться.

- И что вообще случилось с тем очаровательным юношей? - Джеральд опускается на кушетку рядом с Гарольдом, совершенно беспечно закидывая босую ногу на колено, словно устраиваясь поудобнее для приятной светской беседы. Моё дыхание перекрывает. Сердце колотится в груди. - Надеюсь, он нашёл себе хорошую жену или мужа?

Гарольд ласково похлопывает его по руке:

- Но ведь она пришла с другим мужчиной?

- О, да. Помнишь? Это было в тот самый день, когда ограбили Иллюминированную библиотеку. Тогда ведь перекрыли весь остров, - объясняет Джеральд Ариону. - Жителям запрещено даже нос выставлять за порог, когда воют сирены. Разумеется, мы страшно переживали за Зефиру и её красавчика-друга, ведь они казались чужестранцами на наших берегах. Нам оставалось лишь надеяться, что они нашли убежище в другом месте. В конце концов, во время нападения на островах вполне безопасно, если ты вовремя сообразил забиться в щель. Дриады оперативно разбираются со всеми преступниками. Сам Люциус их создал. - Его голос затихает, пока он предается воспоминаниям о самом ужасном дне в моей жизни. - Они довольно быстро убрали весь этот беспорядок, - задумчиво тянет он, - но после этого я тебя больше не видел, дорогая Зефира.

Беспорядок, беспорядок, беспорядок…

- Я… мы… спрятались, - выдавливаю я сквозь участившиеся судорожные вдохи, и внезапно с удивлением замечаю, что мои ладони в крови. Кровь выглядит чужеродной, странной, пугающей на моей коже, пока вся лавка начинает крениться в одну сторону. Где-то на задворках сознания я замечаю, как царапины от шипов затягиваются сами собой. Это Арион исцеляет их - и свои, и мои. Я трясу головой, чтобы прояснить мысли, но это не помогает. Мне нужно уйти. Сейчас же. - Мы спрятались в Храме Люциуса. А эти… сирены нас так напугали, что мы сразу уехали.

- Не виню тебя, - отзывается Гарольд. - От этих сирен даже у меня поджилки трясутся.

Неправильно истолковав пристальный взгляд, которым Арион сверлит моё лицо, Джеральд произносит:

- Не бойся, голубчик. Тот мальчик был хорош собой, но далеко не так… как ты. И всё же в тебе есть что-то особенное, верно? Никак не могу понять, что именно…

Арион игнорирует комплимент, продолжая выискивать ответы на моём лице. Я смотрю на него абсолютно пугающим, лишённым эмоций взглядом, наотрез отказываясь выдать хотя бы одну подсказку. И пусть нить связи между нами буквально горит, я притворяюсь, что не замечаю этого. Притворяюсь, будто она не пульсирует ослепительно-белым светом прошлых кошмаров. К несчастью, Арион всё видит. Он делает шаг вперёд, собираясь перехватить меня за руку. Когда я резко отступаю в сторону, его рот сжимается в жесткую линию.

- Еще раз спасибо за ваше гостеприимство, - обращается он к хозяевам лавки. - Нам пора идти, но мы навсегда ваши должники.

- О, нет. - С поразительной скоростью и гибкостью Джеральд вскакивает на ноги, и в его руке каким-то образом снова материализуется зонтик. Он машет им под носом у Ариона, точно шпагой. Та самая зловещая ухмылка возвращается на его лицо, а усы кривятся в яростном оскале. - О нет, нет, нет. Мы здесь не принимаем в оплату «спасибо» и «долги», «почтеннейший сир».

- Нет, нет, нет, нет, нет, - эхом отзывается Гарольд, тоже резко выпрямляясь. Его добродушное лицо больше не кажется теплым и приветливым - оно ожесточилось, и сам он выглядит куда менее утомленным, чем минуту назад. Когда он улыбается, это больше похоже на оскал. В своем полуобморочном состоянии мне кажется, что его зубы выглядят пугающе острыми. - Вы покинете эту лавку как платежеспособные клиенты, либо вы не покинете её вовсе.

Арион хмурится от этой внезапной перемены в атмосфере:

- Вы что… угрожаете нам?

- Это не угроза! - Джеральд тычет в него зонтом ещё сильнее. - Это обещание, которое мы даём всем ворам! Преступники не выживают на берегах Изумрудных островов.

- Мы не воры. - Желвак на челюсти Ариона ходит ходуном: он из последних сил пытается сохранить самообладание. Он мог бы уничтожить их в одно мгновение. Что, разумеется, обернулось бы крахом для всех нас.

Уловив эту мысль, шмели над головой принимаются жужжать громче и спускаются ниже, наблюдая за нами с летальным намерением. Арион делает ровный выдох и продолжает:

- Мы пришли сюда без злого умысла, но мы также не давали согласия на покупку чего-либо. Вы сами окликнули нас, как старые знакомые Зефиры…

- «Знакомые»! - Гарольд пронзительно визжит от предвкушения, пока Джеральд упирает кончик зонта прямо в грудь Ариона.

- Вы согласились на покупку в тот самый миг, когда эта одежда коснулась ваших тел, - рычит Джеральд, - а мы не водим дружбу с грабителями и мошенниками.

- Грабителями и мошенниками? - Крылья Ариона угрожающе приподнимаются, но мужчины всё ещё не видят их, не понимая, кого именно они умудрились спровоцировать. В отличие от ветвей над головой. Лозы разворачиваются с бешеной скоростью, устремляясь прямиком к горлу Ариона, пока пчёлы идут на таран. Его крылья совершают взмах, отгоняя рой прежде, чем хоть одно жало успевает коснуться кожи, а его ладонь перехватывает самую нижнюю лозу, наматывая её на костяшки, и резко дёргает. Сильно. Ветка с треском обрывается, и когда чернокнижник заговаривает снова, его голос разит холодом: - Прошу прощения, господа, но мошенники здесь явно не мы.

Джеральд презрительно кривится, указывая на дерево, внутри которого мы все сейчас находимся:

- Дайна считает иначе.

- В таком случае Дайна может забрать свои шмотки обратно. - Метнув в мою сторону яростный взгляд, Арион уже собирается сбросить с плеч рубашку, но я лихорадочно мотаю головой, поспешно отступая назад - подальше от него, подальше от лавки, пчёл и этих проклятых лоз. Мои глаза мечутся по потолку и стенам, где ветви Дайны начинают с треском приходить в движение. Её пальцы и локти - острые. Безжалостные.

Помимо моей воли перед глазами встает картина: эти самые ветви, сплошь покрытые кровью.

- Зефира, - приглушённо зовет Арион, но я качаю головой ещё быстрее, пятясь уже к самому выходу. Прочь. Мне нужно убираться отсюда, и… и мне вообще не следовало сюда возвращаться. Мне никогда не следовало переступать этот порог.

- Просто заплати им! - шиплю я.

Раздосадованный моим тоном, Арион без лишних слов лезет в карман. Он материализует из воздуха горсть увесистых золотых монет, но мне глубоко плевать, настоящие они, фальшивые или созданные магией. Важно лишь то, что ветви прекратили скручиваться, лозы больше не тянутся к нашим шеям, а на лица Джеральда и Гарольда вернулись их прежние радушные улыбки.

Если бы только кровь Джасина можно было остановить так же легко.

Прежде чем кто-либо успевает произнести хоть слово, я разворачиваюсь на пятках и сбегаю из лавки.

Джордан Стефани Грей - Порочное мореThe Jordan Stephanie Gray - Wicked Sea

ГЛАВА 15

ЗЕФИРА

После того как Арион догоняет меня сразу за рыночной площадью, мы не произносим ни слова. Мы не обсуждаем то, как нас обобрали лавочники, равно как и внезапное натяжение серебряной нити. Он устремляет взгляд на окружающий нас яблоневый сад, петляя между толстыми стволами деревьев; его крылья с каждым вторым шагом сбивают спелые яблоки и ломают сухие ветви. Я держу устойчивый темп, следуя за ним по пятам и сосредоточив всё внимание исключительно на траве под моими туфельками. Я считаю травинки. Я отслеживаю разные оттенки зелёного. Что угодно - абсолютно что угодно, - лишь бы перестать думать.

Всё, что нам нужно сделать, - это войти в библиотеку. В этот раз я ничего не возьму. Мы прочитаем внутри всё, что необходимо, а затем Арион унесёт нас отсюда по воздуху. Это будет просто. Мы выживем. От этой мысли мой желудок скручивается узлом, потому что в жизни ничего не бывает так просто. Для меня вообще никогда ничего не было лёгким. А выживание… выживание далеко не всегда гарантировано.

Незваные воспоминания продолжают наносить удары - тяжело и стремительно. Мне от них не убежать. Только не здесь.

И вот, пожалуйста - очередная дриада выкорчёвывается из земли.

Она меньше остальных, с пепельной корой и скелетоподобными сучьями, и бросается в нашу сторону с утробным рокочущим стоном. Ноги-корни с грохотом вбиваются в землю. Она неистово вращает ветвями, закручиваясь в бешеном ритме, - настоящий циклон, несущийся прямо на меня. Чёрт, чёрт, чёрт.

Хорошие мысли. Радостные мысли.

Арион взмывает в воздух, перекрывая мне путь до того, как тварь успевает атаковать. На его пальцах в знак угрозы пляшут языки пламени.

- Нет. - Мой рот расплывается в ужасающей улыбке марионетки, словно уголки губ мне намертво сшили нитками, и я хватаю Ариона за рукав, оттаскивая его прочь от чудовища. - Никакого насилия. Счастливые мысли, чернокнижник. - Я говорю это скорее себе, чем ему. - Кексы, котята, занавески, картошка…

На последнем слове Арион издаёт тихий, изумлённый смешок, и дриада замирает. Её тонкие, узловатые ветви застывают прямо посреди замаха. Даже её рот - небольшое дупло в самом центре, усаженное острыми зубами-колючками, - мелко подрагивает.

Это… это работает.

- Соль, - добавляет Арион.

- Перечная мята, - подхватываю я, и пасть дриады захлопывается. Хвала грёбаной богине.

Грубый голос Ариона набирает силу; он швыряет слова так, словно это боевые кинжалы:

- Овсянка.

- Пирог.

- Пастернак.

- Пенис.

На этом слове он осекается и резко разворачивается ко мне, осуждающе выгнув бровь. В ответ я невинно хлопаю ресницами. Как и в платяной лавке, я готова поклясться, что его губы дрогнули в искренней усмешке.

- Порочно, - бросает он, и эта стрела летит уже в меня, а не в дриаду.

Я скрещиваю руки на груди, что лишь сильнее подчёркивает моё великолепное декольте:

- Завидно?

- Абсурдно, - парирует Арион, и на этот раз он действительно улыбается. Крошечная ямочка - самый настоящий, едва заметный укол радости - прорезает его левую щеку.

Я бросаю взгляд на чудовищное дерево, чтобы убедиться, что я, в общем-то, не брежу, и с изумлением обнаруживаю, что оно по-прежнему стоит абсолютно неподвижно. Сверху с карканьем пикирует ворон и усаживается прямо на ветви дриады. Дерево даже не вздрагивает, не кривится и никак не реагирует на незваного гостя. Облегчение снимает напряжение в моём позвоночнике. У нас действительно получилось.

- Это было близко.

- Благодари Мортема. - Арион обходит меня плечом, продолжая путь через сад. - Наконец-то мы нашли применение твоему острому языку, жёнушка.

- У меня просто заканчивались слова на букву «П». К тому же это сработало, верно? - Сорвав рубиновое яблоко с ближайшей ветки, я обтираю его о платье и с хрустом вонзаю зубы в сочную мякоть. При первом же вкусе еды мой голод поднимает настоящий бунт. Сладкий светлый сок струится по моим губам, стекает по подбородку и капает на моё вышеупомянутое декольте. Я просто не могу есть достаточно быстро. Услышав хруст, Арион оборачивается. А затем провожает путь сока своим тяжелым металлическим взглядом.

Серебряная нить между нами натягивается ещё сильнее, увлекая меня за ним. Заставляя мои ноги шагать вперёд, пока я не оказываюсь в каких-то дюймах от него. Какое-то время мы снова идем в тишине. Я изо всех сил пытаюсь стереть липкий сок со своей груди, а Арион неотрывно смотрит на горизонт. Его ладонь напряженно застывает у бедра - что, по чистому совпадению, находится совсем рядом с моим бедром.

От его руки исходит жар. От него всего исходит жар.

Я начинаю жевать яблоко быстрее. Слепно. Отчаянно. Арион косится на меня, на мои губы, и срывает собственное яблоко с нависшего сука. Одним мощным укусом он уничтожает половину плода вместе с сердцевиной; его горло дёргается от тяжелого глотка.

- Тыква. Барвинок. Папайя, - произносит он несколько секунд спустя. - Чума. Хурма. Предосудительно…

(прим.пер. - В оригинале диалог построен на аллитерации - персонажи называют слова на букву P: Pumpkin, Periwinkle, Papaya, Plague, Persimmon, Preposterous.)

- Да-да, ты у нас очень умный, чернокнижник. - Я выхватываю остатки яблока из его руки и зашвыриваю их глубоко в заросли деревьев, силой выдавливая из себя более естественную улыбку. - Тем не менее я придумывала слова под жестким давлением и спасла наши задницы. Так что технически я всё равно лучше тебя.

- Ты - как раз та причина, по которой мы едва не... - Он обрывает фразу на полуслове, явно не желая разозлить ещё какую-нибудь дриаду, и вместо этого чеканит: - Жду не дождусь, когда мы уберёмся в любое другое место.

- Хочешь сказать, твой искрометный характер здесь не раскрывается в полной мере?

Он одаряет меня испепеляющим взглядом.

- Что ж, наша следующая остановка - скорее всего, море, кишащее мерроу. - Я перепрыгиваю через поваленное бревно, внутри которого уютно устроилось семейство кроликов. - Так что не радуйся раньше времени.

- На данном этапе я с радостью выберу даже демонов. Я израсходовал гораздо больше магии, чем требовалось для короткого визита на этот проклятый остров. Маскировал нас. Платил этим шарлатанам. Пытался задушить твои эмоции. - Он слегка наклоняет голову, изучая меня: - Все мерроу такие же неуравновешенные, как ты? Ты же ходячий ураган, только с хвостом.

- С великолепным хвостом. - Я совершенно избыточным жестом приподнимаю подол платья и перешагиваю через упавший пчелиный улей. Взгляд Ариона мгновенно опускается на мои обнажённые ноги.

Я жду, что он начнет читать нотации. Или спросит то, о чем всегда судачат его сородичи: зачем мерроу вообще дарованы человеческие конечности? На самом деле, считать ноги исключительно человеческой привилегией - глупость чистой воды. Они делают меня человеком ничуть не больше, чем мои руки, локти или подбородок.

Хвост - это далеко не единственное, что отличает нас от них. Чешуя. Жабры. Магия богини, текущая в наших венах. Сердце самого океана в наших грудях. Способность мгновенно трансформироваться в подходящей среде. Точно так же, как он способен плыть в океане, я способна выживать на суше.

Но Арион не задаёт вопросов.

Когда из-за густых крон яблоневого сада шпиль за шпилем начинает проступать Иллюминированная библиотека, сияя своей позолотой, он протягивает руку и останавливает меня. Его широкая ладонь ложится прямо мне на живот. Это прикосновение обжигает сквозь тончайшую розовую ткань и жемчуг, прошивая насквозь до самого нутра. Но он не убирает руку. А наша нить... она завязывается узлом, опутывая нас слоями серебра.

Его взгляд приковывает мой. Темнея.

По какой-то глупой, необъяснимой причине я облизываю губы, и мой живот судорожно сжимается. Он по-прежнему держит руку на мне.

- Когда ты была здесь в прошлый раз, - тихо произносит он. - Что произошло?

Радостный свет внутри меня мгновенно гаснет. Я резко отстраняюсь, сбрасывая его ладонь:

- Я же сказала тебе. Всё прошло неудачно.

- Я имею право знать...

- Что? Что именно ты имеешь право знать, чернокнижник?

Он стискивает зубы. Сквозь белоснежную ткань его новой рубашки кажется, будто чёрные вены на его груди приходят в движение. Похоже, это причиняет ему... физическую боль. И словно в ответ на это, глухая волна чужой усталости наотмашь бьет меня под дых.

- Твои эмоции, русалка. Попытайся взять себя в руки.

Я делаю глубокий вдох и притворно-весело чеканю:

- Я рассказала тебе абсолютно всё, что имеет значение для дела. Мы заходим. Мы забираем то, что нужно. Мы улетаем. Идёт, муженёк?

Его крылья совершают мерный взмах, словно предвкушая скорую задачу. Но сам Арион выглядит далеко не таким убеждённым:

- Мне нужно просчитать все переменные в этом уравнении. Если для этого потребуется больше магии, мне нужно время на подготовку. Мы не можем позволить себе ещё одну катастрофу, подобную той, что случилась в лавке.

- Ты сам сказал, что у нас нет времени.

- И у нас его действительно нет.

- Ну так помолись своему драгоценному богу и сделай шаг в неизвестность.

- Зефира, - рычит он.

Его раздражение не тревожит дриад, не будит шмелей в их ульях и даже не выходит за пределы его собственной груди - будто он удерживает на привязи не только мои эмоции, но и свои. Я не понимаю, какого признания он от меня ждёт, и уж точно, чёрт возьми, не собираюсь изливать ему душу. Я не хочу говорить об этом. Не хочу думать об этом. Я вообще не хочу здесь находиться. Восемь лет. Восемь кошмарных, жестоких лет без единого луча света, без надежды, без… кого-либо. Без ничего. И единственная причина, по которой я вынуждена делать это сейчас - смотреть в глаза своим кошмарам, сталкиваться со своими ошибками и тонуть в собственном сожалении, - заключается в том, что Арион арестовал меня. В том, что я облажалась на банальном ограблении могилы. В том, что в жизни ничто не давалось мне легко, а выживание никогда не было гарантировано.

- Кое-кто погиб.

Эти два слова рассыпаются пеплом на моём языке, но я всё равно произношу их. Произношу впервые за все годы - без слёз, без криков, без истерики. Произношу, хотя от них мне сильнее прежнего хочется, чтобы на том месте оказалась я.

Это я должна была умереть.

- Мы были в каких-то дюймах от свободы, - признание изливается из меня потоком, помимо моей воли. - В шаге от воды. Но у меня промелькнула мысль. Всего одна дурацкая, мимолетная мысль. Я испугалась, что кто-нибудь узнает о том, что мы натворили. Испугалась, что нас поймают. Изобьют. Разлучат. Этого секундного колебания хватило, чтобы дриады поняли: мы их обокрали. И когда они напали, они пошли не на меня. Они атаковали того, у кого в руках была книга. Они просто выполняли свою работу. Это заняло секунды. Тридцать секунд. Может, меньше. Как только дриады вернули книгу, они даже не взглянули в мою сторону. Им было плевать. Это была моя вина. И… кое-кто погиб.

Тридцать секунд, чтобы пустить всё под откос.

Тридцать секунд, чтобы разрушить мою жизнь.

Я пытаюсь выровнять дыхание, но лёгкие горят огнём. Всё тело ломит. Мне никогда раньше не приходилось рассказывать эту историю. Мне просто некому было её рассказать.

Мой взгляд сталкивается со взглядом Ариона. Сдерживаемое годами горе бушует внутри меня, уничтожая всё на своём пути, но чернокнижник просто наматывает серебряную нить на свою ладонь. Не для того, чтобы притянуть меня ближе, а для того, чтобы забрать их. Каждое проклятое чувство. Каждую каплю моего страдания. Он не вздрагивает. Никак не реагирует. Он просто ждёт - либо продолжения истории, либо

того, что я рухну у его ног жалкой, жалкой кучей, пока его пальцы продолжают сжимать серебряный шнур.

Я не падаю.

Спокойно - абсолютно холодно - я выдавливаю:

- На этом всё.

Арион делает один короткий кивок. Не грубо, не резко, а скорее с пониманием. Выражение его лица и даже голос заметно смягчаются:

- Хорошо, русалка. - И он делает лёгкий жест своей обмотанной нитью рукой, приглашая меня идти впереди него, не добавляя больше ни слова.

Когда я прохожу мимо, одно из его крыльев мягко, почти невесомо касается моего плеча. А серебряная нить ласкает мою щеку. От обоих этих жестов мне хочется истошно закричать.

- Мне не нужна жалость чернокнижника, - бросаю я вместо этого.

- Отлично. У тебя её и нет.

Мечехвосты, птенцы чаек, коралловые рифы, - лихорадочно думаю я, впиваясь ногтями в ладони. Шоколадный трайфл. Ириски с морской солью. Пенные гребни накатывающих волн.

Чем меньше я думаю, тем быстрее переставляю ноги, отчаянно пытаясь сбросить груз прошлого на том самом лугу, где когда-то потеряла абсолютно всё.

Библиотека вырастает посреди поля, заросшего вечнозелеными кустарниками. Колышущиеся стебли лаванды тянутся ввысь, к монолитной золотой цитадели. Здесь нет окон. Здесь нет видимого входа. Выглядит так, словно Люциус вырвал эту библиотеку прямиком из самой ткани вселенной - сияющую звезду на далёком ночном небе - и сбросил её сюда без лишних предисловий и церемоний. Я бы ни за что не заметила дверь, если бы Джасин не нашёл её в прошлый раз. Тонкий изгиб в золоте, кажущийся чисто декоративным элементом, плавно уходит вниз идеальным полукругом.

- Что ты делаешь? - спрашиваю я с тихим смешком.

- Я ведь преступник, забыла? - Джасин подмигивает мне, ловким движением извлекая нож из кармана. От этого зрелища внизу живота разливается томительное тепло. Он вонзает лезвие в едва заметную щель, чтобы поддеть дверь. Жилы на его руках напрягаются, и я просто не могу оторвать взгляд. От этих мышц. От него самого. Тогда он ухмыляется. Знающей, порочной ухмылкой: - Тебе ещё многое предстоит узнать о воровском ремесле, любовь моя.

Я пристраиваюсь рядом, чтобы помочь ему навалиться на дверь. В моей голове нет ни единой дурной мысли или злого умысла; я никогда в жизни не была так счастлива.

- Ты украл всего одну корзину с выпечкой. Одно-единственное преступление ещё не делает из тебя отъявленного злодея.

- Э-э, нет. - Он высвобождает нож из расщелины и рукоятью приподнимает мой подбородок к себе. Его изумрудные глаза гораздо зеленее и ярче, чем вся окружающая нас листва. Я тянусь к нему за поцелуем, но он прижимает холодную сталь к моим губам, останавливая меня: - Ты забываешь, что я украл твоё сердце.

Я смеюсь над этой избитой, глупой фразой, и он обрывает мой смех головокружительным поцелуем. Зацепив пальцами кружевные завязки моего корсажа, он притягивает меня ближе. Его ладони скользят вверх по моей талии. Я запускаю свои пальцы в его волосы. Он прижимает меня к золотой стене, и этот контраст ледяного

ветра и холодного металла заставляет мои нервы натянуться до предела. Богиня, он безупречен. Он так идеально мне подходит.

Я резко каменею от этого воспоминания. Неужели это действительно был последний момент, когда я чувствовала себя по-настоящему счастливой? Не фальшивая маска, а подлинная, чистая радость? Подступившая к горлу желчь обжигает рецепторы. Меня сейчас стошнит.

- Помоги мне открыть дверь. - Я втаптываю лаванду в землю и тянусь пальцами к невидимому стыку. Чем скорее мы окажемся внутри, тем лучше. - Нам придется поддеть её, - бросаю я через плечо, но Арион уже тут как тут. Он бесцеремонно оттесняет меня локтем в сторону и принимается изучать расщелину. Синее пламя обвивает его руки, когда он прижимает сильные пальцы к краям металла, прощупывая стыки.

- Есть ловушки? - спрашивает он низким голосом.

- Ни одной, которую я бы помнила.

Он коротко кивает, и я, затаив дыхание, жду, когда его магия взломает дверь - вот только… этого не происходит. Вместо этого он колеблется. Всего на секунду. Всего на одно короткое мгновение, но этого хватает, чтобы моя улыбка дрогнула.

- Что такое? Что не так?

- Ничего. - Слово звучит отрывисто, уверенно, несмотря на эту секундную заминку, и его магия вырывается наружу, окутывая золотые створки яростным синим огнём. Слава богине. Металл в ответ начинает жалобно стонать. Когда дверь поддаётся и начинает медленно прогибаться внутрь, мою грудь затапливает волна облегчения.

Мы почти у цели. Как только мы окажемся внутри библиотеки - и за нами плотно закроется дверь, - мы сможем наконец выдохнуть и продолжить поиски в относительной безопасности, без дриад, следящих за каждым нашим шагом. Однако жилы на шее Ариона натягиваются от колоссального напряжения, а по его виску скатывается крупная капля пота. Я хмурюсь при виде этого:

- Ты уверен, что всё в порядке?

В этот раз вместо ответа из его груди вырывается лишь одно яростное:

- Сука.

И дверь с оглушительным грохотом захлопывается обратно.

Выражение его лица мгновенно темнеет, когда синее пламя гаснет вместе с сокрушительным ударом металла, а сквозь серебряную нить пробивается мощный импульс чистого, первобытного страха. Его страха. Мои глаза округляются от ужаса, когда до меня доходит горькая истина. Если его магия дала сбой на этой двери, где ещё она даёт сбои прямо сейчас? Чёрт.

- Арион, твои мысли… наши мысли…

Его взгляд врезается в мой, и он отчаянно мотает головой. И ровно в это же мгновение раздается вой сирены.

Уши закладывает от этого звука.

Он похож на одновременный крик тысячи мертвецов, воющих в небеса.

Нет, нет, нет…

Земля под ногами начинает ходить ходуном. Это больше не лёгкая, едва заметная дрожь - это глубокий, сокрушительный гул, раскалывающий почву. Нас швыряет вперёд, и я с проклятием тяжело падаю на колени. Из новообразованных трещин в земле с треском вырываются толстые корни - в точности как тогда, - и твердь под моими руками разлетается на куски. Это слишком знакомо. Кошмарно знакомо.

Пытаясь подавить подступающий приступ удушья, я заставляю себя подняться на ноги. Только не снова, только не снова, только не снова. Неважно, как сильно я желаю, надеюсь или молюсь - когда я оборачиваюсь, перед глазами предстает абсолютно та же самая картина. Из яблоневого сада плотной стеной выдвигается шеренга дриад. Колоссальные. Могучие. Когти острые и изголодавшиеся по мести. По крови. По крови Джасина.

Это тот же самый финал.

Но мы… - в глазах темнеет, зрение застилает черная пелена, - мы ведь даже не вошли внутрь. Мы ничего не украли! Я инстинктивно группируюсь перед ударом, лихорадочно озираясь в поисках оружия, щита - чего угодно, чем можно защититься, но… всё равно всё произойдёт слишком быстро. Джасин погиб за считанные секунды. И разве это не справедливый финал? Разве это не то, чего я заслуживаю?

Вместо смертоносного удара их длинных, острых пальцев-веток мимо меня проносится лишь ледяной вихрь - он с силой бьёт по щекам, когда чудовища пролетают мимо. Когда они полностью игнорируют меня и устремляются прямиком к…

Прямиком к Ариону.

Ну конечно. Его магия иссякла. Вероятно, его тёмные, полные паники мысли - это первое, что они засекли.

Он понимает это в ту же секунду, что и я. Паника лесным пожаром вспыхивает сквозь нашу связь; он отчаянно пытается призвать очередное пламя, но из его пальцев струится лишь сизый дым.

- Какого хера с тобой происходит?! - Мой крик едва пробивается сквозь яростный рёв оживших деревьев. - Сейчас неподходящее время для осечек!

В ответ он падает на колени, и его истощение - оно тяжелым грузом оседает в моей груди, сковывает мои руки и ноги, и эта тьма, подползающая к моим глазам, принадлежит вовсе не мне. Она его. И сейчас он умрёт, утянув меня за собой в могилу.

Нет. Только не так.

Рванув вперёд - наперегонки с грёбаными дриадами, - я на ходу подхватываю с земли яблоко и со всей силы швыряю его в ближайшее дерево:

- Эй ты, трухлявая охапка дров! - По меньшей мере два монстра мгновенно разворачивают свои кроны в мою сторону, и я хватаюсь за самую ближнюю ветку. Используя инерцию, я взлетаю вверх по усыпанному шипами суку прямо в гущу листвы. Дико оглядываясь по сторонам, я пытаюсь найти любой способ отвлечь это существо - отвлечь их всех - и выиграть Ариону хотя бы пару секунд на восстановление. - Тронь его, и я найду самый глубокий вулкан, чтобы сжечь тебя дотла!

Дерево отвечает глухим, яростным стоном. Вероятно, потому, что я с треском отламываю одну из его собственных веток и со всей силы заталкиваю её прямо в зияющий провал его пасти. Теперь на меня переключаются и остальные дриады, и… ладно, возможно, мне стоило чуть лучше продумать этот план. Протискиваясь глубже в крону, я кричу во всю глотку:

- Самое время что-нибудь уничтожить, чернокнижник! Хоть что-нибудь!

Он выплёвывает яростное ругательство, заваливаясь вперед и оседая на землю, и клянусь Вилой, если он потеряет сознание, пока я торчу по локти в этом дереве, я вытащу его с того света. Я заставлю его проклясть тот день, когда он спас мою жизнь - даже сильнее, чем он уже проклинает его, - и увлеку его за собой в бездну.

Но он не теряет сознание.

Джордан Стефани Грей - Порочное мореThe Jordan Stephanie Gray - Wicked Sea

Его кулаки с размаху врезаются в землю. Вбиваются в неё. Крошечные порезы проступают на моих собственных ладонях, когда корни начинают оплетают его пальцы, но это ещё не всё…

Вся накопившаяся усталость единым, мучительным выдохом вырывается из моего тела. Его выдохом. Я мёртвой хваткой вцепляюсь в ветви дриады, когда Арион издает оглушительный рёв, и земля у его пальцев буквально взрывается.

У меня нет времени среагировать, нет времени даже осознать ту дикую боль, что скручивает мои внутренности из-за него. Прежде чем я успеваю сделать очередной вдох, сокрушительная волна его магии в щепки разносит дриад. Уничтожает всё вокруг, пока я не оказываюсь в воздухе - летящая, парящая, кружащаяся в свободном падении, пока мир подо мной превращается в пепел. То, что ещё минуту назад было изумрудом и золотом, сжимается в чёрное пятно. И мне совершенно не за что ухватиться; я сейчас разобьюсь, превращусь в кровавое месиво у ног Ариона.

Когда секундой позже он по воздуху ловит меня, удерживая над дымящейся землёй, я всё ещё продолжаю истошно кричать. Я судорожно цепляюсь пальцами за его грудь, разрывая в клочья его новенькую рубашку, обхватываю ногами его талию и держусь так, словно от этого зависит моя жизнь. Я зажмуриваюсь. Утыкаюсь лицом в его плечо.

- Можешь… опустить меня… на землю. - Когда ответа не следует, я рявкаю: - Вниз! - словно обращаюсь к бешеной собаке, а не к могущественному чернокнижнику, который только что спас мою задницу.

- Теперь ты довольна? - рычит он.

- Довольна?! Ты только что катапультировал меня через половину чертова острова!..

- Ты сама сказала, что у меня осечка. - Он резко пикирует к земле, и я снова вскрикиваю, изо всех сил стараясь, чтобы меня не вывернуло наизнанку, когда мы внезапно приземляемся посреди рынка.

Он бесцеремонно сбрасывает меня на землю, и я свирепо смотрю на него снизу вверх из-под растрёпанных волос:

- И ты решил ответить на это - чем? Тактикой «выжженной земли»? - Мой взгляд мечется по сторонам, подмечая обугленные останки расщепленных стволов и изуродованных ветвей. Почерневшую траву и струйки едкого дыма. Он не просто уничтожил яблоневый сад - он превратил в руины весь этот проклятый остров.

И рыночную площадь в том числе.

Мои глаза округляются от подступившего шока, и я ничего не могу с собой поделать - нервный смех срывается с моих губ от осознания масштабов этой катастрофы. Один человек просто не должен быть способен на подобное. И уж тем более не этот конкретный мужчина.

Он лишь устало качает головой, слишком истощенный, чтобы спорить, и мои собственные конечности в ответ наливаются свинцовой тяжестью. Я с трудом поднимаюсь на ноги, поглядывая на серебряную нить, которая заметно потускнела и теперь пульсирует в такт нашим ударам сердца. Чуть дальше, за пепелищем, вечернее солнце бликует на водной глади. Ничего не осталось. Ничего, кроме…

Местных жителей.

Они начинают медленно выползать из-за поваленных, обугленных ив, и их рты изумленно приоткрываются при виде исполинских крыльев Ариона. При виде моих

розовых волос. Накатывает звенящая, почти осязаемая тишина, кажущаяся особенно удушающей после завываний сирены.

- Дело дрянь, - бормочу я, инстинктивно прячась в тень Ариона. Мало того, что он разрушил их остров и их дома, так теперь они ещё и в упор видят тех, кто за это в ответе - чернокнижника и русалку. Хотя в основном, конечно, чернокнижника. - Полная дрянь.

Арион тяжело вздыхает, полностью игнорируя толпу островитян:

- Всё только что стало ещё хуже.

Он кивает подбородком через плечо, указывая назад, мимо руин рынка, мимо уничтоженного сада, туда, где должна была стоять библиотека - священная, бессмертная библиотека Люциуса. Та самая, что незыблемо высилась на этом самом месте больше тысячи лет.

Её больше нет. Она уничтожена.

Я делаю шаг в сторону от Ариона, когда раздается первый полный ярости и отчаяния крик. Затем второй. Вскоре к ним присоединяются десятки других голосов - злее, громче и яростнее, чем были сирены тревоги; кровожадный рёв прокатывается по толпе, когда до жителей доходит, что мы превратили их главную гордость, их драгоценную Иллюминированную библиотеку, в кучу золотой пыли.

- Чёрт, - выдыхает Арион. - Чёрт.

Я не могу с ним не согласиться.

Мой взгляд цепляется за обгоревший обрывок пергамента у наших ног, и я, поморщившись, аккуратно отпихиваю его ногой назад, пряча с глаз долой. Но стоящая неподалеку женщина всё равно замечает это движение. Её глаза округляются от неверия и первобытного ужаса, после чего опускаются на священные обломки. Не зная, что ещё сделать, я слегка приподнимаю плечо и одними губами произношу: «Простите».

- И что теперь, русалка? - Арион мертвой хваткой перехватывает моё запястье, когда я пытаюсь незаметно ускользнуть в сторону карет, стоящих в порту. - Есть ещё какие-нибудь гениальные идеи?

- Ты шутишь? - шепчу я, пока вокруг нас начинает формироваться разъяренная толпа. Им для полной картины не хватает разве что вил - хотя нет, подождите, они уже подбирают с земли обломки толстых ветвей. Используя их как дубины. Сквозь плотные ряды людей Джеральд угрожающе наставляет в мою сторону свой фиолетовый зонтик.

- В этом виноват только ты! Твоя магия нас подвела, - огрызаюсь я. - Всё, что сделала я, - это ткнула палкой в дерево.

- Ты хоть представляешь, сколько сил мне потребовалось, чтобы заглушить твои чёртовы эмоции? Сколько магии ушло на то, чтобы испепелить исключительно флору и не задеть этих людей?

Я свирепо смотрю на него, пока кольцо бунтовщиков начинает сжиматься:

- Тебе нужно было просто открыть дверь. Одну грёбаную дверь, Арион! Мы не можем… мы не можем перебить их всех.

- Я знаю! - огрызается он. - Но…

Его голос обрывается на полуслове, когда по окружающим нас обломкам стремительно начинает ползти мертвенно-бледный лёд.

Воздух застывает, уплотняется, и волоски на моей шее встают дыбом, когда до слуха доносится цепочка знакомых, леденящих душу хрипов.

Арион рядом со мной мгновенно подбирается, и последние крохи моих надежд на выживание увядают и рассыпаются прахом, в точности как этот остров.

- Что это? - спрашиваю я, хотя на самом деле прекрасно знаю ответ. Я помню. Под этим глубоким капюшоном нет лица. Там лишь пустая маска из белого фарфора. Богиня, умоляю, пусть я ошибусь. Я лучше выберу эту безумную толпу. Я готова лично предстать перед Люциусом и ответить за все разрушения, что мы принесли.

Что угодно, только не это.

Арион притягивает меня ближе к себе, и его левое крыло плотным щитом укрывает моё тело.

- Слушай меня внимательно, Зефира. - Его голос звучит низко, ровно, улавливая мою панику, пока температура вокруг стремительно падает, а из земли поднимается тошнотворный, удушливый запах тлена. Чернокнижник чеканит: - Что бы сейчас ни произошло, я хочу, чтобы ты бежала. Не оглядывайся. Не жди меня. Просто беги.

Джордан Стефани Грей - Порочное мореThe Jordan Stephanie Gray - Wicked Sea

ГЛАВА 16

АРИОН

Фигуры в капюшонах.

Полуночно-синие мантии сочатся чернильным шёлком, облекая скелетоподобные силуэты. Мальчик не видит их лиц - ни рук, ни пальцев ног, ни даже намёка на черты. От них пахнет болезнью и иссушением. Когда они поднимают руки, их тёмно-синие перчатки выпускают зазубренные стрелы льда прямо в грудь мальчику. Он кричит. Боль разрывает его сердце, слой за слоем обнажая орган, пока тот не раскалывается внутри грудной клетки. Мальчик падает на землю, извиваясь и продолжая кричать. Старейшина Браниш возвышается над ним. Тонкие губы старейшины кривятся в презрительной гримасе, пока по пухлым щекам мальчика катятся слёзы.

- Не кричи, Арион, - огрызается старейшина. - Это их только подзадоривает.

Но мальчик умирает. Он уверен, что умирает.

Старейшина Браниш разочарованно вздыхает и поворачивается к фигурам в мантиях:

- Заберите его в Комнату Тишины. - Старейшина бросает ещё один взгляд на мальчика и тяжёлым сапогом отпихивает его от себя: - Я заберу его через месяц. До тех пор он ваш. Делайте с ним всё, что пожелаете.

Мальчика пытают. И он не забывает эту боль.

Он не может их забыть.

Зефира не отвечает на мою просьбу. Она просто не может - наши голоса тонут в полных боли криках островитян. Кто-то спотыкается и падает навзничь. Другие подносят дрожащие пальцы к струйкам крови, сочащимся из носов, ушей и глаз. Прямо посреди толпы фиолетовый зонтик Джеральда падает на уничтоженную землю. Он хватается за сердце и рушится на Гарольда. Они падают вместе.

И умирают они тоже вместе.

Тихий вскрик подлинного, первобытного ужаса срывается с губ Зефиры. Она не двигается. Она не бежит. И я… я тоже не могу. Лёд сковывает мои сапоги, намертво приковывая к земле. Магия слабо, жалко копошится в груди. Бесполезная. Словно тетива лука, которая была натянута слишком сильно и слишком долго - теперь она не способна распрямиться и пронзить цель. Я уничтожил этот грёбаный остров. У меня просто не осталось сил ни на что другое.

Я не могу растопить этот лёд.

А это значит, что и остальные не могут. Этот культ вырежет - сожрёт - здесь каждого. Точно так же, как они делают всегда.

- Культ Мортис, - бормочу я.

- Что они такое… - начинает спрашивать Зефира, и её голос ощутимо дрожит.

- Культ смерти. Культ смерти Мортема.

Эти зловонные твари должны были оставаться сказками на ночь. Кошмарами, которые, по слухам, обитают в пещерах северных гор Мортии, - просто слухами, потому что на публике их никто и никогда не видел. Они никогда не ходили по улицам городов.

Но я видел их. Я чувствовал их.

Через это проходят все, кто выжил на Испытаниях Чернокнижников.

Иглы боли впиваются в кожу, пока лёд ползёт вверх по моим ногам. Культ Смерти реален. Они всегда были реальны, и они хуже любого мифа. Смертоноснее любого кошмара. Они питаются трупами. Они пожирают смерть. Это дикие, первобытные существа, которые живут убийствами. Никаких эмоций. Никаких душ. Никаких личностей или имён. Они отреклись от всего во имя бога, который точно так же отрёкся бы от них самих при первой возможности.

Я рычу, пытаясь сопротивляться их гнилой магии. Связанный, беспомощный, я вынужден смотреть, как они высасывают жизнь из моих вен, словно полосуют ножами по артериям. Их лед продолжает ползти по моим костям. Проникает внутрь грудной клетки. Он застывает в мышцах, пока я не теряю способность даже моргнуть. Далеко не в первый раз в жизни я оказываюсь полностью в их власти.

- Кричи, - шипит Повелитель Смерти. Он проводит лезвием по горлу мальчика. Кровь хлещет фонтаном. Мальчик задыхается, багряная пена пузырится у него на губах и брызжет на холодный мраморный пол. Но каким-то образом, почему-то, кровь в его теле восполняется. Рана затягивается. И фигура в капюшоне режет его снова. И снова.

Мальчик не перестаёт кричать.

- Маленький чернокнижник. - Знакомое дребезжащее шипение вонзает острые крючья в мой череп ещё до того, как культ зловеще выплывает из тумана. Предводитель - Повелитель Смерти - шествует во главе своей стаи; их построение чётко выверено в форме семиконечной звезды. Наклонив капюшон, существо выдыхает дым прямо из зияющей пустоты. Призрачный череп проносится над небольшой прогалиной, где когда-то был рынок, и стелется поверх лежащих между нами трупов. Волоски на моей шее встают дыбом, но я крепко стискиваю зубы, отказываясь признавать тошнотворное замирание в желудке. - Каким великим ты стал со времён нашего незабываемого месяца вместе. Мы хорошо тебя научили.

Оно слизывает мою кровь со своего лезвия и утробно стонет.

- Ничему вы меня не научили, суки. – Всё моё тело напрягается, пытаясь вырваться из этих оков, сдвинуться, сделать хоть что-то. Я хочу превратить его в кашу. Мне нужен доступ к моей магии, чтобы разорвать его на миллион грёбаных кусков.

Культисты по обе стороны от Повелителя Смерти вскидывают облаченные в мантии руки, и наружу изливается ещё больше скверны. Ледяные щупальца, извиваясь подобно змеям, ползут по руинам. Они кусают за лодыжки тех, кто ещё держится на ногах, а затем обвивают замерзающие конечности. Маленький мальчик падает с резким судорожным вздохом, его глаза закатываются, и он рушится оземь. Кровь сочится в землю, и культисты жадно втягивают воздух, впитывая запах свежей гнили, чтобы подпитать свою омерзительную магию. Но одним лишь запахом они не ограничатся. Очень скоро они начнут пировать.

- Какой беспорядок ты здесь устроил, - воркует Повелитель Смерти, ведя капюшоном по сторонам и оценивая масштабы разрушений вокруг. - Какая жалость,

что ты растратил всю свою драгоценную магию чернокнижника. Я бы с удовольствием принял бой.

- Освободи меня, - рычу я, - и ты его получишь.

И клянусь, я получу от этого огромное удовольствие.

- Нет-нет, маленький чернокнижник. - Повелитель Смерти подбирает с земли обгоревшую ветку и швыряет её сквозь толпу. Она насквозь пронзает пожилую женщину прямо между рёбер. Стоящий рядом мужчина истошно вскрикивает - в этом звуке чистая скорбь. Ужас. Но он тоже не может пошевелиться. Выхода нет.

Мы практически мертвецы.

Я не закрываю глаза и не сжимаюсь от страха. Я не доставлю им такого удовольствия.

- Нет-нет, маленький чернокнижник. - Повелитель Смерти подбирает с земли обгоревшую ветку и швыряет её сквозь толпу. Она насквозь пронзает пожилую женщину прямо между рёбер. Стоящий рядом мужчина истошно вскрикивает - в этом звуке чистая скорбь. Ужас. Но он тоже не может пошевелиться. Выхода нет.

Мои кулаки ноют от желания сомкнуться на его глотке, пока остатки магии жгут вены. Угасающие угли некогда бушевавшего лесного пожара. Мне не следовало тратить так много сил на это место, не следовало опустошать резервы и обрекать себя на смерть ради того, чтобы скрыть наши дурацкие эмоции и открыть грёбаную библиотеку.

- Твои друзья, чернокнижник? - бормочет Зефира. Попытка пошутить выходит из неё слабым, задыхающимся хрипом.

- Ни в жизнь, мать их.

- Полагаю, это балл в твою пользу. - Она приподнимает плечи, будто ей совершенно плевать на наше положение, и это… странно. Культ распространил свою магию смерти на весь остров. С таким количеством жертв их сила должна быть безграничной. Зефира вообще не должна иметь возможности двигаться.

- Как думаешь, стоит ли нам сначала содрать кожу с твоей русалки? - Дым снова валит из-под капюшона Повелителя Смерти. - Возможно, тебе захочется узнать, каков демон на вкус изнутри, прежде чем ты встретишь собственную кончину. Ты всегда можешь присоединиться к нам, маленький чернокнижник. В тебе заложен огромный потенциал.

Краем глаза я вижу, как Зефира хмурится.

- Стойте, - произносит она, теперь уже громче. - Вы что, планируете нас съесть?

Отвечает не Повелитель Смерти, а ближайший к нему культист. Его буквально разрывает от отвратительного хохота:

- Да, маленькая русалка. Наконец-то пришёл твой черед. Я буду лизать тебя. Пробовать тебя на вкус. Пировать. - Он с леденящей дрожью втягивает воздух: - Я не забыл твой запах, и он восхитителен.

- Мы должны пировать, - эхом отзываются остальные.

Зефира хмурится еще сильнее, её глаза округляются от ужаса. Проходит секунда, и культисты продолжают плавно надвигаться на нас, пока ледяной туман поднимается от земли. Островитяне падают один за другим, словно кости домино. Я стараюсь не смотреть на их лица. Стараюсь не слышать их крики. Я не могу помочь им - ни сейчас, ни когда-либо в будущем.

- Это выглядит настолько же безнадежно для тебя, насколько и для меня? - На долю секунды мне кажется, что рука Зефиры касается моего рукава, но… нет. Невозможно. - Ты… ты совсем не можешь двигаться, только говорить?

- Да, - отрывисто роняю я, отвечая на оба её вопроса разом.

Она шепчет свой ответ, будто они не смогут его услышать:

- И у тебя совсем не осталось магии?

- Да. - Это признание обжигает пищевод, едва не растапливая лёд на своём пути.

Она коротко кивает:

- Что ж, ладно.

Я не знаю, чего ожидать. Разорвут ли культисты на части сначала меня или её. Опустошат ли они остальные острова или остановятся на нас. Обычно культ не выходит на дневной свет. Обычно они не покидают свои горы. И если чернокнижники прислали их сюда - если король и мои старейшины спустили их с цепи ради этого, - кто знает, куда они направятся дальше? Тошнотворное чувство возвращается, и желудок скручивает от осознания этого предательства. Они натравили на меня культ.

Потому что я сбежал с русалкой.

Повелитель Смерти извлекает из складок мантии острый как бритва серп.

Зефира резко втягивает воздух при виде оружия, а затем - в вихре безумного, безрассудного розового движения - с воинственным криком бросается прямиком на культ. А я всё ещё не могу пошевелиться. Я застыл. Остальные либо мертвы, либо умирают, но её ноги двигаются, пока она… пока она бежит.

Её крик прорезает океан позади нас, и новая волна с грохотом обрушивается на остров в ответ. Этот звук разбивает купол ледяного напряжения, словно валун, брошенный на замёрзшее озеро. Культисты запинаются. Несколько человек путаются в собственных мантиях. Лезвие Повелителя Смерти колеблется, и он отдергивает его на дюйм назад в… в страхе. Моё сердце совершает кувырок. Культ…

- Они боятся тебя, - осознаю я.

Она резко оборачивается с внезапной ухмылкой:

- Серьёзно? - К несчастью, ее крик угасает на этом обнадёживающем слове, и культисты быстро возвращают себе сверхъестественное равновесие. Её улыбка блекнет, когда она снова поворачивается к ним лицом; её бирюзовые глаза широко распахиваются по мере их приближения. Дребезжащее шипение вырывается из груди чудовищ.

Они чуют её ужас.

Они разорвут её на куски.

По какой-то причине мои лёгкие перехватывает от этой мысли. От воспоминаний, всё ещё бурлящих внутри. Никто не заслуживает такого. Даже русалка. Даже Зефира.

Она смотрит на свои пустые руки, заламывая их перед собой, а затем судорожно ищет глазами на земле хоть какое-то оружие или щит. Ничего нет. Она сейчас умрёт. Нет, резко одёргиваю я себя. Хуже. Они не убьют её сразу. Они будут смаковать это. Они будут пытать её - нас.

- Кричи, - шипит Повелитель Смерти.

Я справлюсь с этим. Я не сломаюсь. Но она… - мой взгляд мечется к её паникующему лицу, - она слишком мягкая. Я чувствовал эти эмоции ещё в лавке. Я наказан ими с тех самых пор, как мы впервые сели в эту проклятую богами карету. Её агония станет для неё сокрушительным таранным ударом. Острые шипы будут кромсать её на части с каждым вдохом. Её разум сломается раньше, чем тело. Она

будет страдать так долго, сколько они будут поддерживать в ней жизнь. Она будет питать их дни, недели… месяцы.

- Зефира. - Мой голос звучит твёрдо, перекликаясь с жестким отчаянием, когда я силой заставляю её перевести взгляд на меня. - Тебе нужно бежать.

Я не знаю, почему говорю ей это. Нить, натянутая между нами, всё равно не позволит ей сбежать. Не по-настоящему. Сейчас она горит, полыхая её ужасом, пока Зефира секунду изучает моё лицо. Всего лишь долю секунды. Она колеблется. Женщина, которая всегда бежала. Женщина, которая пыталась меня утопить. Женщина, которая приказала мне взорвать целый чёртов остров, чтобы спасти наши задницы. Она колеблется.

И этой доли секунды оказывается достаточно, чтобы запечатать её судьбу.

В размытом движении смертоносной скорости Повелитель Смерти хватает её за горло и отрывает от земли. Кожаные пальцы срывают позолоченное ожерелье и оставляют тёмные синяки на нежной плоти. Он заносит серп, чтобы пустить ей кровь. Один порез. Один удар. Струйка багрянца стекает по её шее. По моей шее тоже, хотя никто, кажется, этого не замечает.

Она сопротивляется, бесполезно бьется в его мантии, пока существо наклоняется ближе и ведёт капюшоном над неглубокой раной.

- Отвали… от… меня!

Кулак, сжимающий мои легкие, затягивается сильнее, пока я наблюдаю за её агонией, почти задыхаясь. Моя единственная надежда. Моя грёбаная русалка. Но сейчас это не страх. И даже не отчаяние. Нет. Ярость закипает при виде её крови, при виде этих скелетных пальцев на её коже, и сила мощным потоком устремляется по моим венам. Мне плевать, если это убьёт меня. Я должен высвободить всё, что осталось. - Достаточно! - рычу я. - Вам ведь нужен я, верно? Пытайте меня. Убейте меня. Оставьте русалку в покое.

Капюшон Повелителя Смерти резко разворачивается в мою сторону, а остальные культисты отрываются от тел островитян, которыми они уже начали пировать:

- Ты и так наш, маленький чернокнижник. И мы уже пробовали тебя на вкус. А вот эта… - Он размазывает кровь на её шее своим большим пальцем. - Она пахнет божественно. - Его лезвие вдавливается в ложбинку на её груди, прямо поверх её красивого нового платья, и с треском распарывает лиф рваной линией вниз. Зефира не перестает материться. Брыкаться. Бороться.

Желчь обжигает горло. Серебряная связь физически воплощает её боль и ужас, содрогаясь от них. Я борюсь с их хваткой, но я… я не могу сдвинуться с места. Я не могу спасти её.

Я издаю яростный, оглушительный рёв.

В этот раз земля под ногами не раскалывается, но это дарует нам мгновение. Одно поворотное мгновение, когда лезвие застывает, не вонзаясь в плоть Зефиры. Её глаза сталкиваются с моими, а затем резко косятся куда-то мне за спину. Она ахает. Мне не приходится долго ждать, прежде чем я замечаю это сам.

Его.

Какой-то мужчина несет со стороны небольшого порта острова, высоко поднимая над чёрными волосами ведро с водой. Каждый шаг дается ему с колоссальным трудом. Ведро слишком тяжёлое, или же сам он слишком слаб. Это не имеет значения. Он не перестает бежать. Культисты смотрят на него, шипя, прежде чем он швыряет кристально чистую жидкость вверх и наотмашь.

Не в Повелителя Смерти, а в остальных.

Во всех остальных.

Культисты истошно вопят, когда вода пропитывает их мантии. Оглушительные крики заставляют их Повелителя швырнуть Зефиру на землю и резко развернуться к источнику хаоса. Несколько выживших островитян тоже начинают кричать - от боли, страха, злости, - пока незнакомец выхватывает меч из ножен, небрежно висящих у него на поясе.

Нет.

Толпа не просто кричит. Они двигаются.

Кто-то падает на колени, чтобы подхватить на руки бездыханных близких. Другие хватают ветки, коряги и полуобгоревшие сучья, чтобы дать отпор фигурам в капюшонах. Хватка культа пала. Их магия ослабла.

Зефира ползёт вперёд, перебирая руками по земле, чтобы добраться до меня, и я содрогаюсь при виде этого зрелища. Мои крылья сбрасывают оцепенение, и колоссальная тяжесть вонзается между лопаток. Боль и истощение в равной степени разрывают меня изнутри, но боль… боль - это сила. И я могу двигаться. Этот странный мужчина отвлёк культистов достаточно для того, чтобы я смог сделать вдох, собрать последние крохи магии и выпустить их с брутальной, сокрушительной силой.

К чёрту последствия.

Я мгновенно замораживаю воду на мантиях культистов, превращая их в мерзкие ледяные сосульки. А Повелитель Смерти… я поворачиваюсь к нему с кровожадной ухмылкой и разжимаю кулак, являя миру растущий огненный шар. Существо делает шаг назад. Ещё один.

- Тебе стоит подумать о том, чтобы бежать, Арион. - Зефира поднимается на подкашивающихся ногах и прижимает ладонь к животу. Ровно туда, где ей - где мне - больнее всего. Затем она дёргает меня за руку. Вцепляется в запястье и тянет, тянет, тянет. - Нам нужно убираться отсюда. Живо.

Но я еще не закончил. Я заставлю их страдать.

Они это заслужили.

Повелитель Смерти скользит ко мне подобно призраку. Он не боится меня. Он не отступает.

- Мы знаем о сердце, Арион Стоун. - Его голос - это дым и пепел. - Мы знаем, что ты ищешь, и мы не позволим тебе получить его. Это сердце принадлежит нам.

Как… как… как…

Сердцебиение грохочет в ушах, замешательство и ярость кромсают внутренности, но мне удаётся выдавить из себя презрительный смешок. Рассмеяться прямо в его уродливое фарфоровое лицо. Я шагаю вперёд, широко расправив крылья; огненный шар начинает покрывать волдырями мою собственную кожу, но боль лишь укрепляет мою магию. Лишь раздувает это пламя.

Прежде чем выпустить его, я чеканю:

- Кричи.

Пламя взрывается, испепеляя мантию Повелителя Смерти. Монстр спотыкается, пытаясь сбить огонь своими перчатками, но тот становится лишь жарче, ярче, больше. Он не кричит, но ему это и не нужно.

Мне просто нужно, чтобы он сдох.

- Ладно. Ты победил. - Мягкая рука тянет мою ладонь. Я кошусь в сторону - там Зефира. Розовые волосы и потемневшая кожа в тех местах, где Повелитель Смерти

сжимал её в своих жутких тисках. - Пошли, - умоляет она, увлекая меня за собой сильнее. - Пока он горит.

- Он не умрёт, - произносит странный мужчина - наш спаситель, - пока остатки толпы мечутся вокруг него. Пытаются ли они бороться с культистами или бегут, я не могу разобрать. Мужчина с трудом пробирается к нам, работая локтями и спотыкаясь на каждом шагу. - Культисты не умирают, если только не утопить их в море. Таков баланс жестоких прихвостней Мортема.

Я замираю, и этот знакомый голос вырывает меня из кошмара. Я знаю этот грёбаный голос.

Это последний голос, который я хотел бы слышать прямо сейчас.

Я перевожу на него взгляд, и мой желудок ухает куда-то вниз. Этот мужчина вовсе не странный. И он уж точно, чёрт возьми, не спаситель. Он историк. И преступник. И ходячая заноза в моей заднице.

- Чернокнижник Стоун. - Гавриал Пресепултус машет мне мечом, на его мальчишеском лице играет на удивление безмятежная улыбка. - Надо же, какая встреча.

Я всерьёз подумываю о том, чтобы съездить ему по его подбородку с ямочкой:

- Ты следил за нами?

- Да, - без обиняков признается он. - И как удачно. Вам нужна была помощь.

- О да, это точно. - Пальцы Зефиры переплетаются с моими. Она перестает тянуть меня вперёд, вместо этого глядя то назад, на море, то вперёд. - И она нам всё ещё нужна. Пожалуйста, достаньте головы из своих задниц; нас сейчас порежут на куски и пустят на человеческое рагу.

Мы наблюдаем, как пламя на мантии Повелителя Смерти начинает угасать, и культисты принимаются хохотать. Каждый из них. Включая их предводителя. Этот звук разносится в воздухе, перерастая в нарастающий пронзительный визг, а затем - они поднимаются как один. Хватка Зефиры становится жёстче, её ногти впиваются в мою кожу.

- Чёрт, - выдыхаю я.

- Чёрт, - соглашается Зефира.

- Чёрт, - добавляет Гавриал.

Я свирепо смотрю на него:

- Ты вообще не при делах.

- Но меч-то у меня, верно? - Он храбро выпячивает грудь, хотя его глаза зажмуриваются от внезапного наплыва леденящего дыма. Культ смерти вытесняет нас ближе к берегу, держа серпы наготове. И я понятия не имею, что с этим делать, если, по словам Гавриала, им невозможно причинить вред.

Культисты не умирают, если только не утопить их в море.

Зефира, должно быть, думает о том же, потому что спрашивает:

- Ты уверен, что мы не можем просто снести им головы или пронзить сердце колом?

Гавриал пятится за своим мечом, его шаги быстрее наших собственных. Он первым достигает порта. Бурные волны бьются о деревянный док, взлетая вверх и пропитывая его штаны:

- Там нечего резать. Они больше дым, чем люди. Состоящие из миллиона душ без единой собственной.

Мой голос гремит от ярости, больше из-за ситуации, чем из-за самого Гавриала:

- То есть ты пришёл сюда, чтобы просто сдохнуть вместе с нами?

- Есть другой вариант, - бормочет Зефира. Слишком тихо, чтобы я сразу это зафиксировал, но Повелитель Смерти оттесняет нас к самому краю порта, и она врезается в мой бок, лишь бы не позволить шальной волне намочить её кожу. Чтобы не трансформироваться и не оказаться беспомощной на деревянном настиле. Я собственническим жестом обнимаю её за плечи, укрывая крылом, и она смотрит вверх, её взгляд вспыхивает отчаянием. - Океан, Арион.

Я не понимаю. Мы в паре дюймов от того, чтобы быть вырезанными, замученными, а я не могу помочь нам. Не могу, чёрт побери, это исправить. Повелитель Смерти ведёт своей фарфоровой маской и слизывает её кровь со своего лезвия. Культ снова заливается хохотом. Омерзительные монстры. Они питаются нашим ужасом. Они уже пытают нас.

- Океан, - повторяет она. - Мы могли бы… могли бы прыгнуть.

- Если мой голос что-то значит, то я согласен, что лучше поплавать с акулами, чем быть пережёванным. - Гавриал рассекает мечом воздух перед культистом. Цепляет пустоту. Чистый воздух. Нам хана. Если только мы не прыгнем в надежде, что они не последуют за нами. Прыгнем и будем молиться, что они действительно боятся утонуть. - Хотя полететь было бы куда круче.

Зефира косится на меня. Она уже знает - она сама чувствует это через связь. Я не смогу унести нас по воздуху. Я слишком, чёрт возьми, слаб. Позор гниет бок о бок с магией в моих почерневших венах.

Я крепче сжимаю ладонь Зефиры.

- Давайте, - выдыхает Повелитель Смерти. Он застывает прямо перед началом причала. - Прыгай, маленький чернокнижник. Мы просто подождём, пока вы всплывете. Мы знаем, чего ты хочешь, и мы не позволим тебе это получить. Мы будем охотиться за вами. Мы найдём вас.

- Тогда, полагаю, мы не всплывем, - выплёвывает Зефира. - Забыл, что я - русалка?

- Как мы могли забыть? - Иней струится из кожаных перчаток Повелителя Смерти, приподнимая подбородок Зефиры с помощью магии. - Ты будешь восхитительна на вкус.

Зефира в ответ просто демонстрирует ему средний палец и разворачивается с грацией танцовщицы. Без лишних раздумий, не выпуская моей руки, она со всех ног бросается с дока прямо в бездну.

И во второй раз в жизни я следую за розововолосой русалкой навстречу своей солёной погибели.

Джордан Стефани Грей - Порочное мореThe Jordan Stephanie Gray - Wicked Sea

ГЛАВА 17

ЗЕФИРА

Солёная вода заполняет мои нос и рот, и я наконец-то чувствую, что снова могу дышать.

Трансформация занимает считанные секунды. Вспышка мерцающего света. Проблеск чешуи. Мой бирюзовый хвост с лёгкостью рассекает воду, и я увлекаю Ариона за собой, утягивая его всё глубже и глубже в Сель. Экорианская магия пульсирует в моих венах - дурманящий прилив океанской силы, напоминающий о доме, о моей крови, о Силе, - но я отказываюсь отпирать эту дверь. Отказываюсь открывать её, чтобы большой и страшный волк не пробрался внутрь.

Мы выжили на проклятом острове, спаслись от плотоядных деревьев и этих фриков в мантиях вовсе не для того, чтобы теперь поддаться какому-то колдуну.

Острый нож глубоко проворачивается в моем животе. Разрушения, которые мы оставили после себя, и люди, которые погибли — люди, которых мы бросили на растерзание этим монстрам, — будут преследовать меня вечно. Точно так же, как мое прошлое. Но я… я не могу думать об этом. Не прямо сейчас. Возможно, вообще никогда. И пусть это делает меня ужасной и жалкой, я просто не могу позволить себе быть другой. Чтобы выжить, мне нужно двигаться дальше. Продолжать плыть. Продолжать дышать.

Серебряный шнур обвивает мою руку - очевидное свидетельство того, что прыжок в море оказался далеко не той спасательной миссией, которой я его себе представляла. И всё же мы сбежали. Этого должно быть достаточно. Всего этого должно хватить.

Я не прекращаю плыть. Пробиваясь сквозь бурное течение, пока над головой с грохотом перекатываются волны, я крепко сжимаю ладонь Ариона. Его пальцы сжимают мои в ответ, пока нить обвивает и его руку тоже. Связывая нас. Сковывая нас. Впервые это не кажется мне таким уж тяжким бременем. Я знаю, что ему больно. Я знаю, что он истощён. Я знаю, что он тратит последние крохи магии, чтобы просто дышать, и начинает паниковать, когда его крылья наливаются свинцом в солёной бездне. Убедившись, что мы уплыли достаточно далеко и эти психи - культ смерти - остались позади и не прыгнули за нами, я разворачиваюсь.

Арион не выпускает мою руку.

Он смотрит на меня сквозь толщу воды. Тёмно-каштановые волосы, волевая челюсть, серебристо-золотые глаза. Разрушительно прекрасен, как и всегда. Его рубашка пришла в полную негодность из-за Села, став настолько прозрачной, что я могу глазами очертить каждый кубик его пресса. Он выгибает бровь, пытаясь казаться невозмутимым, спокойным и собранным, хотя прекрасно знает: я чувствую, что внутри него бушует буря. И в этот момент, по какой-то глупой, необъяснимой причине, я не могу заставить себя ненавидеть его с прежней силой.

Возможно, потому что его давешние слова всё ещё эхом звенят в моих ушах.

Зефира. Тебе нужно бежать.

А когда я этого не сделала, когда замешкалась - потому что какой смысл бежать, если Ариона тоже схватили?..

Пытайте меня. Убейте меня. Оставьте русалку в покое.

Он пытался спасти меня. Несмотря на то, что ситуация была абсолютно безнадёжной.

Я подплываю ближе, высвобождая ладонь из его хватки, чтобы мягко обхватить его лицо. Он вздрагивает от этого прикосновения - то ли от неожиданности, то ли от отвращения, - но я не обращаю внимания. Он пытался меня спасти.

- Арион. - Мой мелодичный голос звучит в воде с идеальной чёткостью. - Я могу даровать тебе способность дышать здесь. Если мы будем часто бывать в море, это пригодится. В противном случае нам придётся всплыть, и тогда культ нас заметит.

Он коротко кивает в ответ, и я понимаю, что он слишком истощён, чтобы говорить со мной мысленно.

- Дело в том… - Я прочищаю горло, и мой взгляд невольно опускается на его губы. - Мерроу может даровать человеку способность дышать под водой только через… через поцелуй. И однажды полученный, этот дар уже нельзя забрать назад. Каждый раз, когда ты будешь погружаться в море, у тебя будут вырастать жабры.

Я поднимаю глаза, и эти расплавленные золотые сферы изучают моё лицо. Они сужаются, когда он поднимает руку и накрывает мою ладонь. Его большой палец проводит по моим костяшкам - прикосновение, которое обжигает меня до самого нутра. Ещё один кивок. Живот судорожно сжимается. Я перемещаю вторую руку на его грудь. Опускаю мягкую ладонь прямо ему на сердце. Оно бьётся под моими пальцами в бешеном, нервном ритме. Впрочем, я не уверена, кто из нас двоих сейчас нервничает сильнее.

- Ладно, чернокнижник, - шепчу я.

Я колеблюсь. Снова бросаю взгляд на его губы. Мои пальцы впиваются в его рубашку, а нить между нами вспыхивает ярким пламенем. Я придвигаюсь ближе. Близко. Настолько близко, что это кажется балансированием на краю обрыва. Будто секунда до того, как ты либо полетишь, либо разобьёшься. Целовать его, учитывая нашу связь, - это опасно. Это огромный риск.

Впрочем, утонуть - риск ничуть не меньший.

Он нетерпеливо рычит - в своём репертуаре - и сам преодолевает оставшееся между нами расстояние. Запустив пятерню в мои волосы, он притягивает меня к себе. Я вжимаюсь в его грудь, ощущая твёрдые мышцы и горячую кожу своего врага. Человека. Чернокнижника.

Он целует меня.

В этом поцелуе нет ни мягкости, ни сладости, ни даже капли нерешительности. Он жёсткий. Дикий. Свирепый. В одну секунду сплетаются века войн, ненависти, кровопролития и потерь, и я… я просто не знаю, как это осознать. Эмоции захлёстывают меня с головой, и каждая последующая оказывается сложнее предыдущей. Я ненавижу Ариона. Я ненавижу то, кем он является. Но он целует меня так, словно давно репетировал этот момент в своей голове, просчитывая каждое движение, чтобы оно было максимально брутальным, точным и сокрушительным.

Он буквально пожирает меня.

Его губы ведут войну с моими, электрический ток между нами разрастается до оглушительного рёва в венах, и я ничего не могу с собой поделать - мой хвост

инстинктивно подаётся к нему. Я просто таю, когда его ладонь ложится на мою талию, а пальцы восхитительно впиваются в чешую. Это просто поцелуй. Один поцелуй. Дар.

Я едва замечаю жабры, прорезающие кожу на его шее. Едва замечаю то колоссальное облегчение, которое он испытывает, получив возможность наконец ослабить путы своей магии. Потому что он не останавливается. И поцелуй с Арионом… он не похож ни на один другой. Он - шторм. Ураган, крушащий береговую линию. Циклон, который кружится, уничтожая и ломая всё на своём пути, и, о богиня, это тоже будет преследовать меня вечно. Этот чернокнижник. Его губы. Его язык.

Я ненавижу его, и он будет преследовать меня вечно.

Эта мысль заставляет меня резко отпрянуть. Я разрываю поцелуй, отстраняясь на несколько дюймов, и не могу удержать пальцы от того, чтобы не коснуться собственных губ. Растерзанных, припухших и ноющих. Чёрт. Нить натягивается струной, связывая его сердце с моим, и наши грудные клетки тяжело вздымаются от едва подавленного голода. Его глаза не отрываются от моего лица. Даже когда что-то холодное касается моего плеча, и я резко оборачиваюсь, чтобы обнаружить…

Мужчину из тюрьмы.

Того самого типа, который спас нас от культа с помощью дурацкого ведра с водой.

Дерьмо. Он что, был здесь всё это время? Это… чуть более чем слегка унизительно. Чёрные волосы, отливающие синевой под водой, аккуратно завязаны на затылке, а тяжёлый костюм-четверка тянет вниз его худощавое тело. Он указывает мечом сначала себе на рот, затем на шею и грудь. Потом на Ариона. Потом на меня.

А затем он складывает ладони в умоляющем жесте, прося своими огромными карими глазами, чтобы я поцеловала и его тоже. Потому что он тоже человек, и у него тоже заканчивается воздух. Вот только у него, похоже, нет магии, чтобы удерживать дыхание, как это делал Арион.

Я переворачиваюсь и смотрю на чернокнижника:

- Ещё один твой друг?

Арион хмурится. Он скрещивает руки на груди, и его голос звучит так же сильно и мелодично, как и мой:

- Ни в малейшей степени.

Конечно, я помню их перепалки по поводу Бездн и ту осязаемую неприязнь, которую Арион к нему питал. И всё же именно благодаря ему нам удалось вырваться из лап культа.

- Наверное, нам не стоит позволять ему утонуть.

Мужчина интенсивно кивает, отчаянно барахтаясь между нами и снова указывая на меня.

- Он - преступник, - отрезает Арион.

Я презрительно фыркаю:

- Ты только что уничтожил целый остров.

- Ты сама меня об этом попросила.

- Мы не будем начинать это снова, чернокнижник. - Возможно, он не будет преследовать меня в кошмарах. Возможно, он просто останется гигантской занозой в моей заднице до конца дней. - Мы убиваем его или спасаем?

- Ты хочешь его поцеловать? - Взгляд Ариона сужается, приковываясь к моим губам, а нить пульсирует пенисто-зелёным цветом. Я облизываю их, и, клянусь, его

зрачки расширяются. Его кадык дёргается. Желание концентрируется где-то внизу моего живота.

Всё это время мужчина плавает между нами, дико жестикулируя своим мечом.

- Очевидно, мы не собираемся его убивать, - говорю я. - Он помог нам.

Арион стискивает зубы:

- Ладно.

- Ладно.

- Ну так целуй его.

- И поцелую.

Арион не отворачивается. Напротив, кажется, он смотрит ещё пристальнее. С вызовом. С угрозой. Но это даже хорошо; я смогу доказать нам обоим, что наш поцелуй ничего не значил. Что ничего не изменилось, и это больше никогда не повторится. Я просто помогла Ариону дышать свободнее. Теперь я помогу этому человеку сделать то же самое.

Я маню незнакомца пальцем, подзывая ближе, а затем спрашиваю Ариона:

- У него есть имя, или мне просто стонать своё собственное?

Арион рычит на это. Как же легко его спровоцировать. Я дарую ему соблазнительную ухмылку, и его взгляд буквально прожигает мой насквозь.

- Его зовут Гавриал, - цедит он. - Давай, русалка. Расскажи мне, каков он на вкус.

- Гавриал. - Я перевожу улыбку на мужчину. Он хорош собой. Высокий и поджарый. Высокие скулы. Гладкая золотисто-коричневая кожа. Вот только, к несчастью для него, он и близко не так привлекателен, как Арион. - Хочешь получить способность дышать под водой?

Гавриал неистово кивает, его щёки уже приобретают фиолетовый оттенок.

Я не теряю ни секунды. По правде говоря, я действительно не хочу, чтобы кто-то ещё умер. Только не из-за меня.

Я нежно касаюсь пальцем ямочки на подбородке Гавриала, и он вздрагивает. Затем я мягко прижимаюсь своими губами к его губам. Он опускает тёплую ладонь мне на поясницу. Это кажется неправильным. Слишком холодно. Слишком гладко. Слишком иначе.

Однако Арион определённо чувствует всё это через нашу связь, а я не хочу доставлять ему это самодовольное удовольствие - позволить узнать, что я была едва не сломлена его губами и ничьими больше. Поэтому я издаю тихий стон, запуская пальцы в волосы Гавриала. Арион наблюдает за мной. Он не отводит глаз. Ни когда у Гавриала прорезаются жабры. Ни когда рука Гавриала скользит выше по моему позвоночнику. Ни когда моя грудь прижимается к его груди, а его меч падает на дно. Брошенный. Забытый.

Арион свирепо смотрит. Его мышцы напряжены. Но он не отворачивается, поэтому я тоже не отвожу взгляд.

Гавриал втягивает воздух через новые жабры, и мой хвост слегка обвивает его. В этот момент его язык скользит вперёд, мягко касаясь моего, и…

- Достаточно. - Арион по-хозяйски обхватывает меня рукой за талию и резко прижимает обратно к своей груди. Я сокрушительно падаю на него с удивлённым вскриком. Каким-то образом Арион умудрился подхватить и меч; он швыряет его Гавриалу, продолжая удерживать вторую руку у меня на животе. - Держи. Вооружись. Боги знают, что больше ты ни на что не годен.

Гавриал сияет, жабры за его ушами мерно пульсируют, и он забирает свой меч.

- Спасибо, - легко говорит он, будто Арион не исходит яростью, а я не дрожу в руках чернокнижника. - Я уж думал, что за последние десять минут успею умереть примерно пятьюдесятью разными способами.

Я изо всех сил пытаюсь игнорировать жар, выжигающий мой живот в том месте, где меня держит Арион. Почему он меня не отпускает?

- Ты следил за нами, - говорит Арион. Это не вопрос. Констатация факта.

- Технически я следил за ней. - Гавриал указывает на меня, неуклюже перебирая ногами в воде. - Ты расспрашивал о Безднах, о сердце Мортема, а затем вытащил русалку из петли. Ты - предатель. Всё королевство жаждет твоей смерти. Я подумал, что ты либо напал на след, либо… - Он замолкает, но Арион услужливо заканчивает фразу за него.

Чернокнижник за моей спиной становится ещё более жёстким:

- Либо ты планировал сдать меня. И забрать всю славу за мою поимку себе.

- В своё оправдание скажу, что за тебя - живого или мёртвого - предлагают кучу денег.

Арион скалится:

- Отсюда и меч.

Гавриал кивает, ничуть не смутившись:

- Отсюда и меч. - Пауза. Одно короткое мгновение, за которое я успеваю подумать, придётся ли мне убивать этого человека голыми руками. Нить пульсирует гневом Ариона. И его раскаянием. - Но я не мог позволить тебе умереть. Оказывается, у меня нет склонности к убийствам. Только к монетам. - Он встречается взглядом с Арионом и удерживает его. Что-то проносится между ними. Что-то, подозрительно похожее на понимание. - Раз уж я привязал свой корабль к вашим скалистым берегам… куда мы направляемся дальше?

Голос Ариона падает до опасного регистра:

- Ты с нами не пойдёшь, Пресепултус.

- Я не согласен. - Гавриал многозначительно играет бровями. - В конце концов, меч-то у меня.

Арион открывает рот, готовый выдать очередную порцию аргументов, но я поднимаю руку и прижимаю ладонь к его губам. Вспышка чистой страсти прошивает меня насквозь. Я притворяюсь, что ничего не почувствовала.

- У нас нет времени мериться членами. Если ты хочешь идти с нами, ты будешь полезен. - Арион пытается возразить, но я отказываюсь убирать ладонь с его губ. - Он здесь. Он знает, где мы. Он знает, что мы ищем. - Мой взгляд сужается, фиксируясь на лице Гавриала. - Он либо умрёт, либо останется.

- Я голосую за «останется», - подаёт голос Гавриал. - У меня полно талантов, и моё искромётное обаяние - лишь верхушка айсберга. Я не перетягиваю на себя одеяло и умею заваривать отличный цитрусовый чай.

Я игнорирую его, чувствуя, как раздражение Ариона достигает критической точки.

- Нам нужно безопасное место, где мы сможем обсудить всё это детальнее. Мы не можем всплыть рядом с тем островом, и мы не можем вечно торчать здесь. Раз уж нас нашли и ты, и эти фрики в мантиях, то и для остальных это не составит труда. Наш лучший вариант - одна из подводных пещер Сель. Мы отдохнём. Поговорим. И… разберёмся со всем этим дерьмом. Идёт? - Я оборачиваюсь через плечо, вопросительно глядя на Ариона. Его взгляд продолжает выжигать меня изнутри. Он делает один

короткий кивок. Его губы прижимаются к моей ладони. В животе всё переворачивается.

- Звучит просто потрясающе, - заявляет Гавриал, устремляясь вперёд при полном отсутствии понимания направления. - Но, возможно, нам стоит приберечь это вибрирующее сексуальное напряжение до тех пор, пока мы не прибудем на место. Быть сожранным акулами или насаженным на серп культистов - не предел моих мечтаний о веселье.

Я резко отдёргиваю руку от губ Ариона, и он буквально выталкивает меня из своих объятий. Мы расходимся в стороны настолько незаметно, насколько это вообще возможно под водой.

- Ничего из этого не будет.

Гавриал оборачивается с дразнящей ухмылкой:

- Акул, культистов или сексуального напряжения?

- Всего вместе, - рычит Арион.

- Значит, вы никогда не делили со мной постель, чернокнижник Стоун. Я всегда вибрирую сексуальностью. - Гавриал двусмысленно подмигивает, после чего продолжает свой веселый заплыв в никуда.

Арион бросает на меня быстрый взгляд - всего один, настолько мимолётный, что я едва его фиксирую, - а затем мощными гребками устремляется вслед за Гавриалом. Я плыву следом, хотя предчувствие беды оседает тяжёлым якорем в моём желудке.

Что-то во всём этом - во всей этой чёртовой затее - кажется мне в корне неправильным.

Джордан Стефани Грей - Порочное мореThe Jordan Stephanie Gray - Wicked Sea

ГЛАВА 18

АРИОН

Острые рифы беспощадных глубин Сель уступают место десятку подводных пещер, каждая из которых имеет свою причудливую форму и размер. Зефира объясняет, что когда-то контрабандисты прятали здесь краденый товар, чтобы королевства не могли заявить права на эти сокровища. Это было ещё до того, как Войны Мерроу взорвали каждый океан и превратили пиратство в смертельно опасное ремесло даже для самых отпетых головорезов. До того, как мерроу начали резать людей при первой же встрече. Эту последнюю деталь она опускает, но я всё равно напоминаю себе о ней. Мне необходимо продолжать напоминать себе об этом.

Иначе я признаю свой голод. Голод по ней. Признаю ту нужду, что болезненным кулаком сжимает мой член каждый раз, когда она дышит, смеётся или вздыхает. Это всё связь. Её губы. Её мягкие изгибы, красивые волосы, острый язычок и… и я, чёрт, схожу с ума. Она всё испортила. Она испортила меня. Всего одним поцелуем. Этим вкусом её приторно-сладких клубничных губ и греховным звуком её похотливого стона. Невозможно. Чушь собачья. Она - мерроу. Она - демон, а я - чернокнижник.

Опозоренный чернокнижник-предатель.

Чёрт.

Я больше не могу подавлять собственные эмоции. Они терзают меня. Ярость. Разочарование. Сожаление. И это неистовое, грозовое вожделение к ней. Желание получить больше.

Если я смогу забрать сердце, я всё исправлю. Божественные силы. Бессмертие. Я использую их, чтобы вернуть расположение королевства, восстановить свой статус, низвергнуть мерроу в Бездну и очиститься от её прикосновений.

- У него есть имя, или мне просто стонать своё собственное?

Боги, как я её презираю.

- Ты совершенно уверена, что там пусто? - спрашивает Гавриал. С его губ срываются пузырьки беспокойства, пока Зефира указывает на самую большую из пещер. Вода здесь кажется холоднее. На вкус она слаще. На вид - темнее. Её хвост лениво колышется, пока она зависает прямо перед входом. Несколько нитей жемчуга порвались во время битвы; они рассыпались, касаясь её груди, мягкого живота и бирюзовой чешуи на талии. Я туда не смотрю.

- Да, - просто отвечает она. - Кому ещё здесь быть?

- Мерроу, пиратам, язычникам, серийным убийцам, - перечисляет Гавриал. - Этот список можно продолжать бесконечно.

- Трус, - огрызается Зефира.

Гавриал прищуривается:

- Тогда веди. Дамы вперёд. То есть русалки.

- Нет уж. А теперь поторапливайся… мерроу могут проплывать мимо в любой момент, и они, скорее всего, выпустят тебе кишки при первой встрече.

Он недовольно фыркает, выпуская изо рта облако пузырей:

- Почему не ты?

- Ну, если там внутри убийца, я не хочу стать первой жертвой.

- Ты же сказала, что там пусто!

- Я не экстрасенс, Гавриал. Иди первым. Ты у нас самый заменяемый.

- Это оскорбительно. Я лучший историк за последнее столетие…

- Хватит. - Я рычу и протискиваюсь между ними: - Гр баные трусы. - Единственная хорошая вещь, которую даровала мне Зефира, - это жабры. Помимо того, что они не дают мне утонуть, благодаря им моё тело кажется легче, более плавучим, и это позволяет моим крыльям двигаться с новой силой. Они проносят меня сквозь зев пещеры, а затем вверх. Вверх. Я выныриваю в большом скалистом гроте и выбираюсь на сухую поверхность твёрдого камня. Проходит несколько секунд, прежде чем они присоединяются ко мне. Я едва различаю их смутные силуэты в воде - размытые пятна розового и чёрного цветов.

Следующей на поверхность поднимается Зефира, однако она медлит, а не сразу карабкается на усыпанную сталагмитами землю. Под моими ногами камень светится флуоресцентным фиолетовым светом, пока мои крылья сбрасывают воду.

- Здесь никого нет, - говорю я ей.

Она встречается со мной взглядом, затем быстро отворачивается, моргая, словно пытаясь сориентироваться. Словно пытаясь притвориться, что наш серебряный шнур не содрогается от эха нашего общего желания. Она ухватывается изящной рукой за край суши, подтягиваясь, чтобы заглянуть мне за спину - туда, где грот сужается в пустой туннель. Биолюминесцентные стены разгоняют кромешную тьму, отбрасывая неоновые блики на старые бочки, потертые плетеные корзины и антикворные масляные лампы.

- Как я и говорила, никаких угроз.

- Пахнет сыростью. - Она вытаскивает своё тело из воды и перекатывается на спину, тяжело дыша и глядя на усыпанный сталактитами потолок. Её розовые волосы разметались под ней. Тот же оттенок, что и у её разорванного корсажа.

- Это подводный воздушный карман. Конечно, здесь будет пахнуть сыростью.

Она показывает мне язык, но это детское движение выглядит усталым. Я тоже устал. Последние несколько дней выжали меня так, как я и представить не мог. Это чудо, что я всё ещё держусь на ногах. Что я всё ещё жив.

- Путь чист? - шёпотом спрашивает Гавриал, высовывая голову из воды.

Я отказываюсь отвечать, поэтому Зефира сухо чеканит:

- Нет. Нас схватили и взяли в заложники. Спасайся сам.

Из моей груди вырывается смешок. Почти настоящий смех. Это настолько меня поражает, что мои крылья каменеют, а затем прижимаются к спине, словно сами удивлены моему поведению. Когда я смеялся в последний раз? Смеялся ли я вообще когда-нибудь? Не в башне. Не на улицах. Не тогда, когда нашёл тело отца, и не тогда, когда старейшины впервые вспороли мне живот. Не во время пыток, мучений или Испытаний.

Я смотрю на Зефиру. Она смотрит на меня в ответ.

Всё это время Гавриал ворчит, неуклюже выбираясь из моря. Вода каскадами стекает с его изысканного костюма-четверки, и он, насквозь промокший, начинает его снимать. Сначала угольно-чёрный пиджак, затем серый жилет и, наконец, белую рубашку на пуговицах. На его смуглом торсе перекатываются сухие мускулы человека,

который таскает много книг. Он сложен изящнее меня. Он слабее. Но Зефира всё равно бросает на него взгляд, её глаза скользят по его торсу, и я невольно напрягаюсь. Что-то мощное, тёмное и смертоносное закипает в моей груди.

- Моя леди. - Он одаривает её красивой улыбкой и вычурным поклоном. - Теперь, когда вы больше не узница башни, мне следует представиться честь по чести. Я Гавриал Пресепултус, и я рад нашему официальному знакомству.

Она наклоняет голову, изучая его ещё несколько секунд, прежде чем ответить. Впрочем, е ответ, как всегда, оказывается полной неожиданностью.

- Я не первая твоя русалка.

Гавриал выгибает бровь:

- Прошу прощения?

- Ты пытался покормить меня в тюрьме. Ты меня не боишься. Ты не отпрянул от моего хвоста. - Она делает изящный жест рукой над своей переливающейся чешуей. - Я не первая твоя русалка.

- Мне казалось, в приличных домах принято сначала обменяться именами…

- Зефира, - произносит она. - Из Силь.

Он широко улыбается и запрыгивает на выступ скалы так, словно это скамейка посреди прекрасного леса, а не заплесневелый грот посреди гниющего моря. Он смахивает рыбный скелет со своей брючины:

- Нет, Зефира из Силь, ты не первая моя мерроу.

- И кто же был первым? - Она подтягивает хвост к груди и садится прямо, внезапно заинтригованная. Её розовые волосы влажными волнами ниспадают до самой поясницы. Я мысленно представляю, как отвожу их в сторону, чтобы целовать, лизать и кусать её шею. Чёрт.

- Это богохульство, - вмешиваюсь я. - Мерроу и люди не общаются. Если бы мы были в Мортии, тебя бы вздёрнули на виселице.

- К счастью для всех нас, мы не в Мортии. - Гавриал даже не утруждает себя взглядом в мою сторону, хотя оскорбление всё равно достигает цели.

Я только что поцеловал мерроу.

Хуже того, я не могу перестать думать о её губах. Её стонах. Её теле, прижатом к моему. Таком, чёрт возьми, мягком.

Зефира косится в мою сторону, её щеки вспыхивают тем же розовым цветом, что и волосы. Потому что она знает. Точно так же, как я знаю, что она ковыряет ногти лишь для того, чтобы не думать о том же приливе жара в своих венах.

- Если хочешь заслужить моё доверие, выкладывай, - говорит она Гавриалу. - Лучший способ доказать, что ты не прирежешь нас во сне, - это признать, что ты уже трахался с мерроу.

Мои руки сжимаются в кулаки. Я сосредотачиваюсь на своей боли, на усталости, на культе - на чём угодно, кроме этого.

- До секса, к сожалению, не дошло, - признаётся Гавриал. - Но я любил его. Он был… великолепен. - Мягкая улыбка касается его мальчишеского лица. - Я гулял по побережью, когда он появился. Естественно, я испугался и начал звать стражу. Он попросил меня замолчать - таким нежным голосом. Драгоценным и хрупким, как треснувшее стекло. И я замолчал. Сел на песок. Мы проговорили несколько часов.

- На побережье Мортии? - Я не могу сдержать дрожь отвращения в голосе.

- Да, чернокнижник Стоун. На побережье Мортии. - Гавриал закатывает глаза. - На Южных землях, где нет стены. Наше разделение там не похоже на то, что

происходит в стенах Крестфолла. В море есть определённая свобода. Определённая тайна. Он рассказывал мне о своей жизни в воде. Я рассказывал ему о своей жизни на суше. Часы складывались в дни. Он был нормальным, Арион. Он был просто… человеком. И неважно, что у него был хвост. Он коллекционировал монеты всех королевств. Он терпеть не мог вкус апельсинов и расплакался, когда я рассказал ему, что у меня умер кролик. Он держал меня за руку. Я держал его.

- Что произошло? - тихо спрашивает Зефира, и в её голосе снова звучит та знакомая боль. Тот же кошмар, что висел над её головой на острове. Это сжимает моё сердце. И я ненавижу себя за это, но я… мне жаль её. Не то чтобы это была жалость, скорее не безразличие. Я хочу забрать эту боль.

Она слишком сильно напоминает мне мою собственную.

- А как ты думаешь? - Гавриал бросает на неё выразительный взгляд. - В одно прекрасное утро я просто не пришёл. У меня были крупные неприятности с одним из казино Южных земель. Мне нужны были деньги, чтобы расплатиться с долгами, поэтому я ограбил захудалую фруктовую лавку ради монет. На следующий день, когда я пришёл на пляж, его не было в воде. Он висел на пристани. Подвешенный, истекающий кровью прямо на доски, а его чешуя блестела на доспехах стражников, которые его поймали. В тот же день я покинул Южные земли. Нанялся на новую жизнь в Крестфолле, чтобы сбежать от этой боли.

Зефиру, кажется, сейчас стошнит. Меня, пожалуй, тоже. При всей моей ненависти к ней… я никогда не хочу видеть её в таком виде. Подвешенной. Мёртвой.

Он висел на пристани.

Я изучаю её. От мягких изгибов её щёк до точёной линии челюсти. Её аккуратный нос и огромные бирюзовые глаза. Даже её хвост. Она всегда такая живая. Она всегда такая красивая.

Логика бьется внутри меня. Мерроу - зло. Зефира - зло. И всё же я не знаю, что бы я сделал, если бы нашёл её в таком состоянии.

Это всё связь. Эта нить. Это долг.

- Я не предам вас, - говорит Гавриал, абсолютно не подозревая о моей внутренней борьбе. Он смахивает влагу со щеки и устраивается поудобнее на каменном выступе. Его глаза закрываются. - Я здесь, чтобы помочь. Если не можете доверять ничему другому, поверьте хотя бы в то, что я знаю, насколько прогнило моё королевство. И я не собираюсь рисковать ради него жизнью.

Я отрываю взгляд от Зефиры, чтобы свирепо посмотреть на него:

- Говорит человек, который использовал угрозу мерроу, чтобы заставить короля помиловать его.

Гавриал вздыхает:

- Я не хотел умирать, Арион. Я сделал то, что было необходимо для спасения моей шкуры. У меня идеальная память, я досконально знаю банды Мортии, и я умён. Я помогаю им больше, чем они когда-либо помогали мне.

- Арион думает, что сердце находится в Безднах, - делится Зефира. - Мы пытались проникнуть в Освещенную библиотеку, чтобы найти упоминания об утопии, но чернокнижник взорвал её к чертям собачьим.

Глаза Гавриала округляются:

- Ты взорвал Иллюминационную библиотеку?

Я злобно смотрю на Зефиру, но она лишь качает плечами:

- Что? Ты ведь это сделал.

- Мы могли погибнуть…

- Вот именно. Как и Гавриал. - Она поворачивается к историку: - У тебя есть идеи, где могут быть Бездны? Наша единственная зацепка - это Соль. «Тепло моря». Какая-то сказка Гринвуда.

- Зефира убеждена, что Бездны находятся под водой, - поясняю я. - И на данном этапе нам, нахрен, жизненно необходимо, чтобы так оно и было.

Гавриал задумывается, переворачиваясь на бок, чтобы перевести взгляд с одного на другого:

- Существует слишком много исторических текстов, чтобы сузить круг поисков. У каждого королевства свои сказки о Безднах и о том, как они возникли при сотворении их богом. Но… пару сотен лет назад жил один историк. Молодой парень. Он утверждал, что нашёл их.

Я хмурюсь. Я никогда не читал о том, чтобы кто-то находил Бездны. Впрочем, к тому времени, как я обнаружил, что сердце может быть там, у меня уже не оставалось времени читать что-то ещё.

- Кто?

- Васильев, - произносит Гавриал, и мой пульс начинает учащаться. - Он был одержим идеей совместного существования мерроу и человечества. Он провёл всю свою карьеру в поисках доказательств.

Имя кажется знакомым, будто я уже где-то его встречал. Но не могу вспомнить, где именно.

Зефира пристально смотрит на Гавриала:

- Что он нашёл? И где?

- В том-то и фокус - никто не знает. Нет никаких источников от самого Васильева, только записи тех, кто его окружал. По слухам, он был зависим, и весь человеческий мир считал его законченным сумасшедшим, но в конце концов он возглавил экспедицию. Он нашёл финансирование и увёл команду в океан. - Гавриал пожимает плечами, будто эта новость не меняет правила игры. Будто это не то, что я искал всю свою жизнь. - Последняя запись в дневнике его коллеги гласила: «Васильев нашёл это. Я не знаю, как ему удалось, но он клянётся, что это правда. Он принёс нам камень. Какую-то глупую безделушку, однако геолог божится, что тот не врёт. Камень старый. Намного старше всего, что мы видели прежде. Материал, с которым мы никогда не сталкивались. Чёрный как ночь, плотнее любого другого камня. Мы отправляемся в экспедицию на рассвете. Боги, помогите нам, нам предстоит пересечь моря. Васильев говорит, что нам придётся столкнуться с мерроу и монстрами. Он говорит, мы должны быть готовы. Но он также говорит, что Бездны ждут, и если мы найдём их, мир изменится. Кое-кто из команды ему не верит, но они не знают его так, как я. Только уверенный в себе человек станет без страха погружаться в эти опасные глубины. Я доверяю ему свою жизнь. И поэтому я ухожу и не стану оглядываться». - Гавриал вздыхает, сильнее опираясь на локоть. - Очевидно, это было последнее, что слышали об этой экспедиции. Они так и не вернулись, и никто не знает, где они сгинули.

Зефира продолжает смотреть на него, но её взгляд становится отрешённым. Через нить проносится короткая, резкая вспышка страха, подлинного ужаса, прежде чем она качает головой.

- Монстры… это может означать Соль. Там живут кракены, и когда-то они были известны тем, что топили корабли моряков. И я верю, что там плавает парочка

мегалодонов, не говоря уже о гигантских крабах. Не так много мерроу живут в Соль, потому что… ну, он такой мелкий по сравнению с другими морями. Люди легко могут туда добраться. И чудовища легко могут всё уничтожить.

Однако кое-что здесь не сходится.

- «Опасные глубины» не звучат как описание мелководья.

Зефира закатывает глаза:

- С точки зрения человека, всё в океане глубокое и опасное.

Я хмурюсь. Предвзятость восприятия существует, но мы не можем позволить себе действовать наугад. Мы не можем позволить себе терять время.

- Есть ли более глубокая часть океана? С монстрами? - спрашиваю я её.

Она молчит, сжимая губы в упрямую линию.

- Силь, - произносит Гавриал, наблюдая за ней прищуренными глазами. - Верно, русалка? Силь - самое глубокое море, и там есть впадина…

- Это не Силь! - огрызается она, и капля её гнева просачивается через связь. Я наклоняю голову, изучая её, пока нить обвивает её грудь. Потому что это не просто гнев. Там есть что-то ещё, что-то, что она очень усердно пытается подавить. Скрыть от меня, с удивлением осознаю я. Но я не могу понять, что это, и не могу взять в толк, почему перспектива возвращения домой вызывает у неё такую ярость.

- Откуда ты знаешь? - спрашиваю я, стараясь, чтобы мой голос звучал ровно. Терпеливо.

Её глаза вспыхивают при этом вопросе:

- Потому что я Зефира из Силь. Потому что я прожила там шестнадцать лет и никогда не видела никаких следов руин. Потому что я никогда не сталкивалась с монстрами. Потому что те глубины не были… они не опасны. - Ложь. Я в упор смотрю на неё. Зефира врёт сквозь зубы, и я подавляю желание ухватиться за связь, пульсирующую между нами. Притянуть её ближе и заставить рассказать мне правду. Рассказать всё. Но у нас нет времени на очередную ссору, а Зефира выглядит так, будто готова ринуться в бой в любую секунду. Её глаза сужаются под моим пристальным взглядом, а губа кривится. Она похожа на загнанного в угол зверька, который вот-вот бросится на тебя.

- Впадина… - снова начинает Гавриал.

- Я не собираюсь, блять, говорить о Впадине Скелератус! - Гнев, курсирующий через нашу связь, взрывается с поразительной скоростью, и я моргаю, подавляя желание физически отстраниться от его интенсивности. От этого жара. Потому что я видел Зефиру злой. Я испытал это на собственной шкуре. Я видел её испуганной, но что бы это ни было - это не то. Нет. Мысль о возвращении в Силь вызвала у Зефиры совершенно иную реакцию. Что-то первобытное. Висцеральное.

Гавриал, должно быть, тоже это чувствует, даже если не может ощутить так, как я. Он приподнимается на локтях, пока я спрашиваю:

- Что случилось, Зефира? Что ты от нас скрываешь?

Она не смотрит на меня. В упор отказывается смотреть. Её челюсти крепко сжаты, словно она больше никогда не проронит ни слова. Пока, наконец, она не поднимает подбородок и не произносит:

- Этого нет во впадине, и я не могу… я не собираюсь говорить вам, откуда я это знаю. Просто знаю и всё. - Её взгляд блестит - слишком ярко, - когда он наконец пересекается с моим, и теперь вместе с гневом через шнур передается отчаяние. - Вы можете просто поверить мне? Пожалуйста?

Мы долго смотрим друг на друга. Только тихое капанье воды со стены пещеры нарушает тишину. Даже Гавриал понимает, что лучше промолчать, и внимательно наблюдает за нами. Он сейчас не важен. Важна только Зефира - она и вопрос, всё ещё эхом отдающийся между нами.

Ты можешь мне поверить?

Ещё вчера я бы ответил твёрдым «нет», и это было бы заслуженно. Но затем она прыгнула на дриаду ради меня. И она не сбежала от культа. Каким-то образом Зефира из Силь - лгунья, воровка, русалка - всё ещё здесь, со мной, ищет Бездны. И она просит меня поверить ей.

Что ещё более поразительно - я думаю, что, возможно, могу это сделать. Я верю ей.

На данный момент.

- Хорошо, русалка, - тихо говорю я. - Хорошо.

Её губы вздрагивают. Не совсем улыбка, но уже и не презрительная гримаса. Нить тускнеет до слабого, мягкого свечения, когда её гнев угасает. Её страх тоже. Медленно выдохнув, она кивает:

- С учётом всех улик с островов и этой записи, это действительно похоже на Соль. Монстры. Тепло океана. Мерроу не часто заплывают в это море, а те, кто там живёт, держатся в самом центре. Возможно, мы сможем составить карту, где именно находятся монстры. Может быть, они плавают не бесцельно. Может быть, они охраняют какое-то место. - Она тяжело сглатывает и переводит взгляд с Гавриала на меня. - Существуют изображения Вилы, восседающей на спине кракена. Часто на древних эскизах её рисуют как единое целое с кракенами. В этом что-то есть.

Я тоже киваю, всё ещё борясь с желанием изучать её лицо. Рассматривать её. По крайней мере, у нас появилось направление. Цель.

- Значит, Соль.

- Соль, - вторит Гавриал. - План ничем не хуже любого другого. Если чернокнижник может использовать свою магию, мы могли бы попытаться определить точное местоположение с помощью эхолокации. - Гавриал одаривает меня снисходительной ухмылкой и быстро поясняет: - Эхолокация - это способность определять положение объектов по отражённому звуку, используемая такими животными, как дельфины и летучие мыши.

Мой взгляд мгновенно вонзается в него:

- Я не грёбаный дельфин.

- Нет, но ты примерно в двух острых клыках от летучей мыши. - Он с хохотом указывает на мои крылья. Если бы я не был так истощён, я бы вырубил его. Один разряд магии, чтобы заткнуть его. По крайней мере, до конца ночи.

- Я не собираюсь кричать в океане, чтобы найти древние руины, - холодно отрезаю я. - Это нелепый план и, честно говоря, оскорбительный. Если в Соль есть магия, я почувствую притяжение. Я смогу почувствовать его. - Я заставляю себя сосредоточиться, представить тот финальный момент, когда я буду держать сердце Мортема в своих руках. Что-то внутри должно подсказать мне, когда я буду близко. Я был создан из Мортема, сотворён по его образу и подобию, вылеплен его избранными старейшинами. Я обязан почувствовать сердце, когда оно окажется рядом, - толчок, рывок, что угодно, похожее на дурманящую магию, бурлящую в моих венах. - Я почувствую его, - повторяю я. Отчаянно.

- Соль, - соглашается Зефира.

Гавриал снова закрывает глаза и кладёт руку на лоб. Он засыпает за считанные секунды. Я не остаюсь, чтобы смотреть на него или заставлять себя вести светскую беседу с Зефирой. Поднявшись и потянувшись, я скрываюсь в пустом туннеле, чтобы побыть одному. Энергия горячей волной циркулирует внутри моего тела, мышцы дрожат. Я истощён. Такое чувство, будто меня пропустили через жернова. И ситуация начинает казаться безнадёжной. Сердце Мортема. Бездны. Бессмертие. Я думал, что, если сосредоточусь на миссии, всё встанет на свои места. Я думал, что всё это… будет иметь хоть какой-то смысл.

- Пожалуйста, - плачет мальчик. - Пожалуйста, помогите мне.

Обсидиановые ступени Башни Аркана залиты кровью. Кровью его отца. Мальчик знает, что это противозаконно. Он понесет наказание в десятки раз хуже от стражников, солдат или, может быть, даже от самих чернокнижников за осквернение их священной земли.

Они должны были очистить этот город от гнили. Они должны были стать героями.

Где они были, когда его отца убивали?

Он смотрит на отца. Седые пряди в густых чёрных волосах. Слипшиеся от крови на лице. Его череп проломлен. Расколот. Мальчик видит мозг своего отца. Всё это время отец смотрит на безоблачное небо с застывшим выражением муки.

- Пожалуйста, почините его. - Голос мальчика становится хриплым, пропитанным яростью. Пожилые мужчины на ступенях не отвечают. Они просто смотрят на него. Смотрят на его отца. На их губах нет ни улыбки, ни хмурости, словно у них нет своего мнения о его боли. Словно они не способны понять крушащее его горе. - Это сделали Шрамы. Они… они ворвались в наш дом и избили его. Изб-били молотком. - Слёзы катятся по лицу мальчика. - Пожалуйста, вы должны…

- Мы ничего не должны. Мы подчиняемся Мортему и королю, - говорит старик, стоящий посередине. Его жидкая седая борода трясётся при каждом холодном слове.

- Но вы же должны защищать королевство…

- Твой отец был вором. Он крал. Понесённое наказание соответствовало преступлению. Мортем забрал его.

Его отец… вор? Мальчик сглатывает, не в силах видеть сквозь слёзы. Мир перед ним размывается. Становится туманным. Нечетким. Он больше не похож на дом. Его руки сжимаются в кулаки, и он бьёт ими по ступени:

- Помогите мне, чёрт возьми!

Старик посередине спускается на одну ступеньку. А затем он улыбается:

- Как тебя зовут, мальчик?

- Арион. Арион Стоун.

- Арион Стоун. - Он продолжает спускаться ниже, ниже, ниже, останавливаясь прямо перед мальчиком, где носком сапога небрежно отпихивает в сторону его отца. - Я не могу помочь этому ничтожеству. Он был гнилью, а всякая гниль должна быть истреблена. Однако я могу помочь тебе, если ты сам того пожелаешь. Я могу даровать тебе силу истреблять гниль самостоятельно.

- Что? Как? - Дыхание перехватывает в горле мальчика. Он косится на отца. Он видит только кровь и мозг. Он скучает по смеху отца. По отцовской улыбке. Он не был гнилью. Ведь так?

- С помощью магии, Арион. Через магию возможно всё.

Но это было не так. Это не так. У магии есть пределы, а смертность - это тюрьма, из которой мне не сбежать. Какой смысл был жертвовать всем? Какой смысл был в пытках, битвах и смерти? Я должен был сделать Мортию лучше. Я собирался сделать её безопаснее.

- Арион? - мелодичный голос разносится по туннелю, вырывая меня из мыслей. Зефира. - Ты... ты доверяешь ему? - спрашивает она. - Ты уверен, что нам стоит держать его при себе?

- Теперь, когда ты засосала его, ты хочешь от него избавиться?

- Это нечестно. Я просто пыталась помочь.

Нет. Это было нечестно. Но я не могу дышать из-за внезапного наплыва эмоций. Я не могу ни на чём сосредоточиться из-за этого сожаления. Страх, что я совершил ужасную ошибку. Вид чёрных вен, паутиной покрывающих мою грудь, вызывает новый приступ желчи в горле. Когда это произошло?

Когда всё пошло прахом?

- Извини, - выдавливаю я. Слишком грубо. Слишком коротко. Паршивое подобие извинения.

Тем не менее Зефира смеётся:

- Замри, моё сердце. Извинения от чернокнижника. Что дальше? Проповедь от рыбы-капли?

- Смешно. - Я прислоняюсь спиной к острой стене и откидываю голову на камень. - Гавриал не убьёт нас. Он заядлый игрок, но никогда не был убийцей. И он умён. Он знает о Безднах больше, чем я. Хотя я не знаю, насколько он будет лоялен. Он всегда будет заботиться в первую очередь о себе. - Впрочем, как и я, верно? Разве не поэтому я спас русалку от виселицы?

- Нежелание умирать - это я могу понять, - признаётся она.

- Я тоже.

Знакомая тревога проносится по серебряной связи. Я беру его в руку, проводя большим пальцем по деликатной поверхности. Она мягко выдыхает в ответ. Звук, кажется, отражается от каждой стены.

Хотя это первое мгновение, когда я остался наедине за последние несколько дней, и, хотя у меня нет для этого никаких причин, кроме, возможно, самосаботажа, я вызываю искру магии из жара между рёбрами. Визуализируя её чешуйки, капли солёной воды на каждой из них, я мысленно высушиваю их. С одним лишь взмахом ресниц мне удаётся превратить её хвост в ноги. Я понимаю, что всё сработало, когда она ахает. Затем она прочищает горло.

- Спасибо.

- Благодарность от русалки? - вторю я с сухим смешком. - Замри, моё сердце.

Шаги звучат тихо и неуверенно в гроте, переходя в туннель, где Зефира заглядывает внутрь. Она сменила свои изодранные юбки и сломанный лиф на рубашку Гавриала. Должно быть, я высушил и её тоже. Пуговицы с трудом удерживают ткань на её груди и бёдрах. Ткань слишком тесная, слишком маленькая. Я свирепо смотрю в потолок, после чего снимаю собственную рубашку, высушиваю её магией и швыряю в неё.

Она с лёгкостью ловит её:

- Это ещё зачем?

- Выглядишь так, будто тебе неудобно.

Её лоб прорезает мягкая, обеспокоенная морщинка:

- Я в порядке.

- Нет, не в порядке. - Я приподнимаю шнур. - Я чувствую это.

Её пальцы тянутся к пуговицам, и она начинает расстёгивать их. Когда я крепко зажмуриваю глаза, она снова смеётся:

- Там нет ничего, чего бы ты ещё не видел, чернокнижник.

Но она не понимает. Эти последние несколько дней сломали меня. Они уничтожили меня. Раньше я контролировал свои эмоции. Раньше я, чёрт возьми, вообще ничего не чувствовал. Теперь всё, что я знаю, - это боль, истощение и выгорание.

- Ладно. Я прилична. Можешь снова смотреть.

Я приоткрываю один глаз, чтобы убедиться, и она порочно улыбается мне. Устроившись на старом ящике, она скрещивает ноги, и моя рубашка задирается высоко по её бёдрам. Твою мать. Она выглядит как ожившая картина: плавные изгибы, золотистая кожа, глаза, блестящие от лукавства и чего-то ещё - чего-то тайного и тёмного. Её язык касается губ, чтобы увлажнить их, и я напрягаюсь.

Она - чистая пытка.

Я отвлекаюсь, материализуя буханку хлеба, головку сыра, две груши и бутылку клубничного вина. Простая еда. Простая магия. Мы не ели нормально с тех самых пор, как… боги, когда? Её желудок урчит при виде еды. Она спрыгивает с ящика, чтобы подойти ближе, и я раскладываю угощение на бочке.

- Богиня, это выглядит божественно. - Она без приглашения впивается зубами в хлеб, издавая стон при первом же укусе. Она собирает упавшие крошки большим пальцем, прежде чем слизать их с кончика пальца. Пожалуй, это было не лучшее отвлечение. - Как ты это делаешь? - спрашивает она после следующего куска.

- Магию?

Она кивает и забирает сыр из моей руки, счищая слой оранжевого воска.

- Пока я могу представить место, откуда я её заимствую, брать еду на самом деле довольно просто. В башне они держат специальное хранилище, чтобы чернокнижники могли материализовать всё необходимое в экстренных случаях.

- «Они», - подмечает она.

- Что?

- Ты сказал «они», а не «мы».

Я не отвечаю. Она и не настаивает. В течение нескольких минут мы едим в тишине. Это довольно комфортно. Она прикладывается губами к горлышку бутылки вина и пьёт в своё удовольствие. Я съедаю огрызок её груши, когда она заканчивает с ней. Мы спорим из-за сыра, и она забирает последний кусок хлеба. Когда всё кончено, она садится на землю напротив меня, подтянув ноги к груди.

- Зачем ты это делаешь?

Как всегда, я понятия не имею, о чём она говорит. Она словно существует в другой плоскости, видя кусочки пазла, невидимые для остальных.

- Людям требуется пища, чтобы жить. Иногда мы едим до трёх раз в день.

Она хмурится и швыряет винную пробку мне в лицо. Я ловлю её с тихим рокотом смеха.

- Я имею в виду, зачем ты продолжаешь использовать магию, если она причиняет тебе боль? - Прямой вопрос повисает между нами, точно порох, взрываясь в моей груди от удара. - Я чувствую это, - говорит она, повторяя мои более ранние слова и

наматывая серебряный шнур на палец. - И… твоя грудь. Когда ты используешь магию, чёрные чернила расползаются.

- Это не чернила; это моя кровь гниёт в венах. - Правда колеблется на языке. Могу ли я признать это? Стоит ли? Зефира - мерроу. Но, рассуждаю я, она также связана со мной. Теперь мы в этом вместе, к лучшему или худшему.

Она прикусывает нижнюю губу:

- Так… почему бы просто не остановиться?

Я сажусь, прислоняясь головой к стене; мои ноги вытягиваются вдоль туннеля и едва касаются её коленей. Этого лёгкого касания достаточно, чтобы я почувствовал его каждой клеточкой тела.

- Испытания Чернокнижников, по сути, переплавляют нас в чистую магию. Всё, чем я был до этого, стерто, и теперь осталось только это. - Я заставляю биолюминесценцию вокруг нас разгореться ярче. Она пульсирует яростным светом. - Я и есть магия. Если я перестану её использовать, то умру.

Зефира подносит руку к глазам, зажмуриваясь от яркости:

- А если ты продолжишь её использовать…

- Я тоже умру. - Я делаю вдох. Один короткий вдох, прежде чем разрушить всё, что она, как ей кажется, понимает. - Я умираю, Зефира. Мы умираем.

Джордан Стефани Грей - Порочное мореThe Jordan Stephanie Gray - Wicked Sea

ГЛАВА 19

АРИОН

Лицо Зефиры бледнеет. Она запускает пальцы в волосы, с силой потянув их назад, отчего моя собственная кожа на голове отзывается сочувствующей болью. Ярость, шок и отчаяние отравляют серебряный шнур.

- Но… я ведь привязана к тебе, чернокнижник.

- Знаю, русалка. - Я приглушаю биолюминесценцию стен, чтобы самым ярким пятном в гроте снова стали её розовые волосы. - Именно поэтому нам нужно сердце. Я смогу поглотить его магию. Чистую, первозданную божественную силу. С её помощью я разорву нашу связь. Ты будешь свободна.

«И я тоже», - отчаянно думаю я. Хотя уже понятия не имею, как выглядит эта самая свобода. Вернуться в башню? К старейшинам, которые натравили на нас культ? В город, который я так и не смог исправить?

- Мы умираем, - повторяет она едва слышным шёпотом. Осознание звучит как смертный приговор. Она гипнотизирует взглядом пустоту между нами, пробуя эти слова на вкус снова и снова, прежде чем поднять на меня глаза: - Так вот почему я время от времени чувствую эту… эту дикую усталость, верно? - Её взгляд приковывает меня к месту. - Это из-за тебя. Потому что ты… потому что мы…

- Да, - выдыхаю я. - Из-за этого.

Следующий вдох даётся ей ещё тяжелее. С ещё большей печалью. Она никнет, и влажная розовая прядь падает на её левый глаз.

- Я должна была догадаться.

«Нет».

- Я должен был сказать тебе сразу.

- Ну да. - Она бросает на меня свирепый взгляд, но в нём уже почти не осталось прежнего огня. - Это очевидно. - Её губы сжимаются, и она начинает нервно ковырять заусенцы. - Значит, чем больше магии ты используешь, тем быстрее мы сгораем.

Я заставляю себя не отводить глаз:

- Да.

- Замечательно. - Она резко откидывает волосы назад и выпрямляется. На этот раз её взгляд буквально обжигает меня изнутри: - Тогда тебе нужно прекратить ровнять острова с землёй! О чем ты вообще думал, Арион? - Она всплескивает руками и с силой пинает меня по голени. Резкая боль взрывается через связь, ударяя по нам обоим. - Ты совсем из ума выжил? Нельзя… нельзя взрывать всё подряд, когда на кону стоят наши жизни! - Она замахивается для второго удара, но я перехватываю её за щиколотку. Резко дёргаю на себя, заставляя её потерять опору, соскользнуть со стены и покатиться прямо ко мне. От этого прикосновения у неё перехватывает дыхание. У меня тоже.

Мой большой палец инстинктивно ложится на её бьющуюся жилку.

- И это всё, что тебя волнует? То, что я использовал магию ради нашей защиты? Не то, что мы обречены?

Она смотрит на меня с ещё большей яростью, а её голос ранит не хуже ядовитых кораллов:

- Я последние восемь лет балансирую на краю могилы! Чёрт возьми, нас только что чуть не сожрали психопаты в масках! Но сейчас ты лично урезаешь наши грёбаные дни. Так что - прекрати! Богиня. Ты никого не защищаешь, если убиваешь себя. - Она со злостью запускает пальцы в волосы. - К тому же я бы тоже тебе ничего не сказала. Я - мерроу. Ты - чернокнижник. Помнишь?

Такое трудно забыть, но это напоминание вслух заставляет меня до белизны в костяшках сжать кулаки.

- Нас едва не прикончили ожившие деревья. У меня не было выбора.

- Ты всё это время поддерживал маскировку. Ты… ты потратил столько сил, что твоя магия в итоге просто дала сбой!

- Знаешь ли, не так-то просто непрерывно скрывать чужие эмоции, - цежу я сквозь зубы.

Мне не хочется делиться с ней ничем сокровенным. Не хочется признаваться этой мерроу, что каждая секунда на том проклятом острове была чистой агонией, что я буквально осязал приближение смерти, а воздух пах гарью задолго до того, как Гринвуд взлетел на воздух. У нас была миссия. И у нас не было иного выхода, кроме как выжить.

Она вырывает ногу из моего захвата, но не отстраняется. Вместо этого Зефира поднимается на колени, хватает с бочки кусочек воска от сыра и швыряет его мне в грудь.

- Не смей больше материализовать еду, идиот. Я не собираюсь подыхать из-за куска сыра. Никакой магии, пока в этом не возникнет абсолютная, крайняя необходимость.

- Ты голодала. Еда - это вполне себе необходимость.

- А рубашка? А сушка моей чешуи?

Она говорит взбешенно, но теперь уже я искренне отказываюсь её понимать. Я обязан использовать магию. Её отсутствие убьёт нас точно так же, как и избыток. К тому же магия должна облегчать жизнь.

- Тебе было неудобно.

- Я бывала в ситуациях и похуже, чем просто слегка промокнуть.

Против воли на моих губах появляется усмешка:

- Неужели?

Она прищуривается:

- Вытащи свои мозги из песка и прекрати толкать нас в могилу. Мне не нужно, чтобы ты сушил мою одежду. Я прекрасно чувствую себя со своим хвостом. И я могу обходиться без еды целую неделю без вреда для здоровья.

- Откуда тебе знать…

- Неважно. Послушай меня, Арион. Возможно, в твоём контракте чернокнижника и прописан пункт о магическом самоубийстве, но тебе не обязательно приводить его в действие ради меня. Тебе не нужно колдовать, чтобы казаться полезным или продуктивным. В тебе почти четыреста фунтов литых мышц. Ты и без магии весьма полезен.

- Во мне нет четырёхсот фунтов.

На её лбу прорезается упрямая складка, а на шее бьётся венка. Зефира убирает розовые волосы за ухо, подползает ближе и тычет пальцем мне в грудь.

- Ты - это не только твоя магия, Арион Стоун. И наши жизни стоят гораздо больше, чем грёбаный багет и кусок заплесневелого сыра.

- Вообще-то, большую часть сыра съела ты…

- Я серьёзно. Послушай меня. - Её ладонь ложится прямо поверх моего сердца. - Большинство людей рождаются с базовым инстинктом самосохранения. Что, чёрт побери, с тобой сделали в этой башне? Разжижили мозг и вытащили через уши?

Этот вопрос задевает за живое. Я не хочу говорить об этом, меньше всего - с русалкой. Земля под моими ногами кажется зыбкой, ненадежной. И я пытаюсь… пытаюсь дышать сквозь этот накатывающий кошмар. Пытаюсь подавить его, затолкать обратно в самые тёмные закоулки памяти, чтобы просто продолжить этот чёртов путь. Чтобы иметь возможность верить, что сердце Мортема реально, Бездны близко, и мы… мы не сдохнем в ближайшие несколько дней.

- Я стал предателем и вытащил тебя из башни только ради того, чтобы найти легендарное сердце. По-моему, это доказывает, что с самосохранением у меня всё в порядке.

- Чушь собачья. Ты мог уйти в любой момент. Ты мог начать охоту за этим дурацким сердцем в первый же день, как у тебя появилась чёрная вена. Почему ты этого не сделал? Чего ты ждал?

«Потому что», - внезапно проносится в моей голове, «чернокнижники не должны бояться». Ни жизни, ни смерти, ни боли между ними. И тот день, когда я заметил первую чёрную нить, когда почувствовал агонию высыхающей в груди магии, стал днем, когда мой грёбаный страх впервые прорвался наружу.

Я яростно смотрю на русалку, закипая от её высокомерного психоанализа.

- Хочешь обсудить твои проблемы? Я с удовольствием покопаюсь в устройстве мозгов мерроу. Давай поговорим о библиотеке, Зефира. О том, что произошло в прошлый раз. - Я перехватываю её запястье, намертво фиксируя руку. Она замирает. Её глаза расширяются, и через шнур лавиной передается паника. - Кто там погиб?

Она пытается вырваться:

- Я не хочу об этом говорить.

- Нет? А как насчёт твоих врагов? Почему ты так до смерти боишься Силь? Что такого произошло, из-за чего ты промышляла раскопками могил в Крестфолле? Ты не лучше меня, Зефира. И у тебя нет ответов на все вопросы.

- Я никогда этого и не говорила! – Её злость вперемешку с моей едва не разрывает серебряную нить, словно весь этот долг вот-вот взлетит на воздух. - Но ты ведёшь себя так, будто «чернокнижник» - это какое-то высшее существо. Ты мужчина, Арион. У тебя есть магия, но ты всё ещё человек.

- И это худшее, чем я мог бы быть, верно?

- Нет. Худшее, чем ты можешь быть, - это быть полным ненависти, жестоким и одержимым… - На последнем слове её голос срывается. - Мне плевать, что ты человек. Мне важно то, что ты в корне неправ насчёт мерроу. Мне важно, что именно ты - конкретно ты, а не всё человечество - вырезал русалок и засадил меня в темницу. А теперь ты рискуешь нашими жизнями. Если тебе так хочется прыгнуть головой в лесной пожар - валяй. Но не тащи меня за собой.

- Я не просил об этом долге жизни. - Я резко отпускаю её запястье, но делаю это слишком внезапно. Она не успевает удержать равновесие.

Рухнув мне на грудь, она утыкается лицом в мою кожу; её розовые волосы рассыпаются плечами, полностью скрывая чёрные гниющие вены. Ни один из нас не двигается. Какое-то время мы просто застываем. Поддавшись порыву, я аккуратно убираю прядь с её лица и заправляю за ухо. Она поднимает глаза, встречаясь со мной взглядом, и то, что она видит в моём лице, заставляет её испуганно отпрянуть. Она поспешно отползает к противоположной стене пещеры.

Я жду, что она начнет язвить. Одарит меня презрением. Скажет подавиться сыром и сдохнуть. Но она не делает того, чего я от неё жду. Она, чёрт побери, никогда этого не делает.

- Почему ты приказал мне бежать? - тихо спрашивает она. - Когда эти твари из культа зажали нас в угол, и их вожак душил меня… ты крикнул им пытать тебя. Убить тебя. - Её взгляд скользит по моей груди, задерживаясь на венах, а затем снова поднимается к моим глазам.

- А есть разница?

- Да.

- Почему?

- Потому что мы связаны, Арион. И мы в этом дерьме вместе, независимо от того, как сильно ты ненавидишь меня, а я - тебя.

Она права. Я действительно ненавижу её. Даже сейчас, когда она сидит в неоновом свете древнего грота, окутанная фиолетовыми и синими бликами, словно ожившее божество океана, у меня просто нет другого выбора. Перестать ненавидеть мерроу - всё равно что вырвать последнюю частицу Мортема из своего тела. Последние крупицы былого величия. Перестать ненавидеть Зефиру означало бы признать себя окончательно, безвозвратно сломленным. И всё же, чем дольше я вглядываюсь в её глаза, тем яснее вижу скрытую там правду. Словно фасад из солнечного света натянули поверх тёмной, холодной луны. Яркой, но лишь потому, что всё вокруг погружено во мрак. Такой же бездонный и бескрайний, как ночное небо глубин.

Я не могу оторвать от неё взгляда.

Как и она от меня.

- Культ Мортис тайно используется для обучения чернокнижников, - произношу я, потому что кажется несправедливым видеть её уязвимость и скрывать собственную. - Чтобы пройти Испытания, мы обязаны научиться терпеть любую боль. Магия выжигает наши души. Она перекраивает нас во что-то новое. В нас не должно оставаться слабости.

Она тяжело сглатывает, её ладони сжимаются в кулаки:

- И как… как они тренировали тебя?

- Пытками.

Острие клинка полосует шею мальчика. Кровь бьёт фонтаном. Мальчик задыхается, багровые капли пузырятся на его губах и стекают на холодный мраморный пол - но на этот раз ему удаётся сдержать крик. Его режут снова. И снова. Он подавляет эту агонию, каждую её каплю, думая только об отце. О том, кем он станет, если провалит Испытания.

Я моргаю, прогоняя воспоминания. Они больше не принадлежат мне. Они принадлежат кому-то другому. Кому-то более молодому. Более глупому. Слабому.

- Я знаю, что это было нелогично. Знаю, что ты всё равно почувствовала бы эту боль через шнур. Но я слишком хорошо знаю, на что они способны… и я просто не хотел, чтобы они делали это с тобой. Не тогда, когда я могу взять это на себя.

В туннеле воцаряется тишина. Удушающе горячая, словно под каменным полом тлеют угли. Взгляд русалки медленно сканирует моё тело, задерживается на крыльях - слишком пристально, чтобы это можно было назвать безразличием.

А затем она тихо говорит:

- Я бы тоже с этим справилась.

Я издаю короткий, горький смешок:

- Я не сомневался в тебе, Зефира.

- Знаю. - Она наклоняется вперёд, обхватывая колени руками и прижимая их к груди. Через связь мгновенно проносится вспышка чужой боли. Отголосок девичьего крика - молодого, отчаянного, дикого - буквально бьёт по моим барабанным перепонкам. Столько концентрированного страдания, что мои лёгкие сжимаются, а в глазах темнеет. Но так же быстро, как появилось, это эхо исчезает. Словно мне всё просто померещилось. - Я умею справляться с болью, чернокнижник. - Она не пытается отгородиться от связи. От своей правды.

Чёрт.

- У тебя тоже… - Я не нахожу в себе сил закончить вопрос. Не могу спросить, через какой кошмар прошла она, когда сам едва держусь на плаву от собственных воспоминаний.

- Да. - Она слегка ведёт плечом, опуская подбородок на колени. - То, что происходит сейчас, - даже близко не самое худшее из того, что мне довелось пережить. По крайней мере… - Она на секунду запинается. В её глазах идет невидимая борьба, нос испуганно морщится, а на лице сменяется десяток эмоций. - По крайней мере, сейчас я хотя бы не одна. - Она смотрит на меня. Смотрит так, словно вонзает скальпель мне под кожу и перебирает органы. Словно она видит каждую мою мысль и ни капли не боится этой кровавой грязи внутри. - И ты тоже не один. Какими бы испорченными мы ни были, сейчас мы есть друг у друга. Если мы будем держаться вместе, возможно, мы выберемся. Я не… я очень не хочу умирать, Арион.

Сам не зная зачем, я спрашиваю:

- А чего ты хочешь?

Она издаёт короткий, удивлённый смешок:

- Знаешь, меня ещё никто об этом не спрашивал.

Это интригует меня ещё сильнее. Я пододвигаюсь ближе, мои крылья невольно подаются вперёд, словно тоже прислушиваясь.

- Я спрашиваю сейчас.

- Хорошо, чернокнижник. - Она улыбается, и по моей коже пробегает разряд, будто от удара молнии. - Что ж… мой отец думал, что я продолжу семейное дело вместе с братом. - Заметив моё недоумение, она поясняет: - Моя семья занимается дрессировкой морских обитателей в помощь другим мерроу. Осьминоги, рыбы, дельфины, кальмары - кого угодно. Они обучают их охоте, собирательству, чистке рифов, доставке посланий. Чему угодно.

- У меня когда-то был домашний осьминог по имени Боб, но он вообще меня не слушал. Каждый раз, когда я пыталась научить его командам, он просто уплывал собирать кораллы. А потом ел их и смотрел на меня своим дебильным взглядом. Ни

единой мысли в этой круглой голове. - По мере того как она говорит, её плечи расслабляются, она откидывается на стену и выпрямляет ноги. Расслабляется.

Я приподнимаю бровь:

- Ты назвала осьминога Бобом?

- Да. И если бы ты его знал, ты бы меня понял. Я втихаря брала его к себе в постель, чтобы спать вдвоём, и почти каждое утро просыпалась от того, что пара щупалец обернуты вокруг моей шеи, а ещё одна запуталась в волосах. А когда отец вваливался в комнату крикнуть, что завтрак готов, эта скотина от испуга пускала чернила. На меня, на кровать, на пол. Тот ещё придурок. - Несмотря на ворчание, её глаза светятся теплом. Это зрелище бьёт мне под дых. Она чертовски красива.

- Значит, дрессировка отпадает.

- Богиня, да. Без вариантов. А потом я сбежала из дома, и мне пришлось выживать за счёт собственных мозгов…

- И воровства, - вставляю я.

Она закатывает глаза, но без прежней злости:

- Называй это как хочешь, чернокнижник. У меня талант к интригам и побегам из безвыходных ситуаций. Но я никогда не думала, что это навсегда. Я всегда надеялась, что это временно. Что однажды я сорву такой куш, который обеспечит мне свободу, и я смогу обосноваться в каком-нибудь тихом коттедже на суше и просто… жить. Никаких врагов, никаких забот. Только покой, тишина и утреннее пение птиц.

Я не могу сдержать скептическую гримасу:

- И это твой великий план? Просто гнить в глуши в каком-то доме после всего этого?

Она сверкает глазами:

- А у тебя есть вариант получше?

Я закладываю руки за голову и откидываюсь назад, опираясь на собственные крылья. Они мягко пружинят, сглаживая острые камни.

- Безграничная магия. Мировое господство. Абсолютное величие.

- Скромно.

- Я всегда стараюсь не завышать ожидания.

- Заметно, учитывая, что «безграничная магия» стоит у тебя на первом месте. - Её губы дёргаются в попытке сдержать улыбку, и она театрально вздыхает: - Я всё больше убеждаюсь в своей правоте.

- При том, что ты постоянно ошибаешься?

Она пропускает колкость мимо ушей:

- Ты считаешь, что твоя ценность измеряется исключительно твоей магией.

- Нет. - Я качаю головой. - Я знаю, что моя ценность измеряется моей магией. Ты прожила в Крестфолле достаточно долго. Какое ещё будущее есть у ребёнка на этих улицах? Ты либо аристократ, либо…

- Нищий, - заканчивает она.

- Гниль, - поправляю я. - Чернокнижники очищают этот город, и для этого им нужна магия.

- Что-то незаметно. Когда я была там в последний раз, на улицах заправляли шесть крупных банд.

Теперь наступает моя очередь злиться:

- Мы подчиняемся строгому закону. Мы не имеем права летать по городу, взрывая штаб-квартиры банд и сжигая торговцев дурью по собственному желанию.

- Серьёзно, Арион? Расскажи об этом островах Гринвуда.

- Предпочёл бы не вспоминать.

Пауза. Тяжесть того, что произошло на острове, оседает в груди каждого из нас. Зефира с мрачным видом теребит подол рубашки.

- Как думаешь… там хоть кто-то выжил?

- Нет.

Она вздрагивает, и её скорбь тяжёлой волной передается через серебряную нить. Мне до безумия хочется понять, как существо, которое само пережило столько дерьма и устроило столько хаоса, умудряется оставаться такой мягкой внутри? Как эта русалка-воровка, которая минуту назад готова была вцепиться мне в глотку, сейчас искренне страдает из-за гибели острова, который пытался её уничтожить?

- Единственные, кто несёт ответственность за те смерти, - это те, кто нанёс удар. Не мы. Да, я уничтожил их землю, но моя магия не тронула людей. Культ Мортис - вот на ком кровь погибших. Но точно не на тебе. - От этих мыслей к горлу подступает тошнота, я поднимаюсь на ноги и, расправив крылья, протягиваю ей руку: - Пойдём. Нам нужно поспать.

Она колеблется, глядя на мою ладонь, но не спешит протягивать свою.

- Был момент… когда мы поняли, что библиотека уничтожена, земля мертва, а толпа прибывает… если бы они напали, я бы дралась. Я бы убила их. Разве это не делает меня виновной? Если бы не культ, это сделали бы мы. Я. - Она поднимает на меня глаза, полные тёмных теней, выискивая в моём лице ответ. Нет - утешение. Я не убираю руку. - У меня такое чувство, будто я постоянно бегу, бегу, но никогда - к чему-то. Всегда только от. От мира. От смерти. От самой себя. Но «от» - это не направление. Это бег по кругу. Я наступаю на те же грабли, история повторяется, а время не ждёт. Я старею, а моя жизнь не становится лучше, чем в тот день, когда я пустилась в бега. Я не хочу быть такой, какая я есть. Не хочу, чтобы из-за меня гибли люди. Но я бегу так долго… что уже просто не умею останавливаться.

«Я не умею останавливаться».

- Я понимаю, - тихо говорю я. Сам всю жизнь куда-то бегу. Только мой бег больше похож не на круги, а на марафон, где финишную чёрту постоянно отодвигают всё дальше, стоит мне к ней приблизиться. И мне остается только верить, что однажды я до неё доберусь.

«Если мы будем держаться вместе, возможно, мы выберемся».

Возможно.

Она наконец вкладывает свои пальцы в мою ладонь, и я помогаю ей подняться. Пока что мы будем работать вместе. Проложим курс к Солт, разберёмся с монстрами, культистами и Гавриалом, найдём Бездны. Найдём сердце Мортема. Всё остальное не имеет значения.

Только она. Только я. Только выживание.

Её пальцы едва заметно вздрагивают в моей руке, и я опускаю взгляд на наши соединённые ладони. Её золотистая кожа кажется такой тёплой и яркой на фоне моей, словно солнечный луч упал на тёмный скалистый берег. Её рука меньше. Намного меньше. За те дни, что я её знаю, она была преступницей. Похотливой мерроу. Беглянкой. Но сейчас…

Сейчас она кажется настоящей. Как никогда прежде. Она просто Зефира.

- Арион, - шепчет она.

Мой взгляд поднимается к её глазам:

- Да, Зефира?

- Нам пора спать. - Она прикусывает нижнюю губу, и, чёрт, это зрелище едва не лишает меня остатков рассудка. Зрачки расширяются, практически полностью затапливая бирюзу её глаз, а по шнуру транслируется чистый, обжигающий жар. Туннель словно сжимается, стены придвигаются ближе, сужая всю вселенную до одной точки - до неё. Розовые волосы. Мягкая кожа. Потрясающая. Невероятная. Она выдыхает. Смешок? Вздох? - Раздельно, - добавляет она. - Спать отдельно.

- Я понял.

- Но ты не двигаешься.

- Ты тоже, - парирую я.

Она переводит взгляд на наши руки, замечая, как мой большой палец на автомате поглаживает внутреннюю сторону её ладони. По её телу пробегает дрожь.

- Это приятно.

Эти слова начисто выжигают из моей головы любые другие мысли. Я в упор не помню, о чём мы говорили секунду назад. Пульс бьёт в ушах набатом, превращаясь в ритмичное:

«Это приятно. Это приятно. Это приятно».

- Да? - Я скольжу пальцами вниз, к её запястью, а затем с чуть большим нажимом веду обратно вверх по её коже.

Она прикрывает глаза, и с её губ слетает рваный, прерывистый вдох.

- Чёрт.

Я не знаю, кто из нас это произносит. И мне плевать. Инстинкты заглушают голос разума. Мне до безумия хочется доставить ей удовольствие, заполнить этот чёртов грот звуками её стонов. Я сгораю от желания притянуть её к себе, поцеловать, вонзиться в её губы - на этот раз без всяких предлогов, подчиняясь чистому вожделению. Боги, как я хочу её. Хочу видеть её под собой, вжать её руки над головой и выводить безумные круги языком по её телу. Хочу слышать, как она умоляет, как срывается на крик, когда я войду в неё. Хочу чувствовать эти сочные губы на своих. Хочу до боли сжать эти розовые волосы в кулаке.

Она хочет того же.

Серебряный шнур буквально чернеет от дикого, первобытного вожделения. Мышцы сводит от напряжения, мой член каменеет, до боли упираясь в ткань брюк.

- Мы не должны, - хриплю я.

- Знаю, - соглашается она.

Но никто из нас не делает ни шагу назад, и это очень скоро станет проблемой, потому что мой самоконтроль трещит по швам. Я подношу наши соединенные руки к лицу и едва заметно касаюсь губами её костяшек. В ответ связь пульсирует волной влажного, горячего возбуждения.

- Это всё… это из-за долга жизни, - выдавливает она, её горло судорожно вздрагивает, пока взгляд опускается к паху моих брюк.

- Ты уверена?

- Нет. - Она пытается улыбнуться, но улыбка выходит дрожащей, чувственной и отчаянной. - Но нам, наверное, лучше остановиться, если ты не… если мы не…

Я не понимаю, что она пытается сказать, да она и сама, похоже, теряет мысль, потому что придвигается ещё ближе. Её бёдра напряжены. Грудь высоко вздымается. Она прижимает ладонь к моему животу, слегка царапая кожу ногтями. Её бешеное сердцебиение резонирует с моим, а взгляд намертво приковывает мой.

- Зефира, - рычу я, чувствуя, как последние капли контроля испаряются, - если мы не остановимся прямо сейчас, я трахну тебя. Ты будешь умолять об этом, и я не смогу сказать «нет». Если ты этого не хочешь - скажи прямо сейчас.

Она медленно ведет ладонью выше по моему животу, по груди, поднимается к шее и запускает пальцы в мои волосы, перебирая пряди.

- Мне чертовски нравится, когда ты ко мне прикасаешься.

- Это не ответ «да».

- Но и не «нет». - Она облизывает губы, находясь так близко, что я практически чувствую едва уловимый привкус клубничного вина на её языке. - А ты, чернокнижник? Чего хочешь ты?

«Тебя. Тебя. Тебя.»

Она подаётся вперёд, обжигая меня своим дыханием, увлекая за собой. Ближе. Ещё ближе.

Мой контроль лопается - но вместо того, чтобы вжать её в каменную стену и ворваться языком в её запретный рот, я резко шагаю назад. Высвобождаюсь из её рук и напоминаю ей о том единственном правиле, о котором мне меньше всего хотелось бы помнить.

- Ты сама сказала: никаких прикосновений.

Она хлопает глазами, взгляд затуманен и расфокусирован:

- Что?

- Твоё единственное правило. Не трогать тебя. - Я прячу руки в карманы брюк, пытаясь хоть как-то скрыть свой разъярённый член. Чёрт, он болит от напряжения. И у меня здесь нет ни малейшей возможности уединиться, чтобы решить эту проблему и выбить эти мысли из головы. Я чернокнижник. Я обязан контролировать подобные вещи. Я не должен спать с русалками. - Нам пора спать. - И затем, как последний идиот, добавляю: - Раздельно.

- Да, я поняла. - Она поспешно отводит взгляд и первой выходит из туннеля своей фирменной плавной, соблазнительной походкой. Оказавшись в гроте, она с удивительной лёгкостью отламывает несколько сталагмитов, сооружая себе подобие лежанки. Сбрасывает камни в воду рядом с выступом и ложится, не сводя с меня глаз, пока я стою над ней.

С абсолютно. Каменным. Членом.

- Ложись спать, Арион, - роняет она. - Нас ждёт долгий путь, и тебе, пожалуй, пригодится кровь в голове, если ты планируешь выжить. А не там, где она сейчас находится, -язвительно уточняет она с торжествующей усмешкой. - Потому что у тебя так сильно встал.

Я глухо рычу, и моя магия от вспышки раздражения разносит в щепки ближайшие сталактиты, выбивая в камне лежанку для меня - как можно дальше от неё. Я падаю на жёсткую поверхность:

- Ты невыносима.

- Сказал чернокнижник, который продолжает убивать нас ради того, чтобы эффектно покрошить камни. - Проходит несколько секунд. Она всё ещё смотрит на меня. Я всё ещё смотрю на неё.

В этот момент я окончательно понимаю, что физически не способен отвести взгляд. Даже несмотря на то, что Гавриал на своей драгоценной каменной полке храпит и ворочается с самым раздражающим звуком на свете.

- Спокойной ночи, чернокнижник, - шепчет она.

- Спокойной ночи, русалка.

Она сжимается в комок, слегка подрагивая от холода, и я не выдерживаю. Я просто не могу видеть, как она мёрзнет. Подумав на долю секунды о плотном пуховом одеяле из моей спальни в башне, я концентрирую остатки сил и накрываю её материализованной тканью. Она испуганно вздрагивает под внезапно появившимся одеялом, но не начинает кричать на меня или отчитывать за напрасно потраченную магию. Вместо этого она находит меня глазами в полумраке пещеры и тихо произносит:

- Спасибо, Арион.

- Пожалуйста, Зефира.

Мы оба закрываем глаза, но ни один из нас так и не засыпает.

Джордан Стефани Грей - Порочное мореThe Jordan Stephanie Gray - Wicked Sea

ГЛАВА 20

ЗЕФИРА

Я не могу игнорировать давящее присутствие Ариона рядом. Оно буквально въедается мне под кожу. Проскальзывает между нервными окончаниями и перехватывает дыхание. Как бы сильно я ни была истощена, я не могу заставить себя уснуть.

Чёртов чернокнижник.

Мне не следовало говорить так много. Не следовало выворачивать наружу те части себя, которые я так долго прятала от всего мира. Я просто… поддалась моменту. Слишком увлеклась тем, что мы здесь вдвоём. Тем, что я больше не одна. Восемь лет тишины, криков, слёз и отчаянных ударов по этому янтарному стеклу в молитвах о том, чтобы кто-нибудь, кто угодно, спас меня… это время что-то во мне выжгло. Забрало гораздо больше, чем планировал чародей. Я просто больше не знаю, как существовать в этом мире.

«Я не хочу быть такой, какая я есть. Не хочу, чтобы из-за меня гибли люди».

Но Арион - он не отпрянул от этой тьмы. Наверное, потому, что его мнение обо мне и так ниже некуда. И всё же это было… приятно. На какое-то мгновение, когда его взгляд цвета расплавленного металла обжигал меня изнутри, мир снова показался крошечным. Только он и я. Наше прошлое. Наше настоящее.

И, возможно, даже наше будущее.

Если мы сможем найти сердце.

Я поворачиваюсь на бок и - вот он. Прямо здесь. Мышцы чернокнижника напряжены, руки скрещены на обнаженной груди под укрытием из собственных крыльев. Он не выглядит безмятежным, в отличие от Гавриала, который развалился на камнях, закинув одну руку за голову и свесив ногу. Напротив, Арион выглядит так, будто отчаянно борется. Со сном, с мыслями, с самой жизнью - со всем тем, что прячется под этой идеальной маской силы, могущества и тотального контроля.

«И как они тренировали тебя?»

«Пытками».

Я ненавижу то, как эхо нашего разговора ползёт по стенам этой слишком тесной пещеры, высасывая кислород и медленно удушая меня. Потому что где-то существует мир, в котором Арион не является абсолютным злом. Мир, в котором я не могу до конца ненавидеть его. Мир, в котором я…

Я могу даже понять его.

Серебряный шнур туже обвивается вокруг моей талии, после чего устремляется вперёд и мягко касается его горла. Жёсткие черты лица Ариона разглаживаются почти мгновенно. Мышцы расслабляются. Он переворачивается на спину, и его крылья раскрываются настолько широко, что едва не задевают мою щеку. Каждая кость в моём теле каменеет. Стоит мне шевельнуться, и мы соприкоснемся. А каждый раз, когда мы касаемся друг друга…

«Зефира, если мы не остановимся прямо сейчас, я трахну тебя».

Я тяжело сглатываю. Дыхание перехватывает окончательно.

«Не думай об этом. Не думай».

Но я продолжаю смотреть на него, наблюдая за мерным вздыманием его широкой груди, за игрой фиолетовой биолюминесценции на его точеных скулах и за тем, как низко на бёдрах сидят его брюки, грубая ткань которых шуршит при каждом коротком вдохе.

Короткие вдохи, внезапно осознаю я, а вовсе не глубокое дыхание спящего человека.

Короткие вдохи, потому что он не спит.

Чёрт. Я не могу оторвать от него взгляда, и в этот момент Арион поворачивает голову. И смотрит прямо на меня.

Его крылья шуршат, и лёгкое, как пух, прикосновение перьев мажет по моему плечу. Я вздрагиваю. Его взгляд мгновенно перемещается к моим губам. Честно говоря, я далеко не девственница. Я спала с мужчинами, женщинами и небинарными красавцами. Но с Арионом - с нашей проклятой богиней связью - всё иначе. Это слишком. Желание вспыхивает в каждой клетке моего тела; оно выжигает кровь и плоть, пульсируя по серебряному шнуру каким-то священным светом. И это глупо. Позади нас спит историк-уголовник, за мной охотится зловещий чародей, а я не могу перестать смотреть на чернокнижника. Я облизываю губы. Арион шумно меняет положение на полу. Ни один из нас не отводит глаз. Шнур скользит вниз по его шее, очерчивает грудь, в то время как с моей стороны он поднимается по изгибу талии и мажет по самому кончику груди. Жестоко. Чудовищно.

Я не выдерживаю и тихо ахаю.

Стоит моим губам приоткрыться, как Арион выпускает короткий импульс магии. Он мгновенно глушит мой прерывистый вздох, не давая ему разнестись по пещере. Впрочем, это уже не имеет значения. Арион может не слышать звука, но он всё видит. Так же, как я вижу, как судорожно дёргается его кадык, когда он сглатывает. Он снова шевелится. Его пальцы сжимаются в кулаки. Он отчаянно ищет остатки самообладания - точно так же, как искал их, когда сжимал мою руку.

Богиня, я ведь так сильно хотела его. Весь этот поток похоти, несущийся по шнуру, его дрожащее от вожделения тело, его затвердевший член. Моё тело, которое само тянется к нему.

Я не хочу, чтобы он сдерживался.

Мне нужно… мне необходимо…

«Прекрати», - беззвучно артикулирует он губами, и его взгляд опускается к моим бёдрам. Только сейчас я замечаю, что плотно сжимаю их вместе. Пытаюсь ли я заглушить это наслаждение или, наоборот, усилить его - я не знаю. Я невольно выгибаюсь. Он снова сдвигается с места. Опустив руку, он резко дёргает за пояс своих брюк. Силуэт его члена снова четко вырисовывается сквозь плотную ткань - огромный и твёрдый, и у меня вырывается очередной рваный вдох. Прошли месяцы с тех пор, как у меня были время, силы или желание просто прикоснуться к себе, не говоря уже о ком-то другом, но прямо сейчас мне кажется, что я просто взорвусь, если не получу разрядку.

Конечно, я не могу.

И не буду.

Но это ни капли не унимает нарастающую боль между моих ног. Ладонь Ариона застывает в считаных дюймах от его паха, плоско ложась на твёрдый живот, и, великая богиня, как бы мне хотелось, чтобы он опустил её чуть ниже. Всего на пару дюймов. Ровно настолько, чтобы начать ласкать себя и выпустить меня из этой проклятой тюрьмы вожделения. Серебряный шнур снова пульсирует, безошибочно передавая всю лавину моего желания, и его взгляд резко сталкивается с моим. Он до хруста сжимает челюсти. В его расплавленных глазах вспыхивает ярость напополам с фрустрацией.

А я всё ещё смотрю. И всё ещё изнываю от голода.

Его рубашка кажется сейчас сплошным недоразумением: ткань слишком тонкая, слишком колючая, слишком… это не он. Мне хочется сорвать её с него. Хочется подползти к нему на коленях. Мне нужны его руки, его рот, его язык, всё его существо. Я хочу чувствовать его кожу на своей. На себе. Внутри себя. Хочу резких, грубых толчков. Мне не нужен контроль. Я хочу безрассудства. Я хочу…

Его.

Земля едва заметно подрагивает от его попыток сдержаться. Он свирепо смотрит на меня. Я - на него. Это его вина. Его вина в том, что он спас мне жизнь и намертво переплёл её со своей. Это… это просто связь. Всего лишь магия долга. Но ощущается это как нечто гораздо большее, и я, чёрт побери, не могу дышать. Меня превратили в сухую щепку. Заставили гореть.

Внезапно вспышка горячей магии обвивает мои запястья. И намертво прижимает их к полу над головой. Взгляд Ариона вспыхивает золотом, его мышцы напрягаются, пока я лежу – всё ещё лишённая возможности издавать звуки - всего в нескольких дюймах от него. Я невольно выгибаюсь навстречу этому призрачному захвату, чувствуя, как капли пота стекают по шее и ложбинке между грудей. Арион грязно ругается - я вижу это по его губам, хотя не слышу ни звука, кроме оглушительного стука собственного пульса, - и его магия скользит ниже. Это лишь иллюзия прикосновения, фантом того, чего я так жажду, но этого достаточно, чтобы я беззвучно застонала. Она скользит по моему телу, словно обжигающая ладонь, поверх рубашки, и, чёрт, я молю о том, чтобы он просто разорвал эту ткань. Чтобы между нами ничего не осталось. Эта связь сводит меня с ума. Я окончательно потеряла рассудок, и мне кажется, что я не верну его, пока мы… пока он…

- Зефира, - стонет он вслух, и этот хриплый, надрывный звук прорезает тишину ночи. Он бьёт по моим натянутым нервам.

Я резко втягиваю воздух, когда призрачные пальцы Ариона поднимаются по моему бедру. Он сдвигает мою рубашку выше, а его магическая хватка на моих запястьях остаётся железной.

- Чёрт.

Я неистово киваю, умоляя его продолжить. Он - человек. Я - русалка. Но, возможно… возможно, мы можем позволить себе это? Один-единственный момент.

- Это не обязательно должно что-то значить, - шепчу я.

И, богиня, как же это больно. Ему тоже должно быть больно, потому что он опускает руку вниз. Обхватывает свой член через ткань с судорожным вздохом. Просто чтобы сдвинуть его. Поправить.

Этого мало.

- Долг жизни, - хрипит он. - Это… это не мы.

- Да, это не мы, - соглашаюсь я, разводя ноги шире.

Его призрачное прикосновение очерчивает внутреннюю сторону моего бедра, лаская нежную кожу у самого лона. На этот раз мой стон срывается без всяких барьеров, потому что это приятно. Не плохо. Не нормально. И даже не «достаточно хорошо». Впервые за целое десятилетие что-то ощущается по-настоящему правильно. И я хочу этого. Хочу больше. Этот жар, эта боль и это наслаждение - это и есть вкус жизни, и я жажду его.

- Ещё, - требую я.

Его взгляд буквально прожигает меня насквозь:

- А что будет завтра? Когда мы проснемся, и нам придётся смотреть в глаза тому, что мы сделали?

- Я не умею стыдиться, - честно говорю я, уже едва ли не задыхаясь. - И в регресс я тоже не верю. Мы двое взрослых людей, способных давать согласие, и ты… - умопомрачительно красив - …вполне себе ничего. А я, если ты не заметил, чертовски великолепна. Почему бы и нет? Если только чернокнижники не дают обет целомудрия…

Словно в ответ на мой вопрос, его магия резким, горячим толчком прижимается к моему клитору.

- Чёрт, - шиплю я. - Он… этот историк может нас услышать?

Арион тоже ругается, его дыхание становится ещё более рваным, чем моё. Очередной всплеск магии. В воздухе резко пахнет лимоном и мёдом. Пахнет им.

- Нет. Не может.

Чернокнижник удерживает контроль на одной-единственной ниточке - ниточке, которая, кажется, стремительно распускается с каждой секундой.

- Я не должен чувствовать ничего из этого, - рычит он, перехватывая серебряный шнур рукой и резко натягивая его. От этого движения - от сопутствующего ему дикого, необузданного прилива экстаза - я выгибаюсь ещё сильнее. Из моей глотки вырывается хриплый, животный стон. Его золотые глаза вспыхивают. Становятся темнее, голоднее. Словно он собирается сожрать меня целиком.

- Чернокнижники отбрасывают эмоции, - чеканит он, и в его голосе звучит ярость. - Мы приносим в жертву своё прошлое, чтобы гарантировать будущее. Нам не нужны смертные пороки, чтобы жить.

Я не могу ответить, да и не думаю, что он ждёт ответа. Его призрачные пальцы начинают вращаться, лаская меня мучительно медленно, пока он заставляет мои ноги раскрыться ещё шире. Рубашка задирается до самой груди. Я полностью открыта перед ним. Открыта, и мне плевать. Он садится, наклоняясь вперёд и упираясь локтями в колени, продолжая пожирать меня этим голодным взглядом. Его пальцы до белизны в суставах сжимают собственное запястье. Всё его тело напряжено так, словно он испытывает физическую муку. И во всём этом - в том, как он смотрит на меня, пока его невидимые руки ласкают моё тело, чувствуя абсолютно всё, что чувствую я, - есть что-то невероятно порочное и возбуждающее. Шнур пылает так ярко, что его свет сейчас может соперничать с полуденным солнцем.

- Я всё ещё чернокнижник, Зефира, - произносит он, сжимая нить связи, пока его магия начинает планомерно, ритмично толкаться внутрь меня. - Это никогда не станет чем-то большим.

- Д-да, - соглашаюсь я сквозь прерывистый вздох, подстраиваясь под этот безжалостный, тягучий ритм его магии. - Ты козел. Я от тебя ничего другого и не ждала.

- Я козёл, - отзывается он, и его магия совершает очередной умопомрачительный, мощный толчок. - А ты демон. - Ещё один толчок. - Нет такого мира, где мы были бы кем-то, кроме врагов. - Ещё один, и ещё, и ещё.

Я взлетаю на волнах наслаждения, которые накрывают меня с головой, взрываются внутри и бушуют вокруг. Кожа горит. В венах пульсирует звёздный свет.

- Это неправильно, - хрипит он. - Ты и я - это ошибка.

Его магия сильнее вжимает мои запястья в землю, а толчки достигают невероятного, оглушительного крещендо. Это похоже на плавание - когда ты несёшься на огромной скорости по бескрайнему открытому океану, волны бьют в лицо, а солнце обжигает кожу. Это похоже на абсолютную свободу. Всего на секунду. На одну безумную, заставляющую сердце замереть секунду, где весь остальной мир просто перестаёт существовать, а Арион хрипло рычит моё имя так, чтобы его слышали только мы вдвоём.

- Смотри на меня, - приказывает он в этот самый миг, и в его голосе сквозит отчаяние. Он звучит так, будто всё, что он только что наговорил, - это наглая, трусливая ложь. - Смотри на меня, когда будешь кончать, Зефира.

И я смотрю. Смотрю, не отрываясь, увязая в глубине его собственного вожделения. Оно затапливает его глаза с серебряными ободками вокруг зрачков. Вместе с чем-то ещё - чем-то пугающим, первобытным и запретным.

- Арион, - выдыхаю я.

- Вот так. - Его голос сорвался, стал сиплым, он подталкивает меня всё ближе и ближе к обрыву. - Кончай и зови меня по имени. Кончай и скажи всему миру, кто за это в ответе. Кончай ради меня, Зефира. Только ради меня.

Его движения становятся неистовыми, жёсткими, неослабевающими и безумными. Мой рот приоткрывается в беззвучном крике, тело выгибается струной, напрягается и… взрывается, пока весь мир за моими веками разлетается на мириады осколков. Грудь тяжело вздымается. Ноги дрожат. Голова бессильно падает на жесткий каменный пол пещеры, пока я отчаянно пытаюсь поймать губами воздух. Остаточное, ленивое тепло разливается от низа живота к конечностям, и мои мысли плывут, тяжёлые и сонные.

- Офигеть, - шепчу я спустя минуту. В ответ он лишь глухо рычит, и его магия наконец отпускает меня. Бёдра. Запястья.

Всё заканчивается в один миг.

Я невольно вздрагиваю от внезапно накатившего холода; серебряный шнур между нами тускнеет, превращаясь в едва заметную серую нить. Но Арион не шевелится. Он продолжает смотреть на меня с той же обжигающей интенсивностью. Коротким щелчком пальцев он бесследно уничтожает любые следы того, что только что произошло.

Я сдвигаю ноги, после чего приподнимаюсь на локтях и выразительно киваю на его собственный пах. Моё сердце всё ещё бьётся как сумасшедшее. Ему мало. Мало, мало, мало.

- Твоя очередь?

Его челюсти каменеют. Глаза мгновенно превращаются в ледяные щёлки:

- Нет. Никаких прикосновений, помнишь?

- Точно. Никаких прикосновений. - Я наклоняю голову, откидывая волосы за спину, и приподнимаю бровь: - Ты уверен? Это было просто невероятно. - И это была

чистая правда. Ничего подобного в моей жизни ещё не было. Чуть тише я добавляю: - Арион, я хочу…

- Нет, - отрезает он, и в его голосе снова звучит это пугающее отчаяние. Он резко выпрямляется, его крылья распахиваются, но на этот раз - в сторону от меня. - Ложись спать. Утром мы обсудим, как нам добраться до Соль.

- Но…

- Пожалуйста, - выдыхает он, и эта мольба заставляет меня осечься. - Я не могу. Мы… не можем.

- Не глупи. Мы только что это сделали, - произношу я с лёгкой усмешкой.

- Это не имеет значения. Ничто из этого не имело значения. Я не шутил, Зефира. Нет такого мира, где мы были бы кем-то, кроме врагов.

И всё же… он протягивает руку и аккуратно убирает непослушную розовую прядь с моего лица, словно его ладонь больше не подчиняется его собственным приказам. Его пальцы едва заметно мажут по моей щеке. Самое простое прикосновение. Мимолётное. Но от него у меня снова перехватывает дыхание, а его взгляд мгновенно темнеет. Он тихо матерится, замирая так ещё на секунду, пока волна желания с новой силой бьёт по моим нервам. Кажется, будто последних нескольких минут вообще не было. Я снова хочу его. Он хочет меня. Шнур готов вспыхнуть. Но он резко разворачивается, ложится на свою каменную лежанку и отворачивается лицом к стене.

- Ложись спать, Зефира, - глухо бросает он.

Мне больше всего на свете хочется начать спорить. Требовать объяснений, а затем - требовать его рук. Это было… сегодняшняя ночь была… чем-то за гранью возможного. И дело не только в сексе, а в том, что было до него. Наш разговор. То, что я узнала его настоящего.

Но, как бы мне ни хотелось это отрицать, по мере того как разум окончательно берёт верх над телом, мой желудок сжимается от горького осознания: он прав.

Это ошибка.

Я игнорирую шорох перьев Ариона. Игнорирую его короткое, рваное дыхание. То, что я сказала ему, тоже было правдой - я не умею стыдиться. И этот ледяной холод, сковывающий сейчас мою грудь, не имеет ничего общего с сожалением. Скорее, он подозрительно сильно похож на отчаяние. Но - нет. Я отказываюсь называть это так. То, что я чувствую к Ариону, - это просто смирение, и ничего больше.

Восемь лет назад я уже совершила ошибку: влюбилась в человека, и это разрушило мою жизнь. Джасин мёртв. Навсегда. Я поворачиваюсь лицом к каменной стене пещеры. Я больше никогда не ввяжусь во что-то подобное. Арион - чернокнижник и человек. Я - мерроу. Мы враги. Мы обязаны ими быть. И в тот день, когда наша связь разорвётся, а мой долг жизни будет окончательно выплачен, мы, надеюсь, сможем стать чужими друг другу людьми. Это единственный счастливый финал, который нас ждёт. Не любовники. И даже не друзья. Просто незнакомцы, у которых когда-то давно не было другого выбора, кроме как ненавидеть друг друга.

Я заставляю себя закрыть глаза. На этот раз сон накрывает меня мгновенно и без остатка.

И я не просыпаюсь до тех пор, пока до моих ушей не доносится чужой крик, а в нос не ударяет резкий запах свежей крови.

Джордан Стефани Грей - Порочное мореThe Jordan Stephanie Gray - Wicked Sea

ГЛАВА 21

АРИОН

Я ускользаю до того, как Гавриал и русалка успевают открыть глаза.

Несмотря на то что я всем сердцем ненавижу этот вид, запах и пронизывающую до костей сырость, я выныриваю из пещеры прямо в тёмно-синюю пучину. Расправляя крылья, я мощными толчками разрезаю толщу воды, а затем свечой взмываю вверх, в открытое небо. Солнце поднимается над горизонтом, и я поднимаюсь вместе с ним. С моих позолоченных перьев ручьями стекает морская вода. Пастельные тона предрассветного неба и свежий воздух насквозь пропитаны запахом рыбы, а голодные чайки уже кружат над волнами, оглашая окрестности пронзительными криками в поисках завтрака. Зависнув в вышине и мерно покачивая крыльями в такт лёгкому бризу, я пристально вглядываюсь в горизонт.

Нам необходимо добраться до Соль и Бездн. Но я без понятия, как это сделать, если, по словам русалки, в глубинах нас поджидают её враги, а Культ Мортис находится… где-то здесь. Тревога жгучим нарывом пульсирует в груди. В памяти мертвенным набатом всплывают слова Повелителя Смерти:

«Ты подвёл их, Арион Стоун, и теперь мы наконец-то можем забрать тебя».

Мои костяшки хрустят. Крылья бьют по воздуху сильнее. Я уничтожу их. Найду сердце и с его помощью сотру весь этот грёбаный культ с лица земли. Я заставлю их захлебнуться собственной кровью.

Но как?

Я прищуриваюсь, глядя на позолоченный рассвет. На востоке изумрудным ковром раскинулся материковый берег Луции, поросший пихтами и соснами. На западе же горизонт окрашен самоцветным пурпуром и полуночной синевой - там лежит континент Темпест.

Темпестас, бог бури, сотворивший этот клочок суши, без умолку швыряет молнии сквозь свинцовые тучи. Ужасающие смерчи яростно кружат у Стены континента - божественного барьера, возведённого прямо поверх серых каменных блоков, а бешеный ветер взбивает океан в бурлящее месиво из пены и волн. Чтобы добраться до Соль, нам придётся преодолеть эту преграду. По земле, по воде или по воздуху. Однако культ наверняка ждёт нас на суше. Враги русалки контролируют море. А я не могу лететь вечно - рано или поздно мне понадобится отдых. Ярость сжимает лёгкие, но я с силой выталкиваю воздух - пытаюсь выдохнуть каждую эмоцию, которая отравляет меня со вчерашней ночи.

- Эмоции предвзяты по своей природе, Арион, именно поэтому ты должен избавиться от них. Выбросить, похоронить, забыть - неважно, как именно ты их отсечёшь, главное - сделай это. Эмоции не служат тебе. Сейчас это ты служишь им. - Старейшина Бранч аккуратно заправляет прядь волос за ухо плачущего мальчика и мягко улыбается: - Хватит, Арион. Перестань чувствовать. - Он щёлкает пальцами -

и сырой каменный пол вспыхивает. Пролитый алкоголь взрывается огненным сполохом. Мальчик висит под деревянными стропилами, его руки намертво привязаны к балке, а лодыжки стянуты веревкой. Он не в силах остановить пламя, которое уже лижет пальцы его ног, подбираясь к ступням. Он плачет, но старейшина Бранч лишь спокойно наблюдает за ним, стоя на безопасном расстоянии. Когда огонь охватывает лодыжки, мальчик срывается на крик, зовя отца.

Старейшина Бранч заставляет пламя подняться ещё выше:

- Твой отец не спасёт тебя, Арион. Он мёртв. Его сожгли вместе с остальной гнилью. Спасай себя сам. Избавься от эмоций, прими эту боль и высвободи магию. Тебе не нужны чувства. Ты сильнее своих импульсов. Стань великим, Арион, и спаси себя.

Я - чернокнижник Арион Стоун, я больше легенда, чем человек, и я давным-давно променял свои эмоции на могущество. Но… я опускаю взгляд на чёрные вены, змеящиеся по моим рукам, - мне всё ещё не под силу сбежать от собственной смертности. Я умираю.

Я умираю, я не вижу пути вперёд, а русалка по имени Зефира планомерно разрушает мою жизнь.

Одно упоминание её имени заставляет кровь вскипать, а серебряный шнур между нами натягивается на безумное расстояние, пока я лечу высоко над волнами. Она стала проклятием моего существования. Её грязный рот и розовые губы, её затуманенный взгляд и дикие стоны - всё это грёбаный яд. Перед глазами до сих пор стоит картина: она извивается под ритмичными толчками моих невидимых магических пальцев, шепча моё имя снова и снова, словно это молитва. Я не могу выкинуть это из головы. Не могу перестать думать о ней, о прошлой ночи, о нашем разговоре, о том, как мы делили эту бутылку вина, шептали свои секреты, а потом…

Чёрт.

Я хотел её. Так сильно, что это причиняло физическую боль, будто нож вонзили между рёбер. Даже лёгкий вздох, сорвавшийся с её губ, прошил меня насквозь. Мне хотелось притянуть её к себе, жестко, безжалостно войти в неё, заставив выкрикивать моё имя снова и снова. Я хотел, чтобы эта ночь никогда не заканчивалась.

И в этом, чёрт возьми, главная проблема.

Я продолжаю хотеть. Чернокнижники не должны испытывать желаний. Нам даже чувствовать не положено. Она уничтожает меня. Эта связь… она ломает меня изнутри. Я не буду рабом обстоятельств, и мне плевать на этот чёртов долг жизни.

Я больше не прикоснусь к ней. Я не стану трахать её.

Я не собираюсь выбрасывать свою жизнь на помойку ради русалки.

Я - чернокнижник Арион Стоун, и мне ничего не нужно от этого мира. Мне необходимо только одно - сердце, моя жизнь и бессмертие. Мне нужно выжить. Мне нужна сила. Всё остальное не имеет абсолютно никакого значения.

Я заставляю себя переключить внимание на Стену Темпеста. Смерчи кружат и пересекаются друг с другом в хаотичном, непредсказуемом танце. Молнии раз за разом бьют в серый камень. Ветер продолжает неистово штормить море. Культистов не испугать плохой погодой - они наверняка будут ждать нас на самой Стене или на побережье прямо перед ней. Это значит, что путь по суше для нас закрыт. Мы перелетим через этот штормовой барьер по воздуху, а затем доберёмся до руин вплавь.

Зефира будет в ярости, когда узнает, что ей придётся лететь. Она станет топать ногами и попытается ввязаться в драку, но мне плевать. Не она здесь главная. А

Гавриал… я кривлюсь при одном воспоминании об этом уголовнике. Он круглый идиот, раз решил увязаться за нами, и я ни на секунду не верю в его бескорыстные мотивы. Гниль остается гнилью, а преступник - преступником до тех пор, пока не сдохнет. Я не собираюсь прикрывать его спину только для того, чтобы в самом конце он вонзил мне нож всадил в неё нож и забрал сердце себе. Если ему придётся умереть - туда ему и дорога. Я расправляю плечи и поднимаю подбородок навстречу грозовому горизонту. Если ради моего выживания потребуется смерть любого из них, мне будет плевать.

Я - чернокнижник. Гавриал - преступник. А Зефира - русалка.

Иного не дано.

Я дам им утро на сборы перед тяжёлым и долгим перелетом. Зефира должна будет проложить маршрут через Соль и выложить всё, что ей известно о чудовищах, обитающих в тех водах. А затем мы выдвигаемся. Мы заберём это грёбаное сердце. Я с силой сжимаю кулаки, наслаждаясь резкой вспышкой боли в суставах.

- Твой отец не спасёт тебя, Арион. Он мёртв. Его сожгли вместе с остальной гнилью. Спасай себя сам. Избавься от эмоций, прими эту боль и высвободи магию. Тебе не нужны чувства. Ты сильнее своих импульсов. Стань великим, Арион, и спаси себя.

Кожа мальчика покрывается волдырями и лопается. Плоть начинает плавиться, стекая тёмными каплями на холодный сырой пол. Но его плач не останавливает огонь и не трогает сердце старейшины; напротив, это лишь раззадоривает наставника. Мальчик судорожно заглатывает воздух и крепко зажмуривает глаза. Он горит. Это невыносимо больно. Он сейчас умрёт. Точно так же, как умер его отец. Проломленный череп. Вытекшие мозги. Кровь, кровь, повсюду кровь.

Нет.

Нет, он не позволит себе сдохнуть здесь. Он не станет таким же ничтожеством, как его отец.

Огонь раскалёнными тисками сжимает его бёдра, и теперь он чувствует… только боль. Никакой грусти, никакого страха. Он полностью растворяется в этой агонии, пока из его груди не вырывается дикий, животный крик. Крик высвобождения. С яростным рёвом магия колоссальной волной взрывается во все стороны, мгновенно туша пламя. Воздушная волна выбивает витражные окна на самой вершине башни. Стены содрогаются. Толстые деревянные стропила с треском лопаются пополам. Обожжённая кожа мальчика затягивается почти мгновенно, и он падает на пол, успевая сгруппироваться. Старейшина Бранч едва не срывается вниз с обломка балки, но мальчик успевает перехватить и его.

Его грудь тяжело вздымается от боли и подступившего истощения, но он упирается ладонями в каменные плиты. Пол теперь ледяной. Покрытый тонкой коркой инея. Но мальчик спасён. Он в безопасности, старейшина жив, а огонь исчез. Он не похож на своего отца. Он лучше. Намного лучше.

Боль уходит, вытекая из тела с каждым новым вдохом. Он сделал это. Мальчик справился.

- Поистине великолепно, Арион, - произносит старейшина Бранч, поднимаясь на ноги и снова вставая над ним. - Очень впечатляюще.

Ему следовало бы подавить вспыхнувшую в груди гордость в зародыше - но он этого не делает. На одну короткую, потаенную секунду он позволяет себе насладиться этим чувством. Всё, чего он хочет, - это приносить пользу, защищать

этот город и радовать старейшин, которые приютили его. И наконец-то у него получилось. Это новое тепло в груди совсем не похоже на разрушительное пламя; оно не причиняет боли. И он принимает его. И улыбается.

Я не для того терпел долгие месяцы изощренных пыток, чтобы сдаться сейчас. Сердце Мортема будет моим. Я верну себе законное место в королевстве и стану богом среди смертных. А через много лет Зефира сотрётся из моей памяти, превратившись в блёклое, туманное воспоминание. Такое же незначительное, как и всё остальное в моей жизни.

Удовлетворённый своими мыслями, я начинаю медленный спуск к морю, но…

Воздух прорезает истошный крик. Серебряный шнур резко натягивается, вспыхивая леденящим кровь светом, и моё сердце камнем падает куда-то в желудок от внезапного приступа дикой боли через связь. Чёрт. Дыхание перехватывает. Мысли исчезают. Это может означать только одно.

Она в смертельной опасности.

Я камнем бросаюсь вниз, на всей скорости врезаясь в морскую гладь, и наощупь мчусь вдоль натянутого поводка нашего шнура. Вода вокруг стремительно окрашивается в багровый цвет. В моей собственной груди открывается сочувствующая рана, сочась кровью. И я знаю…

Зефира умирает.

Джордан Стефани Грей - Порочное мореThe Jordan Stephanie Gray - Wicked Sea

ГЛАВА 22

ЗЕФИРА

- Зефира, - выплёвывает сереброволосая русалка с абсолютным презрением, - выглядишь просто паршиво.

- Не лги, Веспер. Мы обе знаем, что я всегда выгляжу потрясающе.

Я отвечаю на её яростный оскал сияющей улыбкой и спокойным жестом убираю с лица непослушные розовые пряди - хотя сердце в моей груди колотится как сумасшедшее. Горло обжигает горькая желчь. Почему она здесь? Как она меня нашла? Мой взгляд невольно падает на её запястье, к сморщенному шраму - следу от того дня, когда она упала на собственный кинжал. Потому что я толкнула её. Потому что мне нужно было бежать.

«Я не хочу быть такой, какая я есть. Не хочу, чтобы из-за меня гибли люди».

Этот единственный шрам - единственное изъян на её прежде безупречной коже.

Веспер прижимает бронзовый трезубец к тонкой шее Гавриала. Её тёмно-коричневая кожа блестит от воды, плотный хвост переливается тем же радужным сиянием, что и волосы; она сидит на камнях у самого входа в пещеру. Она притащила Гавриала сюда, ухватив за шелковистые пряди волос, и теперь удерживает его, упёршись острыми зубьями трезубца прямо в горло. Кровь уже сочится из раны, стекая по камням. Я тру глаза, разгоняя остатки сна, - просто чтобы убедиться, что это не ночной кошмар, - и поднимаюсь на ноги.

Тёмно-синий взгляд Веспер с отвращением мажет по моей рубашке, по голым ногам.

- Подойди сюда, или я вскрою ему глотку.

Я сглатываю, надеясь, что мой лихорадочный осмотр пещеры в поисках другого выхода не слишком бросается в глаза. Разумеется, другого выхода нет. Я подавляю подступающий страх, загоняя его так глубоко, как только возможно. Страх не поможет мне выиграть время в разговоре с Веспер.

- С чего ты взяла, что мне есть дело до того, что ты с ним сделаешь?

Ее яростное лицо кажется высеченным из камня. Она сильнее вдавливает трезубец, игнорируя то, как Гавриал в панике пытается перехватить ее запястья своими тонкими пальцами. Он не сильнее русалки. Особенно русалки, которую подпитывает близость океана.

- Что?! Но я… я же только что спас тебя! - поспешно выкрикивает Гавриал, округлив от ужаса глаза. Животный страх буквально душит его голос. - Давай не будем провоцировать русалку, ладно? Я бы предпочёл оставить гортань там, где ей и положено быть. Мне тут говорили, что у меня очень изящная шея! - добавляет он, обращаясь уже к Веспер, явно в тщетной надежде, что это важное достоинство спасет ему жизнь. Но она полностью его игнорирует. Она пришла за мной. Это очевидно. Я просто не понимаю - почему.

- Думаешь, я не знаю твоей предательской натуры? Я знаю её лучше, чем кто-либо другой, Зефира.

Я кошусь на вход в пещеру. Прямо рядом с ней. В считаных дюймах. Ленивое течение омывает скалы снаружи, и серебряный шнур связи уходит из моего сердца прямо в эту темную толщу воды - так далеко, что я даже не могу предположить, где он заканчивается. Арион ушёл. Гавриала сейчас выпотрошат. А Веспер…

Веспер собирается меня убить.

Я не смогу прорваться к выходу, не пройдя через неё. А Веспер чертовски быстра. Я видела, как она взбиралась по водосточным трубам, неслась по крышам и проскальзывала через наводненный стражниками город так, что никто ничего не замечал. Она грациозна и смертоносна, и у меня не будет даже доли секунды до того, как этот трезубец полетит мне в грудь. Угроза Гавриалу - это ловушка. Она не ждёт, что я брошусь его спасать. Она ждёт, что я побегу. И именно в этот момент она нанесет свой смертельный удар.

- Зачем ты здесь? - Я делаю незаметный шаг в сторону, к противоположному краю рваного прохода. Она предугадывает моё движение, синхронно смещаясь в сторону и волоча за собой Гавриала. - Как ты вообще меня нашла?

В ответ она лишь смеётся - опасным, дребезжащим смехом, ядовитым, как укус морской гадюки:

- А как сама думаешь? Ты оставила за собой шлейф из трупов от самой Мортии до островов и этого места. Я шла по кровавому следу, и - надо же! - вот она ты. Прямо здесь.

И то, как она это говорит… будто речь идет вовсе не о взорвавшемся острове. Будто она говорит о…

Храме Мортема.

Ставросе.

Это имя бьёт наотмашь, и я содрогаюсь.

«Ты заслужила всё, что с тобой случится», - сказал он перед тем, как умереть.

- Мне жаль, - тихо произношу я. - Насчёт Ставроса. Я не знала, что они собираются сделать. Он пошёл против меня, Веспер, но они всё равно…

- Заткнись! - Её крик заставляет сталактиты над нашими головами задрожать. Один из них с треском обламывается и разлетается на осколки у моих ног. - Заткни своего мерзкую пасть!

Её взгляд темнеет, наливаясь тяжёлой, осязаемой яростью, а кожа словно искрит от гнева. Будто прямо над ней разверзлась гроза, и молнии окутали её тело. Окутали нас всех. Гавриал беззвучно умоляет меня глазами сделать хоть что-нибудь, спасти его, продолжая тщетно царапать запястья Веспер. Она не обращает на это внимания. Скорее всего, она даже не чувствует боли. Я снова бросаю взгляд на её свежий шрам.

Ей бывало и хуже.

- Мне не нужны твои грёбаные извинения. Они ничего не значат. Ты ничего не значишь. Я всегда знала, что от тебя одни неприятности. Ты мне никогда не нравилась, и я никогда не хотела, чтобы ты была с нами - ты ведь знаешь это, правда? - Из-за ярости её рука с трезубцем дергается, и рана на шее Гавриала начинает кровоточить сильнее. Он хрипит, чувствуя, как липкое тепло заливает кожу, и пытается оттолкнуть её ногами. Веспер даже не шевелится. - Эос… Эос умоляла меня разрешить тебе остаться. Она говорила, что ты потерялась. Говорила, что ты совсем одна. Говорила, что мы должны проявить к тебе милосердие, потому что в твоих глазах

живут призраки. - Слёзы крупными каплями катятся по щекам Веспер, пока её хвост яростно бьёт по полу. - Мне следовало убить тебя ещё тогда. Мне следовало придушить тебя в ту самую секунду, когда я заметила прядь розовых волос, выбившуюся из-под твоего проклятого богиней парика. Я думала, что ты - обуза, с которой мы сможем справиться, но ты… - Она качает головой. - Ты хуже. Ты - сама смерть. Она ходит за тобой по пятам и исполняет твои приказы, и… и я не позволю этому повториться.

«Ты - сама смерть».

Я тяжело сглатываю, не в силах вымолвить ни слова. Слёзы подступают к горлу, но она права: я не имею права на жалость. Ставрос мёртв, и в этом моя вина. Я швырнула Веспер на пол, чтобы спасти собственную шкуру, и бросила их всех на растерзание жестокой судьбе. Джасин, Ставрос, весь этот проклятый остров…

Я и есть смерть.

- Значит, ты проделала весь этот путь, преследовала меня только для того, чтобы убить? - спрашиваю я, всё ещё тщетно пытаясь найти выход. Любой выход, который не закончится моей смертью, её смертью или полным обрушением этой пещеры. Паника сжимает грудную клетку. Я хочу жить. Я обязана выжить.

- Нет, Зефира. Я не собираюсь тебя убивать. - Её голос падает до зловещего шёпота - затишье перед бурей, момент покоя перед тем, как мир разлетится в щепки, - а взгляд намертво приковывает мой к месту. - Я забираю тебя к Верховному Чародею Четырёх Морей. - Она злорадно оскаливается. - Он передал, что тебе пора возвращаться домой.

Мой желудок падает куда-то сквозь землю, прямо к раскаленному ядру. По венам разливается обжигающая магма. Воспоминания - сотни, тысячи кошмаров - связывают меня по рукам и ногам, и я… я не могу пошевелиться.

Верховный Чародей.

«Он передал, что тебе пора возвращаться домой».

Нет, нет, нет. Воздух с трудом прорывается в лёгкие, и пещера вокруг начинает кренироваться. Вращаться. Безумный вихрь из бронзы, меди и крови. Моей крови. Крови Джасина. А затем - кандалы.

- Знаешь, почему я люблю тебя, Зефира из Силь?

Я поднимаю скованные руки, со злобным скрежетом ударяя звеньями цепи друг о друга:

- Потому что я никогда не смогу сбежать? Потому что теперь я твоя вещь?

- Потому что ты смотришь мне в глаза с такой всепоглощающей ненавистью, какая едва ли возможна для смертного существа. И тем не менее, ты сама приползла к моим ногам. Ты сама умоляла меня об этом. - Он хватает меня за запястья и рывком притягивает ближе. Каждая кость в моём теле беспрекословно подчиняется его беззвучному приказу, и я опускаюсь на колени на океанское дно. Под ним. Всегда под ним. - Я люблю тебя, Зефира, потому что твоя ненависть не существует и не может существовать в отрыве от любви. Для тебя они неразрывно связаны. Поэтому, когда ты говоришь: «Я ненавижу тебя», я прекрасно знаю, что на самом деле ты имеешь в виду «Я люблю тебя».

Моя грудь яростно вздымается. Железные браслеты, въедающиеся в кожу запястий, начинают дрожать от моей ярости. Но они не откроются. Мне никогда не получить свободу. Он касается моей щеки, и я резко заворачиваю голову. И с такой силой впиваюсь зубами в его большой палец, что между нами брызжет кровь.

- Пошёл ты.

Верховный Чародей Четырёх Морей лишь улыбается, и эта улыбка пугает гораздо сильнее любого наказания:

- Я тоже люблю тебя, Зефира.

Нет. Веспер не может… она не могла оказаться здесь из-за него. Это слишком. Слишком жестоко. Слишком кошмарно, чтобы быть правдой.

- Веспер, нет, - всё, что я нахожу в себе силы выдавить. Ноги подкашиваются. Голова идёт кругом. Я отчаянно пытаюсь не упасть, но тело качается, и я снова чувствую себя точно так же, как в те восемь долгих лет. Маленькой. Ничтожной. Его игрушкой.

Он манипулировал мной. Он пытал меня.

Но я сбежала. Я вырвалась.

- Я не вернусь к нему, - шепчу я, хотя сама не знаю, кому адресованы эти слова. Веспер. Себе. Виле. Мой взгляд испуганно ищет шнур связи, эту раскалённую добела нить, и я до боли в груди хочу, чтобы Арион вернулся. Чтобы он исправил это своей магией или грубой силой. Но на другом конце нити - пустота. Он ушёл.

Он ушёл, а Веспер здесь.

И Веспер собирается утащить меня обратно в клетку.

- Я не вернусь к нему, - я снова в упор смотрю на неё, пусть даже бронзовый блеск её трезубца слепит мне глаза.

Бронзовые волосы. Бронзовая кожа. Бронзовые глаза.

Он, он, он.

- У тебя нет выбора. - Веспер слегка отводит оружие в сторону, позволяя Гавриалу наконец перестать истекать свежей кровью, и вздёргивает подбородок. - Ты пойдёшь со мной. Я верну тебя ему. А потом… - Она резко осекается, издавая яростное шипение. - Надеюсь, он лично прикончит тебя.

Не прикончит.

Он этого не сделает. Я делаю шаг назад, и мой инстинкт выживания наконец просыпается от оцепенения. Я слегка сгибаю колени, восстанавливая потерянное равновесие. Мой взгляд перемещается со входа в пещеру на её трезубец. Я могу попытаться вырвать его у неё. Или могу прыгнуть в воду, чтобы напитать кожу солью. Трансформироваться и обрушить на неё всю свою силу. Я не хочу этого делать, но, как она сама сказала, - у меня нет выбора.

- Я убью тебя первой.

Она скалится, точь-в-точь как барракуда:

- Можешь попытаться, но неужели ты думаешь, что он отпустил меня сюда, не дав средств усмирить тебя? - Она с силой бьет рукоятью трезубца о каменный пол, и во все стороны с оглушительным треском разлетаются ослепительные бронзовые лучи магии. Земля жалобно стонет. Содрогается. Камень по краям пещеры порывается глубокими трещинами. Но Веспер не замечает этих разрушений. Её взгляд намертво прикован к моему лицу.

- Он дал тебе магию? - едва слышно выговариваю я.

Это… это не укладывается в голове. Я пожертвовала всем. Своей жизнью, своей душой. И всё, что делал этот грёбаный чародей, - это заковывал меня в кандалы и запирал в четырёх стенах своего замка. Он издевался надо мной. Мучил меня. Он резал мою кожу, оставлял синяки, запускал свои когти прямо мне в разум, заставляя корчиться от бесконечной, невыносимой боли. И он ни разу не дал мне ничего взамен. Он уж точно никогда не делился со мной магией. Даже когда шептал свое фальшивое «я люблю тебя». Даже когда сжимал мои щеки, заглядывал в самую душу и называл своей.

- Он хочет, чтобы ты вернулась домой, - бросает Веспер, даже не подозревая, что этот её «дом» - чёртова клетка. И в её глазах… в глубине её тёмно-синих зрачков что-то колышется. Тень. На улицах города этой тени в ней не было.

«Она говорила, что мы должны проявить к тебе милосердие, потому что в твоих глазах живут призраки».

Призраки. Теперь призраки поселились и в глазах Веспер.

Пульс грохочет в ушах. А затем до меня доходит истинный смысл её слов. Смысл того, на что она пошла. Чародей всегда и во всем заключал только сделки - эта мысль бьёт меня под дых. Нет. Чёрт. Нет.

- Веспер, скажи мне, что ты не… что ты не заключала с ним сделку.

- Я не обязана тебе ничего говорить.

- Веспер…

- Хватит повторять моё имя так, будто ты мне близкий человек! - Она резко вскидывает трезубец в моем направлении, и из трех его зубьев вырывается мощный залп бронзового пламени. Я успеваю упасть на пол в самую последнюю секунду, избегая участи быть сожжённой заживо. Камню за моей спиной везет меньше - он мгновенно порывается чёрной гарью и начинает дымиться. В пещере резко пахнет паленой смертью. - Мы не друзья. И никогда ими не были. Ты бросила нас, Зефира. Ты, чёрт возьми, покалечила меня, чтобы просто сбежать, и тебе… тебе хоть капельку не плевать на то, что случилось после твоего ухода? Твой ненаглядный дружок прямо сейчас исходит кровью, а тебе наплевать на его спасение. Вместо этого ты озираешься по сторонам, потому что просто не можешь иначе, верно? Ты спишь и видишь, как бы трусливо сбежать. Ты грёбаная трусиха! - Её грудь тяжело вздымается от душащей её ярости. Трезубец в её руках сияет всё ярче. Я предугадываю следующий взрыв магии за долю секунды до того, как он превратит меня в пепел. - Ну же, спроси меня! Спроси, почему я здесь! Спроси, почему я заключила сделку с этим кошмаром во плоти!

Я смотрю на неё сквозь пелену подступающих слёз.

Она права. Во всём. Абсолютно во всём, что касается меня. Я трусиха, я хочу сбежать, и… богиня, я просто не хочу умирать. Я до ужаса боюсь возвращаться к нему. И я боюсь услышать её ответ.

- Ставрос… - начинаю я.

- Дело не в Ставросе! - шипит она, и хотя её голос ощутимо ломается на этом имени, я знаю, что она говорит правду.

Потому что эти призраки в её глазах… они появились не просто от скорби по погибшему другу. Они появляются, когда твоя собственная душа разрывается на части. Когда сердце раскалывается пополам. От потери настолько сокрушительной, будто ты вместе с этим человеком потеряла саму себя.

И в этот момент я всё понимаю.

Разом. Жестоко. Болезненно. Эта правда перекрывает мне кислород. Я едва слышу собственный голос, когда произношу:

- Эос.

Веспер выпускает Гавриала из рук. Она небрежно отпихивает его в сторону, словно поломанную куклу. Он тут же отползает назад, судорожно хватая ртом воздух и зажимая рану на шее. Хрипя и кашляя, он устремляется к выходу в туннель. Веспер плевать на него. Мне тоже.

- Где Эос? - этот вопрос буквально вырывается из моей груди вместе с новой волной тошноты.

Её здесь нет. Веспер заключила сделку с чародеем, чтобы вернуть меня в клетку, но её сестры здесь нет.

В памяти огненными буквами вспыхивают слова, которые она сказала мне всего несколько дней назад:

«Если с моей сестрой что-нибудь случится, я лично убью тебя, Зефира. Ты меня поняла?»

Веспер смотрит на меня с бешеной яростью. Слёзы сплошным потоком текут по её щекам, капая на камни, пока трезубец дрожит в её руках.

- Она мертва, Зефира. Моя сестра… Эос мертва.

Она мертва. Она мертва. Она мертва.

- Спроси меня, как! - шипит она. - Спроси, как умерла моя сестра! Спроси, по чьей вине!

Но я уже знаю ответ, и этот ответ убивает меня. Разрывает мою душу на лоскуты. Выжигает изнутри. И никакая боль в мире не сможет меня оправдать.

Я - смерть.

Голос Веспер срывается от невыносимого коктейля из ярости, горя и опустошения:

- Ты толкнула меня на мой собственный кинжал, Зефира. Я не могла драться со стражниками. Я была бесполезна! Эос пыталась перевязать мне запястье куском оторванного рукава, пока Ставрос сдерживал тех тварей, что ломились снизу, но это заняло слишком много времени. Он остался один, я была слаба, а Эос… она повредила плечо, пока пролезала через тот узкий воздуховод. Она не хотела говорить нам, но мы со Ставросом всё видели. Он подхватил Эос на руки. Побежал вместе с ней по лестнице вверх, чтобы выбраться наружу, я пыталась не отставать, но из-за раненой ноги шла слишком медленно, а там… там вверху уже ждали другие стражники. Их было слишком много. Ставрос сразу это понял. Он опустил Эос на землю, встал впереди неё, чтобы принять бой, но они просто навалились толпой. А Эос… она оглянулась на меня. Я всё ещё оставалась в тёмном пролёте лестницы. А она была на свету. Она понимала, что у неё нет ни единого шанса, поэтому она… она…

Веспер заходится в таком сильном рыдании, что просто не может закончить фразу. Мне тоже не хватает воздуха, чтобы дышать, но это моя вина. Вся эта грёбаная трагедия - моя вина.

- Она закрыла гробницу. Спрятала тебя в темноте, пока стража хватала её и Ставроса, - тихо заканчиваю я за неё.

- Нет! - Веспер перехватывает трезубец обеими руками, и в меня один за другим летят сгустки чистой, слепящей бронзовой энергии. Снова, снова и снова. Я отчаянно уворачиваюсь от каждого удара: пригибаюсь, спотыкаюсь, кручусь волчком. - Она закрыла гробницу! Спрятала меня в темноте! А потом они зарезали её! Эти твари даже

не стали задавать вопросов! Они не собирались брать её в плен! Они схватили Эос за её серебряные волосы и просто перерезали ей горло! Она звала меня, Зефира! Её последним словом было моё имя! Она кричала от ужаса, пока я сидела в этой чёртовой темноте, потому что ты… потому что ты сбежала!

Я судорожно прижимаю ладонь к животу.

Меня сейчас вырвет.

Разумеется, стражники не стали ни в чём разбираться - мы ограбили Храм Мортема спустя всего пару дней после того, как мерроу умыли дворец кровью. Им было абсолютно плевать, что у неё серебряные волосы, а не смертные серые или белые. Они безжалостно убили Эос. Юную Эос с её заливистым смехом, красивыми голубыми глазами и доброй улыбкой. Эос, которая до последнего верила в меня. Эос, которая подкармливала мышей в своей палатке, придумывала имена бабочкам и собирала цветы.

Она мертва.

Веспер дико рычит:

- Единственная причина, по которой я осталась жива, - это то, что Ставрос крикнул им, будто с нами была ещё одна русалка. Он не потерял рассудка, даже когда стоял там, рядом с… с её телом. Он выкрикнул твоё имя стражникам. Отвлёк их на себя, чтобы я могла уйти. - Она смотрит на меня - сквозь меня. - Им следовало выпустить кишки тебе!

- Ты заключила сделку ради сестры, - едва слышно произношу я. - Заключила сделку, чтобы вернуть её к жизни. Верно?

Она даже не моргает:

- Твоя душа в обмен на её. Более чем честный обмен.

Богиня, нет.

- Он не сделает этого, Веспер. Все его сделки - это капканы. Он - лжец. Он… он чудовище.

- Мне плевать! - выплёвывает она. - Эос мертва, а ты… ты заслуживаешь участи в тысячу раз хуже!

Трезубец взрывается очередным пучком магии, но на этот раз я просто не успеваю среагировать. Яркая вспышка бьёт меня прямо в грудь. Точно над сердцем. Кожа с треском лопается, пламя сжигает несколько слоев плоти с невыносимым, адским жаром, и поток крови мгновенно заливает мой живот. Я судорожно зажимаю рану рукой, пытаясь остановить кровотечение собственным кулаком.

Я не смогу сказать ничего, что могло бы помочь. Что могло бы склеить осколки её разорванной души.

И она уже пошла на сделку с монстром.

- Мне жаль, - шепчу я, пока кровь струится между моих пальцев и стекает по коже. - Мне действительно чертовски жаль.

А затем, быстрее, чем она могла ожидать, я резко бросаюсь в сторону, огибаю её и рыбкой ныряю в проход. Прямо в океан.

Веспер яростно ревёт мне вслед. Вода за моей спиной вскипает от брызг, но я не обращаю на это внимания. Мои ноги мгновенно трансформируются в мощный хвост, чешуя вспыхивает серебром, а магия горячей волной разливается по венам. Я больше не собираюсь прятать свою силу. Я высвобождаю её на полную мощность.

Чародей уже нашёл меня.

Джордан Стефани Грей - Порочное мореThe Jordan Stephanie Gray - Wicked Sea

Жидкий лунный свет струится по моему телу, связывая меня с самой сутью океанских вод, бушующих над головой. Я не просто русалка. Я - каждая капля воды в каждом существующем море. Я - обратное течение. Я - соль и морской ил. Я и есть этот океан.

Судорожно дыша через жабры, я вытягиваю руку вперёд и делаю резкое, тянущее движение. Морская пучина повинуется беспрекословно. Вода устремляется ко мне мощной подводной волной, подхватывает под купол и с безумной скоростью несёт вперёд. Всё быстрее и быстрее. Всё дальше и дальше. Единственный путь к спасению лежит через Ариона - через небо. Сейчас он тоже должен истекать кровью из-за нашей связи. Ему придётся найти меня. Ведь так? Я намертво перехватываю серебряный шнур, отчаянно следуя за ним, пока плыву изо всех оставшихся сил, чтобы просто выжить.

Джордан Стефани Грей - Порочное мореThe Jordan Stephanie Gray - Wicked Sea

ГЛАВА 23

АРИОН

Ужас насквозь выжигает шнур связи. Кровь стынет в жилах.

Она умирает. Зефира умирает.

Багровые струи вскипают в бурлящем море, отчего вся вода вокруг становится горькой, неправильной на вкус. Я лихорадочно ищу в яростном течении серебряную нить - ищу её саму. Вспышка серебра мелькает между подводными белыми гребнями, и я бросаюсь следом. Мои крылья рассекают Сел. Я не думаю и ничего не чувствую; я просто плыву. Я охочусь.

Годы инстинктов и боевого опыта переплавляются в смертоносное оружие. Каждая мышца в моём теле натянута как струна. Сильно. Мощно. Магия клокочет внутри, умоляя о свободе, требуя разнести этот океан в щепки - точно так же, как она разрушила остров, - лишь бы найти её, спасти её… А моё сердце тем временем бьётся слабо, прерывисто. И каждый его вялый толчок отдаётся её именем: Зефира. Зефира.

Зефира.

Я кружу в предательской пучине, высматривая хоть малейший намёк на розовый цвет. Бирюзу. Иризирующую вспышку чешуи или жемчужную белизну её акульей улыбки. Но вокруг ничего нет. Только пузыри. Волны. И наш шнур.

Где она, чёрт её дери?

Она истекает кровью. Я тоже. Сель наводнен вкусом смерти, а она… она…

Там.

Взрыв пузырей едва не скрывает от меня длинные розовые пряди. Они движутся. Она движется. Я резко дергаю за шнур связи, пытаясь увлечь её в безопасное место, вернуть к себе, но её хвост упорно толкает её вперёд.

Она плывёт прочь от меня. Даже несмотря на то, что я здесь, её грудь разорвана, а сама она напугана до смерти.

Я наматываю серебряный шнур на кулак, с каждым новым витком силой притягивая нас друг к другу. Я не понимаю, что происходит. Знаю только одно: Зефира здесь, и мне нужно её спасти. Я не останавливаюсь. Не могу остановиться. Я сматываю связь всё быстрее.

Пузыри лопаются, когда она оказывается совсем близко, и я наконец могу её разглядеть. Её взгляд сталкивается с моим - дикий, отчаянный.

- Отпусти меня! Арион, ты не понимаешь… - Последние слова тонут в утробном крике: её голос срывается от внезапной вспышки боли.

Но это не её боль.

Это моя боль.

Что-то тяжёлое с размаху врезается в моё левое крыло, едва не вырвав его из лопатки под неестественным углом. Кость трещит, и ощущение такое, словно в неё вцепился зазубренный коготь. Рвёт, кромсает, уничтожает плоть. Мои крылья

содрогаются от осязаемой агонии. Я с трудом подавляю глухой рык. Но Зефира… она кричит, выгибается дугой от мук и камнем падает на самое дно.

- Чернокнижник, - шипит чужой, обманчиво мелодичный голос.

Игнорируя адскую боль, заставив себя стиснуть зубы и терпеть, я разворачиваюсь к нападавшему. За моей спиной, сжимая бронзовый трезубец, застыла сереброволосая русалка с эбеновой кожей и убийственными полуночными глазами. Её взгляд приковывается к моим крыльям, сужается, а затем перемещается на ноги. С презрительной усмешкой она перехватывает оружие поудобнее.

- Человек, - объявляет она, словно это великое откровение. Словно это хоть что-то меняет.

Но я гораздо больше, чем просто человек. Я - чернокнижник.

Я расправляю плечи, проверяя, насколько крылья сохранили подвижность. Они отзываются резкой, стреляющей болью. Всё ещё на месте, но теперь я в ярости. Русалка заносит трезубец для нового удара - на этот раз целясь прямо мне в грудь, - но моё левое крыло выстреливает первым. Мощный удар сотрясает воду: костяной стык наотмашь бьёт по её оружию. Она намертво вцепляется в древко, хотя от силы столкновения её кубарем уносит назад.

Не давая ей ни секунды, чтобы прийти в себя, я выталкиваю новую волну смертоносной магии прямо из ладони. Сконцентрированная молния прошивает толщу воды. Электрические разряды с треском взмывают вверх по рукояти её трезубца. Сереброволосая русалка с шипением выпускает оружие из рук. Это того стоило. Даже несмотря на чёрные вены, которые теперь жгутом поползли вниз по моему бедру.

- Зефира. - Я перехватываю шнур связи и рывком притягиваю её к себе, не смея отводить глаз от сереброволосой твари. - Ты как?

Она находит в себе силы подняться рядом со мной, перехватив отнятый трезубец. Её хвост судорожно бьёт по воде, а розовые волосы колышутся вокруг нас, похожие на клубок мстительных змей.

- Ты сможешь выдать ещё хоть каплю магии? Моя грудь… - Ей необязательно заканчивать фразу. Мой взгляд падает на её рану, в точности повторяющую мою. Кровь продолжает хлестать, а её лицо стремительно бледнеет.

Я стягиваю её рану своей магией, и моя собственная закрывается следом.

Цена за это мгновенно сжимает мои лёгкие. Словно гвозди забили прямо в жабры. Дышать становится почти невозможно, но, по крайней мере, мы не сдохнем от потери крови прямо сейчас, пока я пытаюсь разобраться, что здесь, чёрт возьми, происходит.

- Твоя подружка? - спрашиваю я, вспоминая слова Зефиры, когда мы столкнулись с культом. Хотя культ куда страшнее, чем одна безумная русалка. Если эта девка - та самая великая и ужасная гроза морей, о которой говорила Зефира, то мы легко справимся.

- Нет, - едва слышно шепчет Зефира. - Нет, она мне не подружка.

Но в её голосе сквозит что-то странное. Неровные, рваные интонации, слишком похожие на ложь.

Прежде чем я успеваю спросить что-то ещё, к нам подплывает Гавриал. Своего меча он лишился, а его рубашка на груди пропиталась кровью. Бесполезный кусок дерьма. Я собственническим, защитным жестом кладу ладонь на спину Зефиры и забираю у неё трезубец. Я не могу больше рисковать и тратить магию. Не сейчас. Это убьёт меня. Убьёт нас обоих.

Сереброволосая русалка свирепо смотрит на нас троих. Выровнявшись в воде, она сжимает кулаки, а её хвост яростно рассекает океан.

- Приятно видеть, что ты завела себе любовника, пока остальные погибали из-за твоих преступлений.

Зефира каменеет, и через нашу связь волной прокатывается чистая, ничем не разбавленная скорбь.

- Всё совсем не так…

- Заткнись, - шипит русалка. - Ну же. Натрави на меня своего цепного пса. - Её тёмно-синие глаза переводятся на меня, и она манит меня двумя пальцами: - Делай что хочешь, чернокнижник. Я бросаю тебе вызов.

- Веспер. - Зефира резко хватает меня за бицепс. Но это не жест нежности; она пытается выиграть для этой девки - Веспер - время, чтобы та сбежала. По какой-то неведомой причине Зефира удерживает меня от драки. - Не… не заставляй нас сражаться с тобой.

- Она пыталась тебя убить, - рычу я. Вокруг больше никого нет. Другого объяснения ране Зефиры и порезу на шее Гавриала просто быть не может. - Что здесь, чёрт возьми, происходит?

Зефира полностью игнорирует мой вопрос.

- Послушай меня, Веспер. Уплывай как можно дальше. На суше он не сможет тебя достать. Спрячься. Через несколько лет он забудет о тебе, и…

- И что? - огрызается Веспер. - Нет, Зефира. Это конец. Это всё, что у меня осталось.

Они тянут время. Ни одна не шевелится, каждая выжидает, следя за малейшим движением другой. Но они тратят драгоценные секунды, хотя я мог бы насадить эту русалку на её собственный трезубец ещё пару минут назад.

- У тебя даже оружия нет, - умоляет её Зефира.

Сереброволосая тварь лишь закатывает глаза:

- Мне оно не нужно.

Глаза Зефиры округляются от ужаса. Выругавшись, она резко закрывает меня собой в ту самую секунду, когда Веспер открывает рот, чтобы запеть.

- Закрой уши! Не слушай её! Не впускай этот звук!..

Слишком поздно.

Её слова растворяются без следа, едва чарующая мелодия Веспер заставляет замолчать весь океан вокруг нас. Вода замирает, словно вслушиваясь. На долю секунды ко мне возвращается осознание: Веспер - сирена, точно такая же, как те твари, которых я перерезал в королевском саду. Тогда я легко заставил их заткнуться с помощью магии, но сейчас…

Очертания Веспер размываются. Она вибрирует, и аура, похожая на струящийся лунный свет, дробит её силуэт на три, четыре, пять фантомов, пока она продолжает петь. Это прекрасно. Самый сладкий звук на земле. Я… я никогда не слышал ничего подобного. Мое тело вытягивается в струну, хотя крылья тщетно пытаются дернуться и утащить меня прочь от этого великолепного шума. Звук пронзительный. Жуткий. Оглушительно, завораживающе призрачный - холст из жестоких воспоминаний, написанный золотыми мазками. Я вижу своего отца. Расколотый череп. Кровь.

И я теряю себя.

- Арион, - шепчет Зефира, дергая меня за руку, но я её не слышу. Я её не чувствую. Для меня существует только сереброволосая русалка и её неземная песнь.

Зефира пытается управлять водой, и волны послушно бьют меня по щекам, по рукам, пытаясь притянуть моё тело к её телу. - Посмотри на меня, чернокнижник. Слушай мой голос, а не её. Веспер околдовала тебя. Это не по-настоящему. Всё это неправда.

Веспер. От одного её имени по спине пробегает дрожь, а её песня плавит кровь в моих венах. Веспер.

Она подплывает ближе, на её дрожащем лице играет широкая улыбка. Она поёт и поёт, и она великолепна. Один её вид наполняет мою грудь теплом, глубоким и бесконечным удовлетворением - пока она не становится единственным, что вообще имеет значение. Я сделаю для неё всё что угодно. Я хочу угодить ей.

Я хочу сделать её счастливой навстречу вечности.

Резко выдохнув, Зефира выбрасывает руки вперёд. Океан гарпуном выстреливает в Веспер, ударяя её в подбородок и заставляя запрокинуть голову.

- Прекрати, Веспер! - Но та продолжает петь, её лицо буквально светится, сияет изнутри. Тогда Зефира закручивает воду вокруг её запястий, сковывая вытянутые руки водяными кандалами. Обездвиживая её. - Ты не хочешь этой битвы. Я тоже её не хочу, но ты не оставляешь мне выбора. Я никогда не вернусь обратно.

В ответ голос Веспер взлетает ещё выше, и каждая мысль в моей голове исчезает, уступая место… ярости. Дикому гневу. Эта розовласая тварь только что посмела угрожать смыслу моего существования, и она должна заплатить. Я резко выбрасываю трезубец вперёд, целясь ей в горло. Она уклоняется назад, уходя из-под удара в самый последний момент, и мощное отрывное течение бьёт меня по руке. Оружие вылетает из моих пальцев.

- Проклятье, Арион!..

Я бросаюсь вперёд, но она снова ускользает в этом смертоносном танце. До тех пор, пока мне не удаётся поймать её за хвост. Песня Веспер продолжает звучать, пока я тащу её к себе, уже занося руку, чтобы сомкнуть пальцы на её горле. Она бьётся, заставляя воду вокруг бурлить и взрываться, удары обрушиваются на каждый дюйм моего тела, но я не отпускаю её. Я не могу её отпустить. Она должна заплатить.

Она должна заплатить. Должна заплатить. Должна заплатить.

- Арион, - хрипит Зефира, её ногти впиваются в моё запястье. Мои крылья отчаянно пытаются помочь ей. - Отпусти… меня…

Её хвост с силой бьёт меня в бок. Больно. Моя хватка на её шее слабеет, и этот чёртов хвост вклинивается между нами, снова отталкивая меня прочь. В сторону Веспер.

- Надо же, я ведь слышала о наводящих ужас чернокнижниках из Крестфолла. Я боялась их, когда бродила по улицам. Но этот совсем не кажется страшным. - Она протягивает руку, чтобы погладить моё перо, и каким-то образом… каким-то образом её песня всё ещё проникает мне в уши. Это всё, что я слышу, чувствую, осязаю. Я хочу остаться в этом мгновении до конца своих дней. Я принадлежу ей. Я… - Все мужчины падают одинаково, - шепчет она.

И Зефира кричит.

Ещё один мужчина подплывает к Зефире сзади, абсолютно незамеченный, и хватает её за волосы, прижимая к своей груди. Смутно, где-то на периферии сознания, я узнаю эти тёмные волосы и смуглую кожу. Гавриал.

- Мы готовы, - бросает он Веспер, хотя вода вокруг них буквально закипает. Волны бьют по нему раз за разом, словно таран. Игнорируя удары стихии, он тащит

розовую русалку вперёд. Веспер улыбается, и эта улыбка… жесткая, острая и прекрасная. Она прорезает воду, точно луч лунного света.

- Веспер, пожалуйста, - Зефира бьется уже всерьёз. - Мы втроём… мы ищем кое-что. Кое-что гораздо более настоящее, чем всё, что этот чародей может тебе дать. Он не вернёт Эос, но, возможно, мы сможем. Поплыли… поплыли с нами. Останови это. Пожалуйста.

При звуке имени Эос Веспер заметно вздрагивает. А затем:

- Нет. - Она силой вырывает Зефиру из рук Гавриала, её ногти глубоко въедаются в плоть. Серебряные волосы колышутся, когда она яростно качает головой. - Ты сама вырыла себе могилу. Теперь пора в неё лечь…

Её голос обрывается, когда глубоко под водой с грохотом раскатывается гром. Её сладкая песнь мгновенно затихает. Повинуясь единому импульсу, мы все опускаем взгляд вниз - и из океанского дна поднимается тень.

Тень, размерами превосходящая военный галеон, с восемью исполинскими щупальцами и угольно-чёрным глазом, полыхающим багровым пламенем. Мысли возвращаются ко мне в ту секунду, когда одно из этих щупалец с грохотом обрушивается вниз. Время словно застывает. Течение замирает, и мы остаемся висеть в невесомости на протяжении одного-единственного удара сердца. И за этот короткий миг я осознаю сразу три вещи.

Первое: меня поймали на дебильный голос сирены. Второе: Зефиру схватили. И третье: прямо под нами разворачивает свои кольца гигантский, мать его, кальмар, и его оранжевые отростки уже тянутся, тянутся, обвивая хвост Веспер. Хвост Зефиры. В это последнее мгновение её глаза находят мои, и я понимаю: я опоздал.

Прежде чем я успеваю хотя бы моргнуть, чудовище рывком утягивает их в бездну.

Джордан Стефани Грей - Порочное мореThe Jordan Stephanie Gray - Wicked Sea

ГЛАВА 24

ЗЕФИРА

Этот день просто не может стать ещё хуже.

Внутренности скручивает от невыносимой боли: грёбаный гигантский кальмар сжимает нас с Веспер в своих монструозных объятиях. Я не могу дышать. Не могу кричать. Как и Веспер. Она отчаянно полосует ногтями щупальце, до мяса раздирая слизистую плоть, но всё без толку. Мы слишком ничтожны, чтобы причинить хоть какой-то вред твари таких гротескных размеров. Нам нужно оружие. Крутанув пальцем в воде, я пытаюсь призвать водоворот, но он выходит слабым. Слишком слабым. Он не ранит кальмара и не заставит его разжать хватку, но…

- Экорианка, - выплёвывает Веспер сквозь стиснутые зубы, наконец осознавая, к какому именно касте русалок я принадлежу. - Кальмар швыряет нас вверх-вниз и крутит во все стороны; мы сталкиваемся лбами, и из моих глаз сыплются искры. - Может, попробуешь… хоть как-то… помочь?!

- Я пытаюсь! - Прямо сквозь центр моего куцего водоворота поднимается её трезубец. Я отчаянно тянусь пальцами к рукояти, но лишь едва задеваю бронзу. - Не могу… достать…

Тогда кальмар с дикой скоростью швыряет своё щупальце - а вместе с ним и нас - к океанскому дну. Мир вокруг смазывается в яростное лазурное марево. Из-за бешеного ускорения я теряю контроль над стихией, и трезубец камнем уходит на глубину. Твою мать. До удара остаются считаные секунды. Секунды до того, как наши головы разлетятся вдребезги об острые рифы и камни. Веспер продолжает исступленно рвать кожу монстра, её хвост молотит по присоскам, но всё тщетно.

- Сделай же хоть что-нибудь! - орёт она.

Я безуспешно пытаюсь зацепиться руками за воду, но вокруг нет ничего - абсолютно ничего, - за что можно было бы ухватиться, когда ты не можешь ни сосредоточиться, ни вздохнуть, ни даже увидеть что-то, кроме размытой синевы океана и тёмно-коричневой кожи Веспер. И тогда я делаю единственное, что приходит в голову. Единственное, что вообще имеет смысл перед тем, как тебя насмерть зашибет гигантский моллюск.

Я изворачиваюсь, подаюсь назад и со всей дури впиваюсь зубами в щупальце.

Прямо кусаю эту тварь.

Рот мгновенно наполняется горькой кровью и кусками склизкой плоти. Я не останавливаюсь: вонзаю пальцы в прокушенные раны и рву их, расширяя. Кальмар издаёт пронзительный, истошный визг - звук такой, словно металлом полоснули по металлу, когда его исполинская пасть разверзается в рёве. Хватка удерживающего нас отростка слабеет. Он начинает судорожно биться. Мы с Веспер вываливаемся из его колец, но радоваться рано. Тварь тут же перехватывает нас другим щупальцем, и с меня хватит.

- АРИОН! - в ярости кричу я его имя, замечая, как в поле зрения появляется ещё один отросток. Этот уже намертво обвился вокруг ноги Гавриала, и тот болтается в воде, крича ещё громче моего.

Рядом со мной Веспер выплевывает кусок мяса кальмара и рычит:

- Заткнись, твою мать, и кусай!

И я кусаю.

Кальмар извивается и дёргается, но на этот раз нас не выпускает. И забивать нас насмерть о скалы он тоже больше не пытается. Вместо этого он подтягивает наше щупальце ближе к своей огромной, зияющей пасти, и всё, что я вижу впереди - это зубы. Ряды и ряды острых зубов.

- Он сожрёт нас! - Кошмарный вывод срывается с моего языка новым криком.

Где Арион? Я не вижу его среди этой мешанины отростков, вообще нигде не вижу, к тому же наш шнур связи намертво запутался вокруг туши моллюска. Кальмарье дерьмо. Всё это - сплошное кальмарье дерьмо, и если мне суждено сдохнуть, будучи переваренной в желудке гигантской твари, я могу утешать себя хотя бы тем, что чернокнижник отправится на тот свет вместе со мной.

Тем не менее я продолжаю яростно барахтаться, пока мимо нас в очередной раз проносится Гавриал с воплем:

- Держитесь там!

- Пошёл ты! - отзывается Веспер.

А зубы всё ближе, ближе…

Вспышка бронзы. Бело-золотые крылья проносятся мимо: Арион на полной скорости пролетает вперёд и трезубцем насквозь пробивает щупальце, стягивающее мою талию. Кальмар снова визжит и выпускает нас. Прежде чем чудовище успевает опомниться, Арион хватает меня за запястье и утягивает прочь. Прямо себе за спину. Оставляя Веспер одну прямо перед огромным глазом моллюска. Она сыплет проклятиями, уворачиваясь от тянущихся к ней отростков, и бросается за нами. Мы с Арионом тоже лавируем среди ударов. Нас швыряет из стороны в сторону, пока я наконец не собираю силы и не перехватываю контроль над океаном. Я закручиваю и путаю воду, связывая щупальца между собой так крепко, как только могу, пока Арион методично шинкует всё, до чего может дотянуться. Но этого мало. Их слишком много. Тварь слишком огромная, слишком сильная, и прямо сейчас она собирается закусить Гавриалом.

- Помогите кто-нибудь, будьте добры! - Он отчаянно выгибается прочь от пасти, пытаясь уплыть, пока кольца обвивают его бедро всё выше. Когда его голова оказывается у самого рта чудовища, он упирается второй ногой прямо в его морду, продолжая бороться. - Я чувствую себя, блядь, индюшачьей ножкой на празднике! Сделайте же что-ниб…

И словно сама Вила откликается на его призыв - толщу воды прошивает мощнейший разряд молнии.

Нет. Он прошивает самого кальмара. Я инстинктивно сжимаюсь, когда Арион резко прижимает меня к своей груди и разворачивается, закрывая нас своими крыльями от ослепительной вспышки белого света. Когда я выглядываю из-за его плеча, кальмар уже оставил попытки сожрать Гавриала, который в панике сбрасывает обмякшее щупальце со своей ноги. Все тело гигантского моллюска судорожно содрогается. Оно пульсирует раз, другой, а затем просто взрывается.

Потроха, ошмётки плоти и чернильное облако разлетаются во все стороны, окрашивая воду в грязно-чёрный и багровый цвета. Гавриала мгновенно накрывает этой жуткой тучей из крови и слизи. Он давится, отплевывается и пытается уплыть, но кровавые шлейфы тянутся за ним следом, пока он гребёт к нам.

- Я очень, очень сильно жалею о своём решении плыть за вами.

Низкий голос Ариона рокотом отдаётся в моей спине:

- Прекрасно. Можешь проваливать на все четыре стороны.

Я резко разворачиваюсь в его руках, и мой взгляд испуганно падает на вены на его груди. Я панически ощупываю их пальцами, потому что… он только что потратил колоссальное количество магии. Снова.

- Ты что, сдохнуть сам и нас утопить решил?! -т Мои ногти впиваются в его плечи, и я едва сдерживаю желание хорошенько его встряхнуть. - Мы же, чёрт побери, обсуждали: никакого тотального уничтожения! У тебя магии почти не осталось…

- Это был не я.

Его голос звучит отрывисто, а взгляд устремляется к поверхности. Мои лёгкие сковывает спазм.

«Это был не я».

Но этого просто не может быть. Я качаю головой, во все глаза глядя на него. Это точно был Арион; его магия просто сработала инстинктивно в ситуации жизни и смерти, а он сам ещё этого не понял. Однако чёрные вены на его груди… они не разрослись. Они не пульсируют так, как всегда после того, как он колдует. И невидимый кулак сжимает мои лёгкие ещё сильнее. Потому что если это не Арион обрушил сверхъестественную молнию на самое дно океана…

Значит, это сделал кто-то другой.

Кто-то невероятно могущественный.

Паника перерастает в первобытный, леденящий ужас. Я резко оборачиваюсь к Веспер:

- Что ты натворила?!

Впервые на её лице отражаются те же эмоции, что и у меня. Глаза округлились. Всё тело натянуто как струна.

- Это была не я, Зефира.

- Тогда кто?! Он прислал кого-то ещё?

- Я не знаю!

Эти слова повисают между нами тяжёлыми камнями. Пальцы Ариона ложатся на мой подбородок, мягко приподнимая его вверх. Я перевожу взгляд вслед за его кивком - туда, к поверхности, где появляется ещё одна тень. На этот раз не гигантский кальмар, но не менее огромная. И столь же зловещая.

Корабль.

Гавриал судорожно выдыхает, но мою грудь, напротив, затапливает волна облегчения. Невидимый кулак отпускает лёгкие. Это не чародей.

- Нужно уходить, - бросает Арион. - Живо.

Схватив меня за локоть, он разворачивает нас, но это Сель. Мы находимся далеко от любой колонии, шахты или дворца. Вокруг - сука, открытый, бескрайний океан. Нам просто негде скрыться, негде залечь на дно, и, прежде чем мы успеваем обдумать хоть какой-то план, что-то острое с брызгами прорезает гладь воды. Оно несётся на нас с невероятной скоростью, стремительно раскрываясь вширь. Арион пытается толкнуть меня вперёд, чтобы увести из-под удара, но уже слишком поздно.

Колоссальная сеть падает прямо на нас, её утяжелённые края мгновенно опутывают и стягивают наши конечности. Она намертво зажимает крылья Ариона, мой хвост, хвост Веспер и - вишенкой на торте - грёбаную ногу Гавриала, после чего нас рывком тащит вверх, к поверхности.

Что ж. Я ошибалась.

Этот день определённо только что стал ещё хуже.

ЧАСТЬ III

ТЕМПЕСТ

Джордан Стефани Грей - Порочное мореThe Jordan Stephanie Gray - Wicked Sea

ГЛАВА 25

АРИОН

Мир разворачивается перед моими глазами медленно. Туманный. Плотный, сырой. Чужой.

Я часто моргаю, с трудом сдвигаясь под навалившейся сверху тяжестью. Мои крылья пытаются расправиться, чтобы разогнать судорогу в левой связке, но… они не двигаются. Да и я сам не могу пошевелиться под тем, что лежит на мне сверху.

Что произошло?

Я опускаю взгляд и обнаруживаю Гавриала, который развалился прямо на моей груди, закинув одну руку мне за шею и уткнувшись губами в горло. Из его груди вырывается тихое, мерное сопение. Глаза закрыты. И… я решительно ничего не понимаю. Я тычу его локтем в рёбра, но он даже не шелохнётся. Спит себе преспокойно. Обнимает меня так, словно я, чёрт возьми, какой-то плюшевый мишка. Я упираюсь ногой ему в живот и со всей силой, на какую только способен, спихиваю его с себя.

Он просыпается с приглушенным вскриком, падает на спину, как перевёрнутый жук, и судорожно машет руками в воздухе, словно отбиваясь от невидимого врага:

- Что… где… кто?..

- Заткнись. - Я оглядываюсь по сторонам, пытаясь сориентироваться и найти ответы на вопросы, которые всё ещё сыплются из его уст. Потому что сам я ничего не знаю. И ничего не помню. Нас с Гавриалом швырнули на мягкий матрас, заваленный доброй дюжиной одеял, одно роскошнее другого. Шерсть, шёлк, бархат с меховой оторочкой… Я заставляю себя сесть. Задача оказывается мучительной: кости трещат, мышцы ноют. Даже в венах ощущается иссушающая пустота, будто я - лишь жалкая оболочка того, кем был ещё несколько часов… дней? недель? назад. Нет. Нет, этого не может быть.

Я глухо рычу:

- Что за херня здесь происходит?

Гавриал перекатывается на живот, настороженно выглядывая на меня из-за горы бархатных диванных подушек:

— Хочешь сказать, это не твоих рук дело? Не твоя магия?

«Мы же, чёрт побери, обсуждали: никакого тотального уничтожения! У тебя магии почти не осталось…»

«Это был не я».

Это был не я. И сейчас это тоже не я. Я скрежещу зубами, челюсти сводит от подступающей к горлу тревоги. Я помню кальмара. Помню, как Зефиру и Веспер швыряло из стороны в сторону, словно мешки с картошкой. Помню, как перехватил трезубец и пытался драться. Помню молнию, потроха и то, как прижимал к себе Зефиру. А после этого…

Пустота.

В висках начинает стучать зарождающаяся головная боль.

Я здесь, с Гавриалом. В какой-то спальне.

Над роскошной кроватью колышется балдахин из зачарованных грозовых туч, а четыре столба, удерживающие его, вырезаны в форме бушующих торнадо. Стены из мореного плавника занавешены полуночно-синими гобеленами, а от ледяного сквозняка, гуляющего по огромной комнате, тихо звенят колокольчики из морского стекла. Гремит гром. Далёкий, лишь эхо раскатов, от которых едва заметно подрагивает пол. Повсюду стоят столы, стулья, а в углу примостилась небольшая банкетка, вырезанная в виде сундука, ломящегося от золота. И абсолютно каждая поверхность здесь завалена сокровищами. Кристаллы. Драгоценные камни. Серебряные и золотые монеты. Кольца, ожерелья и… древний череп на столе, который вдруг начинает отчётливо щёлкать зубами.

- Убей чужака, чтоб вернуть былую красу, но коль он мертвец - береги голову, а то кости разлетятся в прах. Хрусь. Хлоп. Кровь, кровь, кровь, - стрекочет череп. А спустя пару секунд добавляет: - Каждый, кто дышит, однажды сделает свой последний вздох. Как узнать, который из них твой? Дыши глубже. Дыши полной грудью. Умри, умри, умри.

- Чудесно. - Гавриал приподнимается над своей подушечной баррикадой и косится прямо на проклятый артефакт. - Пора сваливать. Давай, наколдуй нам выход отсюда. Желательно оперативно. Сию секунду. С величайшей поспешностью. И очень хотелось бы до того, как эта штука решит нас сожрать.

Я одариваю его тяжёлым взглядом. Кажется, даже мои крылья раздражены его абсолютно лишним присутствием. Правое крыло непроизвольно дёргается и по-отечески припечатывает его по спине. Гавриал кряхтит:

- Я не для того выжил в схватке с гигантским кальмаром, чтобы меня абьюзили твои перья…

- Ты не убивал гигантского кальмара. Тебя трясло там, как погремушку, пока остальные пытались его прикончить.

Он хмурится и садится. Его иссиня-чёрные волосы спутались в какое-то безумное птичье гнездо и торчат во все стороны.

- Я считаю себя полноправным участником битвы, покорно благодарю.

- Значит, песнь сирены окончательно расплавила твой мозг.

- О! Песня сирены! - Гавриал поднимается на колени. - Вот это я помню. Помню серебряноволосую русалку и её трезубец, помню, как мы одолели кальмара, и помню… помню…

- Ничего, - заканчиваю я за него. - После атаки - сплошной провал.

Он грязно ругается, а затем поднимает руки. Его запястья намертво стянуты обсидиановым канатом. На долю секунды в сознании вспыхивает смутное воспоминание: стремительный удар тяжёлой сети. Острый укол шприца… Но воспоминание испаряется быстрее, чем успевает оформиться, и мой взгляд падает на собственные руки. Тоже связаны.

Серебряный шнур нашей связи запутался в обсидиановых путах, обвивая каждый узел. Он с ощутимым, отчаянным усилием пытается перерезать канат, чтобы освободить меня, но у него ничего не выйдет.

Мы в дерьме.

- Ну и? - спрашивает Гавриал. - Не хочешь нас распутать, Арион?

- Не могу. - Я в упор смотрю на канат. Чёрный не от краски, а от яда. Парализующий токсин. Магия бьется глубоко под кожей, пытаясь вырваться наружу, но не может. Истощение сжимает мои лёгкие и сердце безжалостными когтями. Кто-то похитил нас. Кто-то нас отравил.

- Чернила солнечного кальмара, - цежу я сквозь зубы с глубочайшим презрением. В глазах Гариала тут же вспыхивает понимание.

Череп на столе радостно щёлкает жемчужно-белыми зубами, словно ликуя, и вторит:

- Умри, умри, умри.

- Как же я ненавижу эту тварь, - бормочет Гавриал.

Но я игнорирую и его, и череп, и даже зачарованные тучи, из которых на нашу кожу начинает капать мелкий дождь. Нас похитили, я ослаблен. Я полностью обезоружен.

- Я не могу дотянуться до магии, пока мы связаны этим канатом.

Моя сила иссякла.

- В этом-то и весь смысл, - раздаётся женский голос. Сначала комнату наполняет её чужеродный акцент - хриплые, резкие нотки, происхождение которых я не могу с ходу определить, - а затем из сверхъестественного тумана вальяжной походкой выходит она сама. Я мгновенно вскакиваю на ноги. Руки связаны, крылья в этой тесной комнатушке практически бесполезны, но у меня всё ещё есть тело для драки. И я буду драться.

Женщина лениво ковыряет в ногтях серебряным кинжалом. На её поясе висит столько клинков, что я не успеваю даже сосчитать: маленькие, изогнутые, обоюдоострые… Она склоняет голову набок, изучая меня, как кошка перед прыжком. Её глаза вспыхивают грозовым серым цветом, а непослушные каштановые пряди пляшут вокруг загорелого узкого лица.

- Ну и что ты сделаешь? Попытаешься въехать мне локтем в рёбра? Или, может, впечатаешь мой нос в череп, чтобы выбить из равновесия? - говорит она обыденно и сухо, словно обсуждает погоду. Затем пожимает плечами: - Без разницы. Что бы ты ни задумал, я просчитаю это на шаг вперёд. И ударю первой. - Профессиональным щелчком запястья она запускает кинжал вперёд. Лезвие с глухим стуком вонзается в матрас. Прямо между ног Гавриала. Меньше чем в дюйме от его достоинства.

Гавриал смотрит вниз с неподдельным ужасом.

- Мне не стоило потакать вашему безумию, - заявляет он после долгой паузы. - Надо было остаться в Башне Истории.

- Вор и преступник на бал заскочил, шаг оступился - и лоб он разбил. Мозги по паркету, в глазах темнота, саван примерит покойник у нас, - стрекочет череп.

Женщина коротко смеётся над очередным стишком, но Гавриал буквально закипает:

- Это место варварское. А эту костяную херню нужно швырнуть в ближайший костёр.

- О, это исключено, - бросает женщина. Она бесцеремонно смахивает кучу сокровищ со стула, отправляя драгоценные камни и монеты со звоном сыпаться на деревянные половицы, после чего плюхается на сиденье и закидывает ноги на ближайший столик. - Душа королевы Эмилии запечатана на вечность. Можешь пытаться разбить её, зарезать или сжечь - она никогда не сломается.

- Пробовала уже, да? - скептически выгнув бровь, интересуется Гавриал.

- Естественно. Какая женщина захочет вечность делить жилплощадь со своей пра-пра-прабабкой? - Она пытается отодвинуть череп кончиком своего сломанного клинка, но череп - королева Эмилия - резко клацает челюстями прямо по металлу. И перекусывает лезвие пополам. - Видите? Она невыносима, и её невозможно победить. В отличие от вас двоих. - Женщина указывает на нас обломком кинжала, после чего небрежно отбрасывает его в сторону. - Полагаю, у вас сейчас паника. Провалы в памяти, ломота в позвоночнике… Ощущения не из приятных, да?

Я сжимаю пальцы в кулаки. Гавриал лишь глухо ворчит, пока незнакомка выуживает из-за пояса пустой шприц и небрежно бросает его на кровать.

- Если вколоть в основание позвоночника порцию яда гадюки с каплей жидкой ртути, можно вырубить кого угодно минимум на двое суток. Разумеется, дозировка зависит от комплекции, а нам очень нужно было убедиться, что вы не очнетесь раньше времени. Так что мы ввели с запасом. Это немного бьет по памяти о самом моменте пленения, но долгосрочных последствий быть не должно. - Она пожимает плечами. - Введи мы чуть больше - вы бы уже подохли.

- Воодушевляюще, - выплёвывает Гавриал. - Нам что, теперь упасть на колени и благодарить за это?

- Вовсе нет. - Она хищно оскаливается. - Я вообще ещё не решила, выживете ли вы.

Я буравлю её тяжёлым взглядом, мне глубоко плевать на её проклятую бабку, токсины и дешевые угрозы. Она не контролирует ситуацию полностью, а я далеко не дурак. Я прекрасно знаю, кто передо мной.

- Принцесса Амайя Фрост, - чеканю я. - Шторморождённая семнадцатая дочь Темпеста.

- Пожалуйста, - принцесса пренебрежительно машет рукой, - здесь меня так никто не зовёт. Просто Амайя. Или Капитан. И для меня огромная честь встретить вас, чернокнижник Арион Стоун. К слову, о свойствах ртути мы узнали исключительно благодаря твоему нападению. - Она поворачивается к Гавриалу: - Это было несколько лет назад, но он призвал облако ртутного газа, которое заживо сожрало плоть авангарда Темпеста. Представляешь?

Гавриал поворачивает голову и смотрит на меня так, словно хочет прожечь во мне дыру.

- Знаешь… очень даже представляю.

Амайя продолжает как ни в чем не бывало, снова переводя взгляд на моё лицо:

- После этого мы начали экспериментировать. Нам удалось откопать эту дрянь из самых глубин земли. Жуткое зрелище, если честно. Ты действительно такой безжалостный, как о тебе говорят.

Я делаю шаг вперёд, и мои крылья отбрасывают зловещую, тяжёлую тень на комнату. Дождь продолжает хлестать нас, холодный и промозглый, но я даже не вздрагиваю.

- Твоя мать пыталась захватить побережье Мортии.

- Нет, - возражает она. - Она пыталась забрать старый прибрежный дворец Мортии. И кто станет её винить? Он стоит прямо на богатейшем месторождении кварца, который ваш король за все годы даже не удосужился начать добывать.

- Это была осада, - отрезаю я. - Вы должны были быть готовы к войне.

Я кошусь вниз, на серебряный шнур. Он оставил попытки перерезать путы и теперь стрелой уходит от моей груди куда-то вглубь тумана, скрывающего остальную

часть помещения. Дверь должна быть там, за этой пеленой. А за ней - Зефира. Я не чувствую ничего через нашу связь. Ни злости, ни страха, ни боли. Но раз я жив, значит, жива и она. Вот только это ненадолго, если мы не выберемся.

Мне нужно снять эти грёбаные путы. Любой ценой.

Гавриал тем временем оглядывается по сторонам, явно запоминая каждую деталь: звёздные карты, навигационные чертежи океана и иллюминатор слева от нас, за которым простирается залитое ливнем небо. Мы на одном из их небесных кораблей.

Амайя больше не удостаивает историка вниманием:

- Что чернокнижник забыл в Шторморождённых водах? Один из наших новых авангардов заметил крылатую тварь, летящую опасно близко к нашей стене. Думаю, ты поймёшь нашу… излишнюю бдительность у границ. Особенно когда дело касается мортийского отродья. Но мы никак не ожидали, что найдём здесь именно тебя. - Искры молний срываются с её пальцев, но в отличие от моей магии, эта сила кажется чистой. Хаотичной. Она бурлит, расширяется и с треском перекатывается по её ладоням, словно готовая в любую секунду разнести этот корабль на сотни щепок. - Сильнейший чернокнижник Мортии трется у наших границ в компании русалок.

Гавриал испуганно косится на меня. Напряжение в комнате растёт пропорционально мощи королевской особы. В королевстве Темпест никто больше не владеет магией - только прямые наследники, ведущие свой род от самого Темпестаса. Они способны управлять штормами, как оружием. Принцесса Амайя - своего рода полубогиня, и мы угодили прямо к ней в лапы. Она молода, ей едва ли исполнилось тридцать, а на троне железной хваткой сидит её семидесятишестилетняя мать. Принцесса кожей преданности захочет выслужиться. Захочет отомстить за смерти, что я принёс её людям. Захочет притащить мою голову королеве.

- О, вы же понимаете, - Гавриал небрежно взмахивает связанными руками, - мы просто вышли на утреннюю прогулку. Нас унесло течением. Очень, очень далеко унесло.

Амайя опасно прищуривается. Без предупреждения с её пальцев срывается молния и бьёт Гавриала прямо в плечо. Его тело мгновенно выгибает в судороге. Глаза закатываются.

- Терпеть не могу лжецов, - роняет Амайя, пока Гавриал оседает на кровать с болезненным стоном. - Попробуй ещё раз.

Мои пальцы дёргаются. Магия гудит под кожей. Если бы я только мог пробиться сквозь блокирующий токсин. Шторморожденные могут управлять погодой, но я могу управлять всем. Мне понадобятся считанные секунды, чтобы выпустить из этой принцессы всю кровь до капли. Она упадёт замертво прямо здесь.

Она ухмыляется, будто читая мои мысли, и снова пожимает плечами:

- Твоя очередь, чернокнижник Стоун. Если твоя история окажется достаточно убедительной, возможно, я сохраню тебе жизнь.

Гавриал подтягивает колени к груди, судорожно восстанавливая дыхание. Череп на столе заходится зловещим хохотом. Тучи над головой заметно темнеют. А серебряный шнур… окончательно теряется в зачарованном тумане.

«Терпеть не могу лжецов».

Я ненавижу быть беспомощным. Ненавижу угрозы расправой. И больше всего на свете мне до смерти надоело терять мою русалку.

Поэтому я лгу.

- Мы просто плавали.

Джордан Стефани Грей - Порочное мореThe Jordan Stephanie Gray - Wicked Sea

Ботинки Амайи с грохотом опускаются на пол. Она до белых костяшек впивается пальцами в подлокотники кресла. Молния срывается с её ладоней и с бешеной скоростью летит прямо в меня. Отлично. Именно этого я и ждал.

Я резко вскидываю руки вверх, подставляя под удар канат - и позволяя электрическому разряду начисто пережечь отравленные путы.

Стоило обрубкам каната упасть к моим ногам, как моя магия колоссальной волной вырывается наружу. Простым порывом ветра я перенаправляю остатки её молнии в сторону. Принцесса вскакивает на ноги, а из туч над головой позорным градом сыплются ледяные куски размером с те самые монеты на полу. Мои крылья мощными ударами отбивают их. Один за другим.

- Можешь пытаться убить меня, чернокнижник, - Амайя перехватывает три кинжала между пальцами, превращая их в подобие когтей, - но тебе не выбраться с этого корабля живым. Он кишит стражниками и солдатами. Они пустят твоих русалок на фарш ещё до того, как ты успеешь покинуть каюту, а затем вскроют тебя от пупка до носа. Мы на территории Темпеста, Арион Стоун. Здесь тебя никто не спасёт.

Я прожигаю её взглядом. Тьма клубится на моих ладонях. Она права лишь частично: мы бы разнесли этот корабль в щепки, но что делать дальше? Темпестас лично контролирует небо над своим маленьким континентом, и, если одна из его прямых наследниц погибнет в кровавой бойне под его взором, бог сотрет нас в порошок. Это не Мортем - разорванный на куски и изгнанный в Бездну. И это не забытая богиня русалок из древних мифов. Торнадо Темпестаса кружат на стенах этого дворца. Его шторма крушат каменные крыши тысяч домов.

А это значит, что даже если колоссальный выброс магии для подрыва этого судна не убьёт меня на месте, сам Темпестас, чёрт, точно это сделает.

Гавриал понимает это, возможно, даже быстрее меня. Он сползает с кровати и всё ещё подрагивающей рукой пытается привести в порядок свои растрёпанные волосы.

- Зачем… зачем вы вообще поднялись в небо? - спрашивает он. - Если вы принцесса, какого хрена вы играете в капитана здесь, вместо того чтобы чинно пить чай в своём дворце?

Амайя ловит на лету крупную градину и с хрустом сжимает её в кулаке:

- А какого хрена сильнейший чернокнижник Мортии делает на нашей территории, якшаясь с врагами всего человечества? - Осколки льда осыпают синий шерстяной ковер, и она с силой раздавливает их каблуком своего сапога. - Ты действительно готов пойти на убийство иностранной принцессы, Стоун? - Жёлтые вены отчётливо проступают в её глазах, а волосы окончательно выбиваются из небрежного пучка, когда ветер в каюте начинает кружить всё быстрее. Быстрее. Быстрее.

- Да. - Серебряный шнур вспыхивает ослепительно белым. Я пытаюсь дотянуться до Зефиры, передать ей мысль, приказ бежать, драться - но через связь не возвращается абсолютно ничего. Ни мысли, ни чувства, ни даже проблеска цвета. Зефира всё ещё без сознания. Она даже не узнает о своей участи - к лучшему это или к худшему.

Принцесса Амайя Фрост буквально отрывается от пола, поднимаясь на потоке яростного ветра. Её сливово-пурпурное платье вздымается у бёдер, оружейный пояс зловеще гремит. Взгляд темнеет, превращаясь из серого в угольно-чёрный, а в зрачках по-прежнему пляшут молнии.

- Mors est velox; Fathoms non est, - шепчет она. Древний божественный язык, старый как само время.

Череп на столе тут же переводит фразу на современный лад:

- Смерть быстра, но Бездна - нет. Сражайся, милое дитя. Сражайся и побеждай. Принеси славу нашему роду.

Гавриал решительно шагает прямо к черепу и бесцеремонно разворачивает его лицом к стене, едва успевая убрать пальцы от клацнувших зубов.

- Юноша, - оскорблённо доносится от стены, - умри, умри, умри.

- Это даже не рифма! - Гавриал сгребает со стола горсть сокровищ, принудительно перетягивая внимание принцессы на себя. Я понимаю, что он тянет время, пытаясь дать мне возможность прикончить её без лишнего шума, пока он не произносит: - Королевство Темпест славится своими неисчислимыми ресурсами. Это ведь так?

Он хватает монету, вторую, третью, ловко перебирая их между пальцами с ловкостью заправского шулера.

- У вас тонны золота, серебра, бронзы, драгоценных камней, кристаллов и минералов. Верно? - Он бросает взгляд на принцессу, вопросительно выгибая бровь и бросая ей вызов доказать обратное. - Вот только есть одна неувязочка: Темпест - крошечный континент, размером примерно с побережье и столицу Мортии. И он пустовал целую сотню лет после Разлома. Именно по этой причине вы заключили торговое соглашение с Мортией. Они поставляли вам продовольствие и товары, которые вы сами произвести просто не способны.

Амайя делает мягкий, кошачий шаг вперёд. Она выставляет свои кинжалы-когти, точно дикая пантера перед броском:

- Кто ты такой? Я хочу знать твоё имя перед тем, как выпущу твои кишки.

- Я вижу, от кого вы унаследовали ваше женское очарование, - Гавриал неопределенно кивает в сторону отвернутого черепа, - но я вас не оскорбляю. Я взываю к вашему разуму.

- У тебя харизма дверной ручки, - отрезает Амайя.

Гавриал делает шаг назад, не отрывая взгляда от молний, продолжающих искрить в её глазах:

- Возможно. Но я при этом чертовски прав. Темпест разорвал соглашение с Мортией в тот самый день, когда попытался втайне прибрать к рукам прибрежный дворец. В день, когда один конкретный чернокнижник… ликвидировал угрозу.

- Убил моих людей, - рычит Амайя.

Я делаю шаг, вставая между ними, так как наконец улавливаю мысль Гавриала.

- Казны Темпеста пусты. - Мой взгляд намертво приковывает её к месту. - Вы здесь не на королевском курорте в облаках. Вы охотитесь за сокровищами.

- Именно, - Гавриал дергает руками, пытаясь ослабить канат на запястьях. - Они обычные мародёры и искатели кладов, ведомые полубожественной охотницей. Он косится на меня краем глаза: - И вообще, мог бы дать мне закончить мысль. Я первый до этого додумался.

Я раздражённо смотрю на затянутый тучами потолок:

- А я первый догадался, что она - принцесса.

- А я первый проснулся, - парирует он. Затем делает паузу, принюхивается и поспешно отводит взгляд, когда я ловлю его на слове. - Я просто хотел немного обняться, ладно?

Джордан Стефани Грей - Порочное мореThe Jordan Stephanie Gray - Wicked Sea

Пол каюты содрогается от мощного удара грома - в котором смешались и ярость Амайи, и моя собственная сила. Наши эмоции сталкиваются, и воздух мгновенно начинает пахнуть гарью и ржавчиной. Принцесса пристально вглядывается в моё лицо, её ментальное давление тяжело оседает на плечах. Мне следовало бы пронзить её стеклянным мечом до того, как она успеет полоснуть меня по горлу. Это было бы разумно. По-солдатски. Однако она моргает, и молнии в её глазах внезапно гаснут.

Она с глухим стуком бросает свои клинки на стол.

- Я пленила вас не ради мести, чернокнижник Стоун. Мы выловили вас из воды после того, как получили весточку с другого корабля о бойне на Зелёных островах. Докладывали, что земля там иссушена, а люди мертвы. Из каждого выпита жизнь, конечности обглоданы, а внутренности разбросаны по пеплу. И что в самом центре этого побоища стоял крылатый чернокнижник. - Она убирает растрепавшиеся волосы от лица, закручивая их в тугой пучок и закалывая его шпилькой с павлиньим пером. - Это ведь твоих рук дело.

- Мы никого не убивали, - цежу я.

Я не собираюсь говорить ей про сердце. И не скажу.

Она ухмыляется, будто и так всё знает:

- Много лет назад Темпест отправил пехоту - шпионов - в Мортию, чтобы прочесать ваши горы. Ваши северные города абсолютно пусты, там нет ни единой живой души. Мои люди не могли понять, в чём дело… пока не копнули слишком глубоко и не наткнулись на жестокий культ. В живых остался только один, чтобы поведать мне об этом. Правда, уже без ноги, - добавляет она. - Культисты отгрызли её по самое колено. Так что резня на островах Люции - не совсем твоя вина, верно?

Она делает небольшую паузу, позволяя словам осесть в комнате.

- Я похитила вас не ради мести, чернокнижник Стоун. Я хочу помочь вам. То, что вы ищете, должно стоить чертовски дорого, раз за вами охотится и этот культ, и всё твоё гребаное королевство. Я просто предлагаю помочь вам заполучить это… и, возможно, разделить добычу. - Она вызывающе приподнимает подбородок, а в её глазах вспыхивает опасный, азартный огонёк. Она протягивает мне руку: - Ну так что скажешь, Стоун? Заключим наше собственное соглашение?

Где-то на краю стола череп тихо, зловеще напевает сам себе под нос:

- Дочь Темпестаса, сын Мортема, что бы вы ни пожали, вам не суждено это посеять. В конце пути - лишь клочок земли, и ваши тела лежат глубоко, глубоко, глубоко…

Джордан Стефани Грей - Порочное мореThe Jordan Stephanie Gray - Wicked Sea

ГЛАВА 26

ЗЕФИРА

- Думаю, удушье, - рассуждает Веспер. - Подавишься яблочной огрызком. Я протолкну его тебе прямо в глотку и зажму челюсть.

- А я бы с радостью вырвала все волосы на твоей голове - один за другим. Начну с бровей, потом из носа, из ушей, а уж затем перейду к твоему хорошенькому скальпу.

- У меня нет волос в носу! - шипит Веспер. - Так, теперь я думаю о том, чтобы обмазать тебя рыбьей кровью и подвесить в Соль. Пусть кракены разорвут тебя с этой наживкой.

- Ага, ну а я бы просто заперла тебя в таверне. И никакой рыбьей крови не надо. Ты бы сначала до смерти замучила своей скукой всех посетителей, а потом и саму себя.

- Я не скучная!

- Ну да, ну да. Я уверена, все были бы просто в восторге от твоей потрясающей истории о том, как чайка выклёвывала сухожилия из оторванного большого пальца. Особенно если ты будешь рассказывать её снова, и снова, и снова…

- Эта история интересная!

- Она отвратительная, Веспер. - Через прутья наших раздельных клеток я швыряю в неё горсть деревянных щепок.

После того как нас поймали этой нелепой сетью, люди в пурпурной форме вкололи нам какую-то дрянь. По идее, она должна была нас вырубить - Ариона с Гавриалом ведь вырубила, - но нам с Веспер обеспечила лишь дикую головную боль и свинцовую тяжесть в конечностях. А потом нас разделили. Нас притащили в этот проклятый трюм. Я сижу, скрестив ноги, и моя задница вместе с остатками рубашки Ариона насквозь пропитались сыростью от плотного, неестественного тумана. Время от времени корабль кренится от неспокойного ветра, и мы с Веспер заваливаемся назад. Или вперёд. Или из стороны в сторону. К горлу подступает тошнота, голова кружится от вертиго. Ненавижу летать. Ненавижу это место.

Но больше всего меня бесит, что нас постоянно сбивают с пути. А Арион…

Я с трудом сглатываю подступивший к горлу крик отчаяния, потому что понятия не имею, где он. Наш шнур связи уходит куда-то в этот странный туман, и я ничего не чувствую. Ни единой мысли, ни эмоции, ни даже отголоска той боли, которую Арион всегда носит в себе. Будто он просто… исчез.

Я со злостью швыряю рыбий скелет в прутья своей клетки. Кость мгновенно трещит, вспыхивает и пускает дым при первом же касании. Прутья под напряжением. Стоит схватиться за них дольше чем на секунду - и нам крышка.

Мы, чёрт побери, в ловушке.

Желудок выворачивает наизнанку. В голове набатом стучит пульс.

Всё пошло через задницу с того самого момента, как мы ограбили могилу под храмом Мортии.

Тяжело выдохнув, я поднимаю глаза на Веспер через решётку. На этот раз я заставляю себя смотреть. По-настоящему увидеть эти тени в её тёмно-синих глазах. Эти тени чертовски похожи на Эос. Они сотканы из скорби.

Я никогда не хотела, чтобы всё обернулось именно так.

- Веспер. - Я бесцеремонно прерываю её довольно красочное описание того, как она порубит меня на мелкие кусочки и скормит угрям. Она отрывается от своих грязных ногтей и направляет на меня колючий, тяжёлый взгляд. - Насчёт Эос…

При одном упоминании имени сестры всё её тело судорожно вздрагивает. Она яростно качает головой:

- Нет.

Горло перехватывает спазмом. Я вытираю вспотевшие ладони о грязные штанины. Мы должны сделать это. Должны поговорить об этом, пока не стало слишком поздно.

- Но…

Она резко поднимается на колени:

- Я не хочу слышать, как ты произносишь её имя.

- Мы можем подохнуть здесь, Веспер. Теперь за мной охотится весь мир, включая Верховного Колдуна. Есть шанс, что я… - Я тяжело сглатываю. Снова и снова. Пока не понимаю, что вовсе не сглатываю - я задыхаюсь, а за глазами начинает жечь от слёз. «Есть шанс, что я умру», - хочу сказать я. «Есть шанс, что я не смогу убежать, не смогу выжить». Но слова застревают в горле. Они не сходят с языка. Словно если я произнесу их вслух, то лично воплощу этот кошмар в реальность. Я поворачиваюсь к ней, подтягивая колени к груди. Обхватываю их руками, словно пытаясь защититься от её ярости. - Я как кошка, Веспер. На своей десятой жизни, и это… этот момент может стать последним, что у нас осталось. Я никогда не хотела, чтобы Эос пострадала. Мне так… так жаль.

- Оу? – Её взгляд вспыхивает, темнея от неподдельной, чистой ярости. Из морского синего в убийственно чёрный. - Тогда почему ты не украла ключ, Зефира? Зачем ты заставила Эос лезть в тот вентиляционный люк, если прекрасно знала, что её плечо повреждено… было повреждено. - Голос Веспер на секунду ломается. - Ты знала, что она может не пролезть, но всё равно ждала, что она спустится туда. И когда пришли стражники, что сделала ты?

Я молчу. Ну и что мне ей ответить?

Однако Веспер моё молчание не устраивает. Она не позволит мне сбежать от ответа.

- Что ты сделала?!

Челюсти сводит судорогой. Из-за подступивших слёз я едва способна хоть что-то видеть.

- Я спасла себя.

«Она звала тебя, Зефира. Её последние слова - она кричала твоё имя. А я сидела в этой долбаной темноте, пока ты бежала».

Веспер горько, обречённо усмехается. С этим смехом её плечи бессильно опускаются. Она качает головой, закрывает глаза и проводит ладонью по измученному лицу. Но уже в следующее мгновение её черты снова ожесточаются, и она награждает меня очередным уничтожающим взглядом:

- И как? Успешно, Зефира? Прямо чувствуешь себя в полной безопасности, да?

Словно в подтверждение её слов, корабль резко кренится, как завалившийся чайник. Слишком круто. Слишком быстро. Мы с Веспер одновременно вскрикиваем, отчаянно пытаясь удержаться на ногах при этом безумном вираже. Но мои ноги скользкие от крови и чернил кальмара, а ладони влажные от сырости в воздухе. Я не удерживаюсь. Корабль продолжает заваливаться на бок, и я лечу вниз. Вниз. Вниз.

Прямо на прутья решётки.

Электрический ток мгновенно прошивает меня изнутри. Кровь в венах буквально закипает, пока я в судорогах пытаюсь отползти назад. Я вообще едва способна хоть что-то сделать - тело бьётся в конвульсиях. Даже когда корабль наконец выравнивается, я не могу пошевелиться. Мышцы намертво свело. Из горла вырывается хриплый, задушенный крик. Веспер вскакивает на ноги, бросаясь ближе к краю своей клетки, но она не может коснуться прутьев. Не может выбраться и оттащить меня. Вместо этого она истошно орёт куда-то в темноту коридора:

- Эй, ублюдки! Если хотите нас прикончить, есть способы попроще!

Никто не отвечает, а я… я просто не могу…

- Зефира, двигайся, - шипит она.

И по какой-то причине этой короткой команды оказывается достаточно. Приказ заставляет мои кости окрепнуть. «Зефира, двигайся. Зефира, двигайся. Зефира, двигайся». Я яростно впиваюсь ногтями в деревянные половицы. Резко, превозмогая боль, отползаю назад, пока глубоко под кожу врезаются острые щепки. К горлу подступает горькая желчь, сердце колотится как сумасшедшее. В глазах темнеет, голова идет кругом. Я валюсь прямо посреди клетки и меня выворачивает на пол.

Веспер сжимает кулаки, тяжело наблюдая за мной.

- Долбаный Темпест.

Я судорожно ловлю ртом воздух, пытаясь сдержать рвотные позывы:

- Ты… думаешь…

- О, я знаю. Люди Темпеста - единственные в мире, не считая чернокнижников, кто способен управлять погодой. И у этих ублюдков… у них не было крыльев.

Я пытаюсь дышать, пытаюсь прийти в себя и почувствовать опору под телом. Действительно. У этих людей были шприцы. Сети. Молнии. Сплюнув вязкую горечь, я поднимаю на неё взгляд:

- Скажи мне, что ты не хочешь подохнуть здесь.

Она злобно косится на тучи над нашими головами. Они всё ещё гремят и искрят.

- Само собой, я не хочу здесь сдохнуть.

- Отлично. - Я заставляю себя кивнуть, заставляю мозги работать. Я не могу вернуть Эос в одиночку. Я не могу обещать Веспер луну и звёзды, как этот грёбаный колдун, и у меня нет слов, способных исцелить её боль. Я с трудом принимаю сидячее положение, хотя мышцы всё ещё подрагивают от шока, и встречаюсь с ней взглядом. - Нам не обязательно быть подругами, чтобы выбраться отсюда, Веспер.

Она резко переводит всё внимание на меня:

- К чему ты клонишь?

- К тому, что мы сбегаем. А всё, что будет после… - Я сухо пожимаю плечами, притворяясь, будто вина не жрет меня заживо изнутри. Будто сожаление не бьёт меня под дых с каждым вдохом. - Мы провернули вместе достаточно дел. Никто не дерётся лучше тебя, и никто не соображает быстрее меня. Если здесь есть дверь…

- …значит, есть и выход, - заканчивает она со вздохом. - Я помню.

- Ну так что?

- Так что я сейчас усиленно размышляю, могу ли я тебе верить. - Веспер запускает пальцы в волосы, убирая тяжёлые серебряные пряди со плеч, после чего снова качает правой головой. Чертыхается. - Ладно. Но учти: как только всё закончится, я всё равно притащу тебя к колдуну, Зефира. Я верну свою сестру. Если мы вырвемся из этого трюма, я не позволю тебе красиво уйти в закат. Ты моя должница, и я намерена забрать этот долг.

От её слов шрамы на моём теле начинает болезненно тянуть. Паника снова подступает к горлу, но я силой загоняю её обратно. Заставляю себя дышать и концентрироваться. Веспер понятия не имеет, с кем связывается, но я-то прекрасно знаю.

- Он не вернёт её, Веспер. Я клянусь тебе…

- С меня хватит твоих обещаний, - отрезает Веспер. - У тебя язык как у морского змея. - Она с хрустом разминает шею и расправляет плечи. В её глазах, отражающих вспышки молний сверху, наконец разгорается азартный блеск. Она скалится в жесткой, хищной улыбке: - Но подыхать на этом корыте я не собираюсь. Мы сбегаем вместе, а уж потом твоя задница официально принадлежит мне.

«Чёрт, - думаю я.

- Идёт, - вслух соглашаюсь я.

И точно так же, как мы делали это недели назад, мы с Веспер начинаем планировать наше следующее совместное дело.

Джордан Стефани Грей - Порочное мореThe Jordan Stephanie Gray - Wicked Sea

ГЛАВА 27

АРИОН

- Я совершенно не понимаю, почему именно я должен тащить эту штуку, - ворчит Гавриал, спускаясь на самый нижний ярус корабля. Запах плесени и петрикора намертво въелся в нашу недавно позаимствованную одежду. Он повыше поднимает серебряное блюдо, на котором счастливо щёлкает челюстями заколдованный череп.

- Ты умрёшь, она умрёт, он умрёт - умрёте, умрёте, умрёте.

- Да знаем мы, - огрызается Гавриал. - Ты повторила это уже сотню раз за последний час. Пожалуй, ты самый унылый проклятый череп, с которым мне когда-либо не посчастливилось разговаривать…

В этот момент корабль сильно кренится влево. Мне удается удержать равновесие - крылья служат надежным противовесом, а сапоги словно прирастают к полу. Но Гавриалу везёт меньше. Он спотыкается о край небрежно брошенного фиолетового ковра, и череп начинает соскальзывать с блюда. Однако тварь успевает спастись, намертво вцепившись зубами в длинный рукав его новой рубашки. Гавриал во все глаза смотрит на повисший на нём череп, а затем переводит взгляд на идущую впереди принцессу.

- Надеюсь, она не прокусила холстину?

Амайя оглядывается на него через плечо, и её губы кривятся в весьма снисходительной, кошачьей улыбке:

- О, считай, тебе повезло, если она не пустила тебе кровь.

Череп скалится снизу вверх на Гавриала и сквозь сжатые зубы выдаёт:

- Я бы сказала «прости», но на вкус ты как сайра из сети.

Гавриал аж задыхается от возмущения:

- Она что… она сейчас серьёзно сравнила меня на вкус с рыбой?

Принцесса коротко бросает:

- Да.

Он пытается стряхнуть череп со своей рубашки, но в процессе лишь сильнее рвёт ткань. Со вздохом я самолично отдираю проклятую королеву от его рукава и передаю её Амайе. Гавриал так и кипит от злости, но мне, честно говоря, плевать.

Серебристый шнур связи пульсирует передо мной, натягиваясь всё сильнее и уходя вглубь корабля. Зефира близко. И я не намерен терять время на очередную грёбаную перепалку. Это продолжается часами. Прошли часы с тех пор, как я очнулся на той кровати. Часы с тех пор, как Амайя начала говорить, говорить и говорить без умолку.

Половину времени я её даже не слушал.

Шнур светится подобно лунному свету, хотя я до сих пор не чувствую Зефиру. Не чувствую её присутствия, эмоций, запаха - вообще ничего. Из-за этого вакуума вдоль позвоночника распространяется такое сильное напряжение, что мышцы начинает ломить. Всё остальное не важно. Мне нужно найти её.

Джордан Стефани Грей - Порочное мореThe Jordan Stephanie Gray - Wicked Sea

Принцесса Амайя Фрост ведёт нас мимо грузового отсека. Она полностью игнорирует жалобы Гавриала, когда корабль снова заваливается набок и прямо под ноги нам выкатывается бочка с полусгнившими апельсинами. Мы лавируем между штабелями корзин и резервуарами с какими-то плавающими ракообразными, пока наконец принцесса не распахивает скрипучую дверь, жестом приглашая нас внутрь трюма.

Мои крылья задевают неровные стены, перья мгновенно топорщатся от глубинного отвращения. Доски пола измазаны кровью. Вдоль левой стены тянется ряд пустых клеток. Здесь сыро, убого и тесно - в точности как в любой другой тюрьме, где мне доводилось бывать.

В стеклянных фонарях подрагивают оранжевые языки пламени, отбрасывая длинные тени на тёмный пол, и в моей памяти всплывают десятки кошмаров из юности. Заточение. Калечащие раны. Пытки Повелителя Смерти. Челюсти невольно сжимаются. Я обхожу остальных, протискиваясь вперёд.

Мне просто нужно найти мою чёртову русалку.

Однако шнур ведет вовсе не к клеткам. Он вообще никуда не ведет внутри комнаты. Серебряная нить проходит сквозь плотную стену тумана прямо напротив решёток, будто пронзая обшивку корабля насквозь.

Словно Зефиры здесь уже нет.

В мгновение ока меня охватывает бешеное напряжение. Моё самообладание трещит, как натянутый до предела канат, и я яростно разворачиваюсь к принцессе:

- Где, блять, моя русалка?

Амайя в замешательстве хлопает глазами, глядя на абсолютно пустой ряд клеток. Я с хрустом сжимаю кулаки. Принцесса тут же вскидывает оружие для защиты - кинжал в одной руке и этот проклятый череп в другой. Но мне плевать. Я выжгу остатки своей магии, чтобы найти Зефиру. Ни о чём другом я думать не могу. Только розовый цвет, бирюза и она. Шнур влечёт меня дальше вглубь помещения. Всё дальше и дальше.

- У нас был уговор, - цежу я, пока воздух вокруг начинает искрить от магии, вскипающей в моих венах. - Ты ведёшь нас к русалкам. Мы рассказываем тебе о сокровище.

- Уверяю тебя, они здесь. - Амайя оглядывается по сторонам с таким видом, словно просто потеряла кухонное полотенце. - Они не могли сбежать. Моих солдат на этом корабле в десять раз больше, чем вас. Я… я… - Принцесса оборачивается, тихо чертыхаясь. - Эриксон? Майя? - Её голос срывается, и вся сдерживаемая ярость вырывается наружу с силой внезапного циклона: - Где их в Темпестасе носит?!

В ответ на её крик из глубин тумана доносится глухой стон, и из этой стены плотной сырости на пол вываливается мужское тело.

Он с глухим стуком падает навзничь, его рот разинут, а с головы капает что-то тёмное. Амайя застывает, но я наступаю вперёд, широко расправляя крылья и готовясь к немедленной атаке. Я опускаюсь на одно колено, чтобы осмотреть парня, и почти сразу понимаю: это не кровь. Это фрукт. По его скальпу струится арбузный сок, а к коротким каштановым волосам прилипла мякоть. Вокруг валяются корки.

Кто-то вырубил его грёбаным арбузом.

- Что за… - начинает Гавриал.

Прежде чем он успевает договорить ругательство, из-за стены сверхъестественного тумана выскакивают две фигуры. Мелькают розовые волосы,

затем серебряные - но мне плевать на вторую русалку. Мой взгляд намертво прикован к Зефире. Розовый цвет, бирюза и она. Шнур вспыхивает ярче, натяжение спадает, мои мышцы расслабляются, и в то же мгновение…

Связь между нами возвращается сокрушительной волной её эмоций. По идее, меня должно было затошнить от такого резкого контраста или дезориентировать. Но почему-то… все эти хаотичные, катастрофические части её души уже начали казаться мне домом. И впервые за долгие часы я наконец могу нормально дышать.

Зефира бросается вперёд, хватает принцессу за воротник и швыряет Амайю на ближайшую бочку, прижав кинжал к её горлу. Не теряя ни секунды, Веспер начинает петь. Очередная сиренская песнь. Я не успеваю подготовиться и закрыть уши, но эта… эта мелодия на меня не действует. На Гавриала, впрочем, тоже.

Она действует только на принцессу.

Амайя не кричит и не пытается вырваться из-под лезвия Зефиры. Её серые глаза просто округляются, а тело начинает мягко покачиваться в такт чарующей, жутковатой мелодии.

- Я… я люблю её, - мгновенно бормочет Амайя. Она призывно хлопает густыми ресницами, глядя на Зефиру: - Пожалуйста… пожалуйста, отпусти меня к ней.

- Да ради бога. - Зефира отпускает Амайю, и принцесса тут же семенит к Веспер, словно преданная собачонка.

Затем Зефира разворачивается. Она тяжело опирается спиной о бочку и смотрит на меня.

Её взгляд сталкивается с моим, а пальцы инстинктивно перебирают шнур связи. Она шумно выдыхает, словно держала дыхание с того самого момента, как нас выловили из океана.

- Я не чувствовала тебя, - говорит она просто. Тихо. - Было ощущение, будто ты…

- Исчез, - заканчиваю я за неё. - Теперь всё в порядке. Всё нормально. - Каждая кость в моём теле ноет от желания сократить это расстояние, обнять её и снова почувствовать в своих руках. И это глупо. Я знаю. Я не скучал по ней. Я просто переживал, как бы не сдохнуть. Но я всё равно не могу оторвать от неё глаз.

В последний раз я видел её - по-настоящему видел - в той пещере. В последний раз я слышал лишь её прерывистые вздохи и умоляющий шёпот. А потом я ушёл. Я оставил её, затем появилась Веспер, потом Амайя, а теперь…

Я понятия не имею, к чему всё это ведет. Я не знаю, как себя вести.

Интересно, умеет ли она читать мысли, или, может, на моём лице слишком явно написана неуверенность, потому что она вдруг усмехается. Дерзкой, ехидной такой усмешечкой. Хотя её взгляд остается мягким и обеспокоенным, а дыхание - частым и неровным. Словно она делает одолжение нам обоим, давая передышку от тяжести нашей связи.

- Твоя русалка, значит? Приятно знать, что по мне скучали.

Веспер тяжело вздыхает. Гавриал тоже.

- Вы двое просто невыносимы, - кривится Гавриал. - Рядом с вами я только и делаю, что…

Череп на полу, куда он успел откатиться, радостно подхватывает:

- Умрёте, умрете, умрете!

Гавриал злобно зыркает на него:

- Вот именно. - Он зачесывает волосы назад, собирая их в хвост у основания шеи, при этом одна прядь слишком уж театрально падает на его левый глаз. Он облизывает

пальцы и аккуратно приглаживает этот локон, уставившись на Веспер. - И что теперь? Мы доверяем этой сирене?

Тёмный взгляд Веспер сужается, фиксируясь на его лице:

- Предпочел бы, чтобы я разделала тебя на филе? - Она косится на его порванный рукав. - Обещаю, я сделаю это быстро.

Он демонстративно засучивает рукава выше локтей:

- Да неужели? Потому что пока всё, чего ты добилась, - это очаровала капитана и одного несчастного стражника. А между тем на этом корабле целая куча…

- Одного стражника? - Песня Веспер продолжает звучать, жуткое эхо вибрирует в воздухе, даже когда она говорит нормально, но мне она больше не забивает уши, как раньше. Музыка кажется слабее. Тише. Возможно, потому что мы больше не в море. Или потому что она направлена не на меня. Так или иначе, продолжая напевать, она направляется к плотной стене тумана и вытаскивает оттуда второго, третьего, четвертого стражника. Они вываливаются один за другим, и каждый из них оглушён самыми разными видами дынь и арбузов.

Я удивлённо выгибаю бровь при виде этой картины:

- Даже с учетом пяти вырубленных охранников нам нужен чёткий план. Мы на корабле Амайи. Мы окружены солдатами Темпеста, и мы, чёрт возьми, летим в облаках. Если только Веспер не способна силой мысли заставить весь этот легион спустить нас обратно к морю, живыми нам отсюда не выбраться.

Теперь Веспер мечет молнии глазами уже в меня:

- Я не могу контролировать разум целого корабля, чернокнижник. Так почему бы тебе самому не помочь? Или король Констан больше не вскармливает тебя своей всемогущей грудью?

- Я лично видел, как три сирены вырезали половину королевского дворца.

- И слава богине, - отрезает Веспер без тени высокомерия, - но я не обученный воин, и мои силы не безграничны.

Зефира вклинивается между мной и Веспер:

- Так, ладно, хватит. Ссоры не помогут нам сбежать. - Повернувшись ко мне, она объясняет: - Мы с Веспер планировали выбраться из трюма, но она не была уверена, насколько хватит её голоса, а мои силы… экорианские силы заблокированы, пока я не коснусь морской воды. Но тут из тумана вышел первый охранник, и… ну, у нас особо не было выбора. Веспер запела, и это привлекло не одного, а сразу нескольких. Когда они отперли наши клетки и открыли двери, мы решили, что разумнее будет вырубить их и спрятаться. Мы не знали, сколько врагов поджидает снаружи.

- Значит, - подаёт голос Гавриал, - теперь мы заодно с этой сумасшедшей сиреной?

Зефира кивает:

- На какое-то время.

Гавриал настороженно косится на Веспер, машинально потирая след от пореза на шее:

- Я ей не верю.

Веспер яростно щёлкает зубами в его сторону, и он невольно шарахается.

Зефира игнорирует их обоих и поворачивается ко мне. Её розовые волосы растрепались и запутались вокруг рук, а бирюзовые глаза сузились от дикой усталости. Поверх старых шрамов теперь проступили свежие синяки, окрасившие кожу в пурпурные и чёрные тона. Более того, моя рубашка на ней выглядит обгоревшей - на

ткани видны чёткие чёрные вертикальные полосы, будто её прижимали к раскалённым прутьям. Почему я этого не почувствовал? Надо бы спросить её. Надо спросить, почему Веспер больше не пытается её убить, кто вообще такая эта Веспер, и зачем она пошла за нами. Надо спросить про план, про то, что делать дальше, но вместо всего этого у меня вырывается лишь одно:

- Ты в порядке?

Она удивлённо моргает. Между её бровей пролегает маленькая складка, будто она пытается осмыслить вопрос и искренне не знает, что ответить.

- Честно? Я… я не думаю, что я в порядке. Вся эта неделя - сплошное дерьмо, а теперь мы заперты на корабле Темпеста с… - Она оглядывается на Амайю. - Кто она вообще такая?

- Принцесса Амайя Фрост, - поспешно отвечаю я, и мой голос звучит грубее и резче, чем хотелось бы. - Шторморождённая семнадцатая дочь Темпестаса. Она предложила нам сделку до того, как вы на неё напали. Если она приведет нас к русалкам, мы расскажем ей о сердце. Она не собирается нас убивать. Она просто ищет сокровища.

- Это правда? - спрашивает Веспер, бесцеремонно влезая в наш разговор и делая шаг вперёд. Гавриал тут же отшатывается от неё на пару дюймов.

- Да, - говорю я.

И в ту же секунду Зефира отрезает:

- Чёрта с два. - Она упирает руки в бока и качает правой головой. - Ты серьёзно думаешь, что принцесса Темпеста притащила нас на корабль, полный солдат, ради честных торгов за сокровища?

- Я так думаю, - вставляет Гавриал.

Зефира фыркает, сдувая розовую прядь со своего лица:

- Тебя никто не спрашивал, историк.

Гавриал косится на череп, затем на дверь и обиженно кривит губы.

- Позволь мне ответить вместо тебя, чернокнижник - нет. Быть такого не может, чтобы принцесса выудила нас из воды в надежде случайно наткнуться на какой-то там клад, - качает головой Зефира. - Нам нужно убить её, пока она не выпустила нам кишки. Убиваем её, прыгаем в океан, плывем отсюда к чёртовой матери и молимся, чтобы другие морские твари не сожрали нас по пути к руинам.

- Ты забываешь про наше соглашение, - напоминает Веспер.

Зефира свирепо смотрит на неё:

- Отлично. Мы убиваем принцессу. Потом дерёмся с тобой. Потом прыгаем в океан, плывём отсюда к чёртовой матери и молимся, чтобы другие морские твари не сожрали нас по пути к руинам.

- Мы могли бы полететь… - начинает Гавриал.

- Исключено! - шипит Зефира, резко прижимая ладонь к желудку, словно её сейчас вывернет. - Никаких больше полётов.

Череп на полу зловеще напевает:

- Птички певчие в заоблачной выси, стрелы пронзают крылья насквозь, каждый из вас во лжи растворился, лишь у одной петь выйдет без слёз. Падать тебе. Падать и им. Вниз, вниз, вниз - к праху и штормам былым.

- Так, ладно, финальный план, - повторяет Зефира. - Сначала мы наступаем на этот странный долбаный череп, потом убиваем принцессу, потом дерёмся с Веспер, а потом плывём.

- Наступи на меня, девчонка, и я выгрызу твои внутренности сквозь рёбра, - внезапно прорычал череп гораздо более низким и зловещим тоном, чем прежде.

- А с сиреной-то мы зачем дерёмся? - спрашиваю я.

Веспер одаривает меня холодным взглядом:

- Боишься не сдюжить, чернокнижник?

Я вскидываю руку, и прямо в центре моей ладони вспыхивает одинокий огонёк, одновременно отзываясь привычной гнилостной болью смерти в глубине живота. Я не позволяю этой слабости отразиться на моём лице.

- Нисколько.

- Что-то слишком много разговоров об убийствах, - замечает Гавриал. - Весьма гнетущая атмосфера, учитывая, что мы летим в сотнях футов над землёй.

Его никто не слушает.

Зефира силой опускает мою руку вниз:

- Мы не тронем Веспер, пока она не нападёт первой.

- Это ещё почему? - в один голос спрашиваем мы с Гавриалом.

- Потому что она… она была моей подругой. И вообще, сейчас у нас на повестке дня принцесса и целый корабль солдат, ясно? Так что сначала разберитесь, как нам справиться с этим. А уже потом… потом мы обсудим Веспер. - Она безмолвно умоляет меня понять её, довериться.

- Мы не можем убить принцессу, - говорю я. - Во-первых, Амайя - прямая дочь Темпестаса, бога штормов, хаоса и мести. Если мы прикончим его кровного потомка, он уничтожит нас прямо на месте. Во-вторых, команда. Принцесса явно путешествует не с пугливыми новобранцами. Её окружают лучшие из лучших. Самые сильные, самые умные, самые быстрые. Но даже если представить, что мы каким-то чудом взорвем этот корабль, или Веспер подчинит своей песней абсолютно всех - мы совершенно точно кружим в небесах Темпеста. Мы упадем прямо в очередную бойню. Мы будем окружены со всех сторон. Гавриал в бою бесполезен. Веспер разорвёт первый же человек, на которого не подействует песня, а ты, Зефира, останешься без своих способностей. - Её убьют первой. Её розовые волосы невозможно не заметить. И внезапно мысль о том, что Зефира может задохнуться, упасть или умереть, больше не приносит мне извращённого удовольствия. Мне становится физически тошно от этой картины.

- А как же ты? - спрашивает Зефира.

- Я - чернокнижник из враждебного королевства. Они вырвут крылья из моей спины в ту же секунду, как представится возможность.

После моих слов воцаряется абсолютная, звенящая тишина. Я перевожу взгляд на троих своих вынужденных союзников. Преступница. Сирена. И моя русалка. Никто из них не переживёт этого. Этот поход был обречён с самого начала. И Зефира права - нас выслеживали. На каждом шагу нас кто-то находил: Гавриал, культисты, Веспер, теперь Амайя. Либо это чертовски жуткое совпадение, либо… сердце действительно существует. И оно близко.

- Она нужна нам, Зефира. Если мы собираемся забрать сердце, нам не справиться без неё, её команды и её корабля…

- Погодите, - прерывает меня Гавриал. - Вы… вы слышите это?

- Нет, - в один голос отвечаем мы с Зефирой.

Веспер резко вскидывает голову, вслушиваясь. Проходит мгновение - один короткий вдох, - и она в ужасе закрывает рот ладонью:

- Чёрт.

Её прошёптанное ругательство эхом разносится в наступившей тишине, и до всех четверых доходит одновременно. По спине пробегает ледяной пот.

Песня сирены Веспер оборвалась.

Мы резко опускаем взгляды туда, где ещё секунду назад Амайя преданно ластилась у ног сирены. Но принцессы там больше нет.

Уже поднявшись на ноги и крепко сжимая два клинка, Принцесса Амайя Фрост, полностью освободившаяся от ментальных оков, с бешеной жаждой крови в штормовых серых глазах бросается прямо на Зефиру.

Джордан Стефани Грей - Порочное мореThe Jordan Stephanie Gray - Wicked Sea

ГЛАВА 28

ЗЕФИРА

Принцесса Амайя Фрост, мягко говоря, не в восторге от всех этих фокусов с контролем разума.

В считаные секунды она сбивает меня с ног на пол. От удара мой кинжал вылетает из руки и падает где-то между нами. Она отчаянно тянется, чтобы схватить его первой, но я успеваю вцепиться в её растрёпанный пучок и с силой дёргаю назад. В её глазах пляшут яростные жёлтые искры молний. С рычанием она оборачивается ко мне, позабыв о кинжале. Вместо этого она начинает меня душить. Её большие пальцы с силой вдавливаются в мою трахею. Я задыхаюсь, отчаянно царапая её руки. Её предплечья.

- По… мо… ги…

Я не вижу остальных. Только этот безумный взгляд Амайи. Её смуглую кожу, серые глаза и каштановые волосы, пока очередной разряд молнии срывается с потолка и едва не поджаривает меня заживо. В последнюю секунду я успеваю перекатиться, и теперь уже Амайя оказывается подо мной. Однако, прежде чем я успеваю вколотить её голову в деревянный пол, Арион с силой оттаскивает меня назад. Где-то слева заливается смехом проклятый череп:

- Укуси её, Амайя! Кусай! Кусай!

- Зефира, прекрати! - Арион крепко обхватывает меня руками за грудь, поднимая и унося прочь от места, куда Амайя посылает очередную молнию. И всё же я продолжаю рваться вперёд, пытаясь достать её лицо. - Хватит, обе! - Свирепо рявкает он на принцессу: - У нас был уговор…

- К чёрту наш уговор! - Оглушительно гремит гром, и ветер вокруг нас резко усиливается. Он нещадно рвёт мои волосы, крылья Ариона, одежду Веспер и Гавриала, которые испуганно наблюдают за этой сценой. Пока внимание парня отвлечено, череп подкатывается прямо к его ногам, отчаянно пытаясь цапнуть за щиколотку, пока принцесса продолжает кричать: - Эта русалка только что держала нож у моего горла, а вот та… - очередная молния бьёт в сторону Веспер, и та отскакивает за долю секунды до того, как лишиться стопы, - …запустила свои когти мне прямо в мозги! Я - принцесса Темпеста, и я предложила вам честную сделку. Я не позволю выставлять себя дурой!

Гавриал испуганно вскрикивает. Я оборачиваюсь и вижу, как череп намертво впивается острыми зубами в его кожаный сапог. Дико брыкаясь, историк спотыкается о тело оглушённого солдата, поскальзывается на луже раздавленного арбуза и в панике хватает Веспер за шею. Она сама с размаху толкает его обратно на пол. Череп снова противно хмыкает, все еще зарывшись носом в кожу его обуви.

- Я хочу домой, - загробным голосом заявляет Гавриал.

- Мы тоже этого хотим, - бросает Веспер.

Я тяжело, прерывисто дышу. Как бы мне ни хотелось выцарапать Амайе глаза, я не могу. Если слова Ариона - правда, она наш единственный билет на выживание на этом проклятом корыте. Если, конечно, мы не хотим быть испепеленными Темпестасом, насаженными на копья её солдат или поджаренными её грёбаными молниями.

Я пытаюсь вырваться из хватки Ариона, чтобы исправить ситуацию, но его руки лишь крепче сжимают мою грудь.

- Я в порядке, чернокнижник.

Снова раздаётся низкий, зловещий раскат грома.

- Нет, - глаза Амайи зловеще вспыхивают, - ты не в порядке. Я зажарю тебя изнутри и скормлю своим солдатам…

- С гарниром из фруктов? - Веспер лениво толкает носком сапога лицо лежащего охранника, насмешливо выгнув бровь.

Арион награждает её тяжёлым взглядом:

- Ты не помогаешь.

- Никто из вас не помогает. - Я снова нажимаю на его руки, и на этот раз он отпускает меня, настороженно наблюдая, как я делаю шаг навстречу принцессе и её молниям. Я игнорирую солдат, раскиданные фрукты, Гавриала и этот невыносимый грёбаный череп. - Я не собираюсь драться с тобой, принцесса.

- О, сделай одолжение, попробуй. - Она выхватывает из-за пояса небольшой серп и хищно улыбается: - Я с удовольствием посмотрю на твои предсмертные судороги.

Я едва сдерживаю рык. Это уже чересчур. Весь прошлый день. И день до этого. И день до него. Я, чёрт возьми, смертельно устала. И мне действительно больше всего на свете хочется броситься на неё. Повалить на пол. Впечатать её лицом в прутья клетки под током. Мне больше всего на свете хочется прикончить её и сбежать.

Но… я перевожу взгляд на Ариона. Он беспомощно смотрит на меня, безмолвно умоляя принять правильное решение. Моя вспышка ярости не поможет нам выбраться из этой задницы. Из задницы, в которой мы оказались исключительно по моей вине. Сцепив зубы, я поднимаю руки и широко развожу ладони, демонстрируя покорность.

- Я не буду драться, - повторяю я. - Я просто хочу поговорить. Арион сказал, что заключил с тобой сделку. Я, само собой, понятия об этом не имела, потому что ты заперла меня в трюме, - мой голос дрожит от едва сдерживаемого бешенства, - но если бы я знала, я бы её поддержала. Ты хочешь знать, что мы ищем?

Она недоверчиво моргает, всё ещё сохраняя боевую стойку.

- Сердце Мортема, - произношу я. - Мы думаем, что нашли место, где спрятано сердце Мортема.

Амайя замирает. Её глаза сужаются, она переводит взгляд на Ариона, а тучи над нашими головами сгущаются в предвкушении. Я задерживаю дыхание, когда она спрашивает:

- Что значит «сердце Мортема»?

Молнии прекращаются. Пока что. Поэтому я делаю ещё один шаг. Осторожный. Медленный. Нам просто нужно, чтобы она выслушала. Признаться, задача не из лёгких в данных обстоятельствах. Шнур связи натягивается, и я чувствую, как бешено колотится сердце Ариона, резонируя с моим собственным. На кону стоит абсолютно всё. И это то, что я не имею права просрать.

- Что тебе известно о Мортеме и русалке? - Я намеренно умалчиваю о Виле. Ни один человек в здравом уме не поверит в нашу богиню, а я не могу рисковать и злить Амайю ещё сильнее. - Ты знаешь, как были созданы Бездны?

- Знаю ли я о Безднах? - Челюсти Амайи сжимаются. Облака темнеют. - Я дочь Темпестаса. Я происхожу из священного рода величайших женщин этой земли. Моя прапрапрабабка вела такие экспедиции, в которые ты даже не поверишь. За одну жизнь она открыла половину мировых минералов. Моя прапрабабушка изобрела

способ заставить корабли летать без магии и тягловых зверей. Моя прабабушка заключила договор с Мортией и Лусией, чтобы расширить влияние нашего небольшого королевства. Моя бабушка строила приюты. Дома для бездомных. Она создала систему здравоохранения для целого континента! И ты действительно думаешь, что я не знаю простенькую сказку с берегов Мортии? Ты, чудовище из глубин, действительно сейчас пытаешься выставить меня дурой?

Твою мать, просто потрясающе. Каким-то образом мне удалось оскорбить не только её саму, но и всё её генеалогическое древо в придачу. Между бровей Ариона пролегает глубокая складка напряжения. Я быстро перевожу на него взгляд и тут же выпаливаю:

- Нет! Нет, конечно нет. Ты кажешься… невероятно умной. Намного умнее любого из нас.

- И намного красивее, - искренне добавляет Гавриал, с трудом поднимаясь с пола на дрожащих ногах. Череп с глухим смешком откатывается от него в сторону.

Принцессу Темпеста этот комплимент, похоже, ни разу не растрогал. Она свирепо смотрит на меня:

- Я терпеть не могу фальшивую любезность. - Затем, после короткой паузы, цедит: - Ты держала нож у моего горла. Должна понимать, что после такого трудно вернуться к милой беседе.

- В своё оправдание скажу, что ты меня заперла. Я думала, нам всем крышка.

- Вам и сейчас может быть крышка.

Богиня, дай мне сил. Я отступаю на шаг назад.

- Ладно. Поняла.

Она переводит взгляд на Ариона, на Веспер, на Гавриала, а затем снова возвращается ко мне. Её глаза буравят мои.

- Мортем влюбился в русалку, которая вырезала его сердце. Когда сила покинула его, его тело обратилось в пепел и прах, а его дух создал Бездны. Способ остаться бессмертным, даже перестав быть частью этого мира. Ты ведь об этой истории говоришь, верно?

Я качаю головой:

- В каком-то смысле, но не совсем.

Возможно, это был не лучший ответ, потому что Арион тут же делает шаг вперёд, закрывая меня своими широкими крыльями от взгляда Амайи. Или просто пытаясь защитить нас всех от новой вспышки насилия.

- Его сила не просто растворилась, - с напускным спокойствием произносит Арион. - Она ушла вместе с сердцем, когда он его потерял. Она осталась внутри этого сердца. И мы знаем, где оно находится.

От раската грома содрогаются половицы пола. И стены. Амайя наклоняет голову набок, становясь похожей скорее на выслеживающую добычу львицу, чем на человека.

- И где же это место?

- Абиссис, - отвечает Арион. - Мы верим, что сердце находится в Абиссисе. С его помощью я смогу укрепить свою магию. Всё, что ты захочешь - абсолютно всё, - я клянусь исполнить для тебя…

- Ты станешь богом, - тихо шепчет она. В трюме воцаряется мёртвая тишина. Кажется, даже Веспер перестает дышать. Проходит несколько мучительных секунд, напряжение становится гуще, чем эти грозовые угольные тучи. Нашу кожу начинает

покрывать мелкая водяная морось. Капли тоньше песчинок. - Откуда тебе это известно? Какие у вас доказательства?

Арион неловко переступает с ноги на ногу. Его спина выпрямляется до предела, словно он боится, что принцесса заметит хоть малейший признак слабости. Хоть какую-то прореху в наших доводах.

- Было одно стихотворение…

Амайя разражается резким, издевательским смехом:

- Стихи? Вы, должно быть, шутите! - В облаке над нами с треском раскалывается молния. - Вы действительно пытаетесь выкупить свои жизни какими-то стишками?

- Если ты помнишь, ты сама первой предложила нам помощь, - подаёт голос Гавриал. Яркая жёлтая вспышка бьёт в пол прямо у его ног. Осыпая проклятиями всё вокруг, Гавриал испуганно отскакивает в сторону, хватаясь за стену для опоры. - Погоди, погоди! - Он тяжело выдыхает. - Это не просто стих. Поэма указала нам примерное направление, но мы… точнее, я… читал дневники очевидцев. Там четко написано, куда идти.

Амайя скрещивает руки на груди:

- У вас есть две минуты. Если ваши доказательства окажутся дерьмом, я сдам вас королю Констану и заберу награду за ваши головы. Или просто прикончу вас сама.

Желудок скручивает болезненным узлом, и дело не только в том, что корабль продолжает швырять из стороны в сторону. Я так… я так чертовски устала от этого. Устала от вечных угроз, опасностей и врагов, от этого непрекращающегося страха за собственную шкуру. К счастью, Арион начинает говорить прежде, чем я успеваю закопать нас ещё глубже.

- Дима Васильев, - объясняет он. Амайя слушает, и ни одна эмоция не отражается на её суровом лице. - Гавриал читал об этой экспедиции. Гавриал - историк, и он умён. Он запомнил детали. - Ариону явно тяжело это признавать. - Васильев отправился в экспедицию, чтобы отыскать руины Абиссиса. Он нашёл какой-то странный, древний обломок скалы и решил, что тот принадлежит Соль.

На губах Амайи появляется улыбка, и это зрелище выглядит по-настоящему жутко:

- И что же случилось с этой экспедицией?

Арион тяжело сглатывает:

- Мы… мы не знаем. Никто из них так и не вернулся.

- Хм. - Амайя наклоняется, подхватывает с пола проклятый череп и стремительным шагом проходит мимо нас. Вон из трюма. Вверх по лестнице. Она больше не произносит ни слова. Ничего не объясняет. Я в замешательстве смотрю на Ариона, но он уже срывается с места, следуя за ней шаг в шаг. Когда Амайя выходит на палубу, она тут же начинает раздавать приказы четырём десяткам матросов - натянуть паруса и держать курс строго на юг. У меня внутри всё обрывается. Это не к добру. Я мчусь за ними, Гавриал и Веспер тяжело дышат за моей спиной. Яростный, явно магический ветер с силой бьёт в лицо, швыряя пряди волос. Мои колени подкашиваются, когда я вижу, на какой высоте мы находимся. Тысячи футов над землёй. Голова идёт кругом. Меня сейчас стошнит. Я…

- Интересная история, чернокнижник Стоун, - выкрикивает Амайя через плечо, пытаясь перекричать рёв бури. - Вот только Васильев нашёл не «какой-то там обломок скалы». Он нашёл адамант с вкраплениями янтаря. И не простого янтаря, а такого, который светился и пульсировал, словно внутри него билось живое сердце.

Я судорожно втягиваю ртом воздух. Янтарь. Кровь с шумом приливает к ушам, а к горлу подступает обжигающая желчь. Но это… это просто янтарь с крапинками. Обычный камень.

«Беги», - хрипит Верховный Колун.

И я бегу. Спустя долгие часы, после сотен неглубоких порезов, покрывающих всю мою кожу, мне удаётся всем телом навалиться на дверь. Ввалиться в комнату. Это самая верхняя точка замка чародея, башня, освещённая лишь одним позолоченным окном. Я со всех ног бросаюсь за массивную кровать, вырезанную из гигантской раковины устрицы. Я сжимаюсь в комок за этой монструозной дурой, отчаянно пытаясь перевести дыхание. Забыть всё, что произошло сегодня. Кровь под ногтями. Кровь в волосах.

И истошные крики Джасина, умоляющего о помощи.

Предательский всхлип вырывается из груди, и я сползаю по адамантовой стене, с ужасом ожидая, когда волшебник войдёт слева. Ожидая, когда начнется этот кошмар. Но дверь с тихим щелчком закрывается, и в замке поворачивается ключ.

«Доброй ночи, милая», - шепчет маг, и неестественный янтарный свет, льющийся из окна башни, гаснет. Я остаюсь запертой в кромешной тьме на два дня. Мои порезы так никогда полностью и не заживут. Они покроют меня серебристыми шрамами.

- Откуда ты это знаешь? - спрашивает Арион.

- Оттуда, - Амайя хищно скалится, - что эту экспедицию финансировала моя прапрапрабабушка. Ветер начинает дуть ещё сильнее, превращаясь в жестокие шквальные удары. Наш корабль несется прямо сквозь эпицентр шторма. Но я этого почти не чувствую. Я сейчас вообще ничего не чувствую. В моей голове стоит лишь одно воспоминание - светящийся янтарь, погружающийся в удушающую темноту.

Я хочу, чтобы она ошиблась. Она должна ошибаться.

- Твоя прапрапра… - Гавриал осекается, во все глаза уставившись на череп, который Амайя баюкает в руках. - Ты имеешь в виду…

- Да, историк. Я говорю о королеве Эмилии. - Амайя нежно целует череп в височную кость. - Диму Васильева с позором вышвырнули из Мортии. На него смотрели как на умалишённого. Но Эмилия знала, что он может быть прав. Она привезла его в Темпест и заставила показать доказательства. Он утверждал, что форма и размеры адаманта были слишком идеальными, рукотворными. Он решил, что это самый верхний шпиль какой-то башни. Затонувшего замка. Но никто в той части океана никогда не видел никаких замков.

Арион качает головой:

- Я ничего не понимаю.

Череп на её руках внезапно щёлкает челюстью и напевает:

- Бездна в безжалостной синеве. Ложь в багрово-красном огне. Адамант, янтарь, магия и боль. Васильев назад не вернулся, изволь. Экспедиция сгинула, прахом пошла. Позабыта Абиссис, что их подвела. Конец пути принёс лишь тоску.

Нет.

Бездна в безжалостной синеве.

Нет, нет, нет.

Адамант, янтарь, магия и боль.

Я тупо уставилась на свои сапоги, пока мир вокруг меня начинает тошнотворно кренiться. Этого не может быть. Я не могу… я не вынесу этого…

- С-Соль, - заикаясь, бормочу я, не в силах поднять глаз. Физически неспособная смотреть на них. - Абиссис находится в Соль.

Но меня, кажется, никто не слышит. Все смотрят только на Амайю. Она вскидывает руки к небу, заставляя ветер дуть ещё быстрее. Тяжёлые свинцовые тучи содрогаются от вспышек молний и непрекращающихся раскатов грома. Прямо вокруг нас. Мы окружены. И мы… мы летим на юг. Мне становится холодно, лицо покрывается липким потом вперемешку с каплями дождя, дыхание перехватывает.

- Вот для чего вам нужны были русалки. - Амайя поворачивается к Ариону: - Тебе нужен был проводник, способный ориентироваться в этих водах.

- Да, - подтверждает он. - И если ты поможешь нам, ты сможешь забрать все сокровища, что таятся внутри этих руин. Вывези оттуда всё, присвой себе славу, принеси величие своему королевству и народу, встань в один ряд со своими великими предками - мне нужно только сердце.

Амайя улыбается. Хищной, расчётливой улыбкой полубогини. И меня снова начинает тошнить.

- Всё это звучит просто замечательно, чернокнижник Стоун, - ровным тоном произносит она, - вот только эти руины находятся вовсе не в Соль.

Мои запястья прошивает фантомная боль от застарелых ожогов. Я судорожно пытаюсь ухватиться рукой хоть за что-нибудь, чтобы удержаться на ногах, потому что я знаю… я слишком хорошо знаю, что она скажет дальше. Я боялась этого с самого начала. И как только эти слова будут произнесены… всё будет кончено. Пути назад не будет. Весь этот карточный домик рухнет, погребая нас под обломками, и я ничего не смогу сделать, чтобы это остановить. Я наконец через силу поднимаю взгляд на принцессу, безмолвно умоляя её замолчать, но она меня не замечает.

- Королева Эмилия отправила Васильева в экспедицию через Силь, - объясняет Амайя. - И если эти руины действительно принадлежат Абиссису, то они покоятся на самом дне места, которое он назвал желобом Сцелератус.

Джордан Стефани Грей - Порочное мореThe Jordan Stephanie Gray - Wicked Sea

ГЛАВА 29

ЗЕФИРА

Оказавшись в безопасности и относительном уединении - забившись в какой-то случайный закоулок на жилой палубе внизу, - я даю волю тошноте в пустое ведро.

Амайя согласилась помочь. Она предоставила нам проход. Она везёт нас на своём летучем корабле прямо к желобу Сцелератус. Я цепляюсь за покосившееся ведро, сжимая сталь бледными пальцами и ещё более бледными ладонями. Меня снова выворачивает. Кислота. Желчь. Страх. Я больше не могу держать это в себе. Мои шрамы раскрылись, и теперь они сочатся. Я сама сочусь слезами. Восемь лет. Восемь лет он держал меня в плену. Издевался надо мной. Пытал меня. Наверное, за это время я должна была стать сильнее. Отрастить толстую кожу. Закалить характер. Но я не смогла. И из-за этого чувствую себя слабой. Жалкой. Я ничего не вижу сквозь жгучие слёзы. Они текут по моим щекам, капают в ведро вместе с рвотой, и соленая вода призывает мой хвост. Мне плевать на это. Мне плевать на всё, кроме этих острых тисков вокруг моего сердца. Оно сжато чьей-то безжалостной хваткой.

Запах меди теперь окутывает нас, словно свежепролитая кровь, и шевелит мои розовые волосы. Но я не дрожу и не уплываю прочь.

«Я спасу твоего возлюбленного, но только за определённую цену».

Сказки твердят об этом. Они говорят, что могущественная магия требует великих жертв. Мне плевать, какова цена, - я заплачу. Ради Джасина я её заплачу.

«Чего ты хочешь?»

«О, это довольно просто, - Верховный Колдун Четырёх Морей улыбается. - Я хочу твою душу, Зефира из Силь. Я хочу тебя».

Нет. Богиня, нет.

Я сбежала. Я сбежала и никогда - я никогда не должна была возвращаться.

Дверь позади меня на секунду открывается, а затем тихо щёлкает, закрываясь. Мне не нужно оборачиваться, чтобы понять, кто это. Серебряный шнур затягивается вокруг моего горла, пока я едва не задыхаюсь от давления. От тревоги, пульсирующей сквозь нашу связь. Позади меня что-то меняется. Что-то, похожее на тепло, мышцы и напряжение.

- В чём дело? - Арион осторожно кладёт ладонь мне на спину. Судя по звуку, он садится на корточки. Его крылья задевают мои плечи - нежные прикосновения, живущие словно своей собственной жизнью. - Что происходит, Зефира?

Я не нахожу в себе сил оттолкнуть его или его крылья. Я вообще не могу пошевелиться.

- Н-ничего.

- Это ложь, - просто говорит он. Без обвинения, как констатация факта. Но как мне на это ответить? Секреты яростно бурлят в моём желудке. Он и так ненавидит меня за то, что я русалка. Зачем давать ему ещё один повод?

Он садится рядом. И не убирает руку с моей спины. Вместо этого он начинает нежно водить ладонью, описывая круги. Вверх по позвоночнику. Вниз. Я кошусь на него боковым зрением, ожидая, что он поморщится от отвращения, когда его рука случайно коснётся моей чешуи.

Но он не морщится.

И ничего не говорит. Он просто… сидит. Тишина тяжёлым грузом повисает над нами, прерываемая лишь скрипом рядов гамаков, которые шуршат и раскачиваются при каждом резком повороте корабля. Никто из нас не двигается. Проходит час. Я мысленно отсчитываю каждую секунду. Надеюсь и молюсь, чтобы нашёлся другой путь. Другой вариант. Но его, конечно же, нет.

Мы держим курс строго к желобу.

Мы летим прямо в лапы к колдуну.

- Тебя больше не тошнит? - тихо спрашивает Арион, и его голос в этой тишине кажется более хриплым. Я трепетно киваю, и он забирает ведро из моих дрожащих рук. Мне отчаянно нужно за что-то уцепиться, вонзить во что-то ногти, поэтому я упираюсь ладонями в пол. Впиваюсь пальцами в дерево. - Одну секунду, - говорит Арион. И действительно, ему требуется всего секунда, чтобы очистить ведро и меня саму с помощью своей магии. Отвратительный вкус желчи исчезает с моего языка. Запах болезни внезапно сменяется сладким ароматом клубники.

- Ты не должен тратить на это силы, - шепчу я. - Не на меня.

Я слышу, как сжимаются его челюсти, даже не глядя на него. Его прикосновение исчезает, и на мгновение мне кажется, что он собирается уйти, но он лишь опускается передо мной на колени и аккуратно приподнимает пальцем мой подбородок, заставляя встретиться с ним взглядом.

- Я не хочу говорить об этом, - срывается с моих губ мольба. Его крылья закрывают половину стены позади него. Масляная лампа коптит сверху, отбрасывая его тень на меня, пока его глаза изучают моё лицо. Он переводит руку на мою шею и ослабляет шнур связи на моём горле. Подобно змее, серебряная нить переползает на его палец и скользит вверх по запястью.

- Ты что-нибудь знаешь об Испытаниях Чернокнижников? - внезапно спрашивает он, и этот вопрос едва не выбивает почву у меня из-под ног. Я ожидала чего угодно, но только не этого.

Я удивлённо моргаю:

- Ты упоминал культ и пытки, но кроме этого… нет. Я старалась избегать чернокнижников любой ценой.

Его губы дёргаются в полуулыбке:

- Уверен, так оно и было. - Он заправляет розовую прядь мне за ухо, и его костяшки скользят по моей щеке. Случайное прикосновение. Обыденное. Но что-то в моей груди надламывается - что-то старое и странное. Это похоже на…

«Просто тепло», - быстро убеждаю я себя. Просто тепло.

- Даже если бы тебе удалось очаровать кого-то из нас, тебе бы ничего не рассказали. Испытания Чернокнижников - это, прежде всего, тайна. В этом и заключается суть: старейшины отделяют слабых от сильных. Мы не знаем, что нас ждёт, пока не становится слишком поздно. А затем… - Он закрывает глаза, словно заставляя себя выталкивать слова. - Всё начинается с дисциплины. Нас учат драться, изнуряют тренировками, заставляют быть идеальными. Жесткий график, который нарушают только тогда, когда мы доводим всё до автоматизма. Затем они переходят к

пыткам. Нас вытаскивают из постелей. Изолируют. Режут. Подвешивают. Поджигают. Выживает меньше пяти процентов. - Его пробивает крупная дрожь, и я инстинктивно подаюсь вперёд. Беру его за руку и крепко сжимаю, пытаясь поддержать. - Культ идет следом, когда мы едва начинаем нащупывать первые нити нашей магии. К этому моменту трансформация уже запущена, и культ учит нас непоколебимости.

Ярость вспыхивает обжигающим пожаром в моей груди. Ничему они его не учили.

- Они причиняли тебе боль.

- Да. - В его взгляде мелькает какая-то нечитаемая буря эмоций, хотя голос остаётся контролируемым. - И мы обязаны благодарить их за это. Когда мы доказываем, что способны выдержать истязания культа без жалоб и сопротивления, старейшины даруют тем немногим кандидатам, что остались в живых, наши крылья. Они вживляют их. И это куда болезненнее, чем все предыдущие Испытания. Хирургические операции длятся днями, пока ты лежишь на голой кушетке в Операционной Палате, истекая кровью, пока они перекраивают твои кости. Этот процесс полностью уничтожает остатки человеческой крови. Он сгущает магию в венах, пока ты не начинаешь буквально сочиться силой. Только силой. Больше ничем. Мы не должны быть ничем иным.

Хватка Ариона на моей руке становится жёстче, и я знаю, что не могу отпустить его. Не хочу отпускать. Его крылья медленно колышутся - прекрасные, как и всегда: бело-золотые, сияющие, словно солнце. И я… я никогда бы не подумала, какой ценой они ему достались.

- Мне так жаль.

- Я рассказываю это не для того, чтобы ты меня пожалела, Зефира. Я хочу, чтобы ты поняла.

Я мысленно слышу слово, которое он опустил: «Я хочу, чтобы ты поняла меня». Желудок делает кульбит.

- Все эти Испытания блекнут по сравнению с последним. - Он делает короткий, рваный выдох, прежде чем произнести: - Старейшины должны быть уверены, что мы больше ничего не чувствуем. Ни боли, ни слабости, ни страха, ни даже человечности.

От его слов внутри всё сжимается. От того, как именно он это говорит - будто кладёт между нами мешок с порохом и держит в руке зажжённую спичку.

- Какое последнее Испытание?

Его расплавленный, янтарный взгляд впивается в мой.

- Убийство.

- О, - срывается с моих губ, хотя я почти не чувствую ни собственного голоса, ни его руки, ни пола под нами. - Кого…

- Я не знаю. - Он вдруг горько, надрывно усмехается и убирает свою руку. - Разве это не ужасно? Я даже не помню его имени. По большому счёту, он был никем. Просто какой-то преступник, которого старейшины поймали на краже на рынке. Я даже не помню, что именно этот человек украл. Старейшины привели его в Башню Арканов, а затем приказали мне убить его.

Мне так хочется, чтобы у этой истории был другой финал. Тот самый невозможный, счастливый финал. Не для себя - для него. Арион вовсе не звучит так равнодушно, как пытается казаться; он звучит уничтоженным. Но мы оба знаем правду, и он хочет, чтобы я её выслушала. Я едва дышу:

- И ты сделал это.

Короткий кивок.

- Да, сделал. - Он откидывается назад, опираясь на крылья и стену. - Мне запретили использовать магию. Смерть должна была наступить непосредственно от моих рук. Старейшины хотели знать, что мы способны выполнить любую работу - любую грязную работу, которая потребуется королевству. Мне пришлось обхватить руками шею этого человека. Пришлось душить его медленно. Он плакал. Умолял. Обоссался. Я не помню ни его имени, ни его преступления, но я… я помню его усы. Помню, как они дёргались, и чем сильнее он рыдал, тем больше соплей размазывалось по этим редким седым волоскам. Это вызывало у меня отвращение. Мне было плевать, что он умирает. Меня бесило, что он выглядит мерзко. Он умолял меня, говорил, что у него две дочери, а я просто выдавил из него жизнь без единой лишней мысли.

- Но ты запомнил и это, - тихо замечаю я.

Он в замешательстве качает головой:

- Что?

- Что у него были две дочери.

Арион фыркает:

- Прямо образец добродетели.

Я пристально смотрю на него. Это совсем не похоже на Ариона. По крайней мере, на того Ариона, которого я пыталась утопить в Сель несколько дней назад, или на того Ариона, который дрался со мной на улицах Крестфолла.

- Ты когда-нибудь жалел об этом?

Запустив руку в волосы и откинув голову назад, к стене, он берет паузу в несколько секунд, прежде чем ответить.

- Я не знаю. Раньше - нет. Я всегда считал, что поступаю правильно. Думал, что чернокнижники - это добро, преступники - зло, а мир раскрашен в четкие контрастные цвета. Чёрное и белое. Правильное и неправильное. Чернокнижники должны быть героями. Всё, что мы делаем, должно служить благу человечества.

Я с трудом решаюсь спросить:

- А что ты думаешь теперь?

Его взгляд буквально прожигает меня насквозь:

- Я не знаю, Зефира. Может, дело в том, что я чуть не сдох, может, в измене собственному королевству, а может… может, дело в тебе. Но мир больше не кажется мне таким однозначным, и я уже не уверен, герой я или злодей.

«Может, дело в тебе».

Я тяжело сглатываю, пока он опускает взгляд на мой хвост. На мою чешую. Он мрачно продолжает:

- Нам твердят, что русалки едят детей. Я видел, как русалки очаровали и вырезали половину королевского дворца. Я сражался с армиями русалок на побережье. Но я также… - Он глухо, раздражённо рычит. - Я видел точно такую же порочность и среди людей. Я сражался с людьми, их армиями, их убийцами. И в то же время я чувствую твои эмоции. Каждый час, каждый грёбаный день ты чувствуешь так много. Это проникает в меня. Заражает меня. - Он смотрит на меня так, словно видит впервые. Словно больше не боится смотреть. - Ты вскрыла меня, Зефира. Что бы со мной ни сделали те Испытания, ты всё уничтожила. Ты уничтожила меня прежнего.

К щекам приливает жар, и я абсолютно не знаю, что сказать. Как это выразить. Не тогда, когда внутри меня самой столько всего непоправимо сломано.

- Не отвечай, - поспешно добавляет он. - Я сказал это не ради ответа. Я просто хотел, чтобы ты знала: даже видя самые тёмные закоулки твоей души, я также видел

твой свет. И я восхищался этим светом. - Он мягко берёт меня за щёку, и его большой палец почти благоговейно очерчивает контур моих губ. - Что-то в Силь до смерти пугает тебя, и, если ты захочешь поговорить об этом - я здесь. Мы в этом вместе. Моя тьма может стать твоей тьмой. Твой свет - моим светом.

По какой-то причине эти слова - «мы в этом вместе» - окончательно ломают меня. Они бережно подхватывают мои секреты, а затем с размаху швыряют их о стену. Разнося в щепки, уничтожая миллионы жалких осколков. Арион собирается убрать руку, но я перехватываю его запястье, и он замирает. Вслушивается.

И я рассказываю ему. Обо всём.

Я рассказываю ему о мальчике по имени Джасин. Рассказываю о сделке, которую заключила со зловещим колдуном. Рассказываю, чем всё закончилось: кандалами на моих запястьях и тем, как колдун тащил меня через самые глубокие пучины океана, чтобы запереть за стенами своего замка. Рассказываю о кромешной тьме, которая длилась днями, месяцами, о том, как я голодала, выла, билась в это янтарное окно и умоляла о помощи.

Я рассказываю ему абсолютно всё - кроме того, как именно я сбежала. Потому что к этому я ещё не готова. Пока нет.

Я не хочу, чтобы он посмотрел на меня по-другому. Не хочу, чтобы мягкость в его глазах снова сменилась холодом.

На протяжении всего рассказа Арион не прерывает меня. Но он притягивает меня к себе и крепко обнимает. Он держит меня, нежно перебирая пальцами мои волосы, когда я упоминаю, как колдун заплетал их слишком туго. Как усаживал меня к себе на колени и дёргал за волосы на глазах у своих слуг. Как смеялся и слизывал мои слёзы, когда они падали на щёки. Арион продолжает обнимать меня, даже когда я замолкаю. А затем он начинает извиняться - снова и снова, пока серебряный шнур связи путается вокруг наших тел, намертво связывая нас вместе.

Вместе.

Это странное чувство. Я так привыкла быть одна. Но Арион здесь, и он не отстраняется ни от чего из услышанного. Ни от одной моей части.

- Я была слабой, - признаюсь я наконец, прижимаясь к его груди и мысленно считая мерные, ритмичные удары его сердца. - Он сделал меня слабой. Он заставил меня ненавидеть себя. И это самое паршивое - сбежать и чувствовать себя… трусихой. Если бы я могла справиться с этим, просто молча сносить всё, я бы выжила без этих шрамов. - Мой голос срывается от затаённой боли. - Иногда мне кажется, что во всех моих несчастьях виновата я сама.

Он поворачивает моё лицо к себе, и в его глазах вспыхивает неподдельная, яростная ярость:

- Нет. Зефира, нет.

- Это была моя сделка. Мой уговор. И последствия должна была нести я.

- К чёрту это. Это чушь собачья, и ты сама это знаешь. Знаешь, сколько длились Испытания Чернокнижников? Два года. Два. - Он качает головой, словно не в силах это осмыслить. - Восемь грёбаных лет, Зефира. То, что ты выжила - это чёртово чудо.

То же самое тепло - просто тепло - разливается по моим костям. Мой хвост окончательно высыхает от остатков морской воды. В одно мгновение чешуя превращается обратно в кожу. Мой хвост разделяется на две изящные ноги. Арион бросает на них короткий взгляд, затем смотрит на меня расширившимися глазами, словно завороженный. Это кажется невозможным. Наверное, даже более

невозможным, чем дриады, взрывы островов, гигантские кальмары и летающие корабли.

- Я тоже вижу твой свет, - выдыхаю я, теряя дыхание. - Ты не такой уж и плохой. - Его взгляд снова возвращается к моим глазам, и сквозь шнур связи проносится волна жара. Слишком сильная. Слишком опьяняющая. - Как для чернокнижника, - быстро добавляю я, пока мы не натворили глупостей, о которых пожалеем. У нас даже не было возможности поговорить о нашей близости. И я не могу заставить себя расспрашивать его сейчас. Не тогда, когда он держит меня, когда я могу считать удары его сердца, когда я наконец - впервые почти за десять лет - чувствую себя в безопасности.

- Ты тоже не такая уж плохая, русалка. - Он нежно целует меня в висок, и моё сердце начинает бешено колотиться. Он слегка отстраняется. Даёт мне пространство, чтобы я могла немного отодвинуться и привести мысли в порядок. К сожалению, это не помогает. Моя голова идёт кругом, и дело далеко не в чародее.

- Что ты хочешь делать? - спрашивает Арион.

Я смотрю на него, совершенно ошеломлённая:

- Относительно чего именно? Нашего путешествия навстречу гибели или того, что русалка и чернокнижник… становятся друзьями?

На его губах появляется ухмылка. Яркая, как солнечный свет, и совершенно обезоруживающая. У меня перехватывает дыхание от этого зрелища. Богиня, он меня погубит.

- Относительно путешествия к твоей гибели, - отвечает он.

- Потому что быть моим другом для тебя слишком естественно?

Он закатывает глаза:

- Мы не друзья, Зефира, и ты прекрасно это знаешь.

Чёрт. Волна похоти проносится по шнуру связи. Моя. Его. Она сгущает воздух в тех считанных сантиметрах, что разделяют нас. Мне хочется только одного - придвинуться ближе, поцеловать его, сгореть вместе с ним, но я подавляю это желание. Я обязана его подавить. На кону стоит всё, что мне дорого. Моя свобода. Мои секреты. Наши жизни.

- Что ж, похоже, у нас нет выбора, верно? Тебе нужно сердце, иначе мы трупы. А сердце находится… где-то в районе желоба Сцелератус. Эта долбаная проклятая штука фактически подтвердила это.

- И тебя это устраивает?

Я могла бы солгать ему. Но не стану.

- Нет, не устраивает. Просто я не вижу другого выхода.

Он на мгновение задумывается, его лицо мрачнеет. На щеке играет желвак, он скрежещет зубами, а его ладонь сжимается в кулак у меня на пояснице.

- Что, если ты останешься на корабле, а мы отправимся туда без тебя? Команда Амайи - её солдаты - помогут нам. Ей нужны сокровища и доказательства существования руин.

- И ты веришь, что она не захочет забрать сердце?

- Конечно нет. Но я ей его не отдам.

Он звучит так уверенно, так властно, что я невольно усмехаюсь:

- Я не хочу оставаться на корабле. И я никому из них не верю. Это… странно, что нас находит так много людей.

Он соглашается, кивая:

- Думаешь, это дело рук чародея?

- Отчасти. И, возможно, твоего культа тоже. У нас не было бы такой огромной группы поддержки, если бы мы не стояли на пороге великого открытия.

- Я думал о том же, - отзывается он.

- Но это единственный путь.

- Единственный путь, - эхом повторяет он.

Тошнотворная вспышка воспоминания о том адамантовом замке проносится перед моими глазами, и мне кажется, что меня сейчас снова вывернет. Но Арион берёт меня за руку. Переплетает свои пальцы с моими.

- Ты уверена, Зефира?

Возможно, это действительно делает меня слабой. Возможно, я действительно непоправимо сломлена, как и считаю. Потому что я не могу остановить себя и тихо спрашиваю:

- Ты будешь со мной? Всё это время?

- Да. - Он поднимает наши переплетённые руки и касается губами моих костяшек. Чернокнижник. Мой чернокнижник. - Я буду там. Рядом с тобой. Что бы тебе ни понадобилось, Зефира, - хрипло обещает он, - я сделаю это. Стану этим.

- Хорошо, чернокнижник, - говорю я и делаю глубокий вдох. - Хорошо.

Впервые за долгое время мне не так страшно.

Впервые за долгое время я не одна.

Джордан Стефани Грей - Порочное мореThe Jordan Stephanie Gray - Wicked Sea

ГЛАВА 30

ЗЕФИРА

Молнии тускло отсвечивают в тонкой водяной плёнке, покрывающей абсолютно всё на палубе - всё, кроме карты. Амайя раскатала её на столе, намертво прикрученном к половицам, и ветер то и дело вцепляется в углы, угрожая унести пергамент прямиком в грозовые тучи. Принцесса удерживает его ладонями, пока шквал нещадно бьёт нам в лица. Наша новая одежда - свободные корсажи, ещё более свободные юбки и плотные жилеты на мне и Веспер - колышется так же неистово. Я заправляю влажные розовые волосы за уши и подхожу ближе к Ариону, который наклонился, чтобы изучить начерченные синими чернилами контуры пустого Силь. Палуба под ногами всё ещё кажется ненадёжной; корабль кренится на созданных магий Амайи волнах, и мой желудок снова скручивает в тошнотворный узел. Но я сжимаю пальцы в кулаки и заставляю себя дышать сквозь силу.

«Просто продолжай дышать», - сказал Арион перед тем, как мы поднялись сюда. И я дышу. Я пытаюсь.

Гавриал протискивается и встаёт рядом со мной, пытаясь удержать равновесие при очередном наклоне судна. Он тычет пальцем в самый центр карты:

- Здесь?

Я перехватываю его руку и сдвигаю её на дюйм вправо:

- Здесь.

Пергамент взмок от брызг, и чернила едва не текут - но этого достаточно. Достаточно, чтобы составить план. Вокруг стола выстроилась наша странная, враждебная друг другу компания. Веспер испепеляет меня взглядом, Амайя смотрит не менее тяжело, а Гавриал обменивается недовольными минами с черепом, пристроившимся на самом краю стола. Первый помощник Амайи, Феликс, следит за Веспер как коршун, а Арион игнорирует абсолютно всех, кроме меня. Чем быстрее мы во всём разберемся, тем лучше. Для общей же безопасности.

- Верховный Чародей Четырёх Морей живет в адамантовом замке на самом дне Впадины Сцелератус, - говорю я им, чувствуя себя неуверенно как никогда. Я не отрываю взгляда от глаз Ариона, пытаясь отыскать силу в его металлической глубине. Он даже не моргает, и его присутствие согревает меня изнутри через шнур связи. Серебряная нить путается вокруг наших талий, невидимая для остальных, но осязаемая для нас. Просто продолжай дышать. - Его замок - это как раз то место, о котором упоминал череп. То, что обнаружил Васильев.

- Значит, этот замок… и есть Абиссис? А сердце принадлежит чародею? - спрашивает Феликс. Его голос напоминает монотонный скрежет ракушек о камни. Он проводит бледной ладонью по коротким русым волосам и переводит взгляд на своего капитана - свою принцессу - в поисках ответа. Но там он его не найдёт.

- Нет. - Я качаю головой, пытаясь скрыть дрожь в губах. - Этот замок слишком мал, чтобы быть целой утопией.

- Да и магические способности этого чародея, судя по всему, ограничены, - подхватывает Арион, избавляя меня от необходимости объясняться дальше в одиночку. - Он не может покинуть эти воды. Не может ступать по земле, как другие русалки. Зефира говорила, - он продолжает смотреть на меня, даже когда обращается ко всем остальным, - что его сила кроется исключительно в сделках, которые он заключает. Словно он выменивает души на магию. У него нет и близко безграничного могущества бога, и, если бы он знал, что буквально сидит на божественном источнике силы, он бы уже давно присвоил его себе.

- Арион прав. - Я упираюсь ладонями в стол и впиваюсь взглядом в самый центр карты. В Силь. В глубочайшую точку океана и худшую часть моего прошлого. - Чародей - не тот мерроу, который прошёл бы мимо подобной силы. Абиссис должен быть как-то связан с его замком. Или спрятан. Укрыт от посторонних глаз. Существует… существует вероятность, что он знает о сердце, но он бы уже украл его, будь у него такая возможность. Что наводит меня на мысль: оно не лежит на видном месте, и найти его будет непросто.

С каждым словом к горлу подступает тяжелый ком, а правда… правда причиняет физическую боль. Словно ножи режут мой язык. Я так долго избегала этого. Подавляла каждое воспоминание. Я никогда ни с кем не говорила об этом вслух.

До сегодняшнего дня.

Арион протягивает руку через стол, по-прежнему демонстративно игнорируя всех присутствующих, и сжимает мою ладонь, пока его крылья создают вокруг нас мерный, успокаивающий поток воздуха. Куда более мягкий, чем тот, что бушует в небе из-за шторма Амайи. Это мгновенно приводит меня в чувство. Что-то тёплое и чистое наполняет нашу связь, наш шнур. И в этом нет романтики. Вопреки тому, что утверждал Арион, сейчас я чувствую, что у меня наконец-то появился друг.

Появляется чувство безопасности.

Гавриал неловко пригибается под вытянутой рукой Ариона, подальше от его крыльев, и обходит стол с другой стороны, где Веспер переводит яростный взгляд с чернокнижника на меня.

- Итак… - начинает историк, уставившись на наши переплетённые пальцы. Взгляд Ариона перемещается на Гавриала всего на секунду, но в его серебристо-золотых глазах читается столько явной угрозы, что Гавриал испуганно оттягивает воротник рубашки. Арион придвигается ко мне ещё ближе, и жар, исходящий от него едва уловимыми волнами опасного электричества, кажется, заставляет заткнуться любого, у кого могли возникнуть вопросы, почему чернокнижник так заботливо касается русалки. Одно из его крыльев укрывает моё плечо. Я прижимаюсь к этому теплу, прежде чем сделать очередной вдох. На этот раз дышать становится легче.

- И как же мы тогда найдём Абиссис? - спрашивает Феликс, полностью избегая смотреть на Ариона. - Если то открытие на самом деле не было открытием…

- Богохульник! Богохульник! Правнучка, испепели его! Стукни его по его жирной башке! То, что было откопано - открыла я! Древний камень! Древние руины! Ты понятия не имеешь, о чём болтаешь! - так неистово затараторил череп, что даже начал подпрыгивать в сторону Феликса, но, к несчастью, судно в этот момент резко вильнуло на воздушном потоке. Череп с размаху влетел Гавриалу прямо в грудь. Историк истошно завопил и отпрянул назад, но Веспер ловко подставила ему подножку. Он и череп с глухим стуком одновременно повалились на палубу.

Закатив глаза, Амайя величественно двинулась вперёд, но лишь для того, чтобы подобрать проклятый череп своей прапрапрабабки, водрузить его обратно на стол и повернуться ко мне. В полумраке шторма фиолетовая дымка, очерчивающая её глаза, кажется темнее обычного. Будто принцесса не спала несколько недель.

- С чего бы нам верить тебе, русалка? Мы никогда не слышали легенд о морском чародее, не говоря уже о подводном замке ужасов.

- По той же причине, по которой никто из нас не обнаружил Абиссис. Этот чародей обитает в той части океана, куда мы не можем добраться сами. Он - легенда малых народов мерроу. - Голос Ариона падает до опасного шёпота, а его хватка на моей руке становится жёстче. - Те, кто попадает к нему в лапы, обычно не возвращаются. Нам повезло, что Зефире это удалось.

Все взгляды снова скрещиваются на мне. Они застывают на моём лице. Скептические мины. Злобные прищуры. Я не справляюсь с этим вниманием, с этим чужим любопытством, поэтому утыкаюсь глазами в карту, пока они не начинают слезиться. Просто продолжай дышать. Даже крепкая хватка Ариона не может унять бешеный стук в моей голове. В моей груди.

- Послушайте, - медленно произношу я. - Я знаю, что вы скорее пустите меня на филе, чем примете мой совет. Но… я знаю замок чародея. Я провела в этом желобе годы. - Я нервно вскидываю глаза, опираясь на Ариона в поисках поддержки. Первым я ловлю взгляд Веспер. Её глаза сужаются, и в них мелькает какая-то нечитаемая эмоция. - Его коридоры преследуют меня в кошмарах. Я пряталась в каждом дюйме этого лабиринта, но даже при всём этом… он древний, странный и не похож ни на что, с чем я сталкивалась на суше или в воде. Там были… - Мой голос срывается, когда я делаю ещё один рваный вдох из-за нахлынувших воспоминаний, но затем я расправляю плечи. - Там внизу есть вещи похлеще Бездн. Проникнуть туда будет непросто. На самом деле… - я резко вырываю свою руку из ладони Ариона, отчего его глаза слегка сужаются, - это практически невозможно. - Прямо сейчас я мысленно бегу обратно к нему. Эхо мрачного смеха чародея крутится в моей голове на повторе, вонзая когти глубоко в череп. И всё же я упрямо поднимаю подбородок.

Посмотрев по очереди на Ариона, затем на Веспер, Феликса, Гавриала и, наконец, на Амайю, я твёрдо произношу:

- Если вы хотите найти Абиссис - если мы хотим забрать сердце, - нам придётся пройти через Верховного Чародея.

Гавриал хмурится:

- Что ты имеешь в виду?

- А я-то думала, что ты здесь самый умный. - Амайя с размаху вонзает нож в нарисованные синими чернилами волны. - Она имеет в виду, что нам придётся выманить этого чародея наружу, прежде чем мы сможем разграбить его замок.

- Ну, удачи с этим, - язвительно бросает Веспер. - Он никогда его не покидает.

Несмотря на то что у меня внутри всё обрывается, я сохраняю бесстрастное выражение лица. Каменную маску. Её жесткий взгляд - напоминание о том, что она не с нами. Она против нас, и всегда была против. Она по-прежнему планирует выдать нас при первой же возможности, вернув нас - вернув меня - в мой самый страшный кошмар. И конечно же, она это сделает. Как и у нас, у неё просто нет другого выбора. Амайя выгибает бровь, реагируя на враждебность Веспер, и щёлкает пальцами. Двое её солдат реагируют мгновенно: они вырастают за спиной сирены с обеих сторон, небрежно положив руки на эфесы мечей.

- Поосторожнее, сирена, - мурлычет Амайя, - не то мои люди отрежут твой острый язык.

Веспер свирепо смотрит на неё, её рука дергается к шраму на запястье:

- Пусть попробуют.

- Достаточно, - отрезает Арион. - Это не помогает делу.

Когда ни Амайя, ни Веспер не отступают, из глубины его груди вырывается низкое рычание, и нож Амайи внезапно вспыхивает синим пламенем. С возмущенным проклятием принцесса резко взмахивает рукой, заливая его дождевой водой, что окончательно превращает карту в кашу.

- Хороший фокус, чернокнижник. - Яркая вспышка молнии подчёркивает её следующие слова, прорезая тучи у нас за спиной. - Но мой получше будет.

Тяжело выдохнув, Гавриал качает правой головой и подбирает уголок испорченной карты. Тот отделяется от остального пергамента, превращаясь в мокрую пасту прямо в его пальцах:

- Что ж. Надеюсь, она нам больше не понадобится.

Опасное электрическое напряжение вокруг Ариона усиливается:

- Нам нужно, чтобы вы, чёрт побери, заткнулись и послушали Зефиру. - Хотя он больше не берёт меня за руку, его крылья ободряюще касаются моего плеча. Мы оба понимаем: если я сейчас не заговорю, есть огромный шанс, что мы все просто перебьём друг друга прямо здесь. Веспер косится на оружие солдат. Гавриал нервно поглядывает на череп. А гром вокруг Амайи продолжает грохотать так, словно мы в секунде от того, чтобы быть испепеленными. Словно мы все стоим на краю обрыва, в сантиметре от падения.

Я спешу продолжить:

- Сердца нет внутри замка - по крайней мере, я его там никогда не видела. - Вдох. Выдох. Вдох. Я считаю каждый из них, заставляя себя двигаться дальше. Вспоминать, заново проживать худшие моменты - годы - моей жизни. - Но по ночам я часто слышала шумы. Из-под замка.

- И…? - спрашивает Гавриал.

Я тяжело сглатываю:

- Однажды я спросила об этом чародея, и он ответил, что под замком ничего нет.

Веспер скрещивает руки на груди, абсолютно невпечатлённая:

- Значит, он солгал.

- Он бы не стал лгать. Только не об этом. - Почувствовав жар взгляда Ариона на своей щеке, я стискиваю челюсти и тупо смотрю на испорченную карту. Желудок выворачивает наизнанку. - Он бы, наоборот, хотел, чтобы я до смерти боялась того, что находится внизу. Он бы позаботился о том, чтобы я знала. - Всё что угодно, лишь бы мучить меня. Пытать. Наказывать. Я пытаюсь снова сглотнуть, сделать вдох, но на этот раз… воздух не идёт в лёгкие.

«Моя милая, милая Зефира», - его голос вкрадчиво звучит у меня над ухом, хотя я его не вижу. Коридоры погружаются во тьму. Тени на стенах начинают зловеще колыхаться вокруг меня. - «Ты что, пытаешься сбежать?»

«Н-нет», - удаётся мне выдавить сквозь прерывистые вздохи. Лёгкие горят огнём. Я брожу по замку уже три дня подряд. Я искала любой возможный выход, но здесь ничего нет. Ничего. Я, блядь, в ловушке.

И он знает об этом.

«Ай-яй-яй. Нехорошо лгать, дорогая». Стены внезапно сдвигаются, с невероятной силой обрушиваясь на меня, и сознание тонет в отголосках его раскатистого смеха. Я прихожу в себя на холодном полу под те же странные звуки шёпота где-то внизу. Всегда внизу. Кандалы на моих запястьях намертво прикручены к полу, а руки покрыты фиолетовыми синяками.

Несмотря на бушующий вокруг нас ветер, мне не хватает воздуха, чтобы заставить свои лёгкие работать.

- Так это и есть твой гениальный план? - Веспер игнорирует мою панику, брезгливо кривя губы. - Идти на зов бесплотных голосов к руинам легендарной утопии, которая может вообще не существовать? Да ты даже говорить об этом спокойно не можешь. Как, чёрт возьми, ты собираешься нас туда вести? Ты никогда не умела быть лидером. Ты всегда была обузой.

Каждое слово - как стрела, бьющая точно в цель, прямо в моё сердце. Это глупый план, а я - худший человек, которому можно довериться. Но у нас нет времени, поэтому я крепче сжимаю руки на груди, пытаясь удержать себя от того, чтобы не рассыпаться на части.

- У тебя есть идея получше?

За столом воцаряется тишина. Амайя переводит взгляд с меня на Веспер с явным прищуром, доставая из-за пояса ещё один нож и почти рассеянно крутя его в пальцах. Она проводит языком по зубам, прежде чем прочистить горло. Повернувшись к Веспер, она произносит:

- Розововолосая русалка права. Другого плана у нас нет. - А затем обращается ко мне: - Расскажи мне больше об этом замке, Зефира. У нас появится шанс, если мы будем знать, какие штормы ждут нас впереди.

Я с трудом сглатываю:

- Ну, во-первых, он в воде. Очень глубоко в воде. - Я вскидываю руку, когда Гавриал открывает рот, собираясь перебить, - мне нужно закончить это, несмотря на то, как охрип мой голос. «Ты всегда была обузой». - Но это не станет проблемой. Я сама смогу выкачать воду. А вот вс остальное… коридоры меняют своё расположение каждые десять-пятнадцать минут, перестраиваясь по бесконечному кругу. Большинство предметов в этих залах прокляты, примерно как она, - я кошусь на прапрапрабабку Амайи, которая дико хохочет, - только они выглядят куда более безобидно. Дверные ручки с зубами. - Шрамы на моей ладони начинает жечь от этого воспоминания. - Зеркала, которые очаровывают тебя. - Из-за которых ты больше никогда не захочешь уходить. - Фонтаны, которые взрываются белым обжигающим пламенем. - Все за столом замирают на последних словах, но я продолжаю, несмотря ни на что: - Если ты коснёшься не того предмета - или даже просто посмотришь не туда, - всё кончено. Если это тебя не убьёт, то затянет в ловушку, сделает рабом, будет мучить до тех пор, пока чародей не решит тебя отпустить. А он не решит. - Мой голос слегка дрожит, но я игнорирую это. Все игнорируют. Даже Веспер. - И если нам каким-то чудом удастся пройти сквозь коридоры целыми, нам всё равно придётся столкнуться с его стражей. Их там десятки.

Амайя прижимает большой палец к кончику своего ножа:

- С этим мы легко разберёмся.

- Нет, - резко бросаю я, и Арион хмурится, когда шнур связи между нами натягивается. Он бешено пульсирует из-за подскочившего пульса. - Я не хочу… мы

никого не будем убивать. - Когда в ответ на мои слова раскатывается гром, я добавляю: - Они порабощены. Их нельзя наказывать за жестокость чародея.

Амайя раздражённо взмахивает ножом:

- Ладно. Будем вырубать. Продолжай.

- Если мы сможем найти их раньше, чем они нас. Чародей не позволяет своим куклам свободно разгуливать по замку. Большинство стражников остаются в спящем состоянии, пока они ему не понадобятся - или пока замок не почувствует опасность. Многие находятся там так давно, что начали буквально врастать в стены и превращаться в мебель. Мы никогда не увидим их приближения. - Я никогда не видела их приближения. Раз за разом я пыталась сбежать, и всегда кто-то вырастал из ниоткуда, чтобы утащить меня обратно. Чтобы запереть.

Я на секунду закрываю глаза, заставляя себя дышать сквозь эту боль. Сквозь этот стыд.

Всегда кто-то был рядом, чтобы вернуть меня… пока однажды этого не случилось.

- Так, дайте мне разложить всё по полочкам. - Гавриал зажимает пальцами переносицу и начинает мерить палубу шагами. - Мало того, что нам нужно осушить желоб Сцелератус - на секундочку, глубочайшую точку океана, - так нам ещё нужно пробраться сквозь проклятый замок-лабиринт, попутно вычисляя и обезвреживая - но не убивая! - порабощённую стражу внутри него. - Он качает головой, ускоряя шаг. - И всё это ради того, чтобы пойти на зов каких-то бесплотных голосов к руинам Абиссиса или к тем кошмарам, что таятся под замком. Я ничего не упустил? - Эффектно щёлкнув пальцами, он продолжает прежде, чем кто-либо успевает вставить слово: - Ах да, чуть не забыл! Нам также нужно как-то сместить или победить страдающего агорафобией чародея, который вообще отказывается покидать этот замок. Никогда.

- Это неправда, - хриплю я. - Он уплывает, чтобы заключать сделки.

- И чтобы охотиться за тобой, - тихо произносит Арион.

Наконец его взгляд отрывается от моего лица, а крылья плотно прижимаются к спине. Я вздрагиваю от внезапно исчезнувшего тепла. Он больше не поднимает глаз, добавляя всё тем же тихим шёпотом:

- Ты нужна ему, Зефира. - Пауза. - Как долго он тебя ищет?

«Я хочу твою душу, Зефира из Силь. Я хочу тебя».

Каждая клеточка тела умоляет меня сбежать отсюда. От этого разговора. От этого стола. С этого корабля. Они снова все вылупились на меня. Все, кроме Ариона. Враги. Незнакомцы. И я… я не хочу говорить об этом вслух. Не хочу произносить это, но… бежать больше некуда, а я устала. Так чертовски устала.

- Шесть месяцев.

Взгляд Ариона резко возвращается к моему лицу, а челюсти сжимаются, пока он недоверчиво изучает меня. Я чувствую, как его ярость закипает вместе с его силой; она буквально затапливает шнур связи, перегружая мои рецепторы. Я жду, что он что-то скажет, но вместо него заговаривает Гавриал:

- Всего шесть месяцев? - Он тяжело выдыхает, моргая раз, другой. - Ты… ты уверена, что хочешь пойти на это? Вернуться туда?

Я отказываюсь съёживаться или малодушно пятиться под этим вопросом. Под их жалостливыми взглядами. Потому что я терпеть не могу их жалость. Я её не заслуживаю - не после всего, что я натворила. Всех, кому причинила боль. Кого убила. Кожа зудит от подступающего раскаяния, но я ничего не могу исправить. Плотнее скрестив руки на груди, я отворачиваюсь от них, пытаясь взять себя в руки:

- Конечно нет. Но какой у нас выбор?

Никто не отвечает, и я не могу их винить.

Потому что Арион прав. Верховный Чародей Четырёх Морей никогда не покидает замок, если только не видит в этом выгоды - сделки или поимки меня. Даже если бы мы рискнули провернуть первое, это не дало бы нам нужного количества времени на поиски сердца. А это значит…

- Дело во мне, - шепчу я, едва ли громче шума шторма. Однако Арион всё равно слышит. Когда я поворачиваюсь, чтобы снова посмотреть на него, он уже оказывается ближе, чем я думала, его взгляд буквально полыхает. Горло сжимается, словно к нему приставили нож, но я всё равно выталкиваю слова, прижимая дрожащую ладонь к его груди: - Нам нужно выманить чародея, используя меня в качестве приманки.

- Нет. - Он яростно качает головой. - Ни за что, чёрт побери.

- Если то, что говорит Зефира, правда, - вмешивается Амайя, - то это наш единственный грёбаный шанс. Это не может быть совпадением, что вы нашли именно её, чернокнижник Стоун, - эту конкретную русалку, оказавшуюся в самом центре всего. Ты. Чародей. Абиссис и сердце. Она - луна, а ты - приливы. Мы будем полными идиотами, если упустим такую возможность. - Она награждает Ариона проницательным взглядом: - Второго такого шанса не будет.

Арион натягивается под моими пальцами, его мышцы напрягаются, словно он готов совершить какую-то глупость. Он не может оторвать глаз от моего лица, и через связь я почти физически чувствую, как в его мыслях эхом отдаются слова Амайи: «Она - луна, а ты - приливы». Принцесса, без сомнения, ошибается. Я никогда не была центром чего-либо. Я просто дура. Чёртова дура, которая оказалась в неподходящем месте в неподходящее время и сделала все возможные неправильные выборы. Но Арион… на секунду он заставляет меня поверить в это. Что-то тёмное и бездонное меняется в его взгляде, отчего моё лицо обдает жаром.

Он - чернокнижник. Я - русалка.

Что мы вообще делаем?

Ему нужно отвернуться. Ему просто необходимо отвернуться, но прежде чем он успевает это сделать - прежде чем осознает, что я вовсе не луна, а лишь скрывающая её тьма, - Веспер издаёт издевательский смешок, отталкивается от стола и разворачивается, направляясь обратно в трюм.

- Да вы уже грёбаные идиоты, - бросает она, - и если вы свяжетесь с ней, вам крышка.

По щелчку пальцев Амайи один из охранников обнажает меч, преграждая Веспер путь, но та без колебаний отталкивает клинок в сторону. Я тоже не колеблюсь. Бросив быстрый, заверяющий взгляд на Амайю, я устремляюсь за Веспер вниз по лестнице и через коридор, где она толкает дверь слева от нас. Быстрый осмотр показывает, что мы на камбузе. В небольшой комнате доминирует массивная железная плита, а перед запотевшим иллюминатором висят медные кастрюли вместе со связками сушащихся трав. Кок - высокий лысеющий мужчина с шишковатыми коленями и тонкими усами - резко оборачивается при нашем появлении, его выпученные глаза округляются при виде наших волос:

- Русалки, - рычит он, размахивая поварешкой как саблей. - Вон! А ну пошли вон из моей кухни…

Веспер в ответ лишь напевает одну-единственную мелодичную ноту, и мужчина замирает. Его взгляд становится пустым. Не произнося больше ни слова, он покорно

семенит прочь из комнаты, оставляя нас двоих наедине. Я с надеждой заглядываю в кастрюлю, которую тот помешивал, - куски мёртвой рыбы плавают в жидком бульоне. Мой нос кривится, и я тут же отшатываюсь. Напряжённо расправив плечи, Веспер берет яблоко, вонзает в него зубы и поворачивается ко мне лицом:

- Проваливай, Зефира. С меня хватит тебя на всю оставшуюся жизнь.

Я отказываюсь вздрагивать от этих слов, вместо этого выуживая апельсин из ближайшей корзины:

- Они убьют тебя. Как только мы доберемся до желоба, и они поймут, что ты не на нашей стороне…

- Как будто тебе не плевать.

Сердце болезненно сжимается:

- Мне не плевать.

- Ну конечно, Зефира. - Веспер горько усмехается. - Как только мы доберёмся до желоба, вы всё равно все трупы.

- Всё не обязательно должно закончиться именно так.

- Мы обе знаем, чем всё закончится. Он не остановится. Чародей найдёт тебя. Он заберёт тебя себе, и ничего ты, - она дёргает подбородком в сторону верхней палубы, - или твой чернокнижник не сможете с этим поделать.

«Заберет меня себе». Я мысленно отмахиваюсь и от этих слов, содрогаясь, и фокусируюсь на её лице. На её глазах. Тех самых глазах, которые были у Эос. Тех самых глазах, в которые я смотрела ночь за ночью на улицах Крестфолла. Сердце разрывается, но я принимаю каждый болезненный удар. Мы слишком многое разделили… и слишком многое потеряли вместе.

- Тогда помоги нам.

Яблоко застывает на полпути к её рту:

- Что?

- С твоими способностями сирены мы могли бы очаровать стражу. У нас появится больше шансов обыскать замок, найти Абиссис и сердце. Всё не должно закончиться трагедией. Помоги нам.

- Зефира, - произносит она, опуская яблоко и чеканя каждое слово медленно, отчётливо, - я бы не помогла тебе, будь ты последней русалкой во всех четырёх морях. Не говоря уже о том, чтобы рисковать своей сестрой ради твоего спасения.

Я быстро качаю головой:

- Я не прошу тебя рисковать Эос. Если Арион получит сердце, он сможет вернуть её. Я клянусь тебе. Его сила не похожа ни на что из того, что мы видели… с этой дополнительной мощью и магией он справится. Мы сможем вернуть Эос, а затем… затем мы прикончим чародея. Мы расторгнем обе наши сделки. Навсегда. - Бросив апельсин обратно в корзину, так и не очистив его, я делаю шаг ближе, с трудом подавляя желание схватить её за плечи. Потрясти. - Вместе мы сильнее. Я могу быть обузой, но я быстрая. Ты приземлённая. Ты никогда не теряешь самообладания. Ты - неоценимый актив в бою, и ты нам нужна. Ты нужна мне. Пожалуйста… пожалуйста, помоги нам. Не вставляй нам палки в колёса.

- Почему? - Её пальцы сильнее сжимают яблоко, проминая красную кожицу. Она словно не замечает этого, её взгляд намертво прикован к моему. Выискивает что-то. - С чего бы мне этого не делать?

- Потому что мы идем в замок чародея, - твёрдость наполняет мой голос. - Потому что если мы потерпим неудачу даже с твоей помощью, ты всё равно окажешься в

выигрыше. Как ты и сказала, он найдёт нас. Он заберёт меня. В любом случае, что бы ни случилось, ты ничего не теряешь. - Я делаю ещё один шаг ближе, умоляя её прислушаться к голосу разума. Услышать меня. Когда она не отвечает, я стискиваю зубы и добавляю: - Я не хочу, чтобы ты умирала, Веспер. Что бы ты там себе ни думала, я никогда не желала чьей-либо смерти. - Я не произношу имя её сестры. Не напоминаю Веспер о том, что она уже потеряла. В этом нет нужды - Эос будет преследовать нас обеих до конца наших дней. Даже если… когда мы вернём её, её смерть навсегда оставит свой ядовитый след. - Её гибель всегда будет одним из моих самых страшных сожалений, - тихо признаюсь я. И, не удержавшись, добавляю: - Мне так жаль.

Без предупреждения Веспер с силой швыряет недоеденное яблоко в противоположную стену. От удара на дереве остаётся вмятина. Сок стекает вниз, словно кровь по ступеням храма. Словно слёзы. Запустив руку в свои серебряные волосы, она рычит:

- Ладно. Я помогу тебе, Зефира. Я присоединюсь к вашей весёлой компании придурков и сделаю вид, будто у нас есть хоть какой-то шанс на успех. - При её словах моё сердце делает радостный кульбит - шок проносится по телу, облегчение, - и это, должно быть, отражается на моём лице, потому что она недовольно мотает головой, заставляя серебряные пряди колыхаться. - Но не ради тебя. Это то, чего хотела бы Эос. Ради неё я позволю тебе попробовать. Но когда всё это с треском провалится, - теперь она наклоняется ближе, обнажая зубы, - я буду здесь, чтобы получить своё. Прямо. Здесь.

Я выдерживаю ее взгляд, не в силах отвернуться. Потому что она говорит это на полном серьёзе. Даже если это разбивает мне сердце, она не шутит, поэтому после долгой, напряжённой паузы я согласно киваю:

- Я понимаю.

- Отлично. - Она выпрямляется, закрывает глаза и делает резкий выдох, прежде чем снова распахнуть их. В них застыла непоколебимая решимость. - Если ты хочешь выманить чародея из его замка, тебе нужно пролить кровь. И пролить её много. Он сам говорил мне, что именно так выслеживает тебя. По твоей магии или твоей крови.

Я удивлённо моргаю, не совсем понимая:

- Мне нужно… что?..

- Пролить кровь, - эмфатически повторяет она, прежде чем развернуться на каблуках. Повернувшись ко мне спиной, решительная и непреклонная, она направляется к выходу из камбуза. И уже через плечо резко бросает: - Если твоя кровь окажется в каждом море, чародей не сможет так легко тебя выследить. Даже со всей своей армией и какой бы то ни было магией. Пока твоя кровь будет в каждом море, а волшебник будет бестолково метаться из стороны в сторону, пытаясь прижать тебя к ногтю, у нас появится необходимое время, чтобы проникнуть в его замок. - А затем, уже тише, повторяет: - Тебе нужно пролить кровь.

Джордан Стефани Грей - Порочное мореThe Jordan Stephanie Gray - Wicked Sea

ГЛАВА 31

АРИОН

Вид крови обычно не вызывает у меня тошноты.

Но прямо сейчас, когда я смотрю, как из руки Зефиры сочатся багровые ручейки, стекая в четыре моря, мой желудок скручивает, а рот наполняется горячей медной слюной. Мне нельзя поддаваться слабости. Она рассчитывает на меня. Она русалка, её жизнь теперь в моих руках, и по какой-то дикой причине я даже не думаю о том, чтобы покончить с ней. Ни на секунду. Даже если бы нашей связи не существовало.

Я крепко сжимаю её запястье пальцами, удерживая её, даже когда её пульс замедляется.

Мы примостились на краю широкой доски, выступающей с правого борта корабля. Её ногти впиваются в моё бедро, пока она отчаянно пытается удержать равновесие; её зубы скрежещут каждый раз, когда корабль опускается слишком низко или мчится слишком быстро из-за очередного магического ветра Амайи. Волосы Зефиры мечутся между нами, и кажется, будто они стали частью закатного неба - позолоченного горизонта, прорезанного красивыми розовыми прядями.

- Мы ещё не закончились? - шипит она.

- Причина твоего паршивого настроения - обильное кровотечение, или всё дело в полёте? - спрашиваю я, стараясь говорить легко. Непринуждённо. Как будто это ни капли меня не трогает.

Она испепеляет меня взглядом, и по её круглым щекам разливается персиковый румянец.

- Прости, чернокнижник. Ты что, получаешь от этого удовольствие? - Она косится на моё собственное запястье, которое кровоточит в том же размеренном ритме, что и её. Но я всего лишь маскирую свою боль, свою агонию. Магии, которую я использую… может хватить, чтобы убить меня. Завтра. На следующей неделе.

Скоро.

Впрочем, я об этом не думаю. Как не думаю и о том, в какую ярость меня, чёрт возьми, приводит вид её страданий.

- Больше, чем ты, - отвечаю я ей. - Определённо.

Корабль прорезает облако насквозь, и туман пропитывает влагой её бледно-голубую блузку и чёрный жилет. Позади нас на палубе команда Амайи переставляет паруса, подчиняясь её резкому приказу держать курс на север, к Соль. Веспер дуется у мачты, сидя на джутовом табурете, который она, должно быть, утащила с камбуза, и подравнивает волосы кинжалом, которого у неё не было еще тридцать минут назад. Рядом с ней Гавриал начал чертить новую карту взамен той, что мы испортили огнём и дождём. Я усмехаюсь себе под нос. Хороша команда - и теперь наше будущее в их руках.

- Если я отключусь, - говорит Зефира, - сделай так, чтобы я не свалилась и не сдохла.

Я поднимаю глаза и встречаю её взгляд, прожигающий меня насквозь.

- Я серьёзно, чернокнижник. Если я размажусь по камням внизу, я сделаю это проблемой каждого. Я буду преследовать этот корабль вечно.

- Ты же знаешь, если это случится, я тоже буду мёртв.

- Знаю. - Её взгляд падает на наши запястья. Моя кровь собирается в ведро, а её - уходит в море. Сначала Силь, потом Сель, теперь Соль, а затем Саль. После этого мы сделаем ещё один полный круг вокруг земного шара, посещая моря в другом порядке, петляя зигзагами над каждым дюймом мира, чтобы чародей даже не догадался, где на самом деле находится Зефира. Это настолько надежный план, насколько это вообще возможно для нас сейчас. Зефира вызвалась сама, когда вернулась вместе с Веспер. Когда Веспер объявила, что не собирается совершать убийство - по крайней мере, в ближайшее время. Я верю ей ещё меньше, чем остальным, но с этим мы ничего не можем поделать. Она здесь, и Зефира не позволит нам убить её или снова запереть.

Зефира морщит нос при виде багровой жижи, плещущейся в ведре.

- Это отвратительно, - заявляет она, медленно моргая. Слишком медленно. - У меня голова идёт кругом.

- По-моему, она на самом деле летит, - говорю я. Мои крылья широко распростёрты за спиной, ловя каждую секунду бешеного ветра. Перья шуршат и расправляются.

- Если ты начнёшь шутить, я могу и спрыгнуть.

Я выгибаю бровь.

- И это всё, что потребовалось бы? Одна паршивая игра слов, и ты сама накинула бы петлю себе на шею?

- С радостью, - бесстрастно отвечает она.

Её ногти прорезают плотную ткань моих брюк, оставляя синяки на коже, но я игнорирую эти уколы боли. Она действительно выглядит так, словно вот-вот упадёт в обморок.

- Что я могу сделать? - спрашиваю я, даже когда продолжаю пускать ей кровь своей магией.

Усилия, которые я прикладываю - контроль над нанесением раны за раной при одновременной попытке восполнить кровь в её венах, - лишают меня половины вздохов, но другого пути нет.

Она наклоняется вперёд, прижимаясь головой к моему бицепсу.

- Заставь землю перестать вращаться. - Она стонет. - Я начинаю думать, что Веспер предложила это исключительно ради своего извращённого удовольствия.

- О боги, ты права, - говорю я мрачным и жёстким голосом. - Она только что простонала. И - чёрт - она задирает юбку, а Гавриал стоит на коленях между её бёдер…

- Что?! - Её глаза распахиваются, и она резко выпрямляется. Слишком быстро. Её лицо бледнеет, и она снова падает на мою руку. - Ах ты, мать твою, лжец чёртов.

Я хохочу. Громче и сильнее, чем обычно.

Она шипит:

- Это не смешно.

Я ухмыляюсь, глядя на неё, на следы от ногтей на моих брюках и на розовые волосы, рассыпавшиеся по моей груди. Мой пульс замирает при этом виде. От того, как легко она устраивается здесь, со мной.

- Я не позволю тебе умереть, Зефира.

- А кажется, будто именно это ты и делаешь, - бормочет она мне в кожу.

- Если ты помнишь, это был твой план.

- План Веспер.

- Но это предложение сорвалось с твоих губ.

- Тебе когда-нибудь откусывали член, Арион? Потому что я близка к этому.

Мой член дёргается от этой мысли. Не от того, что она его откусит, а от внезапного образа её губ, обхвативших его. Я прочищаю горло и трясу головой. Это слегка встряхивает её, отчего она снова стонет.

- К чёрту полёты, - плюет она. - Ненавижу это дерьмо. Русалки не созданы для того, чтобы находиться выше уровня моря.

Я вздыхаю и кладу ладонь ей на спину. Хотя вся энергия в моём теле сейчас направлена на то, чтобы пускать ей кровь, я ищу глубоко внутри себя ещё одну крошечную каплю, ровно столько, чтобы разлить успокаивающее тепло по её животу и унять тошноту. Её тошнота начала терзать и меня, и я почти могу убедить себя, что именно поэтому я это делаю. Именно поэтому я её успокаиваю.

И совсем не потому, что из-за боли, ран, слабости или болезни Зефиры мне хочется поджечь этот корабль. Этот мир. Начиная с этого грёбаного чародея.

- Ох, - выдыхает она, и ее хватка на моих бёдрах ослабевает. Ослабевает, но не исчезает. Она запрокидывает голову и смотрит на меня. - Ты только что…

- Да, - коротко бросаю я, потому что предпочёл бы вообще это не обсуждать.

Её губы приоткрываются.

- Но… но…

Она ударяет меня по бицепсу, и от силы этого удара сама едва не слетает с доски. Я придерживаю её рукой за талию, пока она яростно смотрит на меня.

- За какого хера это было? - грубо спрашиваю я, стиснув челюсти и пытаясь сделать так, чтобы её кровь не попала на корабль.

- Тебе нужно прекратить использовать магию!

- Зефира, я пускаю тебе кровь прямо сейчас и восполняю её, чтобы ты не умерла. Мы дважды обогнем весь мир. Как думаешь, во сколько жизней нам это обойдётся?

Она сардонически задумывается над этим:

- Наверное, мало. - Она облизывает свои пухлые губы, и это зрелище приводит в ярость. Я убираю руку с её талии, возвращая её на руку Зефиры, где мы заново вскрыли её старые шрамы, чтобы избежать появления новых. А затем, как обычно, она резко меняет тему и тон. - Я не чувствую этого. Когда ты используешь магию, - говорит она, - я часто чувствую твоё истощение или боль. Даже если они погребены под слоём всего того, что чувствую я сама. Но прямо сейчас… ничего нет.

Я коротко киваю. Резко.

- Так лучше.

Она внимательно наблюдает за мной, склонив голову. Её взгляд блуждает по моему телу, моему лицу, прежде чем сузиться.

- Ты закрываешься, чернокнижник?

- Нет, - лгу я.

Она тихо ругается сквозь зубы. Затем:

- Арион.

- Зефира.

- Хватит тратить свою магию. Я не буду просить тебя дважды…

- Ты хочешь почувствовать вкус гниения на языке, Зефира? Хочешь ощутить пепел в глубине горла? У меня болят рёбра, лёгкие отбиты, а внутренности кажутся, мать их, искалеченными. Но я привык к этому, ясно? Я привык подавлять это. На меня это не влияет.

Она ищет взглядом очередную ложь, но её нет. Я действительно привык подавлять это. Это на меня не влияет. И я уж точно, чёрт, не собираюсь заставлять её переживать мою травму, когда у неё полно своих собственных.

- Всё нормально, русалка.

Она свирепо смотрит на меня:

- Сколько?

- Одиннадцать дюймов, - сухо говорю я. - Хотя я никогда не утруждал себя измерениями, так что это скорее грубая оценка.

* 11 дюймов = 27,94 см

- Хватит шутить. У тебя это ужасно получается. - Она смотрит ещё свирепее. - Сколько тебе осталось?

- Достаточно, - отвечаю я.

- Если ты можешь прикинуть размер своего члена, то сможешь прикинуть и то, сколько нам осталось до того, как мы замертво упадём.

Свободной рукой я взъерошиваю волосы. Сосредотачиваюсь на окружающем ветре, далеком шуме волн и редких проблесках коралловых рифов сквозь кристально чистые воды Соль. Коралловые рифы и жирные, мясистые щупальца кракена, хлещущие мегалодона вдвое меньше него самого. Я глубоко вдыхаю, хотя и не чувствую этого вдоха. Это не облегчает боль в лёгких. Боги, как же я не хочу вести этот грёбаный разговор. Правда в том, что я не знаю. Не знаю, сколько мне осталось. Мне не с чем это сравнить, особенно без записей и журналов чернокнижников перед глазами. Я вообще не должен был продержаться так долго. Мне следовало уже умереть.

- Мои силы… на исходе, - тихо говорю я. - У меня больше нет доступа к такому количеству магии, как раньше, а боль усиливается с каждым часом.

Она заправляет выбившийся локон за ухо.

- Ты должен остановиться, Арион. Пожалуйста.

Я перевожу взгляд на наши кровоточащие запястья, пока корабль делает резкий поворот на восток. К Саль. Почти половина пути. Это не так успокаивает, как я надеялся.

- Я знаю. Знаю, - говорит она. - Ты тратишь её сейчас, потому что обязан, но после этого… больше ни капли.

Я усмехаюсь, хотя во всем этом нет ничего смешного. Я умираю. Она умирает. Мы не можем знать, когда именно, знаем лишь, что этот момент несётся на нас на всех парах, пока мы сами мчимся навстречу куда более худшей ситуации.

- Ты хочешь, чтобы я перестал использовать магию прямо сейчас?

- Да, - твёрдо отвечает она.

- Перед тем, как мы доберёмся до проклятого замка злого чародея?

Она поднимает подбородок:

- Да.

- Это абсурд.

- Больше, чем то, что ты истощишь нас и убьёшь за считанные дни до того, как мы сможем заполучить сердце?

Я моргаю, глядя на неё. Осознаю правду её слов: мы близко. Мы близко, и нам нужно просто выжить. У Амайи есть магия шторма. Веспер - сирена. Гавриал… ну, он просто здесь. И этого должно хватить. Хватит ли?

- Ладно, - уступаю я с рычанием. - Твоя взяла.

Её губы дрогнули, и ей даже удается тихонько рассмеяться. Значит, её желудок наконец успокоился. Я испускаю короткий вздох облегчения.

Я понижаю голос, делая его едва различимым за свистом ветра:

- Как думаешь, мы найдём его?

Она смотрит вниз, на солнце, исчезающее за размытой кромкой кристально чистой воды.

- Надеюсь.

- Ты не уверена. - Это утверждение, а не вопрос. Я тоже не уверен.

Я уже сам не знаю, во что верить.

Зефира бесповоротно сдвинула мой мир с оси и закрутила его совершенно не в ту сторону. И вот он я - осторожно придерживаю руку русалки, которую ещё пару недель назад отдал бы всё на свете, чтобы сломать. Вот он я - смотрю на веснушки на её носу, мысленно очерчиваю изгиб её губ, пытаясь навсегда запечатлеть её в своей памяти. Даже если наше «навсегда» не может продлиться. Не продлится.

- Если честно, - шепчет она, - обо всём этом сейчас, чёрт возьми, невероятно тяжело думать. Раньше… я думала, что мы ввязались в какое-то глупое приключение. Бессмысленное и невозможное, но не ужасающее. Не угрожающее жизни настолько. Я думала, что чернокнижник спас меня от неминуемой смерти, и всё, что мне нужно делать - это терпеть его несколько недель или месяцев, пока он не поймёт, что ищет то, чего не существовало веками.

- А теперь? - спрашиваю я, залечивая её порезы, пока мы не достигнем Саль.

- Теперь всё это обязано быть реальным. Если нет… - Она снова ругается, ещё злее, чем в прошлый раз. - Нам хана, а я не хочу умирать вот так. Поэтому я надеюсь, что всё по-настоящему. Раз уж в это втянут колдун, значит, здесь что-то есть. Прямо перед нашим носом. Что-то, что мы упускаем.

- Думаешь, он замешан?

- Я не хотела говорить этого при остальных, но… он часть всего этого. Должен ей быть. - Она качает головой, отодвигаясь от края доски и едва не падая ко мне на колени. - Не может быть совпадением то, что он воздвиг свой замок именно на месте древних руин. Его замок… никогда не казалось, что он полностью подчиняется его воле. Когда он уплывал, чтобы заключать новые сделки, чтобы красть чужую магию душ, чары замка продолжали действовать. Словно они обладали собственным разумом. Его стража оставалась в спячке, но всё остальное было живым. Даже если он там просто для того, чтобы высосать из Абиссиса всю магию до капли, он сидит там по какой-то причине. Думаю, он сам выбрал этот замок. Все эти совпадения слишком идеальны, чтобы быть случайностью. - Она резко переводит взгляд на меня. Пристально. - Каковы шансы, что мы нашли друг друга, Арион? Чернокнижник на грани смерти. Русалка накануне казни. Я знаю в точности, куда тебе нужно попасть. Никто, кроме меня, не смог бы сориентироваться в этом замке.

Я изо всех сил пытаюсь уловить ход её мысли:

- То есть ты думаешь, что это ловушка?

- Не знаю. Может быть. - Она скрещивает руки на груди и устраивает подбородок между нами - наполовину на своей ладони, наполовину на моём плече. - Ты веришь в судьбу, Арион?

Судьба.

Неделю назад я бы сказал: «Абсолютно». Мне была уготована великая участь, великая сила. Я был рождён, чтобы спасти этот грёбаный мир. Но теперь…

- Трудно верить в судьбу, когда ты умираешь.

Она ничего не отвечает на это.

- Абиссис был создан богиней. Населён богами. Божественная утопия. Что если нам суждено его открыть? Что если вся наша боль и все травмы были ради этого момента?

И тогда я всё понимаю. Догадка внезапно обрушивается на меня. Она вовсе не считает это ловушкой. Она не думает, что чародей злонамеренно охраняет сердце. Она думает, что за всем этим стоят боги - её богиня, - и считает, что всё в её жизни вело её именно к этому.

Я сжимаю челюсти.

- Тогда я скажу, что эти боги - конченые ублюдки.

Она сморит на меня широко распахнутыми глазами. Изумлённо.

- Разве непрестанное поклонение своему богу не входит в твои обязанности по умолчанию?

Рычание вибрирует в моей груди:

- Мне плевать. Если они заставили тебя пройти через восемь лет грёбаных пыток только ради того, чтобы ты отыскала какие-то руины, они все заслуживают того, чтобы им перерезали глотки, как любым другим преступникам. Хуже, чем любым другим преступникам. К чёрту судьбу и к чёрту их самих. Нет. Нет, Зефира, ты не должна была терпеть пытки, заточение и издевательства. - Меня трясёт от ярости, которую я не в силах подавить, ведь я и так истощён сдерживанием всего остального. Мой самоконтроль трещит по швам, удерживаясь на волоске. - Как только мы получим сердце, я убью его, Зефира. Я найду этого чародея и выпущу ему кишки. Или свяжу его своей магией, чтобы кишки ему выпустила ты. Но он, блядь, сдохнет - в муках - так или иначе.

- Расскажи мне о своих истинных чувствах, - поддразнивает она, хотя её голос дрожит, а серебряный шнур пульсирует теплом. Она оборачивается и смотрит через наше плечо на остальную часть корабля. Команда продолжает плыть по ветрам Амайи. Гавриал продолжает чертить карту. Веспер продолжает испепелять взглядом любого, кто посмотрит на неё хоть на секунду дольше положенного. А Амайя… она стоит у штурвала, и вокруг неё потрескивают молнии. - Я никогда не хотела, чтобы он умирал, - произносит Зефира так тихо, что я едва улавливаю слова.

- Что?

- Чародей. - Она смотрит на меня, всё ещё полусидя на моих коленях, и вцепляется в мою руку, когда корабль взмывает выше. Быстрее. - Я никогда не думала о том, чтобы убить его.

Это… чёрт побери, совершенно не укладывается у меня в голове.

- Почему нет?

Она просто пожимает плечами:

- Всё уже произошло. Что я выиграю, если убью его сейчас? Худшее уже случилось. Я не могу это изменить. - Глубокий вдох. - Я просто хотела сбежать. От него. Навсегда. Я хотела убежать от всего этого.

Я вспоминаю её слова в пещере. Но я бежала так долго… что уже не знаю, как остановиться.

- От этого нельзя убежать, - говорю я ей.

- Я знаю. - Она всматривается в мой взгляд. Что она там ищет - не знаю. Но она вглядывается так, словно видит мою душу. - Ты хочешь уничтожить культ. Ты хочешь

мести. Это ведь куда более заслуживает восхищения, правда? В гневе есть сила действия. В бегстве никакой силы нет. Одно лишь малодушие.

Я не отвечаю сразу, и она начинает подниматься. Собирается уйти в трюм, где обычно отдыхает на перепутье между морями. Но я хватаю её за запястье, останавливая. Её взгляд опускается на мою руку, на прикосновение, которое обжигает нас обоих.

- Не думаю, что всё это имеет отношение к тому, что заслуживает восхищения или демонстрирует силу. Думаю, то, через что ты прошла… ты вольна справляться с этим так, как хочешь. У тебя отобрали жизнь, и решения, которые ты принимаешь сейчас - они должны быть только твоими. К чёрту то, что думают остальные.

Она смотрит на меня с опаской:

- Значит, ты не считаешь меня слабой?

- Зефира, ты едва не убила меня. И не раз. Я ни секунды не считал тебя слабой с самой первой нашей встречи, когда ты посадила меня на задницу.

На это она улыбается. Грешной, лукавой улыбкой, которая лишь раздувает пламя между нами. Она и сейчас меня почти убивает. Ставит на мои, будь они прокляты богами, колени.

Она поднимается, увлекая меня за собой, и вот мы уже стоим на самом краю доски; грозовые тучи сгущаются над нами, а гром грохочет по всему небу. Мелкий дождь начинает мочить её волосы, одежду и кожу. Она, чёрт побери, настолько красива, что это меня убивает.

- А что если я это заслужила? - спрашивает она, и в её бирюзовых глазах читается какая-то неразгаданная эмоция. - Что если я такое же зло, как и этот чародей, Арион? Что если это открытие - единственное, что сделает меня чего-то стоящей?

Что если она зло? Она русалка. Она пыталась меня прикончить. Она сделала тысячу неправильных выборов с тех пор, как мы встретились, она грубая, невыносимая и…

- Мне плевать, - произношу я и внезапно понимаю, что это правда. Чистейшая правда, затмившая все мои прежние мысли. - Я вижу тебя, Зефира. Худшие твои стороны и лучшие. Я вижу тебя, и… - Мне стоит замолчать. Стоит проглотить каждое слово, пока я не обрёк нас - не обрёк себя - на ещё большие муки. Это не разговор в полумраке каюты, пока она больна. Это не признание, которое можно списать на грусть, боль или жалость. И всё же…

Чёрт, какая же она красивая.

Я хочу прикоснуться к ней. Хочу запомнить этот миг. Хочу запомнить её.

- Если ты зло, так уничтожь меня, Зефира.

Её взгляд опускается на мой рот. Она облизывает губы, на этот раз медленнее, и я чувствую каждую секунду этого движения, словно крюк, вонзившийся мне между рёбер.

- За нами наблюдают, - говорит она.

- Мне абсолютно насрать.

Ещё одна улыбка. Ухмылка. Мои колени готовы подогнуться от этого блеска в её глазах. Между нами, обвивая наши икры, серебряный шнур трепещет в такт её сердцу. Моему сердцу. Нашей ноющей, всепоглощающей потребности. Я больше не могу это выносить. Это напряжение между нами. Мне до тошноты надоело игнорировать его, подавлять и делать вид, будто она мне не нужна. Мои колени вот-вот подогнутся - но разве не этого я хочу? Упасть перед ней на колени, задрать её юбку, раздвинуть ноги и

упиваться ею? Наслаждаться ею до тех пор, пока она не начнет дрожать, стонать и кричать так, чтобы слышал весь мир. Хватит призрачных прикосновений. Хватит магии.

Только она. Только я.

Только мы.

- Уходи, Зефира, - говорю я, и мой голос звучит так же изломанно, как и мой самоконтроль. Хрипло и резко. Это её последний шанс. - Уходи прямо сейчас.

Вызов вспыхивает в её взгляде. Она наклоняет голову, протягивает руку и запускает мягкие пальцы в мои волосы.

- Нет.

- Если ты не уйдёшь…

- То что? - требует она ответа. - Ты трахнешь меня, Арион? Может, я именно этого и хочу. Может, это вообще единственное, чего я хотела и о чём думала с самой пещеры. Твои руки на моём теле. Твой член внутри меня. Хочешь, чтобы я умоляла? Отлично. - Она смотрит на меня широко распахнутыми, голодными глазами. - Трахни меня. Трахни меня, Арион, сделай так, чтобы я кончила. Трахни меня, Арион, и заставь забыть собственное имя. Пожалуйста, пожалуйста, трахни…

Остатки моего самоконтроля с треском лопаются. Исчезают.

Без лишних слов я хватаю её за руку. Сдергиваю с доски и нетерпеливыми шагами веду в трюм. Я не останавливаюсь, пока не пинаю ногой дверь пустой каюты команды и не швыряю её внутрь. Она улыбается, глядя на меня снизу вверх, порочная, как и всегда. Её рот открывается - без сомнения, чтобы подразнить меня. Попросить. Сделать бог весть что. Мне уже совершенно плевать. На всё. Хватит.

Рыча, я хватаю её за горло и целую.

Мою русалку.

Джордан Стефани Грей - Порочное мореThe Jordan Stephanie Gray - Wicked Sea

ГЛАВА 32

ЗЕФИРА

Арион целует меня так, словно хочет наказать. Целует так, будто бушующая внутри него магия отчаянно рвётся на волю из своей железной клетки. И, богиня, это так хорошо. Он так хорош. А этот серебряный шнур - наша связь - делает всё ещё в сотни раз лучше. Я крепче обвиваю руками его шею, зарываясь пальцами в тёмные волосы и притягивая своё тело ещё ближе к нему. Ближе. Пока не чувствую его твёрдый член, упирающийся мне в живот.

Его язык проникает между моих губ, лаская мой собственный, пока он сглатывает мои прерывистые вздохи.

Вот оно. Это то, о чем я грезила, о чем думала, чем была одержима. Его большой палец скользит по моему горлу, заставляя пульс биться ещё чаще, пока корабль покачивается на яростных штормовых ветрах. Это так хорошо. Он прикусывает мою нижнюю губу - слегка, но достаточно, чтобы обожгло болью, - и в моём лоне разливается горячее желание. Оно разливается и внутри него тоже, я чувствую это. Я чувствую вкус того, как сильно он хочет меня, на своем языке. Каждая секунда наслаждения удваивается. Это за пределами моего понимания, когда серебристо-золотой взгляд Ариона приковывает меня к месту. Его зрачки сейчас огромные. Угольно-чёрные и голодные, пока шнур между нами светится радужным сиянием, опутывая наши руки, шеи и грудь тысячами сложных, тоскующих узлов. Моё сердце колотится. Голова идет кругом, но не от потери крови, не от полёта и не от чего-либо ещё - только от его прикосновений, от нашего общего желания. Мне плевать на остальных, кого мы бросили на палубе, плевать на этот корабль и на то, что мы летим навстречу своей скорой погибели. Плевать даже на богов и судьбы.

Трахни меня, Арион, и заставь забыть собственное имя.

Ведь именно этого я и хочу, верно? Забыться.

Арион сейчас слишком слаб, чтобы использовать собственную магию. Мы плывём прямиком к моему жуткому прошлому. Мы окружены врагами, да и мы с Арионом… мы вообще-то должны быть врагами. Я должна ненавидеть чернокнижника. Должна желать утопить его в ту же секунду, как разорвется наша связь. Возможно, я так и сделаю. Возможно, он тоже попытается меня убить. Возможно, уничтожение шнура вернёт нас к исходной точке. Русалка и чернокнижник. Противоборствующие силы в многовековой войне.

- О чём ты думаешь? - требует он ответа. Его голос звучит хрипло, когда рука перемещается с моего горла на затылок, заставляя меня поднять лицо. Давая ему полный доступ к моим губам. Он не может оторвать от них взгляда. Не может перестать смотреть на меня. - Ты что, жалеешь…

Я качаю головой:

- Я уже говорила тебе. Я не жалею.

- Это ложь, - просто отрезает он. Как будто правда не давит на меня всей своей тяжестью, угрожая переломать каждую кость в моём теле. Как будто его понимание не ставит под угрозу всё, что сейчас есть между нами.

Если ты зло, так уничтожь меня, блядь, Зефира.

Он видит меня. Он всегда меня видел. И никогда не ждал, что я буду кем-то другой. Я вдыхаю, когда он выдыхает, втягивая сам воздух, которым он дышит. Богиня, я изнываю по нему. Эта связь между нами - шнур, долг - содрогается от неконтролируемого вожделения, пока мне не начинает казаться, что я вот-вот взорвусь от него. Что вся эта каюта разлетится в щепки.

- Завтра утром мы ложимся на курс к впадине и замку, - произношу я тихо и медленно. - Там будет полно забот и страхов. Целая дюжина способов подохнуть. Но сегодня ночью - прямо сейчас - я хочу этого. И хочу этого с тобой, Арион. Ты видишь меня, а я вижу тебя. - Приподнявшись на цыпочки, я сильнее запускаю пальцы в его волосы и резко тяну. Мой язык скользит по его нижней губе, очерчивая её. Его зрачки поглощают радужку ещё сильнее, и из его груди вырывается утробный рык. - Я хочу тебя. Всего тебя.

Его крылья широко распахиваются на фоне разноцветных шёлковых гамаков и разбросанных гобеленов, когда он без лишних слов опускается на колени. Мы слишком долго ходили вокруг да около. Или, наоборот, слишком недолго. Я не могу… не могу остановиться. Желать, жаждать. Он сжимает в кулаках мои юбки, безжалостно задирая их выше бёдер и с треском разрывая мягкий хлопок. Ещё один рык срывается с его губ, когда он видит, что я совершенно голая. Обнаженная. Он переводит взгляд обратно на моё лицо, его зубы белеют в тусклом оранжевом отсвете заката.

- Снимай блузку, - приказывает он, и в этот миг в нем просыпается истинный чернокнижник. Вся его ярость и сдерживаемое разочарование. - Живее, Зефира.

Серебряный шнур натягивается между нами. До чёртиков, до предела туго.

- Нетерпеливый, чернокнижник? - поддразниваю я, вынуждая свои ноги раздвинуться ещё шире. Обнажаясь перед ним до конца.

Он резко кладёт ладонь мне на верхнюю часть бедра, и жар прошивает мою кожу, кости, поджигая все нервные окончания. Я содрогаюсь от его прикосновения. Его большой палец дёргается, и я подаюсь навстречу в порыве неистовой нужды.

- Нетерпеливая, русалка? - мрачно бросает он. Жестокая ухмылка кривит его красивые губы, и мои коленки дрожат. Ходуном ходят. Его рот так близко. Так, так, так близко. Я пытаюсь податься вперёд, но он толкает меня назад, к деревянному опорному столбу. Воздух со свистом вылетает из моих лёгких, когда я врезаюсь в него спиной, и эта боль - внезапная резкая вспышка - причиняет такое сладостное страдание. Стон срывается с моих губ помимо воли, гулко отдаваясь в напряжённой тишине.

- Если хочешь, чтобы я прикоснулся к тебе, покажи мне свои гребаные сиськи. - Его пальцы впиваются в мою кожу, очерчивая бёдра сверху вниз и обратно.

Я смотрю на него, приоткрыв рот; похоть искрится вокруг меня, пронзает насквозь от его слов. От этого грубого, хриплого тона, которым он требует своего. От вида его самого - горы мышц, красоты и мощи, - стоящего передо мной на коленях. Жаждущего меня.

Если до этого я не была мокрой, то сейчас из меня буквально течёт.

И всё же я не могу не поиграть с ним. Издеваться над Арионом - моё любимое занятие.

- Заслужи это, чернокнижник. - Я наклоняюсь, расстёгивая первую пуговицу жилета. Блузка под ним и так сидит свободно и распахнута, и эта первая пуговица открывает ему лишь крошечный кусочек моей золотистой кожи. Я провожу пальцами по мягким изгибам своей груди. - Этого ты хочешь?

Ещё один блеск зубов. Ещё один рык. Я чувствую, как его магия сгущается вокруг нас, пульсируя, раздуваясь и заполняя собой всю каюту. Я щелкаю его по носу:

- Никакой магии, чернокнижник. Не сейчас.

Он перехватывает моё запястье, намертво прижимая меня к столбу, пока его вторая рука продолжает греховное восхождение по моему бедру, стремясь прямиком к лону. Однако он останавливается за секунду до того, как коснуться его. Грёбаный мудак. Его ухмылка становится шире, на щеке вспыхивает ямочка, пока он дразнит самую складку вверху моего бедра.

- Насколько сильно ты этого хочешь, русалка?

Я ёрзаю. Пытаюсь ёрзать, но его хватка непреклонна. Пусть он сильнее, но я слишком упряма, чтобы позволить ему победить в этой маленькой игре. Я до безумия хочу, чтобы его пальцы оказались на мне. Внутри меня. Я яростно смотрю на него сверху вниз.

- Хочешь сказать, я единственная, кто этого хочет? - Я облизываю губы, и его глаза становятся совершенно чёрными. Ни единого проблеска серебра или золота. - Хочешь сказать, ты не мечтаешь попробовать меня на вкус, Арион? Не хочешь почувствовать, как сильно я по тебе теку?

Он рычит, и его хватка становится жёстче:

- Сирена.

- А вот и нет. - Я ухмыляюсь, расстёгивая ещё одну пуговицу. - Давай же, чернокнижник. Попробуй меня.

Ещё пуговица. Ещё одна. Но, прежде чем я успеваю сбросить жилет, Арион сам срывает его с меня. Следом он рвёт блузку. Раздирает её практически пополам. Я ахаю от внезапной прохлады, от ощущения его тепла, которое близко, но всё ещё недостаточно близко, пока стою здесь, обнажённая, прямо над ним.

Мои розовые волосы рассыпаются по груди, и он смахивает запутавшиеся волны в сторону. Он смотрит на меня, смотрит и смотрит - так долго, что я начинаю дрожать.

- Сука, Зефира. Просто… сука. Ты так красива, это не должно быть правдой. Не должно быть возможным выглядеть настолько хорошо. - В его голосе звучит благоговение, словно он молится на меня. Но прямо сейчас мне нужно совсем не такое поклонение.

- Твоя очередь, - выдыхаю я. - Пожалуйста…

Как и прежде, мне не приходится долго умолять. Арион накрывает ладонью мою киску, его ладонь трётся о меня с упоительным трением. Он ругается:

- Ты, чёрт, вся промокла.

Я запрокидываю голову, подаваясь бедрами вперёд, выгибаясь навстречу его руке. Мне даже не нужны его губы или пальцы. Одно его прикосновение наполняет меня, как и всегда, таким диким восторгом, что перед глазами взрываются звезды.

- Чёрт, - шиплю я. - Это так, так…

Я запрокидываю голову, подаваясь бедрами вперёд, выгибаясь навстречу его руке. Мне даже не нужны его губы или пальцы. Одно его прикосновение наполняет меня, как и всегда, таким диким восторгом, что перед глазами взрываются звезды.

- Чёрт, - шиплю я. - Это так, так…

Он добавляет второй палец, восхитительно растягивая меня. А затем сгибает их. Толкается ими внутри меня. Снова и снова, пока я не начинаю вовсю двигаться на его руке; моя грудь вздымается, а с губ срываются дикие стоны. Он смотрит на меня - на мои губы, грудь и тело - с ненасытным, прикованным вниманием.

- Боги, - бормочет он. - Так чертовски красива.

Я не слышу его. Не могу думать ни о чем, кроме его руки, его пальцев и того, как они высекают искры на моей коже, словно огниво. Он - трут. Мой трут. А я - его пламя. Я не могу… не могу перестать двигаться. Никогда ещё всё не ощущалось так. Никогда, никогда, никогда.

- Давай, - говорит он. - Вот так, Зефира. Двигайся на моей руке, как хорошая девочка. Позволь мне сделать тебе приятно.

Мой взгляд резко переводится на его лицо, и я свирепо смотрю на него. Он ухмыляется, видя мою строптивость; его вторая рука скользит по моему животу выше, к груди, где он зажимает и скручивает мой сосок между пальцами, заставляя меня застонать вновь.

- Тебе это не нравится, да? Ты совсем не хорошая девочка.

Я качаю головой, пока мои бёдра продолжают совершать круговые движения. Потому что я не хорошая девочка, и я не была создана для того, чтобы делать «приятно».

Я была создана для боли.

Наклонившись вперёд, я вцепляюсь в тёмно-каштановые волосы Ариона и сильно тяну. Болезненно. Он снова рычит, и теперь его пальцы погружаются глубже. Быстрее. Злее. О боги. Мои колени подкашиваются, но он упирается ладонью мне в грудь. Намертво прижимая меня. Пальцами трахая меня ещё сильнее. Это так хорошо, что я не могу дышать. Рёв наслаждения проносится сквозь меня, когда мышцы сжимаются, волны подкатывают всё выше, выше.

- Моя невыносимая русалка, - шепчет Арион. - Моя порочная, порочная девчонка.

Я полностью растворяюсь в этом чувстве. В его прикосновениях, звуке его голоса, клейме его слов. Он хрипло смеется, и я качаюсь на волнах этого экстаза - качаюсь на его пальцах, - пока дыхание наконец не выравнивается. Я провожу ладонью по его голове. На этот раз нежнее. Он поднимает на меня глаза, в которых горит жадность и похоть. Он великолепен. Он сокрушителен. Он…

Мой, - проносится у меня в голове внезапная мысль.

Он слегка запрокидывает голову, чтобы прикусить мои пальцы, и у меня вырывается тихий смешок, пока ноги всё ещё подрагивают от отголосков лучшего оргазма в моей жизни. Он медленно извлекает пальцы из меня. Я стараюсь не обращать внимания на ту влагу, что оставила на полу, но его взгляд цепляется за неё, и он рычит:

- Чёрт, это так сексуально. Ты невероятна.

Он ещё раз дразнит мой сосок, прежде чем окончательно убрать руку. Оставляя меня замерзать и дрожать у столба. Хотя его взгляд по-прежнему не отрывается от меня.

Я тяжело сглатываю, гадая, что нам делать теперь. Как нам вернуться к тому, кем… кем мы вообще были друг другу? Это был лучший секс в моей жизни, а ведь это была всего лишь прелюдия в темнеющей каюте. Как нам снова стать врагами, или незнакомцами, или даже друзьями, когда его пальцы буквально блестят от моих соков?

Прочистив горло, я заставляю себя выдавить:

- Спасибо. За… это. Было…

Он выгибает бровь:

- Хотя я ценю твою благодарность, мы ещё далеко не закончили, Зефира.

Мой желудок совершает кульбит. Падает ещё ниже, когда Арион отклоняется назад и одним движением сдёргивает с себя рубашку, обнажая эти огромные мышцы. Плотные, загорелые и умопомрачительные. Серебряный шнур обвивает его торс, вспыхивая всё ярче и ярче, пока его руки опускаются к ремню. Я облизываю губы, и, хотя только что кончила - мне мгновенно хочется ещё. Я уже подумываю о том, чтобы самой упасть на колени, повалить его и взять его член в рот. Его взгляд впивается в мой, словно он способен читать каждую мою мысль, и он медленно расстёгивает пряжку. Звук металла о кожу заставляет моё лоно пульсировать от тоски. Я смотрю на его руки, его член, его лицо так, словно могу силой мысли притянуть их к себе. Внутрь себя.

- Ты жадная, - произносит он.

Я пожимаю плечами, хотя это движение выходит неловким и прерывистым, и позволяю остаткам юбки упасть на пол. Он диким взглядом смотрит на разорванный хлопок.

- А ты будто нет?

Он снова переводит взгляд на меня и поднимается на ноги. Выдёргивает ремень из петель. Расстёгивает брюки. Богиня, помоги мне. Я могу кончить прямо от этого зрелища. Просто глядя на него. Что, чёрт возьми, со мной происходит? Он говорил, что я уничтожила его, но ведь он сам сломал меня. Разрушил до основания.

Я уже никогда не буду прежней после этой ночи.

- Конечно, я жадный. Я, чёрт возьми, истосковался по тебе, - говорит он. - Ты думала, я ждал так долго только ради того, чтобы просто потрогать тебя? Думала, это всё, что я запланировал? Да ни хера подобного. - Он полностью раздевается, оставаясь абсолютно голым впервые в жизни. И, чёрт… это зрелище стоит увидеть. Он - настоящая стена из мышц и силы, а его член длиной добрых одиннадцать дюймов. Если не больше. Он определённо не преувеличивал, что при любых других обстоятельствах привело бы меня в бешенство.

Он мог бы быть статуей, изваянной самими богами, чтобы явить миру образец божественного совершенства. Нет - изваянной по образу самого Мортема. И хотя ещё несколько дней назад эта мысль вызвала бы у меня тошноту, теперь я знаю его. Он не Мортем. Он просто Арион.

И он здесь. Со мной.

Его голос становится ещё темнее. Тон превращается в жесткий, требующий приказ:

- Сейчас ты ляжешь, Зефира, и я раздвину эти прекрасные ноги. Я вылижу каждый дюйм твоей прелестной кожи. Я сделаю так, что ты кончишь прямо мне в рот, а потом я переверну тебя и оттрахаю. Ты ведь именно об этом просила? Именно об этом умоляла? Я буду трахать тебя, пока ты не кончишь. Пока тебе не покажется, что ты никогда не сможешь остановиться. Я сделаю так, что ты пожалеешь, что у тебя вообще появились ноги, русалка. - Он обхватывает свой член ладонью, проводя по толстому основанию, пока его взгляд прожигает меня насквозь. На кончике проступает капля смазки.

Чёрт, чёрт, чёрт.

Это слишком.

Этого ни капли не достаточно.

Он наступает на меня, как хищник, истинный чернокнижник, и я никогда в жизни не чувствовала себя такой маленькой и слабой. Однако это ощущение не вызывает у меня протеста. В нём есть какая-то странная, извращённая сладость. Я доверяю Ариону своё тело. Доверяю ему брать меня. Доверяю ему вести эту игру. Я протягиваю руку и касаюсь его щеки, пока моя вторая рука опускается ниже, ниже, и он накрывает мои губы всепоглощающим поцелуем. Он перехватывает мою ладонь и направляет её, заставляя ласкать свой член.

- Вот так, - говорит он, уча меня тому, как хочет, чтобы его трогали. - Плавно и медленно. Я не собираюсь спешить с тобой.

Я наслаждаюсь этим шелковистым ощущением его плоти. Он такой широкий, что у меня едва хватает пальцев, чтобы обхватить его полностью.

- Боюсь говорить это, чтобы ещё больше не раздуть твоё эго, но ты… огромный, Арион.

Он ухмыляется, хотя этот свет так и не достигает его расплавленного взгляда.

- Часть обращения в чернокнижника, - обыденно произносит он. Без боли или сожаления в голосе. - Хирургические чары. Они лишают нас возможности иметь детей и делают наши члены массивными.

При этих словах у меня внутри всё переворачивается. Мои пальцы каменеют, и я пытаюсь отступить назад, но он перехватывает моё запястье и удерживает на месте.

- Всё хорошо, Зефира. Я хочу сделать тебе приятно.

- И ты… чувствуешь это? - спрашиваю я, убирая прядь волос с его лба.

Он смеётся:

- Да, я чувствую. Чувствую тебя прямо сейчас. Хочешь, я напишу тебе сонет о том, как, чёрт возьми, хороша твоя рука? Потому что я могу. В этом мире нет ничего подобного твоим прикосновениям, Зефира. Я вижу это во снах. Каждую грёбаную ночь. Каждый раз, когда закрываю свои грёбаные глаза. Вот, смотри… - Он указывает на шнур между нами, который сейчас сияет так ярко, что вся каюта окрашивается в калейдоскоп неоновых радуг. Он делает шаг навстречу моему прикосновению, и я сжимаю его крепче. Его мышцы вздрагивают от удовольствия. - Я хочу тебя сильнее, чем хотел что-либо за всю свою жизнь. Ты нужна мне. А теперь, блядь, ложись.

Я ласкаю его быстрее, упиваясь его прерывистым, участившимся дыханием:

- Но я хочу сделать приятно тебе.

Он качает головой:

- Ты что, не слушаешь? До меня мы ещё дойдём. Сначала я устрою себе пир. - Он приподнимает мой подбородок, целуя меня до тех пор, пока наши губы не начинают гореть от подступающих синяков. Я впитываю каждый его вкус, прикосновение его языка, ожог шнура между нами. То, как он сжимает мою грудь, исследует моё тело, запускает пальцы в мои волосы, словно не может насытиться ни единой моей частью. Это одурманивает. Я полностью теряю себя.

На резком выдохе я шепчу:

- Не надо…

Он тут же замирает. Останавливается.

- Что?

- Не нужно нежности, - выговариваю я на одном дыхании. - Мне нравится… нравится, когда больно. Боль заводит меня ещё сильнее. Если тебе это нормально…

- Мне нормально. - Он ухмыляется. Самый могущественный чернокнижник в мире. Его изнывающий член жестко упирается мне в живот. - До тех пор, пока ты понимаешь, что ты мне нравишься.

Мой желудок сжимается. Всё моё тело сжимается.

Его ухмылка становится шире, а в глазах вспыхивают искры лукавства и секса. Грязного, мокрого секса.

- Потому что я собираюсь оттрахать тебя так, словно ненавижу тебя, Зефира.

На это я лишь улыбаюсь:

- Хотела бы я посмотреть, как ты попробуешь, чернокнижник.

Он с лёгкостью подхватывает меня на руки и опускает в синий шёлковый гамак, убирая волосы из-под моей спины и подтягивая меня к самому краю. Мир под нами тревожно качается, но теперь это ощущение полета больше не вызывает у меня дурноты. Оно заставляет меня чувствовать себя живой. Он раздвигает мои ноги в стороны, его ладони впиваются в мои бёдра карающей хваткой, от которой перед глазами снова сыплются искры. Его ногти царапают мою кожу, когда он опускается между моих ног и проводит языком по моей киске. Снова. И снова. Дразнящие движения, заставляющие меня ёрзать, скулить и умолять - что я и делаю. Конечно, делаю.

- Ещё, - молю я.

Его хриплый смех разносится по каюте. Он мягко накрывает ладонью мою грудь, прежде чем ущипнуть её. Сильно. Моя спина выгибается над гамаком, когда он одновременно прикусывает мой клитор. Затем он втягивает его ртом и снова начинает трахать меня пальцами. Грубее. Грязнее. Он очерчивает языком мой клитор, его пальцы сгибаются внутри меня, и он тянется выше, перехватывая моё горло. Не настолько сильно, чтобы душить, но достаточно, чтобы причинить боль.

- Святые боги, - выдыхаю я, не в силах осмыслить происходящее. Не в силах поверить в то, насколько это, чёрт возьми, хорошо.

Я кричу, и в следующую секунду он падает на меня сверху, заглушая этот звук своим ртом. Гамак раскачивается под его внезапным весом, мир начинает кружиться, но он целует меня. Успокаивает движениями своих пальцев. Удерживает меня, пока очередной оргазм с грохотом крушит всё внутри меня. Вокруг меня.

- Это два, - шепчет он мне в губы. - Попробуем дотянуть до пяти, русалка? - Он проталкивает внутрь меня один, два, три пальца, и я жалобно хнычу. - Или, может, до семи? Насколько ты голодна, Зефира? Сколько ты сможешь выдержать? - Он произносит это как вызов, но если это соревнование, я давно потеряла счёт правилам. Боги, я знаю только то, какой здесь приз - это он. Это Арион.

- Пожалуйста, - шиплю я, и этого хватает, чтобы он стащил меня с гамака. Он ложится на пол и опускает меня лицом на себя. Его язык проникает внутрь меня, и я ругаюсь. Кричу. После нескольких минут этой сладчайшей пытки я снова взрываюсь на куски.

- Три, - считает он, прежде чем перевернуть меня на спину - как и обещал - и резко войти в меня. Он не проявляет нежности. Не тянет время. Потому что знает - я хочу именно этого. Потому что он знает меня.

Я вижу тебя, Зефира. Худшие твои стороны и лучшие.

Если мне казалось, что его руки и рот - это верх блаженства, то его член… это нечто большее. Намного большее. Он заполняет меня до краев, восхитительно

растягивая до такой степени, что я чувствую его буквально везде. Богиня. Я никогда не хочу этого забывать.

Я хочу, чтобы это никогда не кончалось.

Это - квинтэссенция тысячи мгновений, секунд, минут и часов, прожитых нами вдвоём. Между двумя людьми, которые вообще никогда не должны были встретиться. Которые должны были остаться чужаками, если не заклятыми врагами.

Это квинтэссенция петли на моей шее, моих рук на его горле, нас обоих, тонущих в синей бездне. Это квинтэссенция его яростных оскорблений и моего безрассудного саботажа. Это квинтэссенция Ариона, лежащего на лопатках посреди Крестфолла, и меня, запертой в тюремной камере под его бдительным присмотром.

Это всё.

- Вот так, Зефира. Ты так хорошо меня принимаешь. - Он полностью выходит из меня, проводя толстой головкой по моей истекающей киске. Дразнит. Вечно он меня дразнит. - Я знал, что так и будет. Твоя киска идеальна.

- Трахни меня, Арион, - рычу я, теряя остатки терпения, приподнимаясь на коленях и яростно глядя на него через плечо.

Он хватает меня за шею, прижимая к деревянному полу, пока его член выравнивается напротив моей «идеальной киски». Его бёдра подаются вперёд. Его член пронзает меня одним мощным толчком. Я кричу, хватаясь пальцами за дерево вокруг себя. Царапаю ногтями половицы.

- Чёрт.

Он зажимает в кулаке мои волосы, дёргая вверх, вынуждая меня подстраиваться под его дикие толчки. В один такт с ним. И я подстраиваюсь. Я скачу на нем так, словно от этого зависит моя жизнь. Я извиваюсь, подаюсь назад, кручу бёдрами, отвечая на каждый его толчок. Он тянет меня за волосы. Шлёпает по заднице так сильно, что я знаю - след от его ладони останется на моей коже ещё очень, очень долго после того, как эта ночь закончится.

И когда я кончаю снова, это происходит под давлением его руки на моём горле, пока он продолжает неистово трахать меня; под хриплый рокот его голоса над моим ухом:

- Это четыре. В тебе остался ещё один раз, русалка?

Слёзы обжигают мои глаза, потому что со мной никогда такого не было. Я никогда ещё не кончала столько раз за одну ночь.

- Я не… не знаю, - удаётся мне выдавить между судорожными вдохами.

- Значит, я продолжу тебя трахать. - Он вбивается в меня. Снова. И снова. И снова. Жёстче. Сильнее. Глубже. И я кричу. Не могу перестать кричать. И хотя Арион сдержал большую часть своего обещания не использовать магию, я понимаю, что на эту каюту он наложил чары тишины. Просто потому, что никто до сих пор не выломал дверь и не велел мне, блядь, заткнуться.

Он рычит, заламывая мои руки за спину:

- Ты такая - толчок - блядь - толчок - хорошая.

У меня нет выбора, кроме как подчиниться его воле, следовать его ритму, наслаждаться синяками, которые он оставляет своими ладонями и пальцами - потому что я сама выбрала это. Потому что я этого хочу. Он целует меня в щёку. В шею. Проводит языком по моему позвоночнику, прежде чем укусить.

И хотя это кажется невозможным, хотя мои ноги ходуном ходят, а перед глазами всё плывёт из-за плотной пелены похоти, наслаждения и боли, я кончаю. Снова.

- Это пять, русалка. - Голос Ариона звучит победоносно. До безумия сексуально и победоносно. Он всё ещё не прекращает толкаться, удерживая меня на грани очередного взрыва. - Ты, блядь, идеальна.

Слёзы, закипевшие в моих глазах, катятся по щекам. Падают на дерево пола. И я не могу их остановить, потому что полностью потеряла контроль. Полностью отдана на милость Ариона. Соленая вода моих слёз - моей похоти, наслаждения и боли - пробивает трещины лунного света под моей кожей, призывая мой хвост в самый, сука, неподходящий для этого момент.

Потому что Арион вот-вот вспомнит, насколько я на самом деле далека от совершенства.

Появляется моя чешуя. Мои ноги исчезают. И вот я уже лежу под Арионом в своём истинном обличье. Настоящая русалка. Я переворачиваюсь на спину, и он упирается руками по обе стороны от моей головы. Его взгляд опускается на мою чешую, на слёзы на коже. И он замирает.

- Только не надо убегать с криками, - произношу я дрожащими губами. - Только не сейчас.

Его брови сдвигаются к переносице:

- Убегать с криками? - Он убирает одну руку и кладёт её на мой хвост. Я ахаю от этого прикосновения. - С какого это хера я должен убегать, русалка? Я ведь ещё не закончил с тобой.

Это последнее, что я ожидала от него услышать. И это именно то, что я больше всего хотела услышать.

Богиня, моё сердце ноет. Ему больно. От него. От тепла в его взгляде и мягкости в его голосе. Я пытаюсь поджать хвост, свернуться, чтобы казаться меньше, но он останавливает меня.

- Нет, - говорит он. - Ты здесь со мной, Зефира. Так будь здесь со мной. Я не собираюсь бежать от тебя. Я никогда от тебя не убегу.

- Я ведь…

- Я прекрасно знаю, кто ты такая, - рычит он, - и я бы не стал тебя менять. Ни за что на свете. Ни ради кого бы то ни было.

Я хочу поспорить. Хочу сказать ему, что он ошибается и знает ещё далеко не всё. Что как только он узнает, он уйдёт. Ему придётся уйти. Потому что я не создана для счастья. Потому что я создана для боли. И Арион ничем не отличается от остальных. От Эос или даже Джасина.

Он касается моего подбородка. Короткое, нежное прикосновение.

- Эй, - шепчет он. - Не надо.

Я уставляюсь на него широко распахнутыми глазами, силясь выдавить ухмылку:

- Что?

- О чём бы ты сейчас ни думала - ты не права. И ты, чёрт возьми, меня не слышишь. Я вижу твой хвост. Я помню океан в своих лёгких, когда ты меня топила. Мне абсолютно насрать. Так что будь здесь со мной, потому что я выбираю тебя. К чёрту чернокнижников. К чёрту Мортию. Я бы даже сказал: «К чёрту сердце», если бы оно не было нужно нам, чтобы спасти свои жизни. - Он целует меня. Коротко. Мимолётно.

Слишком коротко.

Слишком мимолётно.

И именно в этот момент я понимаю - я влюбилась в него.

В мужчину, которого должна ненавидеть сильнее всех на свете. В человека, с которым я скована одной цепью.

В грёбаного чернокнижника.

Моё сердце бешено колотится у него под грудью, но если он и чувствует моё осознание через шнур связи, то никак этого не показывает. Никак не реагирует. Меня буквально выворачивает наизнанку от тоски. По нему.

- Ты ведь не кончил, - выпаливаю я резко, просто потому что не могу сказать ничего другого. Не могу признаться, что могла бы любить его. Не могу признать, что, если бы всё было иначе, я бы выбрала его назло всему миру и кому угодно ещё. Вместо этого я приподнимаюсь на локтях и облизываю губы. - Позволишь мне попробовать тебя на вкус?

Его взгляд вспыхивает. Темнеет.

- Если это твоя попытка сменить тему…

- Вовсе нет, - торопливо говорю я, обвивая руками его шею и притягивая к себе. Он не отстраняется от моей чешуи. Жар внутри меня разливается ещё горячее. - Позволь мне сделать тебе приятно, Арион. В конце концов, ты только что заставил меня кончить пять раз. Подряд.

Он проводит ладонями по моей талии, по груди, касаясь меня везде. Упиваясь мной целиком. Мои внутренности завязываются узлом. Серебряный шнур сияет - так ярко, что сейчас он кажется абсолютно белым. Эфирным и искрящимся. Он делает его образ по-настоящему божественным.

Я перемещаю ладони на его плечи и толкаю, так что он падает на спину. И, прежде чем он успевает сказать что-то ещё, прежде чем успевает ещё сильнее заарканить моё сердце, я подаюсь вперёд, провожу языком по всей длине его члена и заглатываю его до самого горла, заставляя теперь уже его терять рассудок. Пока он сам не начинает стонать, ругаться и тяжело дышать, сжимая пальцы в моих волосах и толкаясь членом мне прямо в глубину горла.

- Вот так, Зефира. Только не вздумай останавливаться.

А потом, когда он кончает:

- Моя, - рычит он. - Ты моя грёбаная русалка.

Впервые в жизни собственнический тон этих слов не вызывает у меня страха или ужаса. Впервые в жизни мне действительно нравится, как они звучат. Потому что, если бы выбор стоял за мной, Арион тоже был бы моим. Мы принадлежали бы друг другу.

Я утыкаюсь ему в грудь, когда всё заканчивается и солёная вода высыхает на моей коже; наши ноги переплетены, а Арион успокаивающе перебирает пальцами мои волосы, оставляя нежные поцелуи на моих щеках, шее и лбу. Проходят часы, а мы так и лежим. Как два человека, у которых больше нет ни единой заботы в этом мире. Как два человека, у которых появился шанс. Как два человека, у которых действительно может быть совместное будущее.

Даже если это абсолютно не соответствует истине.

ЧАСТЬ IV

ВПАДИНА СЦЕЛЕРАТУС

Джордан Стефани Грей - Порочное мореThe Jordan Stephanie Gray - Wicked Sea

ГЛАВА 33

ЗЕФИРА

Я смотрю на чернильно-чёрную воду и пытаюсь сдержать рвоту.

Шесть месяцев. Я сбежала отсюда полгода назад и поклялась, что никогда не вернусь. Но вот я здесь, словно и не было этого времени, словно я никогда, чёрт возьми, и не уходила. Я почти слышу фантомный смех колдуна в своих ушах - тёмную бурю мстительной иронии. Он победил. И неважно, знают ли об этом остальные. Верховный колдун Четырёх Морей всегда побеждает. Я прячу руки под мышки и перегибаюсь через правый борт корабля, всматриваясь в противоестественно неподвижную гладь.

Внизу, на глубине десятков тысяч футов, раскинулась впадина Сцелератус.

Дрожь прошивает позвоночник.

- Вы ведь понимаете, что в какой-то из реальностей этот план - пустить мою кровь в море, чтобы обмануть колдуна - мог не сработать? Он может быть там. Прямо сейчас. Может ждать нас, и как только я осушу впадину, мы все трупы. - Хуже, чем трупы. Мы станем его собственностью. Желудок болезненно сжимается. Каждая клеточка моего тела умоляет развернуть корабль, увести его как можно дальше отсюда. Каждая струна моей души кричит, что нужно бежать.

Но бежать больше некуда.

Арион берёт меня за руку и запечатлевает поцелуй на костяшках пальцев. Его крылья расправляются, очерчивая новые серебряные доспехи. Амайя одела в них всю команду: серебряные нагрудники, серебряные мечи и тот самый посеребренный шнур между нами.

- Я знаю, - коротко бросает он. - Но если так случится, мы что-нибудь придумаем. Для нас это ещё не конец.

Последние несколько ночей Арион сдерживал свою магию. Каждый раз, когда он спит, к нему возвращается немного сил. Я почти готова поверить, что он вовсе не умирает, но он перестал прятать свою боль. И даже сейчас я чувствую вкус его смерти - нашей смерти - на своём языке. Вены на его коже почернели до самых икр; я вижу это каждую ночь, когда мы раздеваемся и ложимся бок о бок в каюте, которую уступила нам Амайя. В основном мы спим. Иногда трахаемся. Но он всегда держит меня в объятиях и твердит, что всё будет хорошо.

- Ты правда в это веришь? - скептически спрашиваю я. Здесь, под первыми лучами рассвета, пока впадина бурлит под нами, я больше не чувствую себя в безопасности. Кажется, я вот-вот совершу очередную колоссальную ошибку. Ошибку, после которой уже невозможно будет оправиться.

- Верю. - Он приподнимает мой подбородок за край. - Ты веришь мне, русалка?

Ответ мгновенно застревает в горле. Да. Да, я верю ему - но не должна бы. Мне следовало усвоить этот урок. Следовало запомнить раз и навсегда: нельзя верить

никому и никогда. Он пристально смотрит на меня, и шнур пульсирует от моей искренности, хоть я и не произношу е вслух. Он понимающе кивает:

- Я вытащу нас отсюда. Живыми.

- А потом? - спрашиваю я.

Это наша новая любимая игра. В темноте мы придумываем абсолютно нереальные сценарии нашего будущего. Один безумнее другого. Но этот - худший из всех.

Это наша новая любимая игра. В темноте мы придумываем абсолютно нереальные сценарии нашего будущего. Один безумнее другого. Но этот - худший из всех.

Но они имеют.

Если нам удастся перехитрить и убить колдуна, наши жизни развернутся бесконечным свитком чистого пергамента, который ни один из нас не готов заполнять.

Арион никогда не выживет в Силь, моём доме. Там с него сорвут крылья быстрее, чем вырвут сердце. А я никогда не смогу вернуться в Мортию. Так где же нам быть? Кем нам быть? Я всё ещё русалка. Он всё ещё чернокнижник.

У нас нет будущего.

Арион тоже должен это понимать. Его взгляд темнеет:

- Верь мне, Зефира, - повторяет он, на этот раз резче. Словно пытается одними лишь словами убедить самого себя, судьбу, богов или того гребаного ублюдка, который делает наши жизни такими невыносимыми. У меня не хватает духу сказать ему, что это не сработает.

Поэтому я просто беру его за руку и позволяю вести себя к сходням.

- Держаться крепче! - командует Амайя. - Стоять насмерть!

Её команда, облаченная в такое же серебро, как у нас с Арионом, бросается к снастям. Они тянут за канаты, цепляются за обод штурвала. Арион просто притягивает меня к себе, собственнически обнимая за талию и прижимая к боку.

- Я держу тебя, - говорит он.

Амайя направляет нас вниз с помощью яростного ветра, который швыряет матросов из стороны в сторону, пока корабль наконец не замирает над неподвижной толщей воды. Где-то вдалеке я слышу ругательства Гавриала, но не свожу глаз с моря. Я всё ещё жду, что он появится. Жду его смеха, жду, когда он обречёт нас всех на погибель.

- Готова? - спрашивает Арион.

- Нет, - отвечаю я.

Тем не менее, он отпускает меня, и Веспер делает шаг, чтобы встать рядом. Её волосы безжизненно падают на плечи - не осталось ни намёка на ветер, который мог бы растрепать эти серебряные пряди, ни единого дуновения, ни отголоска недавнего шторма.

- Значит, - подаёт голос Гавриал, выныривая рядом с Веспер так внезапно, что та едва не теряет равновесие и чуть не слетает со сходней. Вид у него при этом крайне довольный. - Ты собираешься просто… осушить целый океан прямо сейчас?

- Да, Гавриал, - чеканю я с каменным лицом. - Я собираюсь осушить целый океан за пару секунд.

Веспер дает Гавриалу подзатыльник:

- Это был сарказм, придурок.

Он шипит, потирая затылок и отстраняясь от неё:

- Да. Я понял. - Его карие глаза находят мои. - И как это работает?

- Мне нужно потереть ладони друг о друга, спеть молитву богине и нассать в океан ровно шесть раз. Шесть, Гавриал. Не семь. Не пять. Шесть. Усёк? - Я одариваю его яростным взглядом через плечо.

Он переводит взгляд с меня на Ариона, затем на Веспер:

- Это тоже был сарказм?

- Это был мой способ сказать тебе заткнуться нахрен, чтобы я могла сосредоточиться.

- Ну ты и колючая, - замечает Веспер. Когда я направляю свой тяжёлый взгляд на неё, она примирительно поднимает руки. - Я не говорю, что мне это не нравится. Пожалуй, это моя любимая версия тебя.

Я стискиваю зубы.

Они не понимают. Мой желудок завязывается узлом, словно морские змеи отложили там яйца, и эти яйца только что вылупились. Дюжина мелких гадов обвивает мои органы, нервы и страхи, удушая всё внутри, пока меня не начинает колотить от дурноты. Арион был отвлечением. Великолепным, сокрушительным отвлечением. Но этого мало, чтобы стереть мои воспоминания. Мало, чтобы заглушить первобытный ужас. Я, чёрт побери, в панике.

Тем временем по всему кораблю разливается предвкушение. Амайя жаждет прикоснуться к величайшему открытию; Гавриал спит и видит, как выкупает свою свободу из Башни Истории; Веспер одержима мыслью воскресить сестру, а Арион отчаянно нуждается в сердце. Все они думают, что движутся навстречу чему-то великому. Все они ждут успеха и славы.

Но я знаю, что мы добровольно суём головы в очередную петлю.

Закрыв глаза, я пытаюсь вернуть то состояние, в котором была несколько дней назад. Когда я стояла над картой и с такой уверенностью рассказывала про замок. Когда мне казалось, что всё может обойтись. Но ничего не выходит, пальцы продолжают крупно дрожать.

- Я не знаю…

Острие меча Амайи, упершееся мне в позвоночник, обрывает фразу на полуслове.

- Мы не отступим, Зефира. - Когда клинок опускается, я поворачиваюсь к ней. - Мы уже здесь, и мы подготовились ко всему. Мы вооружены каждым известным человечеству оружием и силой. На нашей стороне сирены, чернокнижники и магия шторма. Так что мы доведём это до конца.

Часть фразы, которая «или я прирежу тебя на месте», явно осталась беззвучной.

Что ж.

С шипением отпихнув её меч, я делаю шаг вперёд. Сердце грохочет под рёбрами, когда край сходней стонет под моими сапогами. Я смотрю вниз. Не могу перестать смотреть вниз. Впадина ждёт. Тёмная. Искажённая. Зловещая. Я опускаюсь на колени, и моя рука сильно дрожит, когда я протягиваю её к воде. Я знаю, что нужно делать, просто мне до смерти не хочется этого делать. Я ищу поддержки у Ариона, но он лишь ободряюще улыбается. Гавриал подгоняет меня обеими руками. А Веспер… ну, она спит и видит меня мёртвой, так что она, конечно же, показывает мне два больших пальца вверх.

- Стоит ли медлить перед лицом кончины? - протрещал проклятый череп в вытянутых руках Феликса.

Я огрызаюсь:

- Если я трансформируюсь и пущу в ход магию, это выдаст колдуну моё точное местоположение. Если он узнает об этом, пока находится в замке, нам конец. Понятно?

- Его не будет в замке, - подаёт голос Веспер. - Он будет рыскать по остальным трём морям в твоих поисках. Идти по твоему кровавому следу.

- Верь мне, - эхом отзывается Арион, умоляя своим прекрасным серебряно-золотым взглядом сделать это. Мои глаза на мгновение задерживаются на его груди, где доспехи скрывают умирающее сердце.

Ладно.

Солёный воздух покалывает кожу. Дыхание перехватывает, когда кончики моих пальцев разрывают гладь Силь.

Эта трансформация не похожа на прежние. Океан не принимает меня. Он пожирает меня. Словно какая-то часть колдуна уже здесь, насильно утягивая меня домой.

Словно какая-то часть колдуна уже здесь, насильно утягивая меня домой.

Магия взрывается белым светом под моей плотью, под полами свободной белой юбки. Мои ноги срастаются и вытягиваются, кости перестраиваются, а ниже пупка расцветает переливчатая бирюзовая чешуя. Хвост с мокрым хрустом ударяет по сходням, едва не сбивая всех с ног, но Амайя в последнюю секунду удерживает равновесие команды мощным потоком воздуха.

- Ты как? - спрашивает Арион, присаживаясь на корточки прямо за моей спиной. Его ладонь ложится мне на лопатку, пока я перегибаюсь через край и смотрю на своё зыбкое отражение.

- Хреново. - Я лениво черчу пальцем круг, окончательно разбивая собственное лицо на воде, и позволяю магии хлынуть по венам. Прямо в море. Одурманивающий прилив силы пронзает тело, когда я подчиняю себе стихию. Я кручу пальцем всё быстрее и быстрее, задавая беззвучную команду. Океан слышит меня.

Он повинуется.

Вода не уходит мгновенно, не испаряется мирно - мне приходится сминать её, складывать слоями. Расходуя больше магии, чем когда-либо в жизни, я создаю воронку в самом центре впадины. Мальстрим. Глубоко, глубоко на дне.

«Это должно быть сложнее», - отмечает крошечная, отстранённая часть моего разума, но море отзывается так, словно оно - продолжение моего собственного тела. Словно оно только и ждало, когда я попрошу. Водные массы скручиваются, сжимаются и уплотняются снова, снова и снова, а затем…

Затем всё рушится.

Корабль резко кренится с оглушительным, выворачивающим душу треском, и мой желудок ухает вниз вместе с ним. Дерево щепится. Снасти лопаются. Люди кричат.

Палуба уходит из-под ног, корма задирается, а нос проваливается вниз, увлекая нас прямиком в ревущий вихрь.

- Держаться! - ревёт Амайя, пытаясь замедлить наше падение своими ветрами. Но мы летим слишком быстро. Корабль разлетается на куски. А я… я на грёбаных сходнях. Я вообще едва держусь за этот корабль. Арион выбрасывает руку вперёд, перехватывает меня и прижимает к себе, пока его крылья распахиваются, закрывая нас щитом. Удерживая нас. Он хватается за свободный канат, используя инерцию, чтобы вынести нас обратно на палубу, пока остальные беспорядочно валятся с ног.

Гавриал исчезает за стеной белой пены. Веспер с криком катится вниз по трапу. Амайя стоит у штурвала, отчаянно пытаясь вернуть контроль, но грот-мачта трещит по

швам. Она раскалывается. Половина мачты начинает рушиться прямо на неё, но её первый помощник - Феликс - толкает Амайю в сторону за долю секунды до того, как тяжёлое дерево погребает его под собой. Я слышу жуткий хруст дерева о кости. Чувствую едва уловимый запах меди, когда проливается кровь.

- Он… он… - Я не могу закончить вопрос, задыхаясь. Я даже пошевелиться не могу. Арион утащил меня на палубу, придавив своим телом и закрывая собой. Защищая меня, пока море продолжает закручиваться по моей воле.

- Феликс! - кричит Амайя.

- Чёрт! - голос Гавриала звучит хрипло, прерывисто. - Он истекает кровью. Он не приходит в себя…

Арион не поднимается. Он не пытается им помочь. В это мгновение существуем только мы. В его глазах мы - единственные, кто имеет значение. Мне следовало бы осудить его за это. Будь я человеком получше, я бы скинула его с себя и поползла к остальным, попыталась бы спасти то, что осталось от Феликса после того, как он подставился ради Амайи. Желудок скручивает судорогой, но я остаюсь лежать неподвижно под Арионом. Потому что я не лучший человек. Вот почему мы здесь. Вот почему всё это происходит.

Море вращается быстрее, стягиваясь в плотный узел, и с громоподобным грохотом в последний раз дёргает корабль вниз, прежде чем мы обрушиваемся полуразрушенной грудой на самое дно впадины.

И наконец - тишина.

Вода исчезла, схлопнулась сама в себя, и остальная часть впадины замерла, безжизненная и жутко пустая, вокруг нас.

Слышен лишь стон повреждённого корпуса. Скрип ломающегося дерева и чьи-то… кого-то из команды? - судорожные вздохи.

Я высвобождаюсь из объятий Ариона и оглядываюсь. Феликс без сознания, его волосы слиплись от крови, а нога зажата под обломками мачты. Гавриал придерживает его голову, пока Веспер часто и тяжело дышит над ними, держась за бок. Её ноги уцелели - она не намокла. Но её кожа в кровь исцарапана, а из бедра торчит огромная щепка. Амайя поднимается с места, куда её отбросило, промокшая до нитки и совершенно застывшая, если не считать глаз, которые лихорадочно осматривают повреждения.

Мы все живы. Едва-едва.

- Зловещее предзнаменование, без сомнения, - протрещал череп возле бесчувственного тела Феликса. - Берегите сердца и бойтесь её.

Амайя с рыком пинает его в сторону. Несколько матросов бросаются к Феликсу, освобождая его ногу и накладывая повязки. Он выкарабкается. Пока что. По правде говоря, ему повезло больше всех: лежать здесь без сознания и не видеть того, что ждёт нас дальше.

- Блядь, - ругается Гавриал, поднимаясь на ватных ногах. - Это было…

- Давайте уже покончим с этим. - Веспер протискивается мимо него, выхватывая меч из перевязи на груди. - Чернокнижник, высуши русалку. Мы теряем время.

- Прошли… секунды, - заикается Гавриал. - Что значит «мы теряем время»?

«Потому что она понимает», - думаю я, и моё горло сжимается от осознания того, на что мы идём. Она знает, какая опасность грозит нам, если колдун застанет нас здесь. Но я молчу. Не нахожу в себе сил говорить, только дышу. Просто продолжаю дышать. Арион собирается высушить меня магией, которую ему категорически нельзя

использовать, но Амайя опережает его. Она шагает вперёд, обходя нас, подходит к перилам и всматривается во тьму впадины. Взмахом руки она направляет поток горячего ветра на мою чешую. Мгновенно я возвращаю себе человеческий облик. Длинные голые ноги под юбкой. Я поспешно поднимаюсь.

Амайя не смотрит на меня. Только на своих людей:

- Оружие наизготовку. Мы не знаем, что ждёт нас за пределами этого корабля. Нужно быть готовыми ко всему. Двигаться группами по четыре человека. Не выпускать своих из виду. Если разделимся, встречаемся здесь на рассвете.

- А как же наш корабль? - спрашивает молодая женщина с бритой головой и угольно-чёрными бровями. - Как мы выберемся? Он же уничтожен.

Амайя оборачивается через плечо, её кошачьи глаза опасно сужаются:

- С нами чернокнижник. Когда мы вернёмся, он подлатает его своей божественной магией. Верно, Арион?

- Да. - Арион кивает без тени сомнения или колебаний. Он встаёт рядом с Амайей, и вместе они выглядят как два свирепых воина; между ними ощутимо искрит напряжение. Желудок снова переворачивается. - Это не станет проблемой.

Амайя ухмыляется, не обращая внимания на ужасы внизу:

- Отлично.

Богиня. Нам действительно нужно поскорее найти это грёбаное сердце. Ноги отказываются слушаться, когда я пытаюсь сделать шаг; я замираю, чувствуя, как Веспер ровняется со мной. Она молчит, но её широко раскрытые тёмно-синие глаза полны тревоги. Все маски сорваны. Это не просто очередная кража. Это опаснее всего, что мы делали до сих пор.

Она берёт меня за руку. И, к моему удивлению, сжимает её.

А затем отпускает.

- Удачи, Зефира, - шепчет она.

- Удачи, - тихо отзываюсь я.

В следующую секунду к нам присоединяется Амайя, перебирая пальцами острый кончик своего кинжала:

- Что станет нашей главной проблемой, когда мы проникнем в замок? - спрашивает она.

- Стража, - говорю я одновременно с Веспер, которая выдыхает:

- Всё.

Амайя переводит взгляд с меня на нее, после чего удовлетворённо кивает. Но она понятия не имеет. Никто из них не имеет. Даже Веспер, которая, кажется, понимает масштаб катастрофы лучше остальных.

Если мы выживем этой ночью, это будет грёбаное чудо богини.

С трудом сглотнув, я заставляю себя произнести:

- Пошли.

И вместе мы спускаемся по обломкам деревянных сходней вниз, вглубь впадины Скелератус. Пути назад нет. Бежать больше некуда.

Это конец.

Джордан Стефани Грей - Порочное мореThe Jordan Stephanie Gray - Wicked Sea

ГЛАВА 34

АРИОН

Перед нами возвышается замок. Точь-в-точь такой, как описывала Зефира.

Осушённое морское дно глухо стонет под моими сапогами, пока я взираю на это убожество с чистейшим, первозданным отвращением. Шпили - чёрные, перекрученные; окна полыхают зловещим янтарным светом, пульсирующим в такт невидимому сердцу. Даже лишившись океанской колыбели, это сооружение кажется живым. Оно дышит магией. И мне, чёрт возьми, нестерпимо хочется сжечь его дотла.

Боль между лопатками резко усиливается при этом зрелище - зазубренная, пульсирующая судорога бьёт по суставам, где мои крылья судорожно дёргаются вперёд. За все те годы, что я ношу их, эта боль никогда не утихала полностью, но здесь, где воздух пропитан магией, словно тяжёлым токсином, она въедается ещё глубже. Крылья тянет с удвоенной силой.

Абиссис.

Легендарные руины должны быть где-то близко. Замок… он определённо как-то реагирует на магию в моих венах. Это именно то доказательство, на которое я надеялся. Но радоваться или делиться этим с остальными я не могу.

Он выглядит в точности так, как она говорила.

Её рассказ эхом проносится во мне, раня сильнее, чем в тот день, когда она впервые открылась мне. Я понятия не имел, через что ей пришлось пройти. Я и подумать не мог, что на свете существует такой демон - истинный демон, - как этот колдун. Я должен был посвятить свою жизнь искоренению скверны, но я облажался. Потому что вот она, эта скверна, прямо здесь. На глубине тысяч футов под водой. Худшее из всего, что есть на суше. Мне хочется сровнять это место с грёбаной землей. Я искренне надеюсь, что он явится. Как только я добуду сердце и спасу Зефиру, я буду молить богов, чтобы колдун вернулся - и тогда я заставлю его прочувствовать каждую крупицу тех мучений, что он причинил ей. Я заставлю его захлебнуться кровью. И не на восемь лет, а на целую сотню.

Я касаюсь посеребренного шнура и чувствую, что Зефира делает то же самое. Стоя напротив меня, она заливается краской, её взгляд ползет вверх, выше и выше, оценивая невозможную высоту самой высокой башни. Она шумно сглатывает, горло испуганно дёргается, и она делает крошечный, едва заметный шаг вперёд. Вокруг её глаз залегли тени цвета спелой сливы, похожие на синяки от истощения. Ради неё я готов уничтожить здесь всё. Каждую стену.

Но не сейчас. По крайней мере, пока нет.

- Ну и махина, - подаёт голос один из солдат Амайи.

- В жизни ничего подобного не видел, - соглашается другой.

- Мерзость. - Амайя качает головой, словно сама не до конца верит собственным глазам; поношенная коричневая треуголка низко надвинута на лоб. - Здесь кроется сила. Я чувствую, как она взывает к моей крови.

В ответ на её слова из-под земли вырывается зловещий стон, и Зефира резко переводит взгляд на сад впереди. Она указывает на него сапфировым кинжалом:

- Осторожнее со всем, чего касаетесь. Яд этого коралла мгновенно парализует мышцы. Вы сгниете здесь. Навсегда.

Лабиринт коралловых рифов змеится сквозь песок вокруг замка; его цвета - настолько сочные, неоновые - почти отвлекают от их смертоносности. Почти. В этих зарослях путаются кости, начисто лишённые плоти и связанные в причудливые узлы. Они воют, словно волки, - жуткие голоса эхом разносятся в пустом, неподвижном воздухе. Проклятые. Определённо проклятые.

Зефира с трудом отрывает взгляд от изуродованного скелета размером с ребёнка. Интересно, о чём она думает? Что вспоминает? Мне хочется взять её за руку, защитить, исправить всё это. Но я знаю, что не могу. То, что она переживает прямо сейчас… это не поддаётся осмыслению. На этом фоне всё, через что я прошёл в Культе Мортиса, кажется ничтожным и… нет. Это нечестно. По отношению к нам обоим. И всё же злость закипает во мне с новой силой: чистая, шипучая ярость расцветает в груди. Потому что я хочу всё исправить. Хочу помочь ей. И не могу.

Какой вообще прок быть чернокнижником, если я так чертовски беспомощен?

- Внутри не так шумно, - наконец произносит Зефира. Она упрямо вздёргивает подбородок и расправляет плечи, словно отказываясь позволить страху победить. - Поторопитесь. Нам нужно провернуть… всё это как можно быстрее.

- Фантастика. - Гавриал держит меч у самой груди, с глубокой гримасой рассматривая коралловый ров на своём смуглом лице. - Об этой херне ты упомянуть забыла.

Зефира закатывает глаза:

- Просто перешагни, историк. И не падай. Всё будет нормально. - Она идёт дальше, не оборачиваясь, хотя её пальцы так и не выпускают шнур связи. Я сосредотачиваюсь на нём, на этой тусклой серебряной нити, пытаясь почувствовать её эмоции. Разделить эту ношу. Но там… ничего.

Словно магия замка как-то глушит и подавляет нашу связь.

Быть здесь, в это самое мгновение - это всё, чего я когда-либо желал, и одновременно то, к чему я абсолютно не был готов.

Веспер фыркает, хватая меня за рукав и оттаскивая в сторону от жирной розовой гусеницы. Тварь встаёт на дыбы и шипит, демонстрируя ряды бритвенно-острых зубов.

- Берегись соляных пиявок. Они пьют кровь.

- Кто бы сомневался, - Гавриал сверлит взглядом меня, а не сирену. Как будто это моя вина. Как будто это не он потащился за мной по собственной воле. - Ещё какие-нибудь сюрпризы, о которых вы, водяные, решили умолчать? Или, может, ты просветишь, черепушка? - Гавриал оборачивается к Кармен - одной из пехотинцев Амайи, которая несёт королеву Эмилию на бархатной подушке.

Череп весело затрещал:

- Кровь и мясо, мясо и кровь. Скоро в грязь превратится плоть. Ты умрёшь, и он умрёт, и она во тьму уйдёт. Поспешайте, дурачьё, время ваше истекло. Жизнь растает как туман, ждёт вас смертный караван.

Гавриал ворчит себе под нос:

- И зачем я только спросил.

Мы двигаемся вперёд, пробираясь сквозь кораллы, перешагивая через проклятые скелеты и воющие кости, с расчётливой точностью поднимая ноги, чтобы не задеть смертоносный риф. Солдаты Амайи явно обучены любым видам боя - их движения точны и выверены, ни в чём не уступая грации русалок. Зефира на протяжении всего пути задерживает дыхание. Веспер балансирует, разведя руки в стороны. Мои крылья расправлены за спиной, прямые как стрелы - я слежу, чтобы они не задели этот кошмар на земле. А Гавриал… он делает всё возможное со своими длинными, нескладными конечностями. Здесь, на дне, он больше похож на бобовый стебель, чем на человека. Шатается и качается при каждом шаге.

Но даже он умудряется перебраться, не покалечившись.

На эти манёвры и хождение на цыпочках уходит несколько минут, но в итоге мы добираемся до цели. Разношёрстный отряд, но всё же отряд.

Моя магия бьётся в груди, словно ищет - нет, яростно пробивает - путь наружу. Отчаянно стремясь слиться с тёмными силами впадины. Я следую за этим чувством вперёд. Прямо к дверям главного кошмара Зефиры. И мгновенно понимаю: эта сила приведёт меня туда, куда нужно.

Она приведёт меня к Абиссису. Возможно, к самому сердцу.

Боги, мне позарез нужно это грёбаное сердце.

Странно - лёгкие сжимаются, дыхание становится спёртым, - но я поймал себя на мысли, что уже сам не знаю, зачем оно мне. Чтобы выжить - да. Чтобы спасти наши жизни. Но что потом… после всего этого?..

Я перевожу взгляд на Зефиру, на её розовые губы, яркие волосы и искрящиеся бирюзовые глаза. Смотрю на её дрожащие руки и сжатую челюсть. Вспоминаю последние несколько ночей, когда мы шёпотом делились друг с другом секретами и мечтами, когда засыпали, и она лежала в моих объятиях. Это казалось таким… таким, блять, правильным. Правильнее всего, что я делал в своей жизни. В Башне Аркана бывали проблески того, что я принимал за счастье. Моменты, когда я в одиночку выигрывал битвы для короля, задерживал опаснейших преступников, уничтожал убийц. Моменты, когда мне казалось, что я служу высшей цели. Когда мне говорили, что я могу стать величайшим чернокнижником в истории. Но это не было счастьем.

Я наматываю серебряный шнур на палец, и Зефира оборачивается, встречаясь со мной взглядом. Её брови сдвигаются.

Счастье - это не кровь на моих руках. Счастье - это Зефира. Это её смех, её стоны, её шёпот и дыхание мне в ухо, когда она тихонько сопит, обняв меня за талию. Это её надежды, мечты, даже её вспышки ярости и невыносимый характер.

Рядом с ней я снова чувствую себя человеком. Чувствую себя… живым.

После этого приключения я весь её.

Пожалуй, я всегда был её. С той самой секунды, как она перехватила моё запястье и швырнула мою задницу на землю. Я просто был слишком упрям - слишком глуп, слишком апатичен, слишком, чёрт возьми, невежественен, чтобы это заметить. Но не теперь. Я откопаю сердце Мортема, спасу нас, а потом с его помощью увезу её туда, куда она пожелает. В любую точку мира. Главное, что мы будем вместе, а со всем остальным разберёмся позже.

Вслушиваясь в стук крови в венах и рёв магии в костях, я отрываю от неё взгляд и заставляю себя посмотреть вверх, на исполинские двойные двери. Твёрдые как адамант, без единого украшения, если не считать светящихся ракообразных, намертво вросших в грубый камень. В центре висят два дверных молотка - головы мегалодонов с

переломанными, свисающими пастями, - но нигде не видно даже подобия ручки. Амайя наклоняет голову, изучая их в поисках прохода, когда один из солдат делает шаг вперёд, собираясь коснуться дерева.

- Не трогай, - приказываю я. - Мы не знаем, какая здесь система охраны или заклятия.

- Мы вообще не знаем, убрался ли он отсюда, - огрызается Зефира, её раздражение и тревога переливаются через край. Мне даже шнур связи не нужен, чтобы почувствовать это. Чтобы увидеть.

- И что ты предлагаешь делать, чернокнижник Стоун? - спрашивает Амайя. - Стоять тут и глазеть на эти чёртовы железки?

Мне бы очень хотелось дать принцессе ответ, но пока я разглядываю черепа мегалодонов, в голове воцаряется пустота. Зефира не может заставить себя смотреть на двери. Она уставилась себе под ноги. Веспер прижимается ближе к той самой русалке, которую пыталась убить несколько дней назад, а Гавриал крупно дрожит. Дело плохо. Нам нужно действовать с умом. Нужен способ войти, который ничего не потревожит и не активирует.

- Да просто дёрните за молотки, - отмахивается Амайя. - Мы ради этого сюда пёрлись.

- Я не уверен, что это разумно… - нерешительно начинает Гавриал.

Но двери распахиваются прежде, чем он успевает договорить.

Абсолютно бесшумно - от этого становится не по себе - они распахиваются настежь, едва не раздавив половину команды Амайи. К счастью, все успевают отскочить в последнюю секунду. И, что ещё лучше, из темноты никто не выходит.

- Что за херня? - тяжело дышит Веспер, зажимая кровавое пятно на бедре и всматриваясь в кромешную тьму огромного вестибюля.

- Он здесь? - быстро спрашивает Гавриал. - Думаете, это значит, что колдун внутри?

- Если бы его тут не было, он бы наверняка их запер, - соглашается Кармен.

Мужчина рядом с ней - Валентино - качает головой:

- Но это место проклято, разве нет? Это может вообще ничего не значить. Возможно, двери открылись сами по себе. Может, ему и запирать их не нужно.

- Не нужно, - шепчет Зефира. - Никто не входит в этот замок без его позволения, и никто не выходит обратно. Никогда.

При этих словах наши взгляды скрещиваются на тёмном проёме: почти сотня глаз уставилась в разверстую пасть обители колдуна. Никто не выходит обратно. Никогда. Велика вероятность, что то же самое ждёт и нас. Высокий шанс, что переступив этот порог, мы больше не увидим свободы.

- Если кто-то струсил или сомневается, разрешаю вернуться на корабль и ждать нас там. - Амайя обводит взглядом своих бойцов, одного за другим. - Впереди не будет места страху. Нам нужны хладнокровие и здравый смысл, чтобы пройти это гиблое место. По милости Темпестаса, вечная слава ждёт каждого, кто встанет у руля хаоса. Кто не сломается перед ним, а подчинит себе.

Её солдаты при этих словах выпрямляются, их спины становятся такими же жёсткими, как и их блестящие нагрудники. Выжженная на груди эмблема в виде грозовых туч и молний вспыхивает и сияет от магии Амайи. Ни один человек не делает шага назад. Кажется, они даже не допускают такой мысли.

- Отлично. - Амайя искренне, с гордостью улыбается и поворачивается обратно к темноте. - Тогда вперёд.

Она идёт первой, окруженная вторым и третьим помощниками, а за ними тянутся и все остальные. Зефира шумно втягивает воздух и шагает следом. Я иду за ней. Я больше не прислушиваюсь к магическим барабанам войны, гремящим во мне, а пристально слежу за нашим шнуром. В здешних сумерках он кажется почти невидимым.

Мы пересекаем порог без всяких препятствий. Слишком легко. И каждый, кроме Зефиры, заметно расслабляется, когда вокруг внезапно вспыхивает уютный, тёплый жёлтый свет.

Вестибюль выглядит обманчиво нормально - по крайней мере, для замка мерроу. От огромного зала, словно стрелки часов, расходятся коридоры; стены сложены из бледного камня, а ковры под ногами сотканы из водорослей и ламинарии и украшены гладкими ракушками. Высоко над головой висит люстра, чьи янтарные кристаллы переливаются, отбрасывая мягкие блики на стены. Здесь почти… тепло. Намного теплее, чем когда-либо было в Башне Аркана. Это место совсем не кажется пугающим. Я кошусь на Зефиру, но она упорно продолжает смотреть исключительно в пол.

- И что теперь? - спрашивает Гавриал. - В какую сторону идти?

- Дайте мне минуту сориентироваться. - Амайя прищуривается, подходя ближе к стенам, чтобы изучить кладку. Она просовывает лезвие ножа в щели между камнями.

- Это что… - Она осекается. Хмурится. Мой желудок сжимается.

- Зубы, - наконец объявляет принцесса, выковыривая один из стены и разглядывая его на просвет янтарного сияния. - Это человеческие зубы.

Чёрт.

Инстинкт самосохранения вспыхивает во мне жарким пламенем, и я швыряю своё тело вперёд, заталкивая Зефиру себе за спину в ту самую секунду, как входные двери с грохотом захлопываются. Слышится щелчок тяжёлого засова. Замки встают на места. Гавриал бросается к дверям, колотя кулаками по адаманту, но тот даже не вздрагивает. Не открывается.

Всё именно так, как и говорила Зефира: мы в ловушке.

- Я же говорила, - слабо отзывается она, теснее прижимаясь к моему боку. Моё крыло в защитном порыве обвивает её плечи.

Амайя кроет всё матом. Пехота Темпеста вскидывает оружие. Но всё без толку. Мы заперты, и единственный путь отсюда - только вперёд.

В этот момент коридоры начинают приходить в движение. Подобно часовым стрелкам, они вращаются и щёлкают вокруг вестибюля. Они смещаются, и сам замок содрогается от прилива тёмной силы под нашими ногами. Я крепче сжимаю Зефиру.

Коридоры меняют направление каждые десять-пятнадцать минут, перестраиваясь в бесконечную петлю, - предупреждала она. Мы готовились к этому. Мы знали, что так будет. Но испытывать это на собственной шкуре - совсем не то же самое, что слушать рассказы. Я глубоко вдыхаю носом и выдыхаю через рот. Считаю в уме до десяти, до сотни. Испытания Чернокнижников подготовили меня и к худшему. Я справлюсь с лабиринтом.

Я справлюсь с этим.

- Нам нужно разделиться прямо сейчас, - говорю я, пока остальные люди продолжают завороженно пялиться на движущиеся стены. - Нельзя тратить время на

поиски всей толпой. Колдун мог почувствовать магию Зефиры. У нас мало времени до его возвращения.

- Арион прав, - соглашается Зефира. - Давайте просто пройдём через это.

- Эм-м, - подает голос Гавриал.

Мы его игнорируем.

- Группы по четыре человека, - повторяю я прежний приказ Амайи. - Разбивайтесь на пары. Оружие наготове.

- Ребята, - снова зовёт Гавриал.

- Будьте готовы ко всему…

- АРИОН! ЗАТКНИСЬ! ПОСМОТРИ ТУДА, БЛЯДЬ! - Гавриал толкает меня в спину, заставляя обернуться к стене.

Я быстро моргаю.

Если я ничего не путаю, зубы… шевелятся.

- Что за…

- Меня сейчас стошнит, - выдыхает Веспер.

Зубы не просто шевелятся. Они с треском выламываются из стен, вываливаясь из пазов, словно рвутся живые связки, и разворачиваются. Разворачиваются…

Это вообще не зубы. Это страж.

Он прятался здесь. Окаменевший, выросший в стену, как проклятая статуя. Зубы усеивают всю его спину, вонзаясь в иссохшую плоть, будто его насадили на них много веков назад. Я подавляю подступившую тошноту и липкий страх, который начинает ворочаться в животе. Страж разворачивается, его кости жутко трещат под полупрозрачной, иссохшей кожей, и его взгляд падает на Зефиру. Он узнаёт её. Изможденное лицо расплывается в нежной, жуткой улыбке, несмотря на то что все вокруг мгновенно обнажают мечи.

- Зефира, - хрипит он. - Ты здесь. Ты вернулась домой. - Он причмокивает посиневшими губами. - Колдун будет так рад.

Зефира пятится от меня. К нему. Она хватается за живот, вставая между этим жутким, покрытым известью человеком и направленными на него копьями и мечами.

Её голос звучит как тихий выдох:

- Каспиан. Что… что с тобой случилось?

Каспиан не отвечает. Его пустые голубые глаза, кажется, даже не зафиксировали вопрос. Он наклоняет голову, кости снова издают сухой треск:

- Я… я должен доложить колдуну. Он будет так рад. - Он делает шаг в сторону одного из коридоров, но Зефира реагирует с такой скоростью, какой я в жизни не видел. Она хватает его за запястье.

- Нет, Каспиан. – Её пальцы впиваются в чужие зубы и обвисшую кожу. - Не говори ему. Пожалуйста, не говори.

- Но, Зефира. Ты ведь вернулась домой.

Она тяжело сглатывает, и мне требуется колоссальное усилие воли, чтобы просто стоять на месте и не вмешиваться. Чтобы не снести этому ублюдку голову прямо здесь. И неважно, что он себя не контролирует, что он проклят, и что она смотрит на него с этой безумной, болезненной нежностью. Он - угроза. Угроза для неё.

- Ему не обязательно знать, - говорит она. - Мы просто… играем в игру. Я играю в игру с колдуном. Возвращайся к стене. Ложись спать.

- Спать. - Каспиан проводит ладонью по лицу, буквально сдирая слой кожи со своего носа. - Сна больше нет. Я всё слышу. Я всё вижу. - Он снова переводит взгляд

на Зефиру, и его голубые глаза ощутимо стекленеют, тяжелеют. - Ты бросила нас, Зефира. Почему ты нас бросила?

- Каспиан… - Зефира испуганно косится ему за спину, туда, где Амайя уже сделала шаг вперёд, а между её пальцев вовсю трещат молнии. - Не надо, Амайя! Не трогайте их. Он… он не со зла. - И это единственная причина, по которой я до сих пор не сдвинулся с места. Единственная причина, по которой я молча жду момента, когда Каспиан станет смертельно опасен, плевать на его безумие.

- Он будет так рад, - монотонно твердит Каспиан. Он хватает Зефиру за руку и дёргает к себе. - Он говорит о тебе, Зефира. Он любит тебя. Он так ждал, когда ты вернёшься к нам. - Его пальцы намертво сжимаются на её запястье, и он начинает тащить её за собой вглубь коридора.

Я рычу.

В долю секунды я оказываюсь позади них. Разрываю их хватку. Вскидываю меч, чтобы снести ему башку. Однако Зефира резко разворачивает меня за плечи, перехватывая мою руку и останавливая замах. Вклинивается между нами, защищая этого чёртова стража:

- Никаких убийств, Арион! - шипит она, пока Каспиан продолжает слепо рваться к ней, пытаясь утащить за собой. - Пожалуйста. Пожалуйста.

Я перевожу взгляд с неё на него. На его мёртвую хватку и на её уже синеющее предплечье. На серебряные шрамы на её теле и на этот дикий ужас в её глазах. Да пропади оно всё пропадом в Безднах. Я опускаю меч - и ровно в этот миг Веспер бесшумно вырастает у него за спиной, вскидывает рукоять своего оружия и со всей дури опускает её на покрытый зубами затылок Каспиана.

Каспиан падает кулем.

Зефира мгновенно опускается рядом, подхватывая его иссохшую голову к себе на колени.

- Верёвку, - хладнокровно командует Амайя. - Нужно связать его. Мы понятия не имеем, надолго ли он отключился…

Словно услышав её, Каспиан распахивает рот. Душераздирающий, утробный вопль вырывается откуда-то из самой его глубины - потусторонний, леденящий кровь. При этом его глаза остаются закрытыми. Он по-прежнему без сознания.

Зефира кроет всё матами:

- Этого не… раньше такого не бывало! - перекрикивает она его вопли.

- Что это за хрень? - спрашивает Веспер, помогая Кармен выпутать моток верёвки из походного ремня.

- Думаю, это сигнализация. - Зефира смотрит на меня, и я как никогда сильно жалею, что не могу почувствовать её через нашу связь. Жалею, что не могу успокоить её. Но я не знаю, как.

Мне следовало догадаться. Следовало заподозрить неладное. Всё шло слишком гладко. Осушить море, пройти по дну впадины, двери, которые сами открылись перед нами - всё это было слишком, чёрт побери, легко. Я чернокнижник. Я был военным генералом, в конце концов.

Остальная часть замка начинает глухо стонать и трещать в ответ на вопль Каспиана. Живые стены приходят в движение. Можно не сомневаться: другие стражи уже выламываются из своих каменных гнёзд. Каспиан - далеко не единственный. Нам придётся действовать быстро, чтобы обезвредить их всех.

Веспер и Кармен споро вяжут Каспиану запястья и лодыжки, после чего затыкают ему рот кляпом. Я помогаю Зефире подняться на ноги, бегло осматривая её на предмет других ран, кроме свежего синяка от каменной хватки стража. Я накрываю его ладонью. Моя магия поднимается внутри приливной волной, готовая исцелить её, успокоить, но…

Она жёстко перехватывает мой подбородок:

- Нет, Арион. Береги силы. Это просто синяк. - А затем, уже тише, добавляет: - Я справлюсь.

Мои желваки ходят ходуном, но я покорно киваю.

Проклятый череп заходится отвратительным, злорадным смехом:

- Пока вы сопли жуете в углу, пора бы заметить, что дело труба. За вашей спиной, за вашей спиной, люстра сейчас упадёт на покой!

С рыком я разворачиваюсь - мы все разворачиваемся - и видим, что эта костяная тварь, к несчастью, права. Люстра опускается всё ниже и ниже, прямо на ходу перестраиваясь, меняя форму и превращаясь в ещё одного стража. На этот раз это ребёнок; его конечности неестественно вывернуты, а глаза горят ярким янтарным огнём. Колдун заменил им всё - кончики пальцев, пальцы ног, зубы - осколками этого светящегося камня. Мы в ужасе уставились на него, пока мальчик широко улыбается, а свет пульсирует по комнате, заливая всё вокруг.

- Зефира, - воркует он, протягивая к ней эти жуткие, светящиеся пальцы. - Зефира, ты дома.

Я не даю ни Зефире, ни кому-либо ещё ни секунды на размышления. Вместо этого я бросаюсь к мальчишке, сгребаю его в охапку и намертво перехватываю предплечьем его горло. Настолько осторожно, насколько это возможно, я давлю на уязвимые точки на его шее, сжимая мышцы, пока он не начинает задыхаться. Хрипеть. А затем обмякает в моих руках. Я опускаю его на пол рядом с Каспианом. Разумеется, рот мальчишки тут же распахивается, и он начинает издавать точно такой же истошный, воющий сигнал тревоги.

- Кляп ему, живо, - приказываю я Веспер.

Она награждает меня свирепым взглядом, но подчиняется, шнуруя его точно так же, прежде чем связать обоих стражей-слуг вместе.

Одного из солдат Амайи выворачивает наизнанку прямо на пол, а Гавриал в панике зажимает рот ладонью:

- Дело дрянь, - бормочет он, его слова выходят приглушёнными и испуганными.

- Бывало и хуже, - отзывается Зефира, не в силах оторвать взгляд от связанного мальчика. - Это значит, что колдуна здесь нет.

- Но он скоро будет. - Я обвожу суровым взглядом отряд. - Нам нужно двигаться быстро и предельно осторожно. Разделяемся прямо сейчас. Прочешите всё, что сможете, до рассвета. Ищите любой спуск вниз и помните: место сбора - корабль.

- И как, интересно, мы доберёмся до этого корабля? - выплёвывает Веспер. - Мы заперты, если ты забыл.

- Значит, соберёмся здесь. Пойдёт? - Зефира быстрым движением перебрасывает волосы через плечо, заплетая их в косу. - Не выпускайте своих напарников из виду.

- Разделиться, - дублирует Амайя, отдавая приказ исключительно своей пехоте. - Немедленно.

Они подчиняются без лишних слов, разбиваясь на группы по четыре человека. Веспер без предупреждения дёргает Гавриала за рукав к себе. Тот хлопает глазами, удивлённый не меньше остальных, пока она не отрезает:

- Ты зазубрил карту. Ты со мной.

Амайя кивком велит Кармен и ещё одному солдату присоединиться к ним, после чего поворачивается ко мне:

- Я пойду с тобой.

- Нет, - бросаю я быстро. Спокойно.

Принцесса одаривает меня подозрительным взглядом:

- Прошу прощения, чернокнижник Стоун?

- Мы с Зефирой пойдём вдвоём. Она знает этот замок лучше всех, а я - чернокнижник. Нам не нужен балласт.

В её штормовых серых глазах вспыхивают отчётливые искры жёлтых молний:

- Интересный выбор слов, чернокнижник. - Теперь её взгляд перемещается на Зефиру. - Если вы задумали предать нас, мои люди нашпигуют вас сталью быстрее, чем вы успеете моргнуть.

- Мы не собираемся вас предавать, - торопливо вмешивается Зефира. - Мы пытаемся найти Абиссис. У нас с Арионом достаточно сил и знаний, чтобы справиться вдвоём. Но если ты так переживаешь, - она кивает в сторону Гавриала и Веспер, - забирай их себе.

Гавриал от такой перспективы заметно бледнеет, но Амайя лишь хищно ухмыляется:

- Идёт. Я составлю компанию сирене и историку. Кармен, ты с нами. Валентино, Номина, Филипп и Хайме - вы остаётесь здесь. Нам нужны солдаты на охране входа.

Они синхронно кивают. Даже Филипп, которого тошнило буквально пару минут назад. Разделившиеся отряды Амайи выстраиваются в каре, каждый лицом к своему коридору. Зефира берет меня за руку и тянет вперёд, к левому проходу вестибюля. Она не отпускает мою ладонь, её дрожащие пальцы переплетаются с моими. Я крепко сжимаю их в ответ. Я тоже её не отпущу.

Я здесь, - хочется мне сказать, если бы я мог использовать магию для разговора. Я с тобой.

- Замок не отдаст свои тайны без боя, - обращается Зефира ко всем присутствующим. - Но я знаю, что Абиссис здесь.

- Я чувствую его, - добавляю я.

- Как и я, - отзывается Амайя. Её лицо бледное, осунувшееся, но глаза лихорадочно блестят от предвкушения. - Величайшие сокровища всегда спрятаны лучше всего, так что ищите там, где меньше всего ожидаете увидеть. - Повернувшись к Зефире, она добавляет: - Мы постараемся уважить твои причуды и обезвреживать стражу, а не убивать. Но если встанет выбор между жизнями моих людей или его слуг - я выберу своих.

Как и я.

Если выбор встанет между жизнью Зефиры или их жизнями, я выберу её. Каждый божий раз.

Стоя у соседнего коридора, Веспер бросает короткий взгляд на застывшее лицо связанного мальчика. Его яркие, как драгоценные камни, глаза всё ещё широко распахнуты, слепо уставившись в потолок. В её собственном взгляде при этом зрелище что-то дрогнуло. Что-то, чертовски похожее на сомнение… или мимолётное сожаление.

- Пожалуй, это милосердие, - тихо роняет она.

В ответ на её слова коридоры замка снова приходят в движение, совершая очередной жуткий поворот. В толще стен что-то отчетливо заскрежетало.

Когда камни наконец замирают, каждая группа выбирает своё направление, и мы все без остатка растворяемся в темноте.

Джордан Стефани Грей - Порочное мореThe Jordan Stephanie Gray - Wicked Sea

ГЛАВА 35

АРИОН

Зефира осторожно ведёт меня по тусклому угольно-чёрному коридору. Наши шаги звучат отчётливо и резко, с треском и хрустом перемалывая россыпи гальки и морских камней под подошвами. Чем дольше мы идём, тем сильнее тянутся каменные стены по обе стороны от нас - они словно удлиняются, вытягиваются и утягивают нас всё глубже и глубже в какую-то неведомую пустоту. Её растрёпанная розовая коса покачивается из стороны в сторону, точно маятник. Взгляд Зефиры упрямо устремлён вперёд. Только вперёд. Ни разу она не оборачивается, чтобы проверить, как я. Ни разу не смотрит назад.

В её осанке, уверенной поступи и напряжённой спине сквозит абсолютная решимость, но пальцы, сжимающие мою ладонь - влажные и холодные. И они не перестают дрожать. Вот так, даже без подсказок нашей магии и шнура связи, я понимаю: она просто пытается выстоять. Она продолжает двигаться лишь потому, что знает - стоит ей остановиться хоть на миг, и она сломается.

Я крепче сжимаю её руку. Мои крылья сами собой подаются вперёд, пытаясь укрыть её, успокоить, защитить. Это не помогает. Я знаю, что это не помогает. Но здесь, шагая по бесконечному, неизменному коридору, я чувствую себя до одури беспомощным. Ни дверей. Ни поворотов. Только проклятые камни под ногами и стены, сжимающиеся вокруг нас всё плотнее.

- Ну и декорации, - бормочу я, пиная попавшийся под ноги камушек. - Чувствую себя так, словно стою на дне гигантского аквариума.

Зефира не оборачивается, и она не смеётся. А мне так отчаянно, до боли хочется, чтобы она снова рассмеялась.

- Это не камни, - глухо роняет она. - Это кости, растертые в крошево. - Пауза. Тяжёлый вздох. - Кости предателей.

Я опускаю взгляд, не в силах в этой темноте отличить костяную крошку от обычного гравия. Боги. Она была заперта здесь восемь лет. Почти три тысячи дней. Я рассматриваю её со спины, от макушки до кончиков пальцев. Золотистая кожа, веснушки и выверенные, осторожные шаги.

- Ты хочешь поговорить об этом?

Она отвечает не сразу. Мы делаем ещё несколько шагов, прежде чем она наконец произносит:

- И что ты хочешь от меня услышать? Я хочу уйти. Я не хочу здесь находиться. - Её голос дрожит от сдерживаемых слёз, и мне нестерпимо, чертовски не хватает нашей связи, чтобы почувствовать это. Чтобы разделить её боль. - Я пытаюсь быть сильной. Правда пытаюсь, но я… я никогда не была достаточно сильной для этого места, - на последнем слове её голос срывается, и я не выдерживаю.

Я делаю резкий шаг вперёд, прижимая её к своей груди. Заключая в объятия.

- Ты сильная. Ты сильнее всех, кого я когда-либо встречал в своей жизни. - Я прижимаюсь губами к её лбу, к линии роста волос, к щекам, покрытым веснушками.

- Я чувствую себя ребёнком, - шепчет она, утыкаясь лицом в мою броню и крепко обхватывая меня руками. - Чувствую себя так, словно никогда и не уходила отсюда. Может, последние полгода были просто сном? Может, я никогда не сбегала?

- Это не было сном. И этот кошмар не навсегда. Мы уйдём отсюда. Я обещаю тебе - клянусь своей жизнью - я вытащу тебя, Зефира из Силь. Ты чувствуешь это? - Я поднимаю нашу сцепленную ладонь между нами. - Это реально. Я реален, ты реальна, и мы здесь вместе.

Она поднимает на меня глаза. Мои белые перья мягко касаются её щеки, и когда наши взгляды встречаются, боль в её бирюзовых глазах окончательно разбивает то, что осталось от моего сердца. Она невероятно сильная и одновременно такая ранимая, что… Магия в моей груди начинает рокотать. Она бьётся изнутри, требуя выхода. Отчаянно стремясь всё исправить. Спасти её.

- Я обещаю. Я вытащу тебя отсюда.

Она улыбается. Слишком слабо. Слишком печально.

- Я верю тебе, Арион.

Она мягко отстраняется и молча продолжает путь. Я иду вровень с ней, силой заставляя нас держаться плечом к плечу, хотя узкий коридор явно против этого. Стены словно давят сильнее. Но мне глубоко похрен. Я не отойду от неё ни на шаг. Я не позволю ей проходить через этот ад в одиночку.

Проходят минуты. Мог пройти и час.

Вокруг лишь темнота, хрупкий хруст костей под сапогами и прерывистое дыхание Зефиры, как вдруг…

Музыка.

Наконец-то тишину нарушает что-то, кроме нашего собственного нервного дыхания. До нас доносятся далёкие, едва различимые ноты - призрачный мотив, эхом отдающийся от камней. Я перехватываю Зефиру за талию, резко притягивая к себе, и замираю, вглядываясь в стены. Ищу глазами новых стражей. Осматриваю пол и потолок.

- Стой, - шепчу я ей. - Это может быть засада. Магия во мне вскипает, пульсируя в груди, как второе сердце. Я делаю шаг вперёд. Пульсация усиливается. Ещё шаг. Магия бьётся ещё яростнее.

- Это не засада, - качает головой Зефира. - Это музыкальная шкатулка. И тебе очень, очень нужно её проигнорировать…

- Идём, - бросаю я, ведомый внутренним зовом собственной силы. Магия влечёт нас дальше, и вскоре мелодия становится плотнее, отчётливее. - Туда. - Впереди коридор раздваивается. Из восточной ниши вырываются потоки чистой магии - нежной, вкрадчивой, и теперь это далеко не эхо. Я знаю эту песню. Я уже слышал её раньше.

- Арион, остановись!

Но я почти не слышу Зефиру. Я слышу только музыку. Я иду на этот звук. Он завораживающий, пугающе знакомый и…

- Адрастус Стоун. - Глубокий, властный голос разрезает мелодию, и музыка мгновенно превращается в воспоминание. В моё воспоминание.

Пульс резко подскакивает, колени подгибаются, и коридор замка растворяется. Я… я оказываюсь в лачуге. В доме своего детства, с просевшей дырявой крышей,

разбитыми окнами и заплесневелыми коврами. Тяжёлый кованый сапог с треском вышибает остатки входной двери, и маленький мальчик в ужасе забивается за обеденный стол, сколоченный из старого ящика. Я. Этот маленький испуганный мальчик - я сам.

- Адрастус! - мужчина - Фиараус Скар - вламывается внутрь. За его спиной стоят трое громил, а в руке покачивается тяжёлый молот. - Мне по горло надоело, что ты бегаешь от меня, и мне нужны мои монеты. Прямо сейчас. Либо ты отдаёшь долг, либо платишь проклятую цену.

Мой отец поднимается со стула. Моча струится по его ногам, пачкая штаны и ковёр. Я начинаю плакать, и все мужчины как один оборачиваются в мою сторону.

Фиараус Скар угрожающе бьёт молотом по ладони:

- Или ты, или твой щенок, Адрастус. Наше терпение лопнуло.

Я зажмуриваюсь, но не могу это остановить. Не могу помешать отцу сломаться. Не могу помешать Фиараусу замахнуться своим молотом. Не могу избавиться от тошнотворного запаха крови, костей и плоти, забивающего ноздри. Меня сейчас вывернет. Меня сейчас наизнанку вывернет, и… И где чернокнижники? Почему они не здесь? Почему они, чёрт возьми, не помогают?! Мой отец мёртв. Он мёртв, я вижу осколки его черепа, и кто-то должен за это заплатить…

- Арион. - Мягкий голос. Сладкий, чистый голос.

Зефира. Это голос Зефиры.

Но это неправильно. Ей не место здесь, в этой залитой кровью хижине. Ей вообще нельзя находиться рядом с этой… этой тьмой. Зефира - это свет, это красота, она моя. Она моя русалка, а я её чернокнижник.

Прохладная ладонь ложится на мою руку, и тонкие ноты музыкальной шкатулки вновь оплетают комнату. Я крупно вздрагиваю.

- Арион, - напевает этот сладкий голос. - Арион, это просто морок. Это твоё худшее воспоминание. Выбирайся из него. Слушай мой голос, не слушай музыку. Проснись.

Морок.

Худшее воспоминание.

Я часто-часто моргаю, и очертания лачуги начинают понемногу таять, пока сквозь пелену прошлого не проступают черты Зефиры. Она не там, в моём старом доме, и у её ног не лежит труп моего отца. Она здесь. В мрачном коридоре подводного замка. Со мной.

Я тяжело сглатываю, впиваясь взглядом в её глаза, пока удушающая хватка мелодии окончательно не отпускает мой разум. Пока изуродованное тело отца наконец не исчезает.

- Что за чертовщина…

- Проклятая музыкальная шкатулка, - быстро поясняет она. - Колдун как-то замуровал её в стену моей комнаты. Мне потребовались месяцы, чтобы выковырять её оттуда. Но ты бы привык. Дня через три.

Из моей груди вырывается глухой рык. Она не рассказывает мне о своём худшем воспоминании, но мне и не нужно его слышать. Вывод, который я делаю, от этого не меняется:

- Я лично выпущу ему кишки.

Уголки её красивых губ едва заметно дёргаются:

- Я знаю. - Её рука в моей ладони становится твёрдой, дрожь исчезает, и она решительно уводит меня из восточной ниши в сторону западного разветвления. - Сюда.

Моя магия откликается на это движение, вздымаясь внутри, словно штормовая волна. Мы должны быть совсем близко. Абиссис. Сердце. Наше спасение. Мы ныряем в проход, и в тот же миг над головой вспыхивает слепящий белый свет. Слишком яркий. Слишком чистый. Глаза режет от резкой вспышки, зрение на мгновение гаснет, и мы, спотыкаясь, разлетаемся к противоположным стенам коридора.

Зефира резко вскрикивает.

Когда пелена перед глазами рассеивается, я вижу, на что именно она наткнулась.

На постаменте, словно в каком-то жутком святилище, лежит бьющееся сердце. Настоящее, живое сердце; из наспех перерезанных артерий всё ещё сочится тёмная кровь. Края сосудов неровные, рваные - будто их кромсали в дикой спешке. Сердце Мортема? Я делаю шаг ближе, прислушиваясь к собственной магии, но она не отзывается на этот орган. Она остаётся абсолютно равнодушной.

Зефира буквально вжимается в дальнюю стену ниши. Её глаза огромные, полные ужаса, а лицо стало мертвенно-бледным. Она смотрит на это сердце не мигая.

- Я хочу уйти, - едва слышно, на одном дыхании шепчет она. - Арион, пожалуйста, давай уйдём.

Я замечаю, что сердце насквозь пробито тупым бронзовым клинком. Белый свет сужается, выхватывая эту картину из темноты, словно устраивая помпезное, издевательское представление. Превращая это в насмешку.

- Это… нож?

Зефира зажимает рот ладонью. Её бледность сменяется зеленоватым оттенком. Её тошнит. Она судорожно, шумно дышит.

- Это… оно… - Она не может закончить фразу. Кажется, она вот-вот упадёт в обморок.

- Это не сердце Мортема? - пытаюсь я получить подтверждение.

Она дико качает головой, не в силах оторвать взгляд от окровавленного органа.

- Нам нужно вернуться. Пожалуйста. Прошу тебя, Арион. - Она умоляет. Зефира никогда не умоляет в подобных ситуациях. Я реагирую мгновенно. Делаю шаг к ней, сгребаю в охапку и закрываю своими крыльями, пряча от этого зрелища.

- Всё хорошо, - шепчу я. - Ты со мной.

Но она начинает отчаянно вырываться из моих рук:

- Пожалуйста, мне нужно уйти! Он пытает меня. Это… это всё игра, и он побеждает. Он всегда побеждает! Я снова застряла в его лабиринте. Что бы я ни делала, я всегда возвращаюсь сюда. В это проклятое место. Прямо туда, где он хочет меня видеть!

Чистая, обжигающая ярость вскипает в моих венах. Магия переворачивается в желудке от её слов, от её паники и боли.

- Его здесь нет, - твёрдо говорю я, разворачивая её и уводя прочь из ниши. - Его тут нет, ты в безопасности. Мы близко, Зефира. Я чувствую это. Просто дыши и держись за меня…

Но прежде чем мы успеваем сделать шаг в бесконечный коридор, магия в моей груди резко зажимается. Один мучительный, сокрушительный импульс намертво пригвождает мои подошвы к полу. И в ту же секунду стены прямо перед нами с оглушительным грохотом захлопываются.

Коридор впереди просто перестаёт существовать.

Я резко разворачиваю нас обратно к нише, чтобы закрыть Зефиру собой, и она испуганно вскрикивает, глядя на комнату. Потому что теперь она абсолютно пуста.

Сердце исчезло.

- Что-то не так, - тяжело и часто дышит она. - Коридоры должны меняться каждые пятнадцать минут, а не каждые пятнадцать секунд…

И словно в ответ на её слова, пол под нашими ногами с грохотом проваливается. Ниша ухает вниз.

Зефира кричит, намертво вцепляясь в меня, буквально пытаясь взобраться по мне вверх, пока я расправляю крылья, чтобы замедлить наше падение. Мы летим в беспросветную черноту несколько минут - долгих, бесконечных минут падения в бездну, пока наконец мягко не приземляемся. Когда стены лабиринта вокруг нас замирают, перед нами открывается новый проход. Моё сердце бьется как сумасшедшее, но магия внутри пульсирует ровно и уверенно. Что-то в моих костях кричит о том, что этот путь - правильный.

Мы осторожно выходим в коридор, целиком состоящий из зеркал.

- Что мне делать? - спрашиваю я Зефиру. Она упрямо прячет лицо у меня на плече и ни разу не подняла глаз с момента, как исчезло сердце. - Хочешь, попробуем отыскать остальных?

Она ещё крепче обхватывает ногами мои бёдра:

- Н-нет. У нас не выйдет. Скорее всего, они тоже блуждают где-то в ловушке.

- Но мы-то не потерялись.

- Мы только что едва не разбились насмерть!

- Но не разбились же? Мы живы. Мы здесь. - Я глубоко вдыхаю, аккуратно разжимаю её руки и ноги и осторожно опускаю её на пол. - Скажи, что тебе нужно. Если идти дальше для тебя невыносимо…

- Не будь, чёрт побери, идиотом. - Она резко вскидывает голову, яростно сверкая на меня глазами. И у меня едва колени не подкашиваются от этого зрелища - от этого упрямого огня в её взгляде и стали в голосе. Сейчас она кажется более живой, чем за все последние часы. - Мы идём дальше.

- Но…

- Мы. Идём. Дальше. - Она небрежным жестом убирает упавшую прядь с лица и перебрасывает розовую косу через плечо. - Я отказываюсь подыхать в этом месте, чернокнижник. Единственный способ выбраться отсюда - пройти насквозь.

Я невольно улыбаюсь, несмотря на всю дикость ситуации и ту боль, которую она всё ещё испытывает. По крайней мере, она снова борется.

- Как скажешь, русалка.

Напряжение в её теле немного спадает. Она выскальзывает из-под моего крыла и оценивающе осматривает новый коридор. Бросает быстрый взгляд на потолок и тяжело вздыхает.

- Ну разумеется. - Опустив ладонь на бедро, она резко разворачивается на пятках и начинает идти спиной вперёд по чёрному лакированному полу. За её спиной бесконечные ряды роскошных позолоченных зеркал сверкают кристально чистым стеклом. Их поверхность настолько гладкая, что каждое из них кажется застывшей гладью воды. Зефира попирает пальцем мой подбородок, заставляя меня смотреть исключительно на неё. - Во-первых, я была права. Этот ублюдок издевается над нами. Неважно, здесь он сам или нет, он делает всё, чтобы мы пожалели о том, что родились.

- Она увлекает меня на шаг глубже в коридор, даже не пытаясь обернуться к зеркалам лицом. - Во-вторых, что бы ни случилось, ни в коем случае не смотри в зеркала. Они здесь для того, чтобы затянуть нас внутрь. И они не будут с тобой нежничать.

- Ты уже бывала здесь? - тихо спрашиваю я, покорно следуя за ней и заставляя себя смотреть только на её лицо.

- Раз тысячу. Зеркальный коридор всегда ведёт к винтовой лестнице. А поскольку мне милостиво выделили самую высокую башню в этом грёбаном замке, мне приходилось проходить здесь каждый раз, когда нужно было куда-то спуститься. Точнее, когда он вообще позволял мне выходить из комнаты. А это случалось нечасто.

Новая волна ярости. Чистый гнев бьет в мою грудь с такой силой, что меня начинает подташнивать.

Она прижимает палец к моим губам:

- Расслабься, чернокнижник. Двигайся. Не смотри назад.

Я честно пытаюсь слушать её. Первые несколько секунд. Но чем дальше мы углубляемся в этот зал, тем сильнее моё боковое зрение улавливает золотистые отблески. Золото, серебро, чёрный и…

Полуночно-синий.

Я моргаю. Раз, два, три. Это не помогает избавиться от болезненного, порочного любопытства. Взгляд цепляется за тёмную ткань, и мои глаза - всего на долю секунды - косятся на зеркало справа. Желудок мгновенно ухает вниз.

Там маска.

Белая фарфоровая маска - гладкая, древняя и абсолютно пустая.

Повелитель Смерти наблюдает за мной из зазеркалья. Нет. Он тянется ко мне.

Перчатка прорывает жидкое стекло, и ледяные пальцы едва не касаются моего рукава. Я застываю на месте, пригвожденный к полу тяжестью этого злобного, пустого взгляда. Дыхание перехватывает. Разум отключается. Повелитель Смерти выбирается всё дальше - искажённый, неестественный, а за его спиной… весь Культ Мортиса. Они заполняют каждую позолоченную раму, каждую отражающую поверхность в этом проклятом коридоре. Их леденящее дыхание клубами пара заполняет комнату.

Я не был к этому готов. К ним.

Зефира свирепо рычит:

- Я же сказала: не смотри! - Её ладони намертво впиваются в мои щеки, силой возвращая мой взгляд к её лицу. Её бирюзовые глаза полыхают яростью, в них горит тот самый дикий, защищающий огонь. И этот огонь мгновенно выжигает весь зазеркальный холод из моих вен. - Для подчиняющегося чернокнижника ты на редкость хреново выполняешь приказы. Смотри. На. Меня.

Я подчиняюсь. Это даёт мне драгоценное время, чтобы прийти в себя и вернуть контроль.

- Я посмотрел всего на секунду, - рычу я в ответ. - И я ни в каком смысле не подчиняющийся.

- Ну конечно, чернокнижник. Вот только прошла уже пара минут. Время здесь течёт иначе. Ты не можешь ему верить. Ты вообще ничему здесь не можешь верить.

Пара минут? Как это, к чёрту, возможно? Я бы покачал головой, но Зефира держит моё лицо слишком крепко. Она упрямо тащит меня за собой сквозь этот кошмар, зажмурив глаза - она ориентируется здесь исключительно по памяти.

И эта мысль пугает меня сильнее любого призрака из зеркала.

Тысячу раз в этом коридоре.

Джордан Стефани Грей - Порочное мореThe Jordan Stephanie Gray - Wicked Sea

Три тысячи дней в этом замке.

Она пережила столько дерьма, сколько никто в этом мире никогда не сможет даже вообразить. Пережила всё это - только ради того, чтобы я со своим грёбаным эгоизмом и арестом притащил её обратно. Это моя вина. Каждая секунда этого пути, начиная от её поимки и заканчивая поисками этой впадины - целиком моя вина.

И самая жуткая, самая тёмная мысль, которая когда-либо приходила мне в голову, вспыхивает в сознании, как умирающая звезда: А чем я лучше этого колдуна? Сделал ли я её жизнь хоть на каплю лучше?

Накатившая тошнота едва не сбивает с ног. Теперь я смотрю только на пол, на тёмный камень, на причудливые тени у наших ног, но боковым зрением всё равно вижу их. Весь Культ Мортиса. Они дёргаются, извиваются и один за другим протискиваются сквозь рамы вслед за своим повелителем. Они сжимают в руках косы. И они идут за нами.

Стоит мне подумать о них, как они начинают двигаться быстрее. Шипение за спиной. Ледяной шёпот. Мерзкий, влажный звук стали, рассекающей плоть и кости. Они зовут меня. Они твердят, что моё место среди них.

Что, если они правы?

- Всё хорошо, Арион, - шепчет Зефира, не открывая глаз. - Что бы там ни было, оно не сможет навредить тебе, пока ты не обращаешь внимания. Игнорируй зеркала. Смотри на меня. Только на меня. - Она делает мягкий выдох и повторяет: - Зеркальный коридор всегда ведёт к лестнице. Скоро за моей спиной будет дверь. Мы войдём в неё, и весь этот бред исчезнет.

Она успокаивает меня. Меня. Находясь посреди своего собственного персонального ада.

В этот момент зеркала вокруг нас без предупреждения смещаются, и всё, что я вижу - это розовый и бирюзовый, розовый, розовый и…

Спина Зефиры с глухим стуком врезается в деревянное полотно, и она победно выдыхает:

- Ручка! Ты видишь её? Открывай, Арион. Не задерживайся здесь.

Сцепив зубы, стараясь не обращать внимания на сотни отражений Зефиры вокруг нас - с разорванными шеями и окровавленными ртами, - я нащупываю холодную сталь тонкой дверной ручки. Но что-то внутри болезненно сжимается, и я на секунду оборачиваюсь.

Зефира.

Она прекрасна, но она мертва. Она стоит позади меня - синяя, бледная, безжизненный труп.

- О, разрази тебя Бездна! - Настоящая Зефира распахивает глаза, сама хватает ручку и с силой рвет дверь на себя. Она проскальзывает мимо меня и обеими руками выталкивает мою задницу за порог, с грохотом захлопывая за нами дверь. И в то же мгновение шёпот затихает. Тошнота отступает.

- И ты проходила через это… тысячу раз? - спрашиваю я, пытаясь выровнять дыхание, пока паника медленно покидает мою грудь.

- Плюс-минус, - отзывается она, легко ступая на ступени круглой винтовой лестницы. - Нам ведь нужно вниз, верно? Самый нижний ярус?

Да. Да, именно туда. Нам необходимо спуститься. Но…

- Дай мне секунду. - Я срываю с себя нагрудник брони и с грохотом швыряю его на каменный пол. Мне не хватает воздуха. Я не могу дышать.

- Что ты там увидел? - прищуривается она, внимательно вглядываясь в моё лицо. - Что это было?

- Культ, - отвечаю я, собираясь с мыслями, прежде чем шагнуть к ней. Я пытаюсь не смотреть на неё - на эту напуганную, но такую чертовски живую девушку рядом со мной, - но у меня ничего не выходит. Мой взгляд впивается в её лицо с какой-то голодной, граничащей с безумием решимостью. Словно я никак не могу напиться этим зрелищем. - Всего лишь культ.

- Понятно. - Она косится вниз, на ступени. Перил у лестницы нет. Один неверный шаг - и мы улетим в пустоту. - Дай знать, когда будешь готов, чернокнижник.

Я сердито смотрю на неё, хотя прекрасно понимаю: за этой напускной резкостью она прячет остатки своего страха. Она просто пытается оставаться сильной. И мне нужно делать то же самое. Если бы не она, я бы уже дважды остался гнить в этих коридорах - сначала из-за шкатулки, теперь из-за зеркал. Этот замок переварил бы меня за считанные минуты.

- Идём, - резко бросаю я, но при этом максимально нежно беру её за руку. Мы начинаем наш долгий спуск вниз, вниз, вниз по ступеням. Но не успеваем мы пройти и пары пролетов, как замок снова глухо стонет. Содрогается. И коридоры начинают вращаться.

- Дерьмо, - шипит она.

А затем и сама лестница приходит в движение - она поползла вверх. Гладко, изгибаясь всем телом, точно исполинская змея.

- Вниз, проклятая лестница! - Зефира судорожно вцепляется пальцами в мой локоть от этого резкого, сильного толчка. Е ё ногти больно впиваются в мою кожу, а глаза испуганно зажмуриваются. Лицо искажается от подступившей паники. - Вниз!

Лестница не слушается. И её голос снова срывается - на этот раз на беспомощную, отчаянную мольбу:

- Я больше не могу, блять. Пожалуйста, не надо наверх. Пожалуйста, отвези нас вниз... - Этот голос звучит так беззащитно, совсем как у ребёнка. И я слишком отчётливо представляю её здесь - совсем юную, семнадцатилетнюю девчонку, которая точно так же стояла на этих ступенях и умоляла проклятые стены пощадить её. И я знаю, что замок никогда её не слушал.

Я перевожу взгляд с неё на ступени, а затем в окружающую нас кромешную тьму. Она прижимается ко мне всё плотнее, пока нас уносит всё выше и выше к чёртовым шпилям. И она до смерти напугана. Она была в ужасе с самой первой секунды, а я был абсолютно бесполезен. Магия внутри моих рёбер беснуется, как дикий зверь в клетке, требуя свободы. Рвётся наружу. Колдун может вернуться в любую секунду, а мы ни на шаг не приблизились к сердцу за этот... сколько? Час? Два дня? Кто вообще знает, сколько времени мы здесь торчим. Я обещал Зефире, что вытащу её. И я сделаю это.

Это место проклято. И с меня хватит.

Я - чернокнижник Арион Стоун. И я не позволю моей русалке погибнуть в этой дыре. Это не конец нашей истории.

- К чёрту всё, - рычу я.

Перехватив Зефиру за талию, я намертво прижимаю её к себе и шагаю через край лестницы. Прямо в пустую шахту по центру. Холодный, влажный воздух с ревом бьёт нам в лица.

Вокруг снова грёбаная тьма.

Джордан Стефани Грей - Порочное мореThe Jordan Stephanie Gray - Wicked Sea

Зефира опять кричит, но я больше не намерен ждать у моря погоды. Я - Арион Стоун, и я способен - я обязан - спасти её.

Когда мы наконец приземляемся, под нашими сапогами оказывается грубо высеченная пещера из неровного известняка.

В толще камня, поблескивая в слабом свете сверху, виднеются осколки перламутровых ракушек. Морские звёзды. Моллюски. Окаменевшие ракообразные, которым явно не одна сотня лет. Здесь нет ни окон, ни дверей. И как только наши ноги касаются пола, а мои крылья расслабляются, винтовая лестница над нами с сухим треском складывается, точно гармошка. И полностью исчезает.

- Потрясающе, - язвит Зефира, тяжело дыша. - Великолепный план, чернокнижник. И что нам, чёрт возьми, теперь делать?..

Я резко прижимаю ладонь к её губам, лихорадочно соображая. Магия внутри меня бунтует, причиняя почти физическую боль, давя на меня изнутри с такой силой, словно пытается размазать по этому полу. Словно мы опустились ещё недостаточно глубоко. Но выходов нет. Лестница исчезла. Зефира сердито мычит мне в ладонь, пытаясь укусить за пальцы, чтобы я отпустил её. Но…

Мой взгляд цепляется за стену прямо за её спиной.

Она переводит взгляд туда же, и её глаза округляются. Моя рука сама собой соскальзывает с её губ. Зефира резко разворачивается, выхватывая сапфировый кинжал из перевязи. Я мгновенно обнажаю свой меч.

- Вы издеваетесь, - шипит она.

Из известняковых стен, выстраиваясь полумесяцем, начинают выламываться семеро стражей. Их лица словно высечены из камня; челюсти и губы покрыты коркой из застывших острых барнакулов. Пустоты в иссохшей плоти и сломанных костях забиты телами давно погибших ракообразных. Уродливые, тошнотворные твари. И их бусинки чёрных глаз намертво прикованы к Зефире.

- Не хочешь попробовать договориться с ними? - спрашиваю я, осторожно задвигая её себе за спину. Но это бесполезно. Они окружают нас. Зефира мгновенно прижимается спиной к моей спине, выставив кинжал вперёд.

- Ненавижу это говорить, но я этих стражей в жизни не видела.

Звук её голоса словно разбивает их каменное оцепенение - уродливые физиономии искажаются в яростных гримасах.

- Ну надо же. Какие дружелюбные ребята, - бормочу я. - Так что там насчет твоего правила «никаких убийств»?

Я чувствую, как напрягается её спина:

- Они себя не контролируют. Мы не причиняем им вреда.

- Зефира, Зефира, Зефира… - завывают они один за другим. Их загробный хрип заполняет пещеру, точно ядовитый газ. Твари начинают медленно наступать, прихрамывая от каменной жесткости в суставах. - Ты дома. Он близко. Колдун будет очень доволен.

Он близко.

Он близко.

Он близко.

Эти монотонные слова обжигают внутренности, словно чистая желчь. Зефира вздрагивает, её тело мелко дрожит, прижимаясь к моему. Её худший кошмар становится реальностью. Колдун рядом. А мы - нет.

- Я… я не… - Её розовая коса хлещет меня по лицу, пока она дико озирается по сторонам, пытаясь отыскать хоть малейший намёк на выход. И вдруг: - Ты слышишь это?

Я кошусь на неё через плечо:

- Ты имеешь в виду это дегенеративное пение ракушечных монстров?

- Нет. Нет, Арион, голоса. Ты слышишь голоса?

В коротких паузах между хрипами стражей я пытаюсь вслушаться. Шёпот, крик - да что угодно. Но в этой проклятой пещере абсолютно пусто. Ничего нет. Страх окончательно затуманивает её разум, лишая рассудка.

- Здесь нет никаких голосов, Зефира. Но здесь есть стражи. Тебе нужно решить, что мы делаем, потому что я не уверен, что смогу скрутить семерых каменных мужиков одновременно без магии. Даже если они чертовски медлительные.

- Никаких убийств. Никакой магии, - упрямо повторяет она.

И ровно в этот миг ближайший к ней страж оглушительно орёт:

- Схватить её!

В ту же секунду медлительность стражей испаряется. Они одновременно бросаются через комнату. Прямо на Зефиру. Её глаза расширяются, когда первый монстр приземляется прямо перед ней, сочась чёрным ихором и морским песком. Я резко разворачиваюсь, собираясь снести твари башку своим мечом, но Зефира опережает меня. Вот только вместо кинжала она бьёт его кулаком. Наотмашь. Прямо в узловатый каменный нос. Её костяшки с хрустом врезаются в острые зеленые барнакулы; она резко шипит от боли - но монстр даже не шевелится. Никакой реакции.

Пока её кожа лопается, пока кровь начинает сочиться по пальцам, эта тварь остаётся недвижимой.

Её грудь тяжело вздымается, она прижимает разбитый кулак к груди, а каменный страж… медленно поднимает руку. Он делает шаг вперёд, намереваясь сомкнуть пальцы на её горле. А её кровь продолжает капать, стекая по запястью и разбиваясь о каменный пол.

Вид её крови, её боли вызывает у меня такое дикое, удушающее отвращение, какого я не чувствовал даже на корабле. Это в тысячу раз хуже. Потому что здесь она в опасности. А я должен защищать её. Я обязан её защитить.

Магия внутри меня перестаёт бесноваться, перестаёт щёлкать невидимыми челюстями и рвать мои собственные рёбра. Она просто взрывается.

Волна синего пламени кольцом вырывается из моей груди, в долю секунды поглощая стражей. Оставляя от них лишь семь бесформенных кучек пепла и известняковой пыли. К несчастью, я больше не контролирую этот поток. Магия не останавливается. Она бьёт в известняковые стены - сквозь них - уходя в самое сердце замка, и вся цитадель начинает оглушительно стонать в ответ. Но на этот раз коридоры не вращаются. Они рушатся. Осколки камней посыпались с потолка. Куски известняка отваливаются от стен. Пол под нашими ногами идёт глубокими трещинами.

- Что ты, мать твою, наделал?! - Зефира испуганно пятится, упираясь в меня спиной. - Тебе нельзя было… ты не должен был…

Её слова затихают, когда она замечает, куда устремлён мой взгляд. Из её груди вырывается короткий вскрик. Её кровь, капавшая на пол, тонким ручейком стекает в свежие расщелины, заполняя собой каменные поры. Она каким-то образом расширяется, пульсирует, раздвигая трещину всё шире и шире, словно целенаправленно выжигая в камне очертания…

Я замираю. Моё сердце пропускает удар.

Её кровь проявила контуры…

- Дверь, - шепчет она. - Это… похоже на дверь.

Замок вздрагивает от нового, ещё более мощного толчка, который буквально сбивает Зефиру с ног. Я успеваю перехватить её под мышки до того, как она рухнет на камни, и резко отпрыгиваю в сторону, уводя нас из-под падающих обломков. Глыбы, камни - мне глубоко насрать, что там летит, пока оно не задевает её. Я судорожно убираю волосы с её лица, проверяя, нет ли новых ран, мои ладони горят на её щеках.

- Ты цела? Не ранена? Дай мне исцелить твою руку…

- Я в порядке, Арион, - она пытается отпихнуть меня в сторону за секунду до того, как огромный валун с грохотом обрушивается ровно между нами.

Нет. Это не валун.

Это человек.

Что за чертовщина?

Филипп с глухим, влажным звуком разлетается о каменный пол. Кровь и внутренности брызжут во все стороны с той же неистовой силой, с какой только что бушевала моя магия. Невредимыми остаются лишь его сапоги, шпага и треуголка. Зефира в ужасе задирает голову вверх, и я следую её примеру. С потолка сыплются не просто камни. С потолка падают люди. Наши люди. Все до единого.

Ещё двое с хрустом врезаются в камни. Насмерть. Десятилетия жестких тренировок и годы Военных Испытаний вспыхивают в моём мозгу. Страх исчезает. Включаются рефлексы. Используя остатки магии, я успеваю перехватить двоих матросов в каких-то дюймах от пола - призрачные руки чернокнижника бережно подхватывают их и отшвыривают в сторону, пока я лихорадочно соображаю, как спасти остальных.

- Пожалуйста, - шепчет Зефира, глядя на кровавое месиво безумными глазами. Я не уверен, понимает ли она вообще, что говорит это вслух. - Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста…

Но я не могу поймать всех. Это требует слишком много сил, и уже сейчас - после взрыва пламени и первых спасенных - мои лёгкие начинают гореть огнём. Сердце замедляет свой ход. В глазах темнеет. Я слишком слаб. Но сверху летит Веспер, и Гавриал, и Амайя, и…

Внезапно по пещере проносится густой, плотный поток серого угольного дыма. Он оплетает их руки, ноги, одежду и волосы - и резко замедляет падение. Достаточно для того, чтобы они больше не летели вниз мешками с костями, а плавно опускались. Будто у каждого из них за спиной внезапно выросли крылья.

Слава богам.

Я тяжело выдыхаю от накатившего облегчения, когда Веспер первой касается ногами пола, по-прежнему сжимая в руке свой меч. Её волосы спутаны так, словно она только что вышла из жестокой драки. Гавриал приземляется следом; на его пальце намертво защёлкнулся какой-то моллюск, а череп королевы Эмилии изо всех сил впился зубами в рукав его куртки. По щеке Амайи стекает струйка крови. Все они

выглядят смертельно бледными и потрясёнными. Все без исключения, включая Зефиру. Впрочем, она уже оторвала взгляд от растерзанных тел матросов и теперь смотрит исключительно на меня.

Она медленно протягивает ко мне дрожащую ладонь.

- Нет… - Её пальцы едва касаются моей щеки.

И я знаю. Я прекрасно знаю, что она видит, что сейчас видят абсолютно всё. Чёрные, мёртвые вены, расходящиеся от моего сердца, наконец поднялись по шее. Пересекли жесткую линию челюсти. Я физически чувствую привкус пепла в пальцах ног. Зефира хмурится, её глаза наполняются слезами.

- Нет, - повторяет она. - Ты не можешь…

Я перехватываю её запястье и крепко прижимаюсь губами к её ладони.

Минуты. Моё сердце подсказывает, что это чистая правда - мне остались считанные минуты.

Я всю жизнь провёл в страхе перед этим моментом. Весь последний год я бегал от этой участи, как трусливый пес. Но я умираю. Прямо сейчас. В эту самую секунду, пока Зефира смотрит на меня своими печальными бирюзовыми глазами. Я умираю, а это значит, что и она тоже обречена. И это, чёрт побери, абсолютно неприемлемо.

- Прости меня, - шепчу я ей.

Она часто моргает, пытаясь смахнуть подступившие слезы:

- Я не чувствую этого. Почему наша связь молчит? Почему я ничего не чувствую?!

У меня нет ответов. Я не знаю.

- Этот замок…

- Если вы, мать вашу, не против, - бесцеремонно прерывает нас Веспер, - может, кто-нибудь соблаговолит объяснить, что это сейчас было? - Сирена скребёт мечом по полу, и этот отвратительный, режущий уши скрежет металла о камень заставляет нас с Зефирой отпрянуть друг от друга. - Одну минуту я привязываю троих стражей к столу, из которого они только что вылезли, - потому что эти твари маскировались под грёбаные стулья! - а в следующую секунду мы просто… летим. Пол исчез. Стены исчезли. И мы полетели вниз.

Гавриал с омерзением отрывает череп от своей куртки и свирепо смотрит на Зефиру:

- Коридоры не менялись каждые пятнадцать минут. Ты утверждала, что они перестраиваются каждые десять-пятнадцать минут!

Амайя - единственная, кто не задаёт вопросов и не требует объяснений. Она молча подходит к трём растерзанным телам своих людей, снимает треуголку и аккуратно кладет её между их изуродованными останками. Затем она выпрямляется, разворачивается, и в тот же миг под сводами пещеры раскатисто гремит гром.

- Мои люди погибли не напрасно.

- Да, не напрасно, - соглашаюсь я, указывая на пол. Кровь Зефиры наконец полностью впиталась в известняк, застывая в форме массивной каменной двери. Ручка на ней вырезана в виде изящного русалочьего хвоста. Каждая кость в моём теле горит первозданным огнём, требуя немедленно открыть её. Вес остатков моей магии буквально толкает меня вперёд, к этой ручке. У меня больше нет сомнений. Никаких вопросов. - Кажется, Зефира только что нашла для нас вход в Абиссис.

Джордан Стефани Грей - Порочное мореThe Jordan Stephanie Gray - Wicked Sea

ГЛАВА 36

ЗЕФИРА

Правда ли это вход в Абиссис?

Если честно, я понятия не имею, куда ведет эта дверь. В этом проклятом замке всё всегда оказывается не тем, чем кажется. А колдун… он просто издевается над нами. Издевается часами. Я чувствую себя так, словно время повернуло вспять и швырнуло меня на полгода назад. Когда я точно так же плутала по лабиринту и наконец - наконец-то! - нашла выход, но лишь для того, чтобы в самом конце встретить его.

Чтобы он предложил мне очередную сделку.

Я делаю глубокий, судорожный вдох. Отчаянно пытаюсь подавить, прогнать воспоминания о своём побеге. Но в этой комнате - в этой гробнице - слишком мало воздуха. Сердце колотится в груди - сильно, бешено, здорово, в то время как Арион умирает у меня на глазах. Чёрные вены уже опутали его смуглую кожу, а серебристо-золотой блеск его глаз угас, сменившись земным, тускло-серым оттенком. Он умирает. Я… я теряю его. Я не понимаю, почему это происходит, и от одной мысли об этом меня захлёстывает слепая, яростная ярость. Я не могу потерять его. Здесь. Сейчас. Не тогда, когда мы так близко. Так чертовски близко. И…

И моя кровь каким-то немыслимым образом выжгла нам этот проход вниз.

В происходящем нет никакой логики. Я чувствую себя выбитой из колеи с той самой секунды, как ступила в эту залу - или вообще в эту впадину. Я пробираюсь вперёд, спотыкаясь, словно на моих запястьях снова защёлкнулись кандалы. Наша связь с Арионом почти угасла. Замок рушится. Что-то идёт совсем не так.

Арион умирает.

Нам нужно это грёбаное сердце. Немедленно.

В следующее мгновение Арион с силой распахивает дверь, открывая взору комнату, затопленную непроглядной, бесконечной тьмой. Оттуда, из глубины, доносится приглушённое дыхание воды. Ленивое течение. Журчание подземной реки. И к нему примешивается тот самый шёпот. Голоса, которые я слышала в этом замке каждый божий день на протяжении долгих лет. Но остальные, кажется, совершенно ничего не замечают, испуганно вглядываясь в эту бездну. Они их не слышат.

- Ты уверен, что оно там, внизу? - Гавриал перевешивается через порог, с явным опасением всматриваясь в чернильную тьму. - Я ни черта не вижу.

Его голос отдаётся гулким эхом, будто пространство внизу простирается огромной, пустой пещерой. Но его голос не единственный. Шёпот призраков - слабый, как тень, лёгкий, как дыхание младенца. Я не могу разобрать слова, но чем ближе я подхожу к проему, тем громче они становятся, пока одна фраза не перекрывает все остальные:

Спаси нас.

Я тяжело сглатываю.

- Я не уверена, что нам стоит…

- У нас нет времени стоять здесь и рассуждать о том, что там внизу, - взгляд Ариона резко переключается на меня, и я заставляю себя смотреть ему прямо в глаза. Я изо всех сил стараюсь не смотреть на эти чёрные вены, на острую, яркую боль, которую он так тщательно пытается скрыть. Он умирает. - Я не вижу ни лестницы, ни уступов. Другого пути нет, только прыгать. Если, конечно, Зефира, ты не скажешь, что уже бывала в этой комнате, и мы не пойдём искать в другом месте…

Я качаю головой, подавляя дикое желание потянуться к нему. Прижать его к себе и не отпускать. Сейчас есть только один способ спасти его - всегда был только один, - и если мы не найдём это проклятое сердце в ближайшие минуты, всё, через что мы прошли, окажется напрасным. Я качаю головой сильнее, отчаяннее, заставляя себя сосредоточиться.

- Нет. Я никогда в жизни не была здесь, внизу. Никогда не видела ни этой двери, ни этой комнаты.

Он задерживает на мне взгляд ещё на секунду, а затем коротко, отрывисто кивает. Без лишних предисловий, не слушая новых приказов Амайи её команде, не обращая внимания на колебания Гавриала и проклятия Веспер, Арион просто делает шаг вперёд. Два шага - и он исчезает в бездне.

Его просто… нет.

Паника острой иглой прошивает тело. Я падаю на колени и ползу к краю, пытаясь разглядеть хоть что-то во тьме, которая только что поглотила его. Он не кричит. Нет ни звука удара, ничего. Только шелест голосов и леденящий холод смерти, лениво ползущий вверх по моему позвоночнику.

- Ты видишь его? - Веспер опускается на колени рядом со мной. Когда я не отвечаю, до белизны в костяшках вцепляясь в каменный порог, она добавляет: - Ты правда думаешь, что Абиссис там, внизу?

- Я не знаю.

Мы замираем в тишине, ловя любой звук от Ариона - хоть малейший намёк на то, что ждёт нас на дне, - пока Амайя окончательно не теряет терпение и не рявкает во всю глотку:

- Чернокнижник Стоун! Ты живой?!

Её команда замирает за её спиной, затаив дыхание, а мой пульс бьется ещё безумнее, когда я осознаю страшное: серебряный шнур нашей связи исчез. Как и сам Арион, он просто испарился. Как это вообще возможно?

Арион не отвечает. Тишина колючими иголками оседает на моей коже, и я больше не могу этого выносить. Я перекидываю ноги через край проёма. Веспер тут же хватает меня за руку, шипя:

- Что ты делаешь, Зефира?!

Я резко вырываю руку, соскальзывая бёдрами к самому краю:

- А на что это похоже? Я иду за ним.

Её глаза недоверчиво сужаются:

- Мы не знаем, что там внизу. Он уже может быть мёртв.

Да. Эта простая, жестокая истина вонзается мне под рёбра, словно клинок, но я заставляю себя признать её. Потому что это правда. Арион мог разбиться насмерть, его мог сожрать какой-нибудь жуткий монстр, или яд в его венах просто поднялся выше, убив его до того, как он коснулся дна. Возможно, именно поэтому он не отвечает. Холодная логика отчаянно борется с лавиной эмоций в моей груди. Она пригвождает

меня к месту. Ведь если он мёртв, я следующая. И мне нужно бежать. Бежать отсюда как можно дальше.

Я до скрежета стискиваю зубы.

Я должна бежать, но я не могу. И не стану.

Я должна бежать, но я не могу. И не стану.

- Мы здесь ради цели. Другого выхода всё равно нет. - Я поднимаю взгляд на Веспер, надеясь, что она поймёт, что именно я вкладываю в эти слова: - В этот раз я не сбегу.

В её глазах вспыхивает понимание. В темно-синей глубине её зрачков проносится целая гамма чувств. Я жду, что она отшатнётся, проклянёт меня или, чего доброго, столкнет в темноту, но вместо этого она просто… усмехается. Жестко. Решительно. Она тоже не собирается бежать.

- Тогда после тебя, Зефира.

И хотя мои кости ходят ходуном от ужаса, а язык словно превратился в неповоротливый ком, застрявший в горле, я отталкиваюсь и шагаю в бездну. Я иду на эти голоса. Я иду за Арионом.

Вниз. Вниз.

Вниз.

А затем - в сторону.

Падение ощущается совсем не так, как обычно. Оно не вышибает воздух из лёгких, от него не кружится голова, и страх не стучит кулаками в грудь. Вместо этого я словно парю. Мягко, грациозно, подхваченная лёгким ветерком, пока стена позади меня начинает меняться. Она трансформируется в мгновение ока, сдвигается - с тиканьем, похожим на ход минутной стрелки старинных часов, - и занимает место пола. А прежний пол с сухим щелчком встаёт на место стены. Кажется, вся комната вращается вокруг меня, пока я наконец мягко не приземляюсь на ноги в месиво из сырой земли.

Прямо перед Арионом.

Волна горячего облегчения затапливает меня, и пульс выравнивается при виде него. Крылья широко и гордо расправлены за спиной, чёрная туника распахнута и влажная от пота.

- Зефира. - Его глаза ярко вспыхивают, когда я выпрямляюсь на негнущихся ногах. Он резко хватает меня за запястье и в то же мгновение притягивает к своей груди. Он держит меня так. Секунды. Минуты. Я больше не слышу голосов Веспер или Амайи сверху, не слышу вообще ничего, кроме глухого, прерывистого стука сердца Ариона. Его тяжёлого дыхания. Его губы касаются моего лба.

Но это объятие не похоже на приветствие.

Оно ощущается как прощание.

Я мягко отстраняюсь от него прежде, чем он успеет произнести это вслух.

- Давай найдём это чёртово сердце. - Я упрямо вскидываю подбородок, вызывая его на спор. Это не будет концом для нас. У нас ещё есть время. Должно быть время. Чтобы всё исправить. Чтобы спасти его.

Он кивает, хотя по его лицу видно - он не верит в это.

- Хорошо, русалка.

- Хорошо, чернокнижник.

Странный, неземной голубоватый свет разливается вокруг нас, возникая словно из ниоткуда. Он освещает древние стены длинного, узкого берега и единственную

реку, несущую свои воды через пещеру. Земля под моими туфлями чавкает, как болотная жижа, а наше дыхание превращается в пар; крошечные снежинки кружатся и танцуют, подхваченные ледяным зимним сквозняком. В этом неестественном спокойствии мои кости наконец перестают кричать от ужаса. Всего на миг паника отступает, уносясь прочь вместе с течением реки.

- Это место совсем не похоже на замок, - шепчу я Ариону.

- Да, - соглашается он. - Не похоже.

Это… это должно быть оно. Если не сам Абиссис, то вход в него. А если не вход, то хотя бы подсказка. Земля под нашими ногами мерно сокращается, словно она дышит, словно она живая. Вдох - выдох, вдох - выдох. Я вздрагиваю от пронизывающего холода.

В следующую секунду рядом приземляется Амайя, грациозно, по-кошачьи пружиня на ногах. Следом падают Веспер, Гавриал и матросы. Даже этот проклятый говорящий череп с глухим стуком шлепается на берег реки, радостно вереща:

- Она умрёт! Он умрёт! Мы все должны умереть, умереть, умереть, умереть!

Веспер брезгливо отряхивает юбку от грязи, пока остальные переводят дух и озираются по сторонам, разглядывая мерцающую пещеру.

- Где мы, к чёрту, находимся? - Гавриал косится на реку, а затем на светящийся голубой мох, покрывающий стены. - Это и есть Абиссис?

- Да как это может быть им? - Веспер медленно оборачивается вокруг своей оси, не опуская клинка. Её голос звучит гораздо тише, чем обычно. - Здесь же абсолютно ничего нет.

- Я тоже не вижу никакого пути, - подаёт голос Амайя. Она делает шаг вперёд, щедро разбрызгивая грязь сапогами на всех нас. - А эта река может тянуться на мили. - Она резко осекается, задирая голову и пытаясь осмотреться. Но это бесполезно. Вокруг только вода - вода и этот жуткий голубой свет. Её глаза недовольно сужаются, когда она приходит к тому же выводу: - Где хоть что-нибудь? Как мы должны понять, куда идти?

Арион крепко берёт меня за руку:

- Есть только один способ узнать.

Проклятый череп снова заливается безумным хохотом, на этот раз ещё громче:

- Смотрите под ноги! Идите за смертью!

- Она у меня уже в печенках сидит, - рычит Гавриал. - Либо ты заставишь свою мамашу заткнуться, либо я лично зафутболю её прямо в эту богами проклятую реку.

Амайя яростно зыркает на него, обнажая зубы в оскале и сжимая кулаки. Но… она снова колеблется. Смотрит на свои пальцы и растерянно качает головой.

- Моя магия. Она… - Она наклоняет голову, и её гримаса становится ещё мрачнее. - Она здесь не работает. - Её взгляд резко переключается на Ариона. - Что за херня тут происходит?!

- По-твоему, я знаю?! - огрызается он.

Они тут же ввязываются в яростный спор. Все до единого. Они лаются, как дикие звери, в то время как этот призрачный шёпот начинает соткаться в воздухе прямо надо мной - вокруг меня, - оплетая тело сотнями невидимых паутин. Затягивая в ловушку. Голоса нежно касаются моих рук, щёк, ног. Я закрываю глаза, пытаясь сосредоточиться. Они звучат негромко, но пугающе настойчиво.

Спаси нас. Помоги нам.

Вила, пожалуйста. Вила, помоги.

Теперь они звучат не просто в моих ушах - они вибрируют в самих костях. Они, чёрт возьми, повсюду.

Чьё-то призрачное прикосновение с такой силой дёргает меня за рукав, что я оступаюсь. С моих губ срывается проклятие. Арион мгновенно затыкает остальных, и всё его внимание переключается на меня:

- Зефира? Что такое? Что не так?

Голоса внутри моей головы начинают нарастать, и теперь это больше не тонкая паутина. Это пауки. Они ползают в моих ушах, вгрызаются в мозг. Громче, громче, громче…

Колени подкашиваются. Их слова превращаются в оглушительный крик.

СПАСИ НАС. ПОМОГИ НАМ.

ВИЛА, ПОЖАЛУЙСТА. ВИЛА, ПОМОГИ.

Я кричу от боли, впиваясь ногтями в собственные уши.

- Слишком… громко, - удаётся мне выдавить сквозь прерывистый всхлип. Мой мозг словно раскалывается внутри черепа, давление за глазами нарастает с такой силой, что мне кажется, я сейчас взорвусь. Горло обжигает горькая желчь. Но голоса не затыкаются. Я снова кричу, и Арион силой притягивает меня обратно в свои объятия. Он крепко сжимает мои пальцы в своих:

- Что с тобой? Скажи, как тебе помочь!

ПОМОГИ НАМ!

- Голоса… эти голоса, - хриплю я сквозь стиснутые зубы.

Его лицо понемногу поплыло перед глазами, пока не превратилось в сплошное размытое пятно из белых и золотых перьев. Я заставляю себя моргнуть, пытаюсь сфокусироваться, но веки поднимаются слишком медленно, словно их залили тяжёлым янтарём. Что-то невидимое тянет меня за волосы. За ноги. За одежду. Они прикасаются ко мне. Я не вижу их, но я их слышу. Я чувствую их. Целый хор загробных голосов.

- Твоя русалка теперь ещё и голоса слышит? - доносится до меня вопрос Амайи, будто из очень, очень далёкого далека.

Но пальцы Ариона касаются моего уха, и когда он отводит руку назад… кровь. На его пальце осталась кровь. Моя кровь. Я осознаю это как-то отстранённо, краем угасающего сознания, пока мой взгляд сужается до контуров его красивого лица. Его глаза стали жёсткими. Даже несмотря на то, что он умирает. Он умирает прямо сейчас, у него остались считанные минуты, а он думает только обо мне. Богиня. Этим призракам не нужна её помощь. Она нужна мне.

Вила, помоги мне, - думаю я, мысленно присоединяясь к этому безумному хору. Пытаясь заглушить их крики своей собственной мольбой. Я резко вырываюсь из объятий Ариона и тут же спотыкаюсь. Но что-то - и это точно не Арион - подхватывает меня до того, как я успеваю рухнуть в грязь. И с силой толкает вперёд.

Иди, иди, ИДИ! - визжат они, буквально впиваясь в меня ментальными когтями. - Сюда. Сюда. Спаси нас. Спаси его. Спаси себя. СПАСИ НАС!

И хотя от этих невидимых пауков внутри меня всё сжимается от первобытного ужаса, я нахожу в себе силы сделать шаг. Затем ещё один. Ноги кажутся налитыми свинцом, словно сама река пытается утянуть их на дно. Позади себя я слышу, как остальные идут следом. Я ловлю их растерянные возгласы, тревогу в голосах, пусть даже больше не могу разобрать конкретных слов.

- Сюда, - бросаю я им, и мой собственный голос кажется мне чужим. Неестественным. Хватка Ариона на моем плече усиливается. Он не слышит этого шёпота, подгоняющего нас вперёд. Никто из них не слышит. Я это понимаю. Но они доверяют мне достаточно, чтобы позволить вести их за собой. И я поведу.

Ещё шаг.

Ещё один.

Я спасу Ариона - спасу всех нас, - даже если это будет последнее, что я сделаю в своей жизни.

Я не смогла помочь ему на корабле. Я вообще никому никогда не помогала. Сколько я себя помню, я только и делала, что портила всё, к чему прикасалась. Я была трусихой. Лгуньей.

Убийцей.

Но больше этому не бывать.

Где-то впереди раздаётся мерный, зловещий звук падающих капель: кап, кап, кап. Воздух пропитывается удушающим, макабрическим запахом гниения. Что-то снова касается моих волос, словно пропуская ледяные пальцы сквозь пряди, и когда я кошусь налево, то наконец замечаю её. Полупрозрачный призрак в форме молодой женщины. Я оборачиваюсь и вижу, как из этого призрачного голубого света соткались сотни, тысячи новых силуэтов. Пепельно-серые, шелковистые, но абсолютно прозрачные.

- Пожалуйста, - шепчет женщина, перебирающая мои волосы. Её пустые глазницы устремлены прямо в мои глаза. - Верни их. Верни их нам.

Остальные фантомы цепляются за моё платье. Рвут подол. Паника тяжёлым комом подступает к горлу, перекрывая кислород, но Арион уже здесь. В долю секунды он с яростным рыком притягивает меня к себе. В ушах начинает звенеть, и я слишком поздно понимаю, что, должно быть, кричу во всю вязку лёгких, потому что он смотрит на меня - на меня, а не на грёбаных призраков - с диким, неподдельным ужасом.

- Во имя Мортема, что здесь происходит?!

Стоит имени Мортема сорваться с его губ, как призраки разражаются оглушительным, запредельным воем. Этот жуткий крик раскалывает тишину, и я чувствую, как из моего носа на губы и язык стекает тонкая струйка крови. Этот вой просто невыносим. Он ломает, разрывает что-то глубоко внутри меня - мои кости, мои органы, мои воспоминания. Всё рушится одновременно. Ощущение такое, будто меня стирают в порошок изнутри. Голубой свет за закрытыми веками взрывается абсолютной, глухой тьмой. Или, возможно, эта тьма просто затапливает всё вокруг, поглощая каждого из нас.

И в одно мгновение река исчезает. Исчезает берег. Больше нет ни снежинок, ни призраков, никого - только одна-единственная дверь прямо передо мной, сиротливо возвышающаяся посреди этой кромешной, бескрайней пустоты. Ни стен. Ни потолка. Под ногами нет даже пола. Только темнота, дверь и я.

Я иду вперёд.

Один на один с ней.

Арион исчез вместе с рекой, и хотя какая-то маленькая, тихая часть моего разума ещё судорожно ищет его - ищет Веспер, Амайю и всех остальных, - моё тело мне больше не принадлежит. Им управляет кто-то другой. Каменная поверхность двери покрыта глубокими трещинами, она настолько холодная, что кажется ледяным

стеклом. Настолько гладкая, что напоминает застывшую воду. И эта изломанная поверхность мерно, тяжело пульсирует в такт глухому стуку: тук, тук, тук.

Сердце.

Мой собственный пульс мгновенно отзывается на этот звук, забившись сильнее. В предвкушении. В диком голоде. Это оно. Это должно быть оно. Свет в расщелинах становится ярче. Радужные вены стремительно расползаются по каменному полотну. Подавляя желание закрыть глаза от слепящего сияния, я протягиваю дрожащую руку вперёд.

Пальцы касаются ледяной дверной ручки.

Но прежде чем я успеваю повернуть её - прежде чем из моей груди вырывается хотя бы один вздох - стена вокруг двери взрывается каскадом каменных осколков.

И темнота с грохотом сменяется ослепительным, яростным сиянием голубого света.

Ударная волна с силой швыряет меня назад. Я больно приземляюсь на локти, пока мир вокруг с диким рёвом возвращается в фокус, собираясь обратно в очертания речного берега. Арион, Веспер, Гавриал, Амайя и её матросы - все они стоят вокруг, потрясённо уставившись на меня. И никто из них не замечает, что происходит у них за спинами.

Вода в реке внезапно вздымается вверх, огромным, яростным потоком закручиваясь в исполинскую приливную волну. Я распахиваю рот, чтобы закричать, чтобы предупредить их, но уже слишком поздно. Я не успеваю измениться. Многотонная лавина с грохотом обрушивается на нас, мгновенно затапливая пещеру и утягивая всю нашу компанию в смертоносное, бешеное течение. Нас крутит и швыряет из стороны в сторону; пальцы Ариона выскальзывают из моей руки - выше, дальше, прочь. Я отчаянно тянусь к нему, заклиная своё тело начать трансформацию. Чтобы я могла вдохнуть, чтобы у меня вырос хвост, и я смогла поплыть, смогла вытащить остальных… Но вода, попавшая мне в рот, оказывается пресной. Это не океан.

Я не трансформируюсь. У меня не появляются жабры.

А я понятия не имею, как плыть с человеческими ногами.

Всё, что нам остается - это покорно подчиниться первобытной жестокости этих волн, которые с ревом несут нас вверх, вверх, вверх, с силой выталкивая сквозь люк, таща по коридорам замка и швыряя мимо его массивных парадных волей. Грубо выплёвывая нашу захлёбывающуюся компанию обратно в океанскую впадину.

ЧАСТЬ V

АБИССИС

Джордан Стефани Грей - Порочное мореThe Jordan Stephanie Gray - Wicked Sea

ГЛАВА 37

АРИОН

Ледяная вода обжигает ноздри, пронзает кости насквозь, когда очередная волна утягивает меня на глубину. Когда она безжалостно, скручивающим и калечащим усилием ломает мои крылья. Я игнорирую это. Боль. Панику.

Я игнорирую всё, чтобы найти её.

Зефира была уже наполовину без сознания, когда волна врезалась в нас, когда река затопила залу и вышвырнула наружу. Она пошла ко дну первой. Она не трансформировалась. Её бледные ноги беспомощно дёргались, ногти скребли по воде в попытках нащупать опору. Неуклюжие, хаотичные движения. Без своего хвоста она словно вообще не умела плавать. Словно сейчас утонет. А без нашей связи, без возможности увидеть серебряный шнур, я не могу её отыскать.

Я рассекаю воду. Считаю про себя до ста, до тысячи, до двух тысяч. Ничто за последние недели - за последние двадцать лет - не имело такого значения, как это. Найти Зефиру. Спасти Зефиру. Я умираю, но, если наша связь исчезла, у неё всё ещё может быть шанс. Ей не обязательно погибать вместе со мной. Я улавливаю проблеск розового цвета в подводном течении и реагирую мгновенно. Зефира всё ещё бьётся, её голубые глаза широко распахнуты от ужаса, пока вода бурлит вокруг её тела, утягивая всё глубже. Она пытается вырваться из этих объятий, но стихия не отпускает.

Она тонет.

С рычанием я рвусь вперёд, мышцы напрягаются, а крылья борются с течением. Больше нет боли. Есть только Зефира. И если то, что я стал чернокнижником, привело меня к этому - подарило мне способность игнорировать агонию внутри ради борьбы за неё, - оно того стоило. Каждое мгновение. Каждая секунда. Моя розововолосая русалка тонет, но я близко. Уже достаточно близко, чтобы перехватить её пальцы. Её взгляд сталкивается с моим, и пузырьки воздуха вырываются с её губ вместе с безмолвным криком. Она не может говорить в этих водах. Не может дышать в них.

Впрочем, как и я, но мне не привыкать.

Я перехватываю Зефиру за талию, прижимая к себе, пока крылья мощными толчками выносят нас к поверхности. Встречные течения бьются за добычу. Они обвивают наши лодыжки, наши горла. Кристальная синева над головой бурлит сильнее, ускоряясь вокруг нас. Зефира кружится в моих руках, её бледные ноги слабо бьются в глубине. Розовые волосы путаются в потоках, хлещут меня по лицу, пока мои крылья наконец не пробивают поверхность. Пока они с яростной жестокостью не врезаются в открытый воздух. Спасибо грёбаным богам. Лопатки кричат от адской боли под гнетом истерзанного давления, но мне плевать. Крылья раскрываются шире, взмахивают выше, пока нас полностью не выдёргивает из воды. Вверх, в воздух. Мы летим. Мы свободны.

Зефира цепляется за мою шею, из её горла наконец вырывается слабый стон, но я слишком слаб. Слишком истощён. Слишком избит. Я умираю. Я не могу нести её. Я

едва могу удержать самого себя. Крылья напрягаются из последних сил, но их не хватает.

Мы летим лишь несколько секунд, прежде чем рухнуть.

Прежде чем со всего размаха впечататься в жёсткую насыпь.

Зефира кашляет, с трудом выталкивая воду из лёгких и опираясь ладонями о землю. Мокрые волосы липнут к щекам, к шее. Она смахивает их с лица.

- Что это было? - Её слова обжигают хриплым выдохом. - Что произошло? Там была дверь… Арион, клянусь, я открыла дверь.

Я понятия не имею, о чём она говорит. Я вообще не понимаю ничего из того, что она твердит с тех пор, как начала лепетать о голосах, бормоча себе под нос так тихо, что никто из нас не мог расслышать.

- Там была приливная волна. Река затопила комнату…

- Да я не про волну! - Она резко поднимается на колени. - Я говорю про темноту, про призраков и про дверь!

Призраки.

Теперь ей уже видятся призраки.

- Зефира, - произношу я с сомнением, протягивая ей руку и помогая подняться на ноги. - Я не понимаю.

Её брови сдвигаются, а в сузившихся глазах мелькает обида. Она качает головой:

- Я не сумасшедшая. Я не… Я не блять сумасшедшая! - Она выкрикивает эти слова так громко, что, мне кажется, их слышит вся впадина. Однако этот крик обращен не ко мне. Она разворачивается, крича в сторону замка вдали. Далеко-далеко на горизонте. - Ты не сделаешь меня грёбаной безумицей! - Затем, повернувшись ко мне, она выдыхает: - Арион, это правда не так. Клянусь, я видела то, что видела.

И убеждённость в её взгляде слишком сильна, чтобы её игнорировать. Она свято верит, что видела призраков, открыла дверь и слышала голоса, и я не собираюсь с ней спорить. Мы прошли через слишком многое. Она прошла через слишком многое.

- Я знаю. Я верю тебе.

При этих словах она буквально врастает в меня, утыкаясь головой в мою грудь и обвивая меня руками. Её дыхание со свистом вырывается сквозь губы. И я держу её. Держу, потому что скоро больше не смогу этого сделать. Держу, потому что мои мышцы сводит судорогой, кости наливаются свинцом, а внутри меня живёт то - огромная, невозможная часть меня, - что любит её.

Я люблю Зефиру из Силь.

Я умираю.

- Если вы двое не против приберечь это искрящее сексуальное напряжение на потом, - раздаётся в паре дюймов от нас задыхающийся голос Гавриала, - у нас тут есть дерьмо, с которым надо разобраться прямо сейчас. - Он указывает на бурлящий водоворот, но когда мы все оборачиваемся - Веспер и Амайя как раз поднимаются кучей чуть позади нас, - вода исчезает. Между одним морганием и следующим она просто… испаряется.

- Что? - выдыхает Зефира, а Веспер одновременно с ней шепчет: - Что с нами происходит?

Мне остаётся только согласиться с обоими. Для чего бы ни была предназначена та комната… она явно не хотела нашего присутствия. И я не уверен, что у нас есть способ вернуться. Не уверен, что кто-то вообще захочет возвращаться. Веспер и Амайя с трудом расцепляются, ноги Веспер тоже остаются в человеческой форме, пока

Гавриаль поднимает свой меч. Он шипит, едва коснувшись его, и клинок разлетается на куски. От него идёт дым - но не от пламени, а от разъедающего льда.

Зефира потрясенно смотрит на обломки оружия:

- Нет. Нет, это не имеет смысла. Мы нашли тот проход. Там была река, призраки и… и я открыла ещё одну дверь.

- Призраки? - переспрашивает Амайя. - Что ты вообще несёшь?

Зефира резко разворачивается к принцессе:

- Вы их не видели?!

Амайя медленно качает головой, растерянная не меньше остальных.

Я не хочу, чтобы Зефира поддавалась панике - продолжала паниковать, - поэтому произношу:

- Давайте просто разберёмся, что тут происходит. Может, мы сможем перегруппироваться на корабле… - Мои слова затихают, когда я поворачиваюсь к кораблю и внезапно, с пугающей отчётливостью осознаю…

Мы стоим вовсе не на насыпи.

Мы стоим на ступени.

Я сжимаю челюсти, когда вглядываюсь в невозможное. Приливная волна, должно быть, раскопала впадину, обнажив то, что веками оставалось погребено под толщей воды. Морское дно очистилось, осадок улёгся, а корабль и замок… волны унесли нас так далеко, что они кажутся лишь блёклыми силуэтами на горизонте. А прямо перед нами - город.

Купола руин из мерцающего белого гранита и бирюзового стекла вздымаются гигантской спиралью в самом центре впадины. Плети морских водорослей обвивают массивные ребристые колонны; растения древние, но изумрудно-зелёные. Живые. Дорожки морского дна петляют между зданиями, окаймленные с обеих сторон зеркальными жеодами и пастельно-розовыми лилиями, а по центру тянутся глубокие мощёные дороги.

Всё здесь первозданно.

Всё здесь идеально.

И я знаю - так же твёрдо, как знаю собственное имя, - что это за город. Я провёл достаточно времени, изучая его хроники. Мы потратили достаточно сил, разыскивая его. Это должно было быть невозможным, но это не так.

Абиссис.

- Мы нашли его, - шёпотом произносит Зефира. - Я не могу поверить, что мы нашли его.

Она устремляется вверх по ступеням, к цилиндрическому зданию над нами. Амайя поворачивается к уцелевшим солдатам и приказывает им рассредоточиться, обыскать как можно больше построек на предмет сокровищ.

- Нет. - Зефира резко качает головой, замирая в нескольких шагах от вершины, и оборачивается. - У нас нет времени. Колдун не отстанет - стражники уже предупредили его. Он знает, что мы здесь. Мы не можем рисковать и разделяться - не тогда, когда нам, возможно, придется бежать в любую секунду.

Амайя наклоняет голову со своей привычной кошачьей грацией, медленно моргая:

- Мы найдём время. - Пауза. - Я не боюсь твоего колдуна.

Зефира хмурится:

- Вот это… это действительно редкостная глупость. Его замок уже забрал часть твоей команды. Ты хочешь, чтобы он забрал остальных?

В глазах Амайи вспыхивают молнии, и она говорит с пугающей уверенностью:

- Не заберёт. - Без лишних слов она кивает своим солдатам, и те мгновенно рассыпаются, ныряя в ближайшие к нам здания. Зефира хмуро смотрит им вслед, а затем, закатив глаза, продолжает подъём по лестнице.

- Дерьмо. - Игнорируя остальных, Гавриал во все глаза смотрит на горизонт. - Грёбаная жесть.

Вместе мы завороженно смотрим на здание перед нами, на раскинувшийся вокруг город, пока мои глаза не начинают слезиться оттого, что я забываю моргать. Сколько бы я ни смотрел, этого мало. Абиссис. Древняя утопия, которую никто никогда не находил. А мы нашли. Зефира и я - мы сделали это.

- Тебе действительно стоит на это взглянуть, чернокнижник, - зовёт сверху Зефира, не в силах сдержать эмоций. Раздражение в её голосе исчезло, сменившись абсолютным, чистым благоговением. Всего на миг. На один единственный, блаженный миг. Потому что мы сделали это - мы нашли этот грёбаный Абиссис.

Мы должны быть совсем близко к сердцу Мортема.

Я взбегаю по хрустальной лестнице, пока не равняюсь с ней на площадке. Мои крылья без труда проходят в широкий дверной проём - несомненно, благодаря статуе справа от того, что кажется древним храмом для поклонения. Сам Мортем возвышается на точёной колонне; его крылатая фигура настолько огромна, что массивные пернатые тени ложатся на семь жертвенных столов. Бронзовые монеты усыпают их поверхность. Палочки благовоний испускают тонкие струйки застоявшегося дыма. На нас смотрит череп - этот, к счастью, совершенно безмолвный.

- Такое чувство, будто здесь всё застыло во времени, - произношу я.

- Да, - соглашается Зефира; в её глазах стоят слёзы, а на красивом лице играет широкая улыбка. Она указывает на огромную мозаичную фреску на стене. - Смотри. Абиссис был утопией не только для русалок. Я знала это. Он знал это. - Её голос срывается на радостный всхлип, и я прослеживаю за её взглядом, рассматривая искусно вырезанные плитки фрески. Русалки-мерроу из расколотого стекла плывут бок о бок с людьми из самоцветов. Они идут по пастельному городу рука об руку. Русалка целует человеческую женщину перед огромным колизеем, а водяной переплетает хвост с маленьким человеческим ребёнком. Они выглядят счастливыми, абсолютно каждый персонаж на этой фреске. Сам город искрится невообразимой жизнью.

- Зефира, - зовёт Веспер. - Вила.

Серебряная сирена стоит перед статуей русалки из слоновой кости в коралловой короне, плывущей сквозь каменные волны. Что интересно, вокруг неё тоже полукругом расставлены семь столов, но подношения на них другие. Пригоршня чёрного жемчуга наполняет серебряный кувшин, рядом мерно тикают карманные часы, а из розовой вазы цветут чистейшие белые розы.

- Это богиня, - говорит мне Зефира, и её бирюзовые глаза искрятся. Она хватает меня за руку и тянет вперёд, заставляя рассмотреть статую ближе. - Арион, я же говорила тебе, что она настоящая. Теперь у нас есть доказательство.

Я не могу с этим спорить. И не хочу спорить с ней. Зефира в этом месте стала похожа на ребёнка: она кружится на пятках, утягивая меня в каждый угол того, что явно служит центральным храмом Абиссиса. Её лицо светится надеждой - настолько острой и яркой, что на неё почти больно смотреть, - но я не могу заставить себя отвести взгляд. Не сейчас. Не тогда, когда у нас осталось так мало времени. И я… кажется, я тоже это чувствую. Надежду. Это толчок в животе, покалывание в пальцах.

Ощущение нереальности происходящего, похожее на полёт. Потому что мы здесь. Вместе. Чернокнижник и русалка, наши руки переплетены точно так же, как у тех, на фресках, на самом дне моря. Они ведь тоже жили вместе, и, если мы с Зефирой выберемся отсюда живыми - надежда взмывает высоко, ярко, так близко, что я почти могу коснуться её, - все эти гипотетические варианты будущего могут стать нашими.

Однако эта надежда слегка пошатывается, когда я поднимаю взгляд на статую Вилы.

- Если статуя Мортема стоит прямо рядом со статуей Вилы, - произносит Веспер, озвучивая мои собственные мысли, - значит, люди и мерроу действительно сосуществовали. Верно? - Она вопросительно смотрит на Гавриала.

При этих словах он расправляет плечи, с удивлением глядя на неё:

- Я бы предположил, что так, сирена. Свидетельство присутствия Мортема рядом с… Вилой, ты так её назвала? - это неопровержимое доказательство.

Вила.

Веспер закатывает глаза, но на этот раз в её жесте нет ни капли злобы. Даже Амайя сейчас улыбается. И пусть она молчит, её глаза сканируют каждый дюйм комнаты, словно пытаясь запечатлеть его в памяти. В следующее мгновение она с сухим треском раскрывает мешковину и направляется к подножию Вилы. Привычными, отточенными движениями она сгребает монеты в свой мешок, после чего забирает и жемчуг.

Веспер кривится, глядя в спину принцессе:

- Одно дело город, но теперь ты грабишь храм?

- Ты думаешь, я здесь ради экскурсии? - Амайя хмыкает, переключаясь на стол Мортема и сгребая монеты оттуда. - Я здесь ради сокровищ. И прямо сейчас я вижу горы добра, которое только и ждёт, чтобы его забрали. Не похоже, чтобы кто-то собирался по нему скучать.

Я перевожу взгляд на Зефиру, ожидая, что она осадит Амайю, но она, кажется, её даже не слышит. Вместо этого она пристально, до прищура, всматривается в фреску за спиной Вилы.

- Что там? - шепчу я ей на ухо. - Что не так?

Её взгляд замер на самой крайней плитке справа. На двух фигурах, выписанных светлыми, изящными тонами, - русалке и крылатом мужчине. На головах у обоих сплетённые лавровые и коралловые венцы; они тянутся друг к другу для поцелуя, пока крошечные, размером с булавочный укол толпы собираются у их ног, осыпая их лепестками. На следующей плитке видно, как русалка пытается отстраниться, но крылатый мужчина крепко держит её за талию. На её коже проступают фиолетовые синяки. Третья плитка показывает её скользкий побег, а четвертая изображает крылатого мужчину, летящего за ней, преследующего её.

Их там десятки - десятки плиток. Каждая из них подчёркивает, на что готов был пойти этот мужчина, чтобы найти её, выследить, удержать. Я тяжело сглатываю, не в силах выносить это зрелище. И так же не в силах отвернуться. Зефира трет запястья - прямо поверх своих шрамов, - судя по всему, даже не осознавая, что делает. Её лицо бледное. Осунувшееся.

В конце концов русалка возвращается. Крылатый мужчина присоединяется к ней… здесь. Я оглядываюсь по сторонам, узнавая окружение. В этом самом храме, где задний план залит светящимся серебряным светом, пока монеты сыплются через край

нарисованных жертвенных столов, а розовые лепестки затапливают пол розовой рекой. На этот раз на ней вуаль, а он надевает кольцо ей на палец. Они целуются.

Пока она не достает нож. Мой желудок падает куда-то вниз.

Пока она не вырезает его сердце.

Зефира подходит ближе, рассматривая, как душа крылатого мужчины - Мортема, осознаю я с тошнотворным потрясением, - покидает его тело смутной тенью, изгнанная в Бездны, прежде чем русалка швыряет его сердце в иссиня-чёрную расщелину в полу. Она разворачивается, словно дело сделано. Словно миссия выполнена. Но она не замечает, что его тело всё ещё позади неё; она не понимает, что он не мёртв. Слёзы текут из её бирюзовых глаз, когда он перерезает ей горло.

Последняя плитка испачкана настоящей кровью.

Багровый отпечаток ладони. А под ним та же красная краска вывела слова: БЕГИТЕ, ПОКА МОЖЕТЕ. БОГ ЗОЛ, И МЫ ОБРЕЧЕНЫ. ВИЛА НЕ СМОЖЕТ СПАСТИ НАС. НИКТО НЕ СМОЖЕТ.

Зефира отшатывается, тоже прочитав эти строки, её ресницы часто вздрагивают. И…

Чёрт. Чёрт.

Вила.

Вила, богиня мерроу. Вила, героиня сказок Зефиры. Не русалка и не демоническая соблазнительница. И уж точно не «пустое место», как утверждал Старейшина Бранч.

Тошнота в моём желудке перерастает в глухую ярость. Чернокнижники ошибались. Мортия ошибается. Если верить этим плиткам, Мортем жестоко убил чёртову богиню. Я делаю шаг назад, натыкаясь на один из столов. Позолоченная устрица падает на пол. Стучит. Зефира резко оборачивается на звук. Её губы кривятся в горькой улыбке.

- Я же говорила тебе, чернокнижник.

Что я могу на это сказать? Всё - абсолютно всё, чему учила Мортия, оказалось ложью. Мортем не был обманут. Мортем не был жертвой. У Мортема была равная ему половина, богиня, которая лишила его бессмертия, потому что - если верить этим плиткам - он сошёл с ума от собственной власти.

Чего ещё мы не понимаем в нашей собственной истории?

Что ещё произошло с мерроу?

- Об этом нет никаких записей. Нигде, - тихо произносит Гавриал, ведя пальцем по контурам мозаики. - Не существует никакой богини моря.

Веспер прочищает горло:

- Вила была Богиней Жизни, Любви и Моря.

Зефира кивает, её горькая улыбка сменяется глубокой печалью:

- А что они должны были сказать гражданам? «Наш собственный бог - чудовище, и мы обречены»? Не самый вдохновляющий лозунг в лучшие времена, а уж тем более, когда бедняки голодают, а их крыши рушатся. Мортии нужно было во что-то верить. Им нужно верить, что они на стороне победителей, сражаются за высшую цель, за добро и справедливость, иначе… ради чего были все эти слёзы и страдания?

Я тяжело сглатываю при этих словах. Вспоминаю сотни, тысячи раз, когда слушал, как мой отец молился в своей комнате глубокой ночью, когда весь дом уже спал.

«Мортем, будь милостив. Молю тебя, сжалься над моим ребёнком. Не позволяй моему отражению проецировать на него те же грехи. Сохрани его. Накорми его. Убереги от беды. Не дай мне погубить его. Пожалуйста. Сжалься, Мортем».

Это воспоминание преследует меня здесь, пока я смотрю на фреску заброшенной утопии, а кровавые потёки на стенах кричат об ужасе того, что здесь развернулось.

Бог зол.

И мы обречены.

Желчь обжигает язык. Ощущение чего-то в корне неправильного пропитывает воздух, холодное и зловещее, как воды, которые выплюнули нас сюда. Стоя так близко к фреске, видя свидетельство того самого, что я искал, пробуя её древнюю магию на вкус, я больше всего на свете хочу отвернуться. Оставить это место и его наследие далеко позади. Я не хочу иметь с этим ничего общего. С Мортемом. Однако голод по-прежнему бешено бьёт крыльями в моей груди, белым пожаром разливаясь по венам. Мне может быть и не нужно это грёбаное сердце, но оно мне необходимо.

Мой взгляд сталкивается со взглядом Зефиры, словно она думает о том же. Оно нам нужно.

И больше всего я не могу перестать думать об этом глупом проклятом стихотворении.

В покоях тайных, где застыл покой,
Лежит то сердце, вырвано рукой,
У бога отнято в холодный зимний день,
Где Жизнь на Смерть отбрасывает тень.
Но Смерть за Жизнью следом поспешит,
Ведь истинный баланс не согрешит,
Не требует он жертвенных оков.
Цвела любовь средь белых берегов,
Где рушатся руины, взор горит,
Где пал замок и битвы гул гремит.
Смертные гибли, плакала земля,
Утопия завяла, как поля,
Где Мортем пал и сердце улеглось.
Любовь убита, так уж повелось.
Цена чрезмерна, и исход жесток -
Бессмертия безжалостный урок.
Жизнь требует у Смерти грозный дань,
И Смерть от Жизни переходит грань.
Ведь истинный баланс среди веков
Не требует себе иных оков.

Обмен вечности - кража сердца бога и, следовательно, его силы и бессмертия - означал, что богиня должна была лишиться жизни. Страх поднимает волоски на моей шее, и я кошусь на безмолвный череп на столе, вздрагивая, когда в его глазницах вспыхивает синее пламя. Его искры поджигают благовония вокруг, пока комната не наполняется ароматом сандала и роз. Зефира, как и я, завороженно смотрит на этот огонь.

- Если Мортем и Вила любили друг друга, почему она забрала его сердце? - спрашивает Гавриал, изучая последние плитки.

Веспер фыркает и тычет пальцем в синяки на теле Вилы:

- По-твоему, это похоже на любовь?

Он наклоняет голову, размышляя:

- Это…

- Это одержимость, - заканчивает за него Зефира, бросая холодный взгляд на историка. - Мерроу рассказывают эту легенду с самого рождения. Мортем был одержим. Он не оставлял Вилу в покое. Смерть преследовала жизнь, пока жизнь не позволила ему забрать её. И когда она покончила с ним - он покончил с ней тоже.

- Но если он любил её, - произносит Гавриал, его брови болезненно сжимаются, - разве этого не достаточно? - Он смотрит на Зефиру, и в его глазах разгорается надежда. - Любовь побеждает всё. Моя мать говорила мне это, она пела мне колыбельную по ночам о том, что любовь исцеляет любую рану, лечит любую боль.

- Твоя мать ошибалась, - отрезает Зефира. - Любовь не может исцелять сама по себе. Любви недостаточно. И она не может существовать без согласия.

Гавриал умолкает, пока Амайя уверенно шагает вперёд, собираясь поддеть и забрать плитки мозаики. Её мешок висит низко, волочась по полу, пока она оценивающе разглядывает статуи, решая, стоит ли вырезать и их тоже. Когда Зефира и Веспер буквально прожигают её взглядом, она со вздохом возвращается к плиткам.

Если она не сделает этого сейчас, я уверен, она вернется позже со своей командой, когда уплывет отсюда и наберет больше людей. Больше кораблей. Скоро весь мир узнает подлинную историю Абиссиса. О обмане Мортема, Богине Жизни и утопии, которую делили между собой люди и мерроу.

- Всё хорошо, Арион, - говорит Зефира, направляясь ко мне. Её пальцы нежно проводят по столам, мимо которых она проходит, хотя перед черепом она замирает. Она облизывает большой и указательный пальцы, после чего решительно тушит благовония. Гасит и пламя. А затем подносит этот же палец к складке между моих бровей. - Ничто из этого не твоя вина. Ты не знал. Всё твое королевство - никто не знал. Не казни себя за это сейчас.

Это неприемлемо.

- Зефира, я же… я ненавидел тебя. Я хотел вздернуть тебя на петле. - Она не понимает. Кровь на моих руках - я убил столько мерроу. Я убил стольких ради своего королевства. Но всё это… всё это было ложью. Всё, что мне было дорого, всё, что я считал правдой о самом себе, оказалось чёртовой ложью.

С мягкой, сочувствующей улыбкой она берёт меня за руку, уводя прочь от фрески.

- Мы расскажем им, - рычу я. - Как только найдём сердце и выберемся отсюда, мы расскажем всему миру.

Её улыбка при этих словах угасает.

- Я не хочу развязывать войну, Арион. Даже с такими доказательствами - они просто не захотят нам верить. Я просто хочу сбежать. Хочу найти тихое место.

- Значит, мы так и сделаем. - Я целую её руку, игнорируя привкус пепла и смерти, осевший на моём языке. Мой пульс замедляется с каждой секундой. - Как только найдём сердце.

Она коротко кивает, разворачиваясь на пятках, чтобы осмотреть огромное пространство храма.

- На фреске Вила и Мортем были здесь, - она широко разводит руки в стороны, - а значит, его сердце не может быть далеко. - Оглянувшись на меня, она добавляет: - Проверь пол. Похоже, оно провалилось куда-то… вниз.

Я опускаюсь на корточки, ведя ладонями по холодному мрамору, выискивая хоть какую-то трещину, шов или ручку, пока Зефира меряет шагами то, что осталось от фрески, бросая очередной яростный взгляд на Амайю.

- Я не могу понять по этой картине, как ориентирована комната. Гавриал? - зовёт она. - Поможешь с направлениями?

Он появляется словно из воздуха, пальцами измеряя расстояние между различными нарисованными объектами на плитке.

- Проблема не в ориентации, - произносит он. - Проблема в масштабе самого произведения. - Его брови сдвигаются, и он начинает бормотать под нос: - Свадьба. Кольцо. Нож. Предательство. Убийство. - Он качает головой. - Фреска показывает точную планировку храма - плиты, алтари, даже дымящиеся благовония… но на ней нет статуй. - Он удивлённо моргает, глядя на неё. - Где статуи?

Зефира резко разворачивается. Без предупреждения она бросается на изваяние Мортема, словно пытаясь повалить его на пол. Её руки напрягаются от колоссального усилия, она упирается пятками в пол ради опоры.

- Двигайся… ты… грёбаный… ублюдок! - Затем её взгляд вскидывается вверх. - Веспер. Помоги.

- Что вы…? - начинает Гавриал, но его глаза округляются, когда сирена присоединяется к Зефире, пытаясь сдвинуть камень.

- Оно здесь, - выдавливает Зефира сквозь стиснутые зубы. - На фреске нет статуй - это единственное отличие, верно? Оно должно быть под ним.

- Да вы в жизни это с места не сдвинете, - Амайя лениво прислоняется к стене, выгибая бровь с явным скептицизмом и вертя в руках плитку. Её мешок, набитый до краёв, покоится у её ног.

Мои ноги двигаются сами по себе, и я присоединяюсь к Зефире и Веспер у статуи, упираясь плечом в камень. Дыхание со свистом вырывается из груди. Тело выгибается дугой. Но толку мало. Я слишком слаб, я умираю, а изваяние Мортема слишком тяжёлое. Остатки магии, бурлящие в моих венах, однако, рвутся вперёд. Вниз. И я знаю, что Зефира права. Я знаю, что сердце здесь, прямо под нашими ногами, и знаю, что единственный способ добраться до него - это магия.

Я тяжело выдыхаю:

- Все назад…

- Нет! - отрезает Зефира, хватая меня за лицо. Её глаза пылают праведным гневом. - Ты не будешь использовать магию. Ни за какие коврижки. - Через плечо она рявкает: - Гавриал, Амайя, тащите сюда свои задницы и помогайте!

Не удержавшись, я скептически кошусь на историка:

- Его?

Любое сомнение на лице Гавриала тут же испаряется:

- Подвинься, Стоун. - И он упирается ладонями рядом с Веспер. И пусть Амайя что-то бурчит себе под нос о том, что надо побыстрее с этим покончить, она тоже упирается плечом в левое крыло статуи рядом со мной.

- На три, - хрипит Веспер.

- Раз, - считает Зефира.

- Два, - подхватывает Гавриал.

- Три!

Мы все одновременно наваливаемся на неё всем телом, но она даже не колышется. Чувство унижения оседает в моей груди. Я слишком слаб. Я умираю. Даже Гавриал качает головой, его щёки покраснели от напряжения.

- Это было неловко, - бормочет он. - Спасибо богам, больше никто этого не видел.

Скрежеща зубами, я подавляю дикое желание оторвать его голову от плеч, но мои конечности дрожат. Желчь подступает к горлу. Я недостаточно силен. Я буквально чувствую этот яд в своих венах прямо сейчас, и мне не удается скрыть пот на лбу, когда Зефира обеспокоенно смотрит на меня.

- И что теперь? - требует ответа Амайя, уже отходя в сторону.

Гавриал насмешливо кривится:

- Ты разве не полубогиня? Что-то слабовато для дочери Темпестас.

И хотя над нашими головами угрожающе грохочет гром, Амайя молча возвращает руки на крыло статуи.

- Ещё раз, - командует Зефира, игнорируя их перепалку. - На этот раз упритесь в самое основание.

По её команде мы все толкаем снова, и на этот раз - о чудо - статуя поддаётся. Буквально на дюйм. Но этого хватает, чтобы поймать нужный импульс. Мышцы горят огнём. Лёгкие горят. Но останавливаться нельзя, и когда мы делаем следующий мощный рывок, по храму разносится жуткий, оглушительный скрежет. Изваяние Мортема сдвигается ещё на дюйм.

Короткий выдох.

И ещё один толчок.

С финальным усилием статуя с визгом по ровному камню отлетает в сторону, обнажая скрытую под ней нишу. В самом центре лежит бронзовый сундук. Запёкшаяся кровь покрывает замок толстой коркой. А внутри что-то… бьётся.

Мы все замираем, глядя на него в течение одной бесконечной, мучительной секунды.

- Сердце, - шёпотом произносит Зефира.

И в то же мгновение адреналин, хлынувший в мою кровь - этот голод, это предвкушение, - напрочь выжигает любую слабость и болезнь. Моя магия вспыхивает, как лесной пожар, и весь мир сужается до этого бронзового сундука. До того, что сокрыто внутри. Оно здесь.

Мы нашли его.

Вопреки всему, я буду жить. Зефира и я - мы выберемся отсюда.

Я опускаюсь на колени, моё собственное сердце бешено колотится, дыхание прерывистое. Крылья дергаются, утягивая меня вперед, словно они не в силах больше ждать ни секунды, пока густой запах меди волной вырывается из потайного прохода.

Я в считанных дюймах от всего. От спасения.

Но леденящее душу шипение эхом разносится по комнате за моей спиной - за спинами нас всех, - пока морозный иней стремительно покрывает пол, и Повелитель Смерти произносит:

- Не так быстро, маленький чернокнижник. Я полагаю, это принадлежит нам.

Джордан Стефани Грей - Порочное мореThe Jordan Stephanie Gray - Wicked Sea

ГЛАВА 38

АРИОН

Фигуры в капюшонах. Тёмные одеяния струятся чернильным шёлком по скелетным телам.

Культ Мортис окружает вход в храм, пока тела команды Амайи украшают пол. Все до единого. Мертвы. Кровь разливается под их иссохшими телами рекой, текущей прямо к подножию храмовых ступеней.

Амайя вскрикивает и спотыкается, отлетая назад и врезаясь в статую Вилы. Её молнии дико и бесконтрольно трещат над головой, но не бьют в цель - словно она всё ещё не может сфокусировать свою силу.

- Нет, - шепчет она, слёзы мгновенно катятся по щекам, когда её колени подкашиваются. - Нет, что вы наделали?

Вся команда мертва, и у нас нет времени думать. Реагировать. Потому что культ уже здесь.

Собирая те жалкие крохи сил, что у меня остались, я делаю шаг вперёд, заслоняя собой бронзовый сундук.

Повелитель Смерти откидывает капюшон, и его белая маска кажется слишком близкой по оттенку к безупречному граниту стен. Его не должно здесь быть. Он выглядит здесь чужеродно. Ледяной воздух вырывается неровными, туманными кольцами из его фарфоровых губ.

- Теперь ты пахнешь так заманчиво. Уже разлагаешься для нас, маленький чернокнижник? - Он взмахивает серпом, с которого капает кровь. Если бы он мог улыбаться, он бы улыбнулся. - Не волнуйся. Скоро ты присоединишься к остальным. Мы полакомимся тобой. Вами всеми.

- Неужели? - Зефира решительно шагает ко мне, вставая плечом к плечу. Она вскидывает кинжал с лёгким смешком, будто у неё вообще нет никаких забот в этом мире, хотя я замечаю, как её взгляд косится на трупы. - Ну так пошёл ты нахер.

С тихим свистом, похожим на резкий скрежет погребального колокола, Повелитель Смерти поворачивается к ней, пока остальные культисты шепчут богохульства за его спиной. Я пытаюсь снова задвинуть её себе за спину, преградить им путь, но она останавливает меня, властно положив руку на моё предплечье. Выражение её лица ожесточается. Решительная и разъярённая.

- Почему бы тебе не взять свой драгоценный серп и не подавиться им?

- Маленькая русалка, - произносит Повелитель Смерти, - сегодня тот день, когда тебя сожрут заживо. - Его магия хватает её за лодыжку, едва не швыряя на пол ледяной, призрачной хваткой. Она врезается в меня, и я успеваю перехватить её, обнимая за талию. Как и прежде, я не чувствую холодного давления вокруг собственной лодыжки - как должен был бы через связь, - поэтому я просто делаю всё возможное, чтобы удержать её на ногах. Я отчаянно пытаюсь заглушить тошнотворный ужас от осознания, что связь исчезла. Это не имеет смысла. Она должна

быть здесь, связывая нас. Повелитель Смерти наклоняет голову, и в его пустых глазницах застывает острое, ледяное любопытство. - Поэтичная справедливость. Вы можете умереть вместе. Русалка в твоих руках и её кровь на твоём языке. Эту ночь ты встретишь в истинной агонии, Арион Стоун. Ты издашь свой последний крик. - Пауза. Вдох. - А когда всё закончится, ты наконец-то увидишь своего отца.

Мои пальцы сжимаются в кулаки. Магия закипает под кожей, зловещий жар струится по костям. Я уничтожу их. Каждого члена этого культа. Мне нужно только сначала забрать сердце, а потом я убью их. Буду расчленять их, сустав за суставом, пока они не умолят меня остановиться.

- Никакой магии, - шепчет Зефира так тихо, что я едва могу расслышать. - Ты слишком слаб.

Мои мышцы напрягаются, ярость прожигает нервы, но она права. Я слишком слаб. Пока ещё. Я коротко киваю, и она передаёт мне свой кинжал, даже не думая понижать голос, когда смотрит на меня своими невероятными бирюзовыми глазами:

- Сделай им больно, Арион.

Я поворачиваюсь к культу, к Повелителю Смерти, который преследовал меня долгие годы:

- Обязательно.

Культисты глумливо оскаливаются. Они скользят вперёд, перешагивая через трупы и лужи крови, пока Зефира вместе с Веспер резко разворачиваются и бросаются к сундуку, чтобы схватить сердце.

- Возьми кинжал, - бросаю я Гавриалю, кивая на пояс Амайи. Принцесса застыла. Она смотрит на тела своих близких людей, её колени дрожат. - Нам нужно их отвлечь.

Гавриал прослеживает за моим взглядом туда, где мерроу уже опускаются на колени перед сундуком:

- Самое время напомнить тебе, что боец из меня весьма посредственный.

Я коротко, хрипло смеюсь:

- Гавриал, ты действительно думаешь, что я забыл?

- Нет. Пожалуй, нет. - Гавриал тянется, чтобы выхватить клинок, но…

Амайя исчезает.

Я моргаю. Гавриал моргает. Культисты продолжают своё медленное восхождение по ступеням. А Амайя…

Амайя уже стоит позади, прижав кинжал к горлу Веспер.

Мой желудок падает куда-то вниз. Молния принцессы вонзается в пол прямо перед Зефирой - слабый удар, но всё равно шипящий искрами. Впрочем, в этой угрозе нет нужды. Я знаю Зефиру. Угрозы жизни Веспер более чем достаточно, чтобы остановить её. Зефира мгновенно вскидывает руки:

- Амайя, что ты делаешь?

Амайя не слушает. Её взгляд продолжает метаться к трупам людей Темпеста - её людей, - а в штормовых серых глазах пульсируют яростные жёлтые вены. Слёзы текут по щекам, как дождь.

- Они не должны были умереть, - говорит она, и её голос дрожит, когда она переводит взгляд на Повелителя Смерти. - Вы не должны были убивать их! Это было… это была моя команда. Моя семья. - Ярость рокочет где-то под ногами, но она словно не может - или не способна - призвать больше силы. Никаких ураганных ветров. Никаких торнадо. Только слабый удар молнии и глубокий, глухой рокот грома. Кровь проступает из-под лезвия кинжала, стекая по шее Веспер. - Мы, блядь, так не договаривались!

Договаривались.

Эти слова врезаются в меня, словно каменная глыба, ломая рёбра, пока осознание добирается прямо до сердца.

Мы так не договаривались!

- О чём ты говоришь? - спрашивает Зефира, её глаза сужаются, а руки дрожат. - Отпусти… отпусти Веспер.

Веспер пытается вырваться, но хватка Амайи крепка, как камень. Она полубогиня, и мы не можем сражаться с ней.

Она полубогиня, и она предала нас.

Я понимаю это ещё до того, как Повелитель Смерти произносит:

- Дочь Темпестас, сделка такова, какой мы её делаем. Твоё королевство будет процветать, и ты будешь жить. До тех пор, пока подчиняешься.

Подчиняешься. Подчиняешься. Подчиняешься.

Я не могу сдержать магию, которая взрывается в моей груди при этих словах, при их приговоре. Синий дым хватает Амайю за запястья и швыряет её к стене, даже когда мои собственные ноги готовы подкоситься. Когда в глазах темнеет.

- Что, чёрт возьми, значит «ты заключила с ними сделку»?

Веспер падает на колени, хватаясь за горло, пока Зефира бросается к ней. Даже Гавриал кидается проверить раненую русалку. Но Веспер выживет. Порез неглубокий.

А вот Амайе так чертовски сильно не повезёт. Крохи магии, два жгута дыма удерживают её на месте, пока остальной мир рассыпается, а моя магия кристаллизуется в смертоносные тени. Чтобы покалечить её. Растерзать. Я больше не контролирую себя. Я даже не чувствую себя в собственном теле.

- Ты предала нас, - выплёвываю я. - После всего…

- После всего я спасаю свой народ! - Она гордо вскидывает подбородок, её взгляд горит праведным гневом, прежде чем невольно метнуться к павшей команде. Ненавистные слёзы блестят в её глазах при этом зрелище. - Я не позволю Темпесту превратиться в пепел и руины. Культ нашел меня вскоре после того, как вы сбежали в море, и мы… мы заключили сделку. Они спасут нас. Они спасут Темпест.

Что-то тошнотворное сжимает мои внутренности в железный кулак.

И все её прежние слова, все те истории, что она рассказывала нам на своём корабле, проносятся во мне ледяной волной.

«Темпест отправил пехоту - шпионов - в Мортию много лет назад, чтобы раскопать ваши горы. Ваши северные города пусты, в них почти нет жизни. Моя пехота не могла понять почему - пока они не копнули слишком глубоко и не наткнулись на жестокий культ. Только один выжил, чтобы рассказать мне об этом. У него не было ноги. Культ отгрыз её по колено».

Осознание бьёт поддых, заставляя колени подкоситься. В глазах по-прежнему рябит от напряжения, а сердце болезненно и прерывисто стучит.

- Это не первая твоя сделка с ними.

Амайя мягко улыбается, хотя улыбка не касается её глаз:

- Я же говорила тебе - мы нашли их. Люди из моей команды нашли их пещеру.

- Неужели ты думал, что мы действительно отпустим лазутчиков? - раздаётся голос Повелителя Смерти позади меня. Прямо за моей спиной. Я резко разворачиваюсь, но не успеваю среагировать, когда он хватает меня за крылья и швыряет на пол. Натиск неожиданности оглушает не меньше самого удара. Отвлёкшись на это, Амайя тоже падает на пол, судорожно цепляясь влажными

ладонями за гранит и отчаянно пытаясь перевести дыхание. Культ игнорирует её. Все они обступают меня.

Повелитель Смерти опускается на корточки, его серп срезает прядь моих волос. Затем бьёт по лбу. Кровь заливает левый глаз.

- Неужели ты думал, что мы кого-то отпустим? Темпест задолжал нам услугу, и мы пришли забрать долг. Она привела вас сюда. Она блестяще выполнила свою работу. Ты ни на секунду не заподозрил её. - Маска издает глухой треск, когда фарфоровые губы Повелителя Смерти кривятся в жуткой усмешке. - Неужели ты верил, что она нашла вас случайно? Неужели верил, что сам наткнулся на всё это? - Он заносит лезвие над моей спиной.

Он собирается нанести удар - но я оказываюсь быстрее, перекатываясь в сторону и вскакивая на ноги.

Напротив меня Зефира, Веспер и Гавриал готовятся к бою, но Амайя сползает по ступеням вниз. Она падает прямо перед телами своей команды, с криком запуская пальцы в их кровь. Мне плевать. Ни на неё, ни на её горе.

Её предательство раздувает тлеющие угли магии - жизни - внутри меня, и у меня нет другого выбора, кроме как дать им разгореться пожаром.

Мне не следовало доверять ей. Надо было понять, что это слишком удобно - то, как она подобрала нас сразу после нашего визита к Люции. Она вытащила нас из воды. Она скормила нам информацию, которая привела нас сюда.

А потом она скормила нас, блядь, акулам.

- Ах ты… ты грёбаная кретинка, - рычит Зефира. - Как ты могла? Мы могли помочь тебе! Мы помогали тебе!

- С поиском сокровищ? - спрашивает Повелитель Смерти. - С открытиями? В нашем новом мире дочь Темпестас станет богиней по праву. Она получит гораздо больше, чем вы когда-либо могли ей дать.

- Богиней, - отчеканивает Зефира. - Она будет богиней - они существуют, даже если выказываете им своё презрение.

- О, мы знаем, - отзывается Повелитель Смерти. - Мы слишком хорошо знаем и о богинях, и об их обмане.

И в следующее мгновение культ бросается в атаку. Семь голов одной проклятой змеи.

Внутри храма вспыхивает неистовое, хаотичное насилие. Веспер швыряет один из своих кинжалов Гавриалу. Оставаясь без оружия, Зефира выставляет перед собой сжатые кулаки. Я прорубаю дорогу сквозь плащ за плащом, пытаясь пробиться к ней, сбивая культистов с ног лишь на секунды, прежде чем они снова поднимаются. Потому что они не могут умереть. Не так - не тогда, когда у меня нет сердца.

- Бегите! - кричу я Зефире, кричу всем, кто ещё на нашей стороне. - Заберите его!

К счастью, Повелитель Смерти сосредоточен не на ней, а на мне. Лёд сковывает мои запястья и лодыжки, но я ухожу от удара, врезаясь в статую Мортема и опрокидывая жертвенный стол. Монеты и череп разлетаются в стороны. Гавриал успевает перехватить череп на лету и с размаху разбивает его о голову культиста. Тот шатается, но не падает - пока не появляется Веспер, с силой впечатывая тяжёлый сапог в его позвоночник, разворачиваясь и вонзая кинжал прямо сквозь прорези для глаз в его маске. Культист воет от боли. Когда его капюшон сползает, она хватает ткань и дёргает, обнажая…

Тьму.

Полусформированные тени, сжимающиеся и расширяющиеся, сгущающиеся, прежде чем взорваться со зловонным запахом. Веспер давится от отвращения и натягивает капюшон обратно на этот череп. Затем она обеими руками толкает его на Гавриала, который грязно ругается.

Ещё один культист - двое - хватают меня за крылья, и я резко разворачиваюсь прочь от Веспер и Гавриала, полосуя кинжалом по их груди. Крылья завершают дело. Они вколачивают культистов в пол храма, пока идет следующий. Взмывая в воздух, я бью его ногой в лицо и тянусь к вазе с розами, но остальные уже возродились. Они хватают меня за лодыжки, утягивая обратно вниз. Ледяные когти впиваются в кожу. Они сдирают мою плоть прямо с костей. Моя магия вспыхивает в ответ - на угрозу, на воспоминания, - но в этот раз я не кричу. Ваза с розами взрывается. Осколки и вода обрушиваются дождём на их маски, и они отшатываются, испуганно шипя.

Лёгкие горят, но я игнорирую то, как тяжело стало дышать, выискивая розовый цвет в море полуночной синевы.

Там.

Повелитель Смерти снова держит её за горло, и Зефира бьётся, цепляясь ногтями за его одеяния. Веспер точно так же зажата в его другой руке, пока Гавриал пытается пробиться к ним сквозь еще двоих культистов. Он вонзает клинок в одного, но второй поднимается снова и снова, пока Зефира медленно задыхается. Крохи моего дыхания застревают в груди. Трахея сжимается, и крылья бьют быстрее, чтобы освободить её.

И тут Повелитель Смерти прижимает свои фарфоровые губы к её рту, глубоко вдыхая.

- Ты такая сладкая на вкус, - шипит он. - Божественная.

Ярость обжигает позвоночник - от этих слов, от его уродливой маски, прижатой к её лицу, - и магия сама собой срывается с моих пальцев. Она рикошетит в статую Вилы, пока культисты хватают меня за ноги, утягивая всё ниже, ниже, ниже.

Они тянут меня вниз. Они прижимают мои руки и ноги к полу, и Повелитель Смерти откусывает мои пальцы один за другим. Я кричу, но…

Но вовсе не мои крики заполняют сейчас этот храм. Это крики Зефиры. Она задыхается, борется, истошно кричит. Веспер шипит проклятие, а Гавриал отпрыгивает в сторону, когда голова Вилы раскалывается, с грохотом обрушиваясь на пол прямо туда, где он только что стоял. Придавливая культиста под собой.

Он широко разводит руки в стороны, поворачивается ко мне и орёт:

- Так значит теперь ты мастер по передвижению статуй?!

Я не могу ему ответить. Культисты воскресли снова - трое из них, - взбираясь по моему телу, как муравьи. Один вонзает свой серп в мою икру для опоры, другой вгрызается зубами в мой сапог. Рыча от боли, я рушусь на пол, как голова Вилы. Прежде чем я успеваю перевернуться или призвать магию, они уже карабкаются по мне, их дыхание холодное и гнилостное, когда они вдыхают. Зефира… Мои мышцы слабеют. В глазах темнеет. Я не вижу её. Я не могу дышать, потому что она умирает, и мне нужно добраться до неё. Мне нужно спасти её…

Гарпун пронзает грудь одного из культистов с такой силой, что того разрывает на куски. Затем второй. Третий. Хрипя, я выдёргиваю серп из своей икры, прежде чем подняться на ноги, готовясь к новому натиску страданий и крови. Однако порыв горячего ветра не позволяет культистам перегруппироваться. Гром зловеще рокочет под куполом храма.

позволяет культистам перегруппироваться. Гром зловеще рокочет под куполом храма.

Принцесса Амайя Фрост наступает на обломки маски культиста, с хрустом раздавливая их под каблуком. Перехватив гарпунное ружье на плече, она протягивает мне руку, чтобы помочь подняться. Я с рычанием отбиваю её ладонь:

- Что, чёрт возьми, ты творишь?

Её глаза вспыхивают, и следом бьёт молния:

- Сделка отменяется. Я заключаю новую.

Я свирепо смотрю на её руку, моя грудь тяжело вздымается. Моя грудь раскалывается так, словно она загарпунила меня самого. Она предала нас. Она выставила нас чёртовыми дураками. Но ужасная правда в том, что сейчас я не могу позволить себе отказаться от её помощи. Никто из нас не может. Если Амайя способна помочь нам выбраться из этого храма живыми, у меня просто нет времени на справедливость.

- Займись остальными, - хриплю я, вырывая гарпун из тела ближайшего культиста. - Повелитель Смерти мой.

Она кивает и перезаряжает оружие, а крылья с трудом удерживают меня на ногах. Они несут меня к нему. К Зефире. Он всё еще душит её. Ей больно.

Её бирюзовый взгляд встречается с моим:

- Сердце… - Она задыхается. - Иди…

Мои крылья подкашиваются, когда её голос отдаётся во мне. Я должен. Должен оставить её и забрать сердце. Это решит всё, это спасет её… но также может быть слишком поздно.

В ослепительной вспышке ясности я понимаю, что не сделаю этого. Я не пожертвую ей.

И эта вспышка перерастает в твёрдое намерение.

Не отрывая взгляда от Зефиры, я выхватываю гарпунное ружье из рук Амайи. Как только оно оказывается в моих пальцах, я спускаю курок, и гарпун со свистом летит прямо в Повелителя Смерти.

- Кричи, - шипит Повелитель Смерти. Он проводит лезвием по моему горлу. Кровь хлещет потоком. Я давлюсь ею, алая пена пузырится на моих губах и брызжет на холодный мраморный пол. Он не видит летящего гарпуна. Его слепые глаза по-прежнему прикованы к Зефире, чьё тело уже обмякло. Но каким-то образом, почему-то, кровь в моём теле восполняется. Рана затягивается. И тогда фигура в капюшоне режет меня снова. И снова.

Гарпун насквозь пробивает Повелителю Смерти грудь, как раз когда мои ноги касаются пола. Он вздрагивает, словно от удивления, и волна триумфа вспыхивает во мне, когда Повелитель Смерти выпускает Зефиру, чтобы тупо уставиться на острие, торчащее из его груди. Мои лёгкие сжимаются вокруг пустоты. Я перестал вдыхать. Я больше вообще не способен дышать. Зефира судорожно хватает ртом воздух.

Однако битва ещё не выиграна.

Позади Зефиры Веспер поднимается на ноги и бросается к сундуку. К сердцу. Оставшиеся культисты не останавливают её, всё их внимание приковано исключительно к Повелителю Смерти, который всё ещё смотрит на гарпун. Время словно замирает. Но оно не останавливается на самом деле, и Веспер доберётся до сердца за считанные секунды. Она заберёт его.

- Иди за ней, - яростно бросаю я Зефире. - Забери его, используй…

Округлив глаза, она вскакивает на ноги, действуя быстро. Но не к нише. Ко мне. В следующую секунду я понимаю лишь то, что что-то пошло не так, и едва успеваю заметить молниеносное движение Повелителя Смерти, когда он вырывает гарпун из собственной груди.

Когда он швыряет его прямо в меня.

- Закричи для меня, маленький чернокнижник.

Мои брови хмурятся лишь на мгновение, чтобы успеть услышать, как Зефира шепчет «нет», и увидеть, как культисты восстают в унисон. От удара я отступаю на шаг назад. Ноги подкашиваются ещё до того, как накатывает боль, и я падаю на колени, пока моя кожа лопается, а рёбра ломаются. Агония прожигает грудь, но вместо того, чтобы хвататься за копье, я поворачиваюсь к ней.

- Зефира, - выдавливаю я, и яркая кровь брызжет изо рта вместе с её именем. С мучительным криком она бросается ко мне, хватая за плечи, когда я заваливаюсь вперёд. Утягивая меня к себе на колени.

- Арион… Арион, тебе… тебе нужно использовать магию! - Она прижимает ладони вокруг гарпуна, пытаясь остановить толчки сочащейся крови. - Исцели себя, как ты всегда исцеляешь меня! - Слёзы душат её голос, но она не даёт им упасть.

Края моего зрения затягивает серой пеленой, пока культисты оттаскивают Веспер от сундука, зажимая Гавриаля и Амайю у статуи Мортема. Мои глаза медленно закрываются. Я заставляю себя открыть их снова, пока шипящие насмешки и хохот культистов эхом разносятся по храму. Трое против шести бессмертных существ, и никакой солёной воды в поле зрения. Никакого конца. Никакого, кроме смерти.

Глаза снова закрываются. Открываются.

Я смотрю на Зефиру. Пытаюсь запомнить её. Розовые волосы. Голубые глаза. Мягкие губы. И её сердце - сердце больше любого другого, что я знал. Я сжимаю её руку, а она смотрит на меня, готовая метать молнии.

- Арион, сейчас же…

Но как мне сказать ей, что я растратил её? Растратил всю, всего себя. Мне слишком больно, я истощен, захлебываюсь собственной кровью - у меня не осталось магии, чтобы спастись. И я отказываюсь, чтобы мои последние слова были продиктованы паникой или отчаянием. Я прожил десятилетия и с тем, и с другим. Я совершал только неправильный выбор, но в конце концов я не могу заставить себя пожалеть об этом. Пожалеть о ней.

- Я бы любил тебя, - произношу я вместо этого, - но я никогда бы тебя не заслужил. Ни в одной из жизней.

- Хватит нести эту чушь! - выплёвывает она. - Нет, нет. Оно прямо там. Сундук прямо там. И наш шнур… мы должны быть связаны! - Утробный крик вырывается из её груди, когда она сильнее зажимает мою рану. - Я не позволю тебе умереть. Я… я заберу сердце. Ты примешь его. Мы сможем… мы сможем всё исправить. Остановить это. Мы должны быть вместе…

- Ты должна спастись, - хриплю я. - У тебя всё еще есть шанс выбраться отсюда живой. Забери сердце, Зефира. Забери его себе. Освободи себя, убей этих ублюдков и будь… просто будь счастлива, Зефира.

- Арион…

- Ты сможешь. Ты сильнее всех нас. Ты пережила так много.

Кристальная, солёная, как море, слеза скатывается по её щеке.

Между одним вздохом и следующим лунный свет разливается по её коже, и появляется её хвост, чешуя сияет искрами. Я касаюсь её щеки:

- Ты прекрасна, Зефира.

- Всё должно было быть не так. У нас… у нас должен был быть шанс.

- Не плачь, маленькая русалка, - произносит Повелитель Смерти, касаясь её волос. - Наш дорогой чернокнижник причинил столько страданий. Настала его очередь пожинать муки, которые он посеял.

При этих словах она резко разворачивается, её взгляд вспыхивает чистейшей, первобытной жаждой мести. Её грудь вздымается от яростного дыхания. Она сжимает пальцы, и на миг - один короткий миг - мне кажется, что она сделает это. Схватит бронзовый сундук. Украдёт сердце. Но Зефира никогда не была такой плохой, какой сама себя считала. Мир пытался сделать её такой, пытался ожесточить её, превратить в злодейку, но даже он не смог сломить её под свою волю; она никогда не была предсказуемой.

Она никогда не сделает того, чего от неё ждут.

Взмахнув хвостом под собой, она бросается вперёд.

Её ногти впиваются в одеяния Повелителя Смерти, и от неожиданности они оба с грохотом валятся навзничь, когда она сбивает его на пол. Её рычание звучит бесчеловечно; даже культисты замирают, услышав этот звук, а Веспер - оставшись без оружия - хватает нить жемчуга с алтарного стола, обвивает её вокруг шеи ближайшего культиста и тянет, тянет, пока тот не начинает рвать её руки ногтями. Разрезая её плоть в щепки. Она не отпускает. Амайя тоже пользуется возможностью, хватая пригоршню дымящихся благовоний и вонзая их прямо в прорезь для глаз на маске другого культиста. Её крик разрывает храм:

- Убей его, Зефира!

Я смотрю с благоговением, с почтением, как моя русалка рвёт одеяния Повелителю Смерти, срывает с него маску, терзая, кромсая и царапая.

- Ты ничем не отличаешься от остальных! - неистовствует она. - Думаешь, магия делает тебя лучше? Эти фальшивые, сраные маски? Одеяния, тьма и лёд? Ты просто человек. Ничтожный, жалкий, пустая оболочка человека! - Теперь она кричит ещё сильнее, словно собирается затопить весь этот мир.

- Ты не можешь убить нас, - шипит Повелитель Смерти. - Мы поглотим тебя.

Она смотрит прямо в его бездонное лицо, в эту отвратительную бездну, и даже не вздрагивает. Её голос становится твёрдым как сталь:

- Нет, я так не думаю.

Сверхъестественный порыв ветра - сладкий, как клубника, - проносится по храму. Океан снаружи, за стенами, становится оглушительным. Бурлящие волны и яростные течения. Зефира кривит губы.

- Кричи, - выдыхает она. - Закричи для меня, трус.

Катастрофический поток морской воды вырывается из её рук прямо в лицо Повелителю Смерти. В лёгкие Повелителя Смерти. Он истошно воет, брыкаясь под ней с дикой, варварской силой, борясь и сопротивляясь тому, чего боится больше всего на свете. Она не отступает. Хватка Зефиры сейчас кажется божественной, и она заполняет его тело достаточным количеством воды, чтобы высушить целое ущелье. Он захлёбывается солью. Давится рассолом.

- Кричи! - Её голос поднимается, крепнет, пока не начинает рокотать по всему храму, и статуя Мортема… она действительно даёт трещину. Прямо посередине. Прямо

между его крыльями. Даже культисты теперь пятятся в страхе, бросая своего повелителя на произвол судьбы. Повелитель Смерти больше не может - не в силах - издать ни звука, пока течение Зефиры подбрасывает его в воздух. - Я сказала: кричи! - Вода с силой размазывает его о хвост Вилы, и Повелитель Смерти больше не сопротивляется. Его тело обмякает, дёргаясь и содрогаясь, пока он тонет прямо на наших глазах. На глазах у Вилы.

- Охренеть, - шепчет Гавриал.

Стоя на коленях перед бронзовым сундуком, вытаращив глаза от равной степени ужаса и благоговения, Веспер косится на него:

- Заткнись, Гавриал.

В кои-то веки он слушается. И когда Повелитель Смерти умирает, он умирает в абсолютной тишине, сворачиваясь внутрь себя, пока от него не остается ничего, кроме плаща и маски. Зефира без колебаний направляет свой поток на остальных культистов, которые мгновенно исчезают в облаке ледяного воздуха. Их замёрзшие одеяния с грохотом падают на пол храма. С тяжёлым вздохом Зефиры течение понемногу попускает, и она вытирает дрожащие руки о свою чешую, прежде чем перевести взгляд на меня. На Гавриала. На Амайю, на Веспер и, наконец, на сундук в руках Веспер.

- Отдай мне коробку, - голос Зефиры срывается от мешанины эмоций. - Я не позволю ему умереть.

Где-то на краю сознания я понимаю, что она тоже должна истекать кровью. Умирать. Но эта мысль кажется очень далёкой и стремительно угасает. Связь, должно быть, окончательно разорвана. По крайней мере, она будет в безопасности.

- Зефира, - тихо произносит Веспер, и её взгляд наполняется глубокой печалью.

- Нет, - Зефира яростно качает головой, её хвост дёргается. - С меня хватит того, что люди умирают из-за меня. Это… это всё моя вина. Я вечно путаюсь у всех под ногами. Сначала Джасин, потом Эос, а теперь… нет. - Она снова качает головой. - Только не Арион. Я использую сердце Мортема и положу этому конец. Всему этому.

- К сожалению, - раздаётся тошнотворно мрачный голос, - я не думаю, что этот выбор за тобой.

Зефира замирает, услышав этот голос. Весь храм замирает, когда незнакомый мужчина медленно поднимается по ступеням, и его тень высасывает все краски из комнаты, пока всё вокруг не окрашивается в цвет старой бронзы.

Однако я не смотрю на него. Я смотрю только на Зефиру; она отшатывается назад, её лицо бледнеет. Её сердце стучит так сильно, что этот стук эхом разносится по залу. Только один человек мог вызвать такую реакцию, такой ужас, такой кошмар, и… я хочу выбить из него всё дерьмо до единой капли.

Мужчина улыбается, словно зная это заранее, прежде чем с силой выдернуть гарпун из моей груди.

Джордан Стефани Грей - Порочное мореThe Jordan Stephanie Gray - Wicked Sea

ГЛАВА 39

ЗЕФИРА

Он здесь.

Шесть месяцев разлуки не способны стереть восемь лет неотступной близости и непрекращающегося кошмара. Едва он приближается, моя кровь стынет в жилах. Каждая кость в теле умоляет о бегстве. Однако Верховный Чародей Четырёх Морей стоит - стоит на двух ногах, какими я его никогда прежде не видела, - прямо перед единственным входом. Единственным выходом.

А Ариону оставалось жить считанные секунды.

Гарпун вырван из его груди, и кровь хлещет бурным багровым потоком. Алая пена срывается с его губ. Его глаза ищут мои, полностью игнорируя колдуна. Я кошусь на бронзовый сундук рядом с Веспер, на покрытый коркой запёкшейся крови замок. Будь у меня сейчас гребаный хвост, я бы успела до него добраться.

- Не думаю, что это сработает так, как ты надеешься, - гладко, пугающе спокойно произносит колдун, перешагивая через моего чернокнижника и отбрасывая гарпун в сторону. Он бросает короткий взгляд на ворох одеяний на полу. На маску Повелителя Смерти у моих ног. Затем переводит этот взгляд на меня - обжигающе медный, тошнотворно проницательный. - Ты была занята, жена моя.

Я кривлю губы в приступе чистейшей ненависти и отвращения. Я ненавижу его. Я презираю этого человека, и теперь… мы в ловушке. Все мы. Вместе с ним. Что нам делать?

- Я не твоя жена и никогда ею не буду.

- О? Но таков был наш уговор, дорогая. - Опустившись на корточки, он поднимает маску и лениво прокручивает её в пальцах. У меня на затылке шевелятся волосы. Он слишком тихий. Слишком мягкий. Затишье перед смертоносной бурей. - Я помню всё очень отчетливо. Хочешь, я напомню тебе? - Его взгляд снова вонзается в меня. Под обтягивающей чёрной тканью его туники перекатываются мускулы; он качает головой с обманчиво мягким смешком. - «Я дарую тебе, Зефира из Силь, шанс на истинную свободу. Я дам тебе один час форы, чтобы сбежать, по-настоящему сбежать от меня. Один час, чтобы уплыть как можно дальше от этого замка и никогда не возвращаться, прежде чем я начну охоту». - Он перехватывает мою руку, игнорируя то, как тщетно я пытаюсь её вырвать. - «Ведь именно об этом ты всегда грезила, не так ли, дорогая? О свободе?» - Он прижимается поцелуем к моему внутреннему запястью, пока я свободной рукой отчаянно пытаюсь полосовать ногтями его предплечье. - «Всё, что мне требуется взамен… это чтобы ты вырезала его сердце». - Он резко впивается зубами в мою плоть, и я вскрикиваю от внезапной вспышки боли. Он пускает мне кровь. Слизывает её, смакуя рану языком, прежде чем отпустить мою руку и подняться. Он возвышается надо мной, как демон, коим и является, пока я прижимаю раненое запястье к груди, задыхаясь от ярости. Но как бы сильно я ни ненавидела его… себя я ненавижу не меньше.

Разъярённый взгляд Джасина. Его кожа, покрытая коркой из морских уточек.

Тот тупой, грёбаный нож.

Нет. Я трясу головой. Я не могу вспоминать об этом. Я отказываюсь это помнить.

Арион хрипло рычит, зажимая сочащуюся рану, но это слабый, беспомощный звук. Он умирает быстро. Слишком быстро. А остальные не двигаются. Они не могут пошевелиться. То ли из-за магии колдуна, то ли от парализующего ужаса - я не знаю, но Гавриал, Веспер и Амайя лишь смотрят во все глаза, не в силах проронить ни слова. Нам крышка. Нам тотальный, безоговорочный, полный конец. Я стираю кровь с запястья и заставляю себя подняться так высоко, как только могу, силой распрямляя затекшие ноги.

- Какая жалость, - выплёвываю я. - А я-то надеялась, что тебя сожрал кракен.

Колдун игнорирует мой выпад. Он проводит испачканными в крови пальцами по фарфоровой маске.

- Надеюсь, ты не доставила Васильеву слишком много хлопот, дорогая. Он так долго был моим верным слугой. Одним из моих любимчиков. Я бы не смог срежиссировать всё это без него.

- Кого? - переспрашиваю я.

Но Гавриал перебивает меня, его слова вылетают на одном дыхании от крайнего потрясения. Замешательства.

- Васильев? Но он был исследователем из Темпеста. Он… его экспедиция потерпела крах. Никто из его команды так и не вернулся.

- Решил похвастаться своей идеальной памятью? - Губы колдуна кривятся в пугающей улыбке. Он поворачивается к Гавриалу, и тот невольно вздрагивает. - Васильев обнаружил мой замок, это правда, и он даже выжил. Просто, возможно, не совсем в том обличье, ожидал. Амайя, дорогуша, почему бы тебе не объяснить остальное?

- Н-нет, - заикается она, и гарпунное ружье дрожит в её руках.

Колдун закатывает глаза, щелкает пальцами, и ружье со взрывом разлетается на куски. Осколки полосуют кожу Амайи. Один из них вонзается в правый глаз, рассекая роговицу, но она по-прежнему не двигается, не кричит и не плачет. Кровь течёт из глазного яблока вниз по щеке, а она лишь безучастно моргает. Это точно его магия удерживает её - парализует их всех.

- Я не люблю, когда мне неповинуются, - чеканит колдун. - Расскажи им то, что знаешь.

Амайя жалобно скулит:

- Васильев… он был исследователем Темпеста, одним из самых известных. Но когда он спустился в впадину, он не нашёл Абиссис. Он нашёл… он нашёл… тебя, - шепчет Амайя, глядя на колдуна.

Колдун слегка наклоняет голову. Его шаги отдаются эхом - глухой рокот грома, который гремит слишком далеко, чтобы его бояться. Он заправляет прядь волос Амайи ей за ухо, размазывая кровь по её щеке, а она моргает - моргает так, словно уже не видит его как прежде. Словно он ослепил её на один глаз.

- С каждым разом они порождают вас всё более слабыми. Темпестас, должно быть, так разочарована в тебе, милая полубогиня.

Желчь подступает к горлу. Я едва сдерживаюсь, чтобы не сплюнуть. Эта жгучая горечь возвращает мне связь с реальностью; мои пальцы сжимаются в кулаки.

- Оставь её в покое.

Колдун отпускает Амайю с пренебрежительным смешком:

- Не будь дурой, Зефира. Не заступайся за женщину, которая заманила тебя прямо ко мне. Да, Васильев и его драгоценные исследователи нашли меня, и тогда я предложил им то, что предлагаю всем остальным.

- Сделку, - шиплю я.

Колдун снова переводит всё свое внимание на меня, и я рада этому. Я смогу это выдержать. Я терпела это целое десятилетие. Ему не сломить меня сейчас.

- Очень хорошо, жена. Я предложил им сделку - те, кто хотел жить и жаждал власти, могли сожрать ту часть команды, которая отказалась. - Ещё одна улыбка, на сей раз куда более зловещая. - Шестеро культистов знатно полакомились, это верно. Но Повелитель Смерти - Васильев - пировал дольше всех. Они стали моими глазами в Мортии. Моей силой на суше.

Ноги Амайи подкашиваются. Из её глаза сочится кровь.

- Я… я хотела спасти свой народ. Я просто хотела спасти свой дом.

- Как благородно с твоей стороны, дорогуша. Спасти своё королевство, совершенно не заботясь о тех жизнях, что придётся принести в жертву. - Колдун тихо, мрачно смеётся, хотя продолжает неотрывно наблюдать за мной. Ему нужна реакция. Он хочет видеть меня раздавленной. Я не доставлю ему такого удовольствия.

- Я бы поступила точно так же, - произношу я вместо этого. - Я и поступила так же, когда сбежала от тебя. Всё в порядке, Амайя. Я прощаю…

Колдун резко разворачивается и вонзает палец в её левый глаз. Он с лёгкостью вырывает его из глазницы и швыряет на пол. Глаз катится ко мне - туманно-серый, испещрённый венами молний. Амайя рушится ниц, её колени с болезненным стуком врезаются в гранит. Дикие рыдания сотрясают её тело, пока она хватается руками за лицо. Из правого глаза сочится кровь. На месте левого - кровавое, зияющее месиво. Гавриала выворачивает прямо там, где он стоит; желчь брызжет на плащ исчезнувшего культиста. Даже Веспер с трудом сдерживает панику, её тело содрогается, а челюсти плотно сжаты.

- Я не выношу непокорности, - бросает колдун.

Я не успеваю подумать, прежде чем начать действовать - я просто бросаюсь вперёд. С силой толкая тело, я сбиваю колдуна на пол. Я впиваюсь в него ногтями точно так же, как в Повелителя Смерти, с лёгкостью рассекая бронзовую кожу на его щеке.

- У тебя проблемы со мной. Со мной, а не с ними! Ты грёбаный монстр! - Но чем дольше я продолжаю пускать его чёрную, как ихор, кровь, тем отчётливее осознаю… он даже не пытается бороться.

Он смеется.

Мой желудок падает. Я замираю, прекращая удары, пока он медленно проводит ладонью по моему позвоночнику, лаская спину. Кожа на его тошнотворно красивом лице затягивается почти мгновенно.

- Моя дорогая Зефира - неужели ты действительно верила, что сбежала от меня? Я самое могущественное существо во всех четырёх морях. В мире. Я был рядом с тобой каждую грёбаную секунду твоей жизни. - Он тянется вверх, хватая меня за волосы и дергая ровно настолько, чтобы причинить боль. И когда я скалю зубы - он ухмыляется. - Неужели ты думала, что Амайя была моим единственным шпионом? Ну же. Ты ведь знала, что среди вас есть и другие. - Он силой поворачивает мою голову в сторону остальных. В сторону Гавриала и Веспер.

- Я знаю, что ты держишь душу Эос в заложниках! - рычу я. - Я знаю, что ты солгал Веспер, пообещав вернуть её, хотя никогда этого не сделаешь!

Ещё один раскатистый, грубый смешок:

- Разве я нарушил хоть одну клятву, данную тебе?

Я борюсь с его хваткой, выкручивая шею, несмотря на то что он натягивает мои волосы, чтобы иметь возможность смотреть ему в лицо.

- Ты промышляешь грязными трюками. Ты бы вернул её только для того, чтобы сделать одной из своих ничтожных, проклятых служанок!

Колдун немного ослабляет хватку. На один безумный миг мне кажется, что я смогу вырваться, но прямо из воздуха соткались бронзовые кандалы. Они намертво защёлкиваются на моих запястьях. Врезаясь в плоть точно так же, как они делали это на протяжении восьми проклятых лет. Колдун лишь закатывает глаза на мою панику, на мою боль, и лениво взмахивает рукой в сторону дальнего угла храма.

Появляется Эос.

Моё сердце пускается вскачь, а слёзы обжигают глаза.

В яркой вспышке света - вот она. Хрупкие косички покачиваются в такт движениям. Тёмная кожа сияет. Улыбка широкая и лучезарная. Её глаза такого же тёмно-синего цвета, как у Веспер, но мягче. Намного мягче, чем я помнила. Она прекрасна. И она… она здесь.

Веспер вскрикивает и бросается вперёд. Она намертво обнимает свою сестру.

- Эос? Эос, это правда ты? - Она рыдает, не в силах сдерживать эмоции, и лунный свет разливается под её кожей. Превращая её ноги в великолепный, переливающийся всеми цветами радуги хвост.

- Веспер, - шепчет Эос. И её голос… он такой сладкий. - О богиня. Веспер, что произошло?

Веспер утягивает Эос за собой на пол, крепко прижимая её к груди.

- Всё хорошо, - поёт она. - Всё хорошо. Теперь я с тобой. Я здесь. Ты… ты жива. - Веспер рыдает, уткнувшись в плечо младшей сестры…

Пока колдун не щелкает пальцами, и Эос не исчезает. Словно её здесь никогда и не было.

Хвост Веспер яростно бьёт по полу, пока она в ступоре смотрит на свои пустые, раскрытые объятия.

- Что… нет. НЕТ! - Сирена издает оглушительный рёв, от которого содрогается весь храм. Но колдун лишь сотворяет кляп, затыкающий рот Веспер. Она застывает на полу, снова лишённая возможности двигаться и теперь полностью безмолвная. А Эос…

Эос по-прежнему мертва.

Я свирепо смотрю на колдуна поверх своих кандалов:

- Ты прогнивший, конченый ублюдок.

- А ты стала куда более невежественной за последние несколько месяцев. Разлука не идёт нам на пользу, жена моя.

- Перестань, чёрт побери, меня так называть!

- Почему? - Он искренне, непонимающе моргает. - Разве таков был не наш уговор? Разве ты не вырезала сердце того мальчишки…

Я не даю ему закончить эту фразу. Я бросаюсь на него. Пытаюсь задушить, покалечить. Но он продолжает смеяться, и…

И кто-то хватает меня со спины, оттаскивая прочь.

Меня уносят назад, несмотря на то что я отчаянно бьюсь в этих руках, но их хватка железная. Зачарованная. Непреклонная. О богиня. Нет…

Нет.

- Прости, - шепчет Гавриал мне на ухо, и в его голосе звучит искреннее, неподдельное сожаление. - У меня нет выбора. Я его должник.

Магия покалывает кожу - непрошеная, острая, словно лезвия, срезающие каждую чешуйку до единой, пока ко мне не возвращаются ноги. Вместе с ними появляется платье - безупречно белое, хрупкое, из тончайшего кружева, облегающее каждый изгиб моего тела. Вуаль опускается низко, закрывая глаза. Я… его невеста.

Я всего лишь его невеста.

Гавриал ставит меня на ноги, отступая назад с виноватым видом, а я дышу. Всё, что я могу делать — это просто дышать.

Он дал мне фору. Он позволил мне сбежать. Но в итоге я всё равно оказалась ровно здесь. Всё это время я была просто мышью в его лабиринте - и всегда буду ею, - окружённой его жестокими капканами. Я перевожу взгляд на Ариона, который смотрит на меня с такой неистовой силой, что у меня перехватывает дыхание. Шнура между нами больше нет. Наша связь каким-то образом разорвана. Я должна была истекать кровью вместе с ним, но этого не происходит.

И мне остаётся только признать, что это тоже дело рук колдуна.

- Как Гавриал вообще мог встретить тебя? - спрашиваю я, и мои слова звучат злобно и хрипло. - Ты же не можешь покидать море!

- У моря есть свои способы добираться до берега, - туманно отвечает колдун, наслаждаясь каждой секундой этого безумия. Мне требуется минута, но в конце концов… до меня доходит.

- Русал, - говорю я, поворачиваясь к Гавриалу. - Твоя интрижка с мерроу.

- Он рассказывал мне истории, - признаётся Гавриал. - Он говорил о легендарном колдуне, который способен заставить любые проблемы испариться. Когда я понял, что меня убьют за долги, я сбежал к воде. Я предложил ему себя.

О богиня.

Я оглядываюсь по сторонам. На Веспер. На Амайю. На Гавриала. Каждый божий человек, который нас нашёл, работал на колдуна. Каждый. Грёбаный. Из них. Я с трудом сглатываю подступившую желчь.

- Как долго, - выдавливаю я сквозь подступающие слёзы, - ты следил за мной?

- Дорогая моя, ты ни на секунду не была по-настоящему одна. Именно это я и пытаюсь тебе втолковать. Я рядом, Зефира. Я всегда буду прямо здесь, с тобой. - Он улыбается, и это зрелище должно быть завораживающим. Прекрасным. Но оно скручивает мой живот, как нож. - Ты вечно выставляешь меня злодеем, Зефира. - Колдун опускается на корточки, по-хозяйски закидывая руку на плечо Веспер, и за их спинами поднимается статуя Мортема. О богиня, как бы я хотела, чтобы она рухнула. Чтобы она раздавила его к чертям. - Я лишь исполняю то, о чем меня просят люди. Я даю им то, чего они хотят. Разве ты не видишь, милая? Не я здесь проблема. Я - решение. Гавриал жив - и стал куда умнее благодаря мне.

Гавриал вспыхивает при последних словах, и до меня доходит с тошнотворной, ослепительной ясностью: интеллект был его первоначальным даром. Способ продвинуться в рядах историков и спасти свою шкуру.

- Ты подделал его результаты, - Арион кашляет, не веря своим ушам, пытаясь сесть вопреки накатывающим приступам боли. - Ты стал причиной, по которой король помиловал его.

- Да, - бросает колдун, даже не удостаивая чернокнижника взглядом. - Я подарил ему жизнь, а взамен держал на коротком поводке, пока он мне не понадобился.

- Шпион, - произношу я, моя кровь закипает от гнева.

- Марионетка, - поправляет колдун. Всё еще удерживая руку на плече Веспер и до синяков впиваясь пальцами в её кожу, он поворачивается к Гавриалу. - На колени, - требует он. - Живо.

Глаза Гавриала мгновенно стекленеют. Он падает на пол, даже не пытаясь смягчить удар, и одна из его коленных чашечек с хрустом разлетается в щепки; этот звук громким эхом разносится по храму. Крик зарождается в его горле, но лицо преступника остаётся абсолютно чистым. Пустым. Он не издаёт ни звука.

- А вот эта, - воркует колдун, - ну, она была моей любимицей. Самая искусная лгунья из всех, с кем я когда-либо работал. - Он проводит носом вверх по шее Веспер, и она смотрит на меня широкими, умоляющими глазами. - Расскажи ей, Веспер. Расскажи ей, что ты натворила.

Я думала, что знаю всю подноготную. Однако Веспер начинает дико мотать головой, и моя грудь сжимается от мучительных ударов разбитого сердца. Она отказывается встречаться со мной взглядом и не пытается вырваться из его рук.

- Веспер, это не имеет значения. Ты сделала это ради Эос, и я не виню тебя. Я поступила точно так же, - говорю я, потому что я не могу… я не вынесу ещё одного предательства. Я не могу смотреть, как последствия моих собственных решений преследуют меня, словно кровожадный полтергейст. Её боль - моя вина. Её страдания - тоже. Спасшись - выбрав себя, - я разрушила её жизнь.

- Я знала, - шепчет она прежде, чем я успеваю закончить. - Мне так жаль, Зефира. Я никогда…

Колдун зажимает ей рот ладонью, и я дергаюсь вперёд, отчаянно пытаясь защитить её.

- Делай то, что он хочет, - говорю я, и мой голос срывается на приглушённый навзрыд плач. - Всё в порядке. Я справлюсь.

Мускул на челюсти колдуна дёргается. Он ненавидит мою покорность. Ему нужно, чтобы я была напугана. Разве он не видит, что я в ужасе?

- Ещё, - требует колдун, сжимая пальцы сильнее, так что кожа Веспер понемногу потемнела до сливового цвета от его прикосновений. - Расскажи ей всю правду. - Он толкает её вперёд, и она едва успевает выставить руки, чтобы не растянуться на полу.

Веспер падает на гранит, её хвост печально и медленно шевелится позади.

- Я знала… про Гавриала. Я знала про Амайю и этот культ смерти. Я знала абсолютно всё. Колдун рассказал мне о тебе всё, Зефира. Я… меня послали не для того, чтобы убить или вернуть тебя. Меня послали, чтобы отвлечь тебя. - Её слезы собираются в солёные лужицы под ней. - Я дёргала за все ниточки, потому что он знал… я стану твоей слабостью. Он знал, что даже если ты не возьмёшь остальных, ты всегда возьмёшь меня. - Она встречается со мной взглядом, болезненно морщась. - Он знал, что ты будешь чувствовать слишком сильную вину из-за Эос, чтобы поступить иначе.

Всё, что оставалось от меня - от моей выдержки, - разлетается в прах. Я готова рассыпаться, как источенный временем камень. Однако вместо этого я с силой

сдёргиваю вуаль с глаз. Я в клочья разрываю кружевные рукава своего платья. Я не позволю ему увидеть, как я ломаюсь.

- Поздравляю, - выдавливаю я из себя блёклым, надтреснутым голосом. - Ты победил.

Её предательство - все их предательства - должны были ранить сильнее. И они ранят, просто не так, как планировал колдун. Потому что я знаю себя. Я живу с собой уже больше двадцати лет. Я была ужасной подругой для Веспер. Я причина, по которой погибли люди. Я прощаю их всех.

Но его я не прощу никогда.

Он сыграл нами - всеми нами - как на грёбаной скрипке.

Веспер качает головой:

- Побывав в том замке… я верю тебе, Зефира. Каждому твоему слову. Я не собиралась позволить ему выиграть, даже если он поклялся вернуть Эос…

- Достаточно, - отрезает колдун. Он хлопает в ладоши, и гремит гром. Бронзовая клетка намертво сковывает рот Веспер. Она больше не может говорить. Не может плакать или кричать.

И я хочу разорвать колдуна на куски. Моя грудь тяжело вздымается от праведного гнева. Взгляд пылает жаром.

- Ты обещал ей Эос в обмен на меня. Так верни Веспер её сестру! Она выполнила свою часть, не так ли? Я здесь, прямо перед тобой. Верни Эос.

- В обмен на тебя? - Он щёлкает языком. - Дорогая моя Зефира, я мог вытащить тебя из моря в любую секунду, когда бы ни пожелал. Нет… это вообще не имеет к тебе отношения. Хотя, полагаю, ты знатная фигура на этой доске. Это помогает? Если я скажу, что ты важна для этой истории?

- Мне абсолютно насрать, что ты мне скажешь, похотливый ублюдок.

- Как всегда изобретательна на оскорбления, жена. - Колдун смеётся, и этот острый, как бритва, звук оседает на моей коже ледяной коркой.

Я ненавижу его. Ненавижу. Ненавижу.

Закипая от неистовой ярости, я шиплю:

- Настанет день, когда кто-нибудь выпотрошит твои органы прямо из твоего поганого живота. Они задушат тебя твоей же собственной кишкой. И даже если я буду мертва, я буду там. Прямо там, чтобы лично видеть, как ты кричишь и умоляешь сохранить тебе жизнь, как ничтожный, жалкий трус.

Его взгляд вспыхивает медью, куда более расплавленной, чем лава. Он делает шаг ко мне, небрежно огибая тела своих приспешников.

- Этот день никогда не настанет, - произносит он темно, тихо и зловеще. Волоски на моих руках встают дыбом, покалывая плоть. Предупреждая о неминуемой опасности. - Забери сундук, Зефира. Отдай мне сердце.

Земля уходит у меня из-под ног.

«Это вообще не имеет к тебе отношения».

Верховному Колдуну Четырёх Морей не нужна я. Не по-настоящему. Ему нужно сердце бога смерти. Он жаждет бессмертия, бесконечной власти… чёрт. Нет. Если он заберёт его, всему миру придет конец. Я перевожу взгляд на Ариона, который беспомощно смотрит на меня в ответ. Нашей связи больше нет. Моя привязка к нему испарилась. Он уже практически мёртв, и единственная причина, по которой он всё еще дышит - это стоящий передо мной колдун. Но я… я не смогу сделать это в одиночку. Я не могу победить человека, который всегда выигрывает.

- Ты тупее осётра, если думаешь, что я хоть раз исполню твою волю. - Я свирепо смотрю на колдуна, высоко вскинув подбородок. Кулаки сжаты. Буду непокорной до самой секунды, пока он меня не убьёт. - Тащи его сам.

Я жду вспышки насилия. Жду, что весь этот храм взлетит на воздух.

Но я никак не ожидаю, что колдун безмятежно улыбнётся и произнесёт то самое имя, с которого всё началось:

- Неужели ты думаешь, что Джасин был случайностью, Зефира?

Джордан Стефани Грей - Порочное мореThe Jordan Stephanie Gray - Wicked Sea

ГЛАВА 40

ЗЕФИРА

Имя Джасина обрушивается на меня леденящей волной ужаса.

И волной грёбаной ярости.

- Не смей говорить о нём, - рычу я, лихорадочно соображая, как быстро смогу вонзить ногти в живот колдуна и выпустить ему кишки. Я убью его. Здесь и сейчас. Я найду способ, чего бы мне это ни стоило.

Колдун ухмыляется с безумным восторгом:

- Он был экспериментом. Гипотезой, которую я выдвинул и которая в итоге полностью подтвердилась. Ты готова на всё ради любви, и, конечно же, это так. Такова твоя природа, моя возлюбленная жена. Тебе никогда от этого не сбежать.

- Ты… ты несёшь полную херню. Джасин спас меня от обломков кораблекрушения почти девять лет назад. Я тогда тебя даже не знала.

- О да. Он был чистым и добрым, и ты пожертвовала всем ради него. Моя ошибка была не в твоём спасении, а в том, что я убил его после. Вот почему он должен был оставаться в живых, когда я вернул его. Я знал, что моя истинная власть будет заключаться в том, чтобы держать его жизнь в своих руках. - Колдун оскалился, и тот день в Люции - на берегу - вернулся ко мне с оглушительным, тошнотворным треском.

Умирающий Джасин. Появление колдуна. Продажа души ради спасения мальчика, которого я любила.

Затем колдун воскресил его, обратив в русала. Вырвал нас обоих и уволок в свой грёбаный замок, где я должна была жить в башне, а Джасин…

Джасин должен был охранять её.

Охранять меня.

Восемь проклятых лет я видела Джасина в стенах, в полу, в потолке. Каждый день. Каждый час. Он был прямо там, но не мог заговорить со мной. Мне не дозволялось видеть его, если только колдун не присутствовал лично. И я знала - знала, что колдун пытал нас обоих. Заставлял Джасина смотреть на мои мучения. Заставлял его оставаться неподвижным и безмолвным. Мои пальцы сжались в кулаки. Кандалы загремели от того, как сильно меня сейчас трясло.

- Это ранило тебя, верно? - проворковал колдун. - Когда я сказал, что ты сможешь сбежать к своей свободе, если - и только если - сама убьёшь мальчишку? В глубине души я думал, что ты скорее покончишь с собой, но ты всегда была слишком эгоистична для этого. Не так ли? Как бы сильно ты ни любила кого-то, себя ты всегда любишь больше.

Меня колотило крупной дрожью. Я не могла остановиться. Тошнота подступила к горлу, обжигая язык, но я не могла даже открыть рот, чтобы меня вырвало.

- Ты вырезала сердце Джасина и даже не остановилась, чтобы оплакать его.

Храм закружился передо мной. Я почти пожелала, чтобы пол разверзся и поглотил меня целиком, но я не могла позволить колдуну жить.

- Перестань, - прошептала я, задыхаясь. - Это… это было милосердием.

- Нет. Не было. - Колдун опустился передо мной на корточки, мягко обхватив мою щеку ладонью и запрокидывая мою голову назад, пока я не уперлась взглядом в эти жуткие бронзовые глаза. - Это был твой выбор, Зефира. Всё это всегда было твоим выбором. Ты сама взяла тот нож. Ты сама вонзила его ему в грудь. Ты пробила его плоть и вырезала сердце. Потому что ты этого хотела. И что ты сделала после? Зарыдала? Поколебалась? - Он покачал моей головой вместо меня. - Нет. Ты побежала.

Мои мышцы сводит судорогой, и я пытаюсь оттолкнуть колдуна. Но кандалы затягиваются сильнее. Они врезаются в кожу, и я… я провела шесть месяцев, подавляя это. Я не могу… я не хочу вспоминать об этом сейчас.

Кровь на моих руках. Зияющая рана в груди Джасина. Его глаза - широко распахнутые от злости, от печали, от предательства. Моего предательства. Наросты из морских уточек на теле Джасина исчезают, когда он умирает, а его хвост снова превращается в ноги. Он выглядит в точности так же, как в тот день, когда умер на пляже острова. Я роняю нож. Мои кандалы расстёгиваются. Они открываются и с грохотом падают на пол.

Джасин мёртв.

Джасин мёртв, и… мне нужно бежать. Прочь. Сей же час.

Не оборачиваясь, ни на секунду больше не глядя на него, я мчусь к дверям замка. Колдун медленно считает за моей спиной, прежде чем крикнуть:

- Не волнуйся, Зефира. Я найду тебя. И как только найду, мы наконец поженимся.

Сердце ныло, разрываясь на части. В моей памяти всплыли жемчужно-белые волосы Джасина. Его лёгкая улыбка. Его плутовской смех. Я вспомнила его внутренности на своих руках. Я убила его. И я не остановилась, чтобы оплакать его. Я запретила себе когда-либо думать об этом снова. В чём-то колдун был прав - я хотела убить Джасина, потому что это означало мою свободу.

Я убила мальчика, которого любила, чтобы спасти себя.

И я сделала бы это снова, был он узником… или нет.

- Ты ничтожная, паршивая девчонка, - произнёс колдун. - И именно за это я люблю тебя. - Его магия обвила мои ноги увядающим плющом, пока я не лишилась возможности двигаться. Не могла моргнуть, открыть рот или хотя бы заплакать. - Смерть Джасина научила меня кое-чему очень ценному. С тобой всё всегда упирается в любовь. Любовь к незнакомцу. - Колдун повернул мою голову в сторону Гавриала, который сжимал раздробленное колено и покачивался из стороны в сторону в агонии. - Любовь к королевству, которого ты никогда в глаза не видела. - Затем он повернул мою голову к Амайе. Она шарила по полу в поисках своего глазного яблока, а её невидящий взгляд всё ещё исходил кровью. - Любовь к подруге. - Теперь Веспер, которая отчаянно царапала клетку на своём лице, пока её хвост был прибит к полу. Каждое из этих зрелищ въедалось мне в кости. Это было невыносимо больно.

И я знала, куда он заставит меня посмотреть дальше. Я не хотела видеть его. Я не хотела думать о том, что теряю.

Однако у меня не было выбора. Колдун заставил меня посмотреть прямо на умирающего чернокнижника.

- Любовь к родственной душе.

Дыхание Ариона было едва различимым. Он привалился к стене, скрючившись и из последних сил пытаясь дотянуться до одного из брошенных на полу орудий. Мы оба

знали, что это не поможет. Мы все были практически мертвы. Безысходность вонзила в мою грудь свои острые когти. Но я не хотела сдаваться.

Я сбежала. Я боролась за столь многое.

И у меня ничего не осталось.

Магия колдуна отпустила меня, освобождая тело и рот, и я ощутила вкус ненависти на языке. Панику, агонию и ужас, которые я испытывала на протяжении восьми грёбаных лет.

- Джасин мёртв. Это то, что ты хочешь от меня услышать?! Я любила его, и я убила его. Я убила его, чтобы сбежать от тебя! - Мой голос сорвался от стыда. Вины. Я презирала себя. Я ненавидела себя так долго. Но колдуна я всё ещё ненавидела сильнее. - Так какое отношение всё это имеет к сердцу Мортема? - прохрипела я, отказываясь плакать, пока колдун безжалостно сжимал мои щеки. - Забери его сам. Возьми его. Убей нас. Заканчивай эту грёбаную клоунаду, пока ты не уморил нас со скуки до самых Бездн. Я знаю, что совершила. Я этим жила. Мне не нужен твой грёбаный урок истории о твоих дебильных играх.

- Хватит прикидываться идиоткой. Посмотри вокруг, жена, - прорычал колдун. Его глаза блеснули неприкрытой злобой. - Я бы забрал сердце, если бы мог. Я бы не оставил его гнить здесь на пятьсот грёбаных лет, если бы имел возможность украсть его сам.

Я закипала ещё сильнее, лишённая страха. Что ещё он мог мне сделать? Что ещё во мне осталось сломать?

- Ты ведь должен быть самым могущественным…

- Сила - ничто, если она скована ограничениями! - Он с силой оттолкнул меня, отходя прочь к сундуку. Он кружил вокруг него на расстоянии, словно что-то не пускало его подойти ближе. - Пошевели мозгами. Оно было погребено в моей впадине. Я правил бок о бок с ним веками. Я проклят и никогда больше не смогу ступить на сушу. Неужели ты действительно не видишь общую картину, даже когда краска стекает прямо перед твоими глазами? - Он уставился на меня, удерживая мой взгляд в плену своего порочного умысла. - Открой мой сундук, Зефира. Отдай мне моё сердце.

Открой… мой…

Нет. Нет, нет, нет.

Я сделала шаг назад, спотыкаясь.

Моё сердце. Моё сердце. Моё сердце. Как ядовитая колыбельная, эти два слова закружились в моём черепе, пока я не лишилась способности думать или слышать что-либо ещё. Моё сердце.

Моё. Сердце.

Я осмотрела комнату в поисках украденных мозаичных плиток, хоть какого-то намёка, но они исчезли. Всё, что осталось - статуя бога смерти. Два крыла раскинулись из камня, отбрасывая насмешливую тень позади колдуна. Словно у него… словно у него тоже были крылья.

Нет. Это неправда. Он лжёт. Я затрясла головой, будто это был мираж и я могла прогнать эту сцену, просто моргнув.

- Ты не можешь быть… ты не…

- Мортем, - прохрипел Арион, наконец переведя взгляд на колдуна. Он рванулся вперёд, используя остатки сил, чтобы метнуть кинжал. Но он был слишком слаб. Оружие лишь скользнуло по плечу колдуна, едва поцарапав бронзовую кожу. Крошечный порез затянулся мгновенно.

- Это невозможно.

- Разве? Я - повелитель смерти. Я самый могущественный бессмертный в мире. Кем ещё я мог быть? - Колдун - Мортем - рассмеялся, прежде чем наклониться и подобрать кинжал с пола храма. Он протянул его мне рукоятью вперёд. - Хочешь попробовать?

Я свирепо смотрю на клинок. На него самого, от его бронзовых волос до божественно красивого лица и нашей крови у его ног. Сжимающий внутренности ужас ползёт по моему позвоночнику, когда правда наконец грозит окончательно раздавить меня. Мортем. Человек, который пытал меня, манипулировал мной, издевался надо мной, был вовсе не человеком - не русалом и не колдуном, - а тем самым кошмаром, который преследует сны каждого мерроу. Враг нашего народа. Погибель мира на этой земле.

Мортем.

Бог Смерти.

В его бронзовых глазах вспыхивает предвкушение удовольствия от того, что он прочёл на моём лице.

- Соскучилась по мне, моя возлюбленная?

Я выхватываю кинжал из его рук прежде, чем он успевает заметить, как сильно они дрожат, и шагаю в сторону, заслоняя собой Ариона. Арион. Его лёгкие клокочут, когда он делает свои последние вдохи, а я… я не знаю, как ему помочь. Я не знаю, что делать. Мои пальцы мёртвой хваткой впиваются в рукоять кинжала - потому что я ничего не могу сделать. Мортем победил. Снова. И всё же…

- Я бы перерезала тебе горло, если бы это действительно могло причинить тебе боль.

Он прижимает руку к сердцу в напускной муке:

- Ты причиняешь мне боль, жена.

И его голос, когда он произносит это последнее слово - жена, - звучит странно интимно, почти многозначительно, словно нас двоих связывает какая-то великая, коварная тайна. Но тайн больше не осталось. Он раскрыл всё, забрал всё, оставив после себя пять пустых оболочек. Оставив меня ни с чем. У меня ничего нет. Я ничто. Из-за него.

- Значит, ты потерял своё сердце… Вила вырезала его из твоей груди, прокляла тебя на жизнь в море, а ты убил её. Не повезло, бывает, но какое отношение всё это имеет ко мне?! В чём был смысл всей этой… этой херни? Ты тратишь вечность на то, чтобы играть в игры с смертными? Ты… ты больной на всю свою грёбаную голову. - Боль. Страдания. Мучения. Логика подсказывает, что такова его природа. Он - бог человечества, бог смерти, но почему именно я? Почему это жуткое, всемогущее божество выбрало мишенью для своих истязаний меня? Чувство надвигающейся катастрофы скручивается всё туже, пока я смотрю на него. Пока он смотрит на меня.

Я упускаю что-то важное. Слишком сосредоточившись на переднем плане, чтобы разглядеть масштабную картину. А масштабная картина определённо была - я вижу её отголоски в торжестве, сквозившем в золотом взгляде Мортема. Словно прочтя мои мысли, он скалится:

- Хочешь, я напомню тебе?

Прежде чем я успею ответить, он взмахивает рукой, и тени на стенах храма приходят в движение. Они начинают сплетаться в изящные силуэты, подбираясь ближе и кружась вокруг Гавриала, вокруг Амайи и Веспер, пока наконец не замыкают

кольцо вокруг Мортема и меня. Они кажутся смутно знакомыми. Крылатый мужчина и русалка. Мортем и Вила. Я узнаю эту историю на уровне инстинктов; вот он заключает её в свои объятия и целует. Она вырывается из его хватки и спасается бегством. Когда он пускается в погоню, волоски на моей шее встают дыбом, и я завороженно наблюдаю за тем, как он настигает её, обнимает, но фигура Вилы вдруг сжимается, темнеет, уходя в себя, пока окончательно не взрывается изнутри.

Голос Мортема звучит мягко, когда он заговаривает снова:

- Люди и мерроу - смертные - рассказывают историю о боге и богине, которые любили друг друга и воевали друг с другом. Понимают они истинную личность русалки или нет, суть легенды неизменна. Она прокляла меня. Я убил её. И вместе жизнь и смерть разрывают этот мир, создавая Бездны.

Пока он говорит, балет теней начинается заново; фигуры ткутся вновь, повторяя свой макабрический танец. Поцелуй. Побег. Взрыв. Жгучая боль сковывает моё горло, пока я наблюдаю за ними, и я с трудом подавляю необъяснимый всхлип. Это не имеет никакого смысла. И это имеет идеальный смысл. Мой желудок скручивает от странных, чужеродных эмоций, пока Мортем шепчет:

- Но эта сказка не совсем правдива. Я не умер. И я не проклят на прозябание в подземном мире, чтобы коротать своё бессмертное существование среди несчастных душ. Я здесь. Я паромщик.

Моё горло окончательно пережимает:

- И что с того?

- Боги этого мира всегда олицетворяют лишь одну вещь: баланс. Жизнь и смерть не могут существовать друг без друга, - произносит Мортем. При этих словах балет теней рассеивается, обращаясь в медный силуэт весов, зависших в воздухе между нами. - Если я здесь, если я лишён части своей силы и чаша весов ещё не склоняется в мою пользу, как ты думаешь, где сейчас Вила?

Весь мир сужается до его ненавистного лица.

Если то, что он говорит, правда… если он никогда не уходил…

- Она тоже никогда не уходит, - слова срываются с моих губ едва различимым шёпотом, и я неистово трясу головой, пытаясь прояснить её. Понять. Потому что баланс нарушен. Или, по крайней мере, изменён. Если Мортем лишен половины своего могущества и проклят в четырёх морях, тогда Вила… с ней тоже должно было что-то произойти. Она должна была ослабнуть. «Это вообще не имеет к тебе отношения», - сказал он, но сейчас абсолютно все смотрят на меня. Даже Арион, который протащил себя через лужу собственной крови, чтобы коснуться моей лодыжки. Его прикосновение холодное. Слишком холодное.

- Зефира, - выдыхает он.

Мой желудок ухает вниз, а рот заполняет горькая желчь.

Когда Мортем улыбается на этот раз, сами Бездны разверзаются, и Смерть смотрит на меня в ответ.

- Мы вечны, - просто говорит он.

Джордан Стефани Грей - Порочное мореThe Jordan Stephanie Gray - Wicked Sea

ГЛАВА 41

ЗЕФИРА

Я отшатываюсь назад, и рука Ариона соскальзывает с моей кожи. В ушах начинает звенеть тонкий, пронзительный гул.

- Я не…

- Богиня? - заканчивает за меня Мортем. - Возможно, не сейчас, но когда-то давно ты была самым прекрасным созданием на этой земле. - Он следует за мной тенью, шаг в шаг, каким-то образом предугадывая каждое моё движение. - Вила, дорогая моя. Моя жена. Ты всегда возвращаешься домой.

Это слишком нелепо. Самая бредовая теория, которую только можно было состряпать. Я не какая-то особенная, я не богиня.

Я всего лишь Зефира.

Русалка. Женщина.

Мой взгляд инстинктивно мечется по храму в поисках любого пути к спасению. Я… мне нужно уйти, нужно бежать, и… дерьмо. Чёрт, этого просто не может происходить. Когда Мортем преграждает мне путь, я поспешно ухожу в сторону, но он следует за мной без колебаний. Он всегда следует за мной. Его одержимость ни разу не пошатнулась с того самого момента на пляже.

«Я с тобой, Зефира. Я всегда буду прямо здесь, с тобой».

Этот человек - этот бог - либо сошёл с ума, либо… он прав. И в эту секунду я не могу решить, что из этого хуже.

- Моё… моё имя Зефира. Зефира из Силь. - На последнем слове мой голос перехватывает. - У меня есть отец и брат. У меня была мать. Она погибла от рук людей… пиратов. Они пронзили её копьем при первой же встрече.

- Неужели? - легкомысленно роняет он, продолжая выслеживать меня, как хищник. - Или это был кто-то, замаскированный под пирата? Неужели твой отец видел что-то большее, чем просто финал гибели твоей матери? Мы вечны, дорогая моя. Мы всегда переплетены.

Нет. Грёбаное нет. Богиня, меня сейчас вырвет. Но от этой мысли становится только хуже. Я не могу быть… я не Вила.

- У меня есть воспоминания. У меня есть детство. Я… я провела восемь лет, увядая в твоём замке. - Где он наказывал меня. Каждый божий день. Где он никогда не отпускал меня, где он причинял мне боль, где он запирал меня в темноте и упивался моими криками. Незваный балет теней снова прокручивается в моей голове: то, как Мортем пытал Вилу, пока она не взорвалась.

- Ты всегда так делаешь. - Когда моя спина упирается в статую Вилы, он перехватывает мою руку, прижимаясь к ней губами. - Я всегда нахожу тебя, как бы тебя ни звали - Вила, Серафина или Зефира. Мы предназначены друг другу судьбой.

Я пытаюсь, но не могу вырвать руку.

Если всё это правда - что определённо не так, - то эта мысль мало утешает. Воскресать после каждой смерти только для того, чтобы страдать ещё сильнее, чтобы тебя снова, и снова, и снова пытали те же самые жестокие руки. Целые жизни, полные насилия. Целые жизни безнадёжных скитаний. Никто не заслуживает такого. Никто. Мне наконец удаётся выдернуть руку из его хватки.

- И всё это ради того, чтобы наказать женщину за… за то, что она тебя не любила?

- Поначалу. - Мортем наклоняет голову, словно искренне обдумывает мой вопрос. - В самом начале, когда мы были божествами, всё дело было в твоих непостоянных чувствах. В том, как ты могла смотреть на меня с теплом в один день и с ледяным презрением в другой. В том, как ты заменяла меня меньшими мужчинами и женщинами. Смертными. - Его губа кривится, когда он добавляет: - Ты жила этим, пожирая жизнь и любовь, как изголодавшаяся женщина. Почему ты не могла понять, что я… я любил тебя, Вила? - Без предупреждения его рука вскидывается, хватая меня за волосы, и он с грубой силой наматывает их на кулак, притягивая меня к себе. - Я бы отдал тебе всё.

Я скалю зубы, не в силах пошевелиться:

- Ты ненормальный.

Низкий, опасный рокот вырывается из его груди.

- Я люблю тебя даже сейчас, и всё равно этого мало. Ты заманила меня сюда, в этот самый храм, понимаешь? Ты обещала выйти за меня замуж на вечность, но сама вырезала моё грёбаное сердце. - Если это вообще возможно, его хватка на моих волосах становится ещё крепче, едва не сдирая кожу с черепа, но я отказываюсь кричать. Челюсти сжимаются от напряжения так, что готовы треснуть. - Ты прокляла его, спрятав там, где только ты могла его найти. Коснуться его. Использовать его.

В моей голове набатом бьет тревога, но я по-прежнему не могу пошевелиться, не могу сделать ничего, чего Мортем не позволяет. От боли в коже головы на глаза наворачиваются слезы. Уже не важно, правда ли то, что он говорит; он верит, что это правда, и у него нет намерений отпускать меня. Отпускать кого-либо.

- Когда я убил тебя, - цедит он сквозь зубы, - я думал, этого будет достаточно. Я думал, ты останешься мёртвой, а руины Бездны смыло вместе с твоим трупом. - Его рука выкручивает пряди. - Представь моё удивление, когда всего через несколько лет к моему желобу приплывает русалка с розовыми волосами и сверкающими звёздами в бирюзовых глазах. Она даже пахла как ты. Говорила как ты. Выглядела как ты. Переродившаяся Вила, только она - ты - понятия об этом не имела. - Он смеётся, и этот звук кажется холодным и тёмным. Мёртвым. - Ты наконец оказалась в моих руках, и я мог делать с тобой всё, что пожелаю. Я провёл века с тобой, моей прекрасной марионеткой, ожидая дня, когда ты откроешь этот бронзовый сундук и вернёшь мне сердце, но за все эти жизни ты ни разу не полюбила меня. Ты всегда проникалась ко мне презрением.

Он запускает вторую руку в мои волосы, приближая своё лицо ещё ближе. Говорит прямо мне в губы, отчего меня откровенно тошнит.

- Было ощущение, будто наша трагедия въелась в твои кости, - произносит он, - и ты на подсознательном уровне знала, что нужно избегать двери, появившейся в полу самой нижней комнаты замка. Ты знала, что Абиссис нужно держать в тайне, а вместе с ним и моё сердце.

Я с силой бью его коленом в пах и выскальзываю из зоны досягаемости, когда его хватка ослабевает. Наваливается свинцовое осознание: один раз он меня отпустил. Я

не жду, что он сделает это снова, но это не значит, что я сдамся без боя. Если этот ублюдок ещё раз ко мне прикоснётся, я отрублю ему руки. И мне плевать, что они могут отрасти заново.

- Не представляю, как вообще кто-то мог тебе помогать. Ты чудовище.

Он игнорирует мои слова.

- Всем этим я обязан Джасину. Конечно, ты влюблялась почти в каждой жизни, так что, возможно, это моя вина, что я не разглядел всё раньше. Но единственный способ, которым ты могла вернуть моё божественное начало, требовал правильной мотивации. Богиня Жизни, Любви и Моря. Ты сделаешь всё ради тех, кого обожаешь. Когда чернокнижник - чья хвалёная магия проникла даже в мой замок - начал искать мою силу, я понял: время пришло. В конце концов, ты способна влюбиться даже в грёбаный камень. А кто такие чернокнижники, как не камень, кровь и война? - Взмахнув рукой, он добавляет: - Я предложил тебе сделку, позволив бежать прямо к берегам Мортии, пока Гавриал искал нужные тексты, чтобы искусить чернокнижника. Я делал то, что позволяло расстояние - сажал семена, которые мог поливать из своей океанской тюрьмы, а затем… ждал. Ты не разочаровала меня, Вила, жена моя. Нам не сбежать от своей судьбы, верно?

Он подходит ближе, и с каждым шагом его притворство осыпается, обнажая истинное, глубинное зло. Его голос теряет всякое лукавство, когда он произносит:

- Открой сундук, Вила. Верни меня в моё истинное состояние - и спаси своих друзей.

И вот оно.

Причина всего этого.

Он думает, что я единственная, кто может достать его драгоценное сердце - вернее, это может только Вила, - а остальные… они лишь рычаг давления. Он притащил их сюда, чтобы гарантировать, что я исполню его волю. «С тобой всё всегда упирается в любовь. Любовь к незнакомцу, к королевству, к подруге и… к Ариону. К родственной душе».

Я оглядываюсь на него и вижу, что его серебряно-золотые глаза устремлены на меня. Каким-то образом ещё жив. Несомненно, дело рук колдуна. Его крылья беспомощно дёргаются, отчаянно пытаясь притянуть его ко мне. Но они не могут. Словно в подтверждение этого - будто он ждал, пока я посмотрю на него, - веки Ариона вздрагивают и закрываются. И больше не открываются.

И это наконец происходит.

Мортем окончательно ломает меня.

- Я не верю тебе, - шепчу я. Богиня никогда бы не позволила этому случиться. Богиня знала бы выход - использовала бы свою силу, чтобы спасти людей, которых любит. Я не она. Я недостаточно сильна, чтобы быть ею.

- Тогда спроси свою подругу. - Мортем взмахивает рукой, освобождая Веспер из клетки. Она падает вперёд, жадно хватая ртом воздух, после чего встречается со мной взглядом - удручённым, безнадёжным.

- Я не могла его открыть, - признаётся она тихим, глухим голосом. - Я пыталась забрать сердце… остановить это до того, как он прибудет… - Её горло дёргается, но слёз нет. - Я не могла открыть сундук и не могла дотянуться до сердца. Он заперт, а я не смогла вскрыть замок.

Я смотрю на Мортема, и мне хочется наброситься на него, закричать, высказать, как сильно я его ненавижу.

- Я люблю тебя, Зефира, потому что твоё презрение не существует и не может существовать без любви. Для тебя они неразрывно связаны. Поэтому, когда ты говоришь «я ненавижу тебя», я знаю: на самом деле ты имеешь в виду «я люблю тебя».

- И если я сделаю это, - произношу я вместо этого, - если я попробую открыть его… ты оставишь нас в покое? Всех нас?

- Всё сработает. - Он подходит ближе, слишком близко, так что наши носки почти соприкасаются, и возвышается надо мной. Его палец ласкает мой подбородок.

- Даже Эос, - говорю я. - Верни её прямо сейчас. Не как свою служанку, а точно такой же молодой девушкой, какой она была до смерти.

- До того, как ты обрекла её на смерть, ты имеешь в виду, - холодно поправляет Мортем.

- Да, - соглашаюсь я, не моргая. - До того, как я стала причиной её гибели, она была счастливой, полной жизни и жила со своей сестрой на улицах Крестфолла. Я хочу, чтобы она вернулась к этому, и хочу, чтобы ты дал им достаточно монет, чтобы они могли уехать. Я хочу, чтобы ты помог им найти лучшее место для жизни. Я хочу, чтобы ты помог народу Амайи. Я хочу, чтобы ты вытащил Гавриала из его башни и аннулировал его долг. Я хочу, чтобы ты спас жизнь Ариона. Я хочу, чтобы его магия восстановилась, и я хочу, чтобы он… чтобы он вернулся туда, где его место, без каких-либо последствий. - Я свирепо смотрю на этого омерзительного бога, вздергивая подбородок в знак очевидного упрямства.

- Ты многого просишь, Вила.

- Как и ты, Мортем.

- Ладно, жена. Да будет так. - Ещё один взмах руки, и душа Эос материализуется во вспышке солнечного света на ступенях храма. Она обретает плотную, истинную форму. Длинные ноги, тонкие руки, сияющие глаза. Я снова едва не падаю. Видеть её - это так прекрасно. Я готова разрыдаться. Веспер действительно плачет - на этот раз беззвучно. - Эос будет жить. Народ Амайи будет процветать. Долг Гавриала будет аннулирован. А твой ненаглядный чернокнижник может возвращаться в свою мрачную башню.

Моё сердце пускается вскачь.

Эос здесь. Она прямо здесь. Смотрит на меня, её глаза расширены от удивления, а рука взлетает к губам.

- Зефира, - шепчет она. Мне больно. Мне больно всем телом.

Как я могу сказать «нет» этой сделке?

Как я могу отказаться, если без этой сделки ни для кого из нас ничего не останется?

- Не надо. - Голос Ариона, нити его магии, проникают в моё сознание с поразительной ясностью. Моё сердце подпрыгивает от этого звука - от того, какой он сильный, какой живой, точно такой же, как при нашей первой встрече. И моё сердце снова разбивается вдребезги. - Зефира, не спасай нас. Не выпускай его в мир. Мортем убьёт тебя. Если ты сделаешь это, баланс окончательно рухнет, и он станет безграничным. Ты умрёшь. Насовсем. Ты должна отпустить нас. Ты должна спасти себя.

На последних словах я едва не плачу. После всего, через что мы с Арионом прошли - от незнакомцев до врагов и до этого момента, - последние мысли в его удивительной жизни посвящены мне. Моему счастью, превыше всего и всех остальных. И это ранит.

Богиня, как же больно видеть его лежащим там, прямо за чертой досягаемости. Навсегда вне досягаемости.

Арион практически мёртв. Мы все практически мертвы.

«Я бы любил тебя».

«Ты должна спасти себя».

Но я уже пробовала это. Я продолжала ставить себя на первое место. И из-за этого прокляла каждого человека, который меня любил. Джасин. Эос. Арион. Я думаю об их именах с той же поразительной ясностью, что звучала в голосе Ариона. Я вырезала сердце Джасина. Я убила его. Я бросила Веспер, и Эос, и Ставроса, и Эос со Ставросом погибли из-за этого. И Арион… я запутала наши жизни. Сама того не ведая, я утянула его прямо в это грёбаное месиво.

Нет. С меня хватит спасать себя ценой чужих жизней. Нет смысла жить без дружбы, без доверия, без любви. Я была одна - глубоко, по-настоящему одна - почти десять лет. Я не стану делать это снова.

Не имея другого выбора, лишённая иных надежд, я приближаюсь к бронзовому сундуку тяжёлыми, негнущимися шагами. Однако, дойдя до него, я не могу не поколебаться, даже чувствуя спиной взгляды всего храма. Наблюдающие. Ожидающие.

К чёрту всё.

Я никогда раньше не колебалась. С чего бы начинать сейчас?

Моя рука тянется к сундуку, и я задерживаю дыхание, желая, чтобы он остался запертым навсегда. Желая, чтобы он откликнулся на моё прикосновение. Мои пальцы задевают старинную бронзу, и…

Замок щёлкает и открывается.

Вот так просто замок поддаётся, а вместе с ним раскрывается и сундук.

И я мгновенно понимаю, что это значит. Как это выносит мне приговор.

Перерождение.

Вила.

Танец жизни и смерти.

Но мне плевать. Даже если я… богиня, что божественность сделала для меня? Какое это имеет значение? Моя жизнь была сплошной агонией. Каждый грёбаный вдох, каждый грёбаный день. И всё из-за него - из-за Мортема.

За моей спиной воцаряется тишина. Даже Мортем молчит. Возможно, он ждёт, что небеса разверзнутся в триумфе. Возможно, мне суждено получить века воспоминаний, обрести цель и смысл, но… я всё ещё просто Зефира.

Я всё ещё просто женщина, стоящая в залитой кровью комнате, пропитанной смертью.

- Хорошая девочка, - шепчет наконец Мортем. - Неси его сюда.

Я смотрю вниз, в открытый сундук.

- Убей его, - умоляет Арион. - Используй сердце и прикончи его.

На белоснежном бархате покоится всё ещё бьющийся чёрный орган бога.

Я опускаюсь на колени, чтобы взять его, зажимаю в руке, и он сокращается между моими пальцами. Липкий. Тёплый. Хрупкий. Я могла бы сделать это - раздавить его, прямо как хочет Арион. Я могла бы положить конец царству террора Мортема до того, как оно начнётся. Это было бы справедливо. Это было бы правильно.

Спасти мир.

Словно со стороны наблюдая за собственным телом, я сжимаю сердце крепче. Поддавшись импульсу, я начинаю сдавливать его, и порочное удовлетворение пронзает

меня насквозь, когда Мортем начинает задыхаться, хрипеть и проклинать всё на свете. Умирая. Медленно я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на него, наслаждаясь тем, как подкашиваются его колени. Тем, как он цепляется за собственное горло, а его глаза расширяются от подлинного страха. Точно так же, как мои расширялись каждый божий день на протяжении десяти лет.

Однако моё удовлетворение длится недолго: Эос тоже падает, повторяя его движения, словно тоже задыхается. Она кричит от боли. Она начинает плакать.

И все остальные тоже. Они падают один за другим, как домино, хрипя и извиваясь на полу. Веспер. Амайя. Гавриал. Арион.

Я тут же разжимаю пальцы, отпуская его сердце, и моё торжество сменяется тошнотворным сожалением. Конечно, Мортем привязал их жизни к своей. Конечно, он не стал бы облегчать мне задачу - и всё же, каким-то образом, он её облегчил.

- Вот так, Вила, - воркует колдун. - Вложи его мне в грудь. Между рёбер. Верни моё сердце туда, где ему место.

Спасти себя.

Спасти своих друзей.

Хотя кажется, будто у меня есть выбор, множество путей, по которым я могла бы пойти - это не так. Здесь есть только один вариант.

Есть только один способ всё это исправить.

Поднявшись на ноги, я делаю маленькие, нерешительные шаги к Мортему. Каждый шаг кажется неправильным. Каждый шаг уничтожает моё самообладание, пока меня не начинает трясти крупной дрожью. Теперь он ухмыляется, смахивая розовые волосы с моего лица с притворной - лживой - нежностью, пока я подношу его сердце к рёбрам.

- Ты слишком заботливая, Вила. Ты всегда слишком сильно обо всём пеклась.

Я заставляю себя снова вскинуть подбородок, свирепо глядя на него:

- Ага, ну а ты - кусок дерьма.

И без лишних слов я толкаю орган прямо сквозь его тунику, сквозь его плоть и рёбра, в пустую полость внутри его груди.

После этого всё происходит стремительно.

Резкий вдох, и Мортем снова становится единым целым.

Едва заметное сияние разливается по его коже, а его глаза и волосы обретают потусторонний блеск. Даже я вскрикиваю при виде этого величественного и ужасающего зрелища, отступая на шаг, пока он стонет, выгибаясь внутрь, и огромные чёрные крылья с треском прорывают кожу на его лопатках. Они распахиваются во всю длину храма. Они погружают нас всех в тени - слишком тёмные, слишком живые, словно сами Бездны явились сюда.

Веспер матерится и хватает свою сестру, крепко прижимая Эос к себе. Гавриал перехватывает запястье Амайи и бросается к выходу. Заклятия, сковывавшие каждого из них, разлетаются в прах.

И Арион - он восстаёт из мёртвых, как мстящий дух, а рана в его груди затягивается прямо на моих глазах. Его почерневшие вены не исчезают, но тускнеют, превращаясь в едва заметное серебро на красивой светло-коричневой коже, а его крылья больше не дёргаются беспомощно. Они поднимают его на ноги, широко распахиваясь - белые с золотом на фоне тьмы Мортема. Арион Стоун великолепно, неоспоримо жив. Каждая его часть. Каждая крупица. Жив, жив, жив.

Став сильнее, чем прежде, сильнее, чем когда-либо, он вскидывает голову, и его взгляд пылает золотой яростью. Он прекрасен. Прекраснее всего остального в этом мире. Его костяшки пальцев хрустят. Он наклоняет голову. Он яростно смотрит на Мортема, на зеркальное отражение самого себя, а в его ладони вспыхивает магия - великолепное зрелище из синего пламени, янтарных молний и пугающего возмездия.

- Арион, - шепчу я.

Он смотрит на меня. Его серебряно-золотые глаза расширяются.

- Зефира, - выдыхает он.

И этого слова… его мало. Я хочу большего. Я хочу часами слушать его голос. Годами. Десятилетиями и, может быть, даже веками быть с ним. Я хочу то будущее, о котором мы говорили. Я хочу быть счастливой, и я хочу тот коттедж, и я хочу, чтобы он был рядом со мной.

Но я не могу. Мы не можем.

Мы с Арионом заканчиваемся здесь.

- У нас сделка, - шепчет Мортем.

Его слова, его порочный и жестокий голос - это последнее, что я слышу перед тем, как он притягивает меня к себе. Руки Бога Смерти впиваются в мои волосы, безжалостные и непреклонные, ногти врезаются в кожу головы. Не теряя больше ни секунды, пока Арион не успевает обрушить свою магию на Мортема и спасти меня, бог совершает резкое движение. Пламя взрывается под моей плотью, боль вскипает, обжигая, а затем…

Ничего.

Мортем ломает мне шею, и я умираю.

Джордан Стефани Грей - Порочное мореThe Jordan Stephanie Gray - Wicked Sea

ЭПИЛОГ

БЕЗДНЫ

Смерть холодна.

Ледяная река вытекает из бесконечной тьмы, и её кристально чистые воды с плеском разбиваются о берег, вымощенный в шахматную клетку. Чёрно-белый мрамор, безупречный и блестящий, уходит вдаль по семи разным направлениям - семь разных путей - но я стою здесь, не зная, куда повернуть. Что выбрать. Я даже не могу вспомнить своего имени, хотя… я помню что-то о тепле. О жизни. О золотом сиянии. О серебряной нити. Я должна найти это снова. Я должна перестать дрожать.

Тонкое белое платье почти не защищает от холода, а ноги обнажены и тонут в ледяных лужах на пути. Мне нужно укрытие. Быстро. Но я уже мертва - это я помню: хруст ломающихся костей, ускользающую жизнь, чей-то рёв от боли. Что может сделать мне обморожение теперь?

Над головой гремит гром, и я смотрю вверх, стуча зубами и чувствуя, как замерзают ресницы. Тяжёлые тучи низко висят в беззвёздном небе, но они не проливаются дождём и не мечут молний. Вместо этого они плачут бриллиантовыми слезами и воют жуткую песню.

Радужные драгоценные камни градом сыплются на мою кожу, оставляя синяки и не давая времени на раздумья. Ни секунды, чтобы осмыслить прошлое или будущее. Я бросаюсь влево, спотыкаясь на ходу, и прямиком вбегаю в белоснежный зимний лес. Через секунды атмосфера меняется. Словно я бегу не по Безднам, а по страницам книжки со сказками.

Снег теперь густо устилает землю, скрывая шахматный пол, а ели теснятся вокруг, сменяя пейзаж. На горизонте выстраиваются пряничные домики, пятная мир коричневыми, красными и зелёными тонами. Мои пальцы ног сжимаются в снегу, и меня посещает внезапная мысль.

Здесь должен быть песок.

Не успеваю я это подумать, как горизонт меняется, сдвигается, трансформируется.

Я моргаю, и мир становится жарким. Слишком жарким. Песок обжигает подошвы, а ослепительное солнце заставляет пот течь по лицу. Я поднимаю руку, чтобы прикрыть глаза, умирая от жажды. Горизонт теперь пылает. Ослепительно белый, зеркальный, и я не вижу ни черта. В горле поднимается крик разочарования. Может, я просто упаду и больше не встану. Может, я умру здесь. Но нет…

Это невозможно.

От этой мысли под ногами начинают перекатываться дюны, словно волны злобного моря, заставляя меня двигаться, бежать…

Море, - внезапно думаю я, задыхаясь. - Я русалка. Я должна быть в океане.

Снова беззвёздное небо, но на этот раз я тону в бурлящих волнах, тяну руки вверх в поисках спасения, пока солёная вода обжигает лёгкие.

Джордан Стефани Грей - Порочное мореThe Jordan Stephanie Gray - Wicked Sea

Обычно кто-то спасает меня.

Земля теперь превращается в небо, я кувыркаюсь и падаю с тяжёлым, безвольным стуком на иссиня-чёрную поверхность. Это вовсе не небо, а грязь. Влажная, густая, илистая. Отвратительно.

- Что за чёрт? - Я поднимаю руки, вытирая грязь о белое платье, и смотрю вверх.

Замок пронзает землю, словно зазубренный обсидиановый нож. Снаружи его украшают биолюминесцентные кораллы и ракушки. Желудок делает кульбит, становится не по себе, и я дольше обычного цепляюсь за землю на случай, если мир снова сменится. В окне самой высокой башни вспыхивает янтарный свет.

- Эй? - зову я. - Есть… есть тут кто-нибудь?

Я не могу вспомнить своего имени, но я помню это место.

Я помню агонию.

- Если кто-нибудь подкрадётся ко мне, я их убью! Снова! - кричу я, поднимаясь на ноги и защищаясь одними кулаками. Я поворачиваюсь, чтобы уйти от замка, но… пейзаж вращается, словно я стою на крутящейся платформе. Замок снова появляется передо мной. Я рычу. Поворот. Кувырок. Пригнуться. Неважно, как я двигаюсь; замок не уходит из поля зрения. Он непоколебимо остаётся прямо передо мной. - Это что, врата в загробную жизнь? Потому что у меня есть несколько замечаний по декору.

Лёгкие сдавливает, когда я иду к нему, и грудь ноет. Я сжимаю кулаки, готовая к драке, хотя вокруг нет ни единого признака… кого-либо. Ни голосов, ни силуэтов, ни теней.

Я мертва, и я одна.

И всё же я не могу избавиться от инстинкта, что кто-то здесь есть. Или там, внутри.

- Если вы принимаете пожелания, я бы предпочла место получше. Вы когда-нибудь были в кондитерской? Ириски, конфеты, торты? - спрашиваю я, разговаривая скорее для того, чтобы успокоить себя, чем по какой-то другой причине. Судя по всему, тот, кем бы я ни была, любит поговорить. Очень много. - Это было бы прекрасно прямо сейчас.

Бездны отвечают открытием двери замка.

Я свирепо смотрю на тёмное небо.

- Ты сошёл с ума. Ни за что на свете я туда не пойду.

В ответ тропинка извивается, как змея, сворачиваясь кольцами, чтобы подхватить меня, унести вверх и внутрь. Я перекатываюсь на живот. Царапаю аквамариновыми ногтями обсидиановый гранит, пытаясь противостоять стремительному движению пути, который доставляет меня именно туда, куда я не хочу. Но всё бесполезно.

Через пару секунд тропа выплёвывает меня внутрь замка, а затем исчезает вовсе. Как раз когда двери с грохотом захлопываются.

Это гложет меня, источая яд некоего воспоминания, которое я просто не могу уловить. Я зажмуриваюсь. Сжимаю кулаки. Пытаюсь сосредоточиться на эхе этого звука - захлопывающихся дверей замка, - но он исчезает в одно мгновение. И я вынуждена открыть глаза. Вынуждена посмотреть на входную залу.

Чего бы я ни ожидала, это было совсем не то.

Тронный зал цвета угля. Трон из китовых костей.

И теперь… я больше не одна.

На троне сидит мужчина. Он наблюдает за мной с порочной сосредоточенностью. Он смотрит на меня так, словно собирается поглотить.

Если бы у меня остался хоть какой-то пульс, он бы сейчас грохотал. Инстинкт умоляет бежать. Я знаю - знаю отчётливее, чем что-либо другое в этот миг, - этот человек опасен. Этот человек - моя погибель.

И…

Кажется, я знаю его.

- Зефира, - шепчет он.

Он… его голос звучит в точности так, как я воображала. В точности так, как я помнила. Все эти годы. Все те моменты, когда я могла лишь цепляться за слабое воспоминание о нём, могла лишь мечтать о нём, даже когда он был в двух шагах, круша мне грудь. Сердце.

Я падаю на колени у его ног.

Он смотрит на меня сверху вниз, склонив голову. Его зелёные глаза сужаются.

- Я ждал тебя, Зефира.

Затем он встаёт. Высокий, сильный, куда более мускулистый, чем был в последний раз, когда я видела его по-настоящему. Тогда он был мальчишкой. Теперь он мужчина. Белые волосы светятся нимбом над головой, короткие и взлохмаченные, словно он уснул с растрёпанной прической. Словно это преднамеренная небрежность. Но он никогда не был небрежен. Не по-настоящему. Он ухмыляется, один уголок губ приподнимается чуть выше другого, и я перестаю дышать.

Это не может быть правдой. Его здесь быть не может.

- С возвращением домой, - говорит он.

И его имя поднимается во мне, поднимается на волне сожаления, на остром, жестоком воспоминании о моих окровавленных руках, держащих его сердце. Я смотрю на него. Мои колени подкашиваются от страха. От вины. От стыда. И я бы упала в обморок, если бы он не продолжал смотреть на меня, оценивать меня, с ненавистью, горящей в его прекрасном взоре.

С моих губ срывается одно слово. Одно слово, которое проклинает нас обоих.

- Джасин.